Герольд Бельгер

Плетеные чепухи

ТОМ
1

Герольд Бельгер

Плетенье чепухи

ТОМ
1

Алматы
2017

УДК 821.512.122:161.1(574)
ББК 84Рус-44
Б 44

Выпущено по программе «Повышение конкурентоспособности сферы культуры и искусства, изучение и популяризация казахстанского культурного наследия и повышение эффективности реализации архивного дела», подпрограмме «Приобретение, издание и распространение социально-важных видов литературы» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан

Бельгер Г.
Б 44 Плетенье чепухи. – Алматы: ИП «Спанова А.Б.», 2017.
ISBN 978-601-06-4565-3

Т. 1. – 368 с.
ISBN 978-601-06-4566-0

В книгу вошли дневниковые записи казахстанского прозаика, эссеиста, публициста и переводчика Герольда Бельгера, которые он вел на протяжении всей жизни.

557392

УДК 821.512.122:161.1(574)
ББК 84Рус-44

ISBN 978-601-06-4566-0 – (Т. 1)
ISBN 978-601-06-4565-3

© Бельгер Г., 2017
© Общественно-гуманитарный фонд Ермека Турсунова, 2017
© ИП «Спанова А.Б»., 2017

Северо-Казахстанская областная библиотека им. С. МУКАНОВА

Предисловие

Не могу утверждать о том, что я знал Бельгера лучше всех. Это будет неправдой. Но у нас сложился какой-то свой особый разговор, который длился почти тридцать лет.

Тогда еще союз писателей был Союзом писателей. Тогда еще Алма-Ата была Алма-Атой. Тогда и люди были вроде как светлей, что ли. А может, я это уже просто выдумываю. Хотя нет. Так оно и было на самом деле. Город был городом, а люди по большей части были людьми.

Так вот, сидели мы в том самом Союзе писателей с незабвенным Акселеу Сейдимбековым в одном кабинете и готовили к выпуску альманах «Алем» от коллегии по литературному переводу. Помнится, я тогда работал над философским трактатом Шакарима «Три истины» («Үш анық»). Заодно выписывал в отдельную тетрадку непереводимые казахские идиомы и сложные обороты. И когда у меня накопилась солидная подборка «непереводимостей», я поехал к Бельгеру по настоянию того же Акселеу-ага. Он так и сказал: «Иди к нему. Кроме Бельгера в этом никто не разберется».

Я еще удивился: «Какой еще Бельгер? Фамилия вроде немецкая и что, этот немец будет консультировать меня по-казахскому языку?»

Но так оно и случилось. Просидели мы над моими записями несколько часов. Герольд Карлович произвел на меня серьезное впечатление. Односложные слова он щелкал как орешки, а поговорки и обороты сопровождал подробными комментариями. Из того разговора я узнал, что одних только лошадиных мастей у нас свыше шестидесяти. В русском языке некоторых мастей просто не существует. Объясняется это легко.

Вот у нас снег просто белый. А у северных народов у снега сотни оттенков. И дело тут в образе жизни, который и определяет характер языка.

И еще Бельгер сказал, что переводить надо не слова и фразы, а – смыслы и понятия. А за каждым понятием, как правило, стоит мировосприятие целого народа.

Ну вот, скажем, в одном из ауэзовских рассказов автор сравнивает мужскую красоту с благородной статью молодого жеребца. Если переводить подстрочно, то по-русски это прозвучит не совсем корректно. Можно сказать, даже грубо. И таких примеров – миллион.

...Но что-то я отвлекся. Все это, конечно, интересно, но это так, – частности литературной кухни. Важно, что тогда завязался диалог. И длился он, получается, аж до седьмого февраля 2015 года.

Я знаю, что круг общения у Гер-ага был невероятно большой и каждому есть что рассказать. Ведь все к нему шли. И всем нам он был отцом: и правым, и неправым, и белым, и черным, и пушистым, и колючим, и настоящим, и фальшивым. А когда такие люди уходят, трудно подобрать

правильные слова. Ты только чувствуешь, как от тебя откалывается кусок жизни. И его уже не приспособить назад. Не пришить и не приклеить. Вот такая вот беда.

И вот теперь, постепенно возвращаясь из внутреннего оцепенения, попытаться без слез и соплей ответить на вопрос – что же ушло вместе с Бельгером, что он унес с собой, становится совсем грустно.

Мне думается, мы потеряли Совесть. Мы потеряли Достоинство. Честь. Мудрость. Скромность. Все, что составляло многовековой нравственный кодекс Человека.

Дело в том, что Бельгер был в каком-то смысле шырақшы. Это такой – смотритель святого места. Хранитель. Его миссия – следить за тем, чтобы огонь не погас. Люди приходят к нему, чтобы очиститься. Помолиться. Исповедоваться. Вспомнить былое. И это очень важное дело. Далеко не каждому оно по плечу.

К сожалению, нынче на авансцене, переливаясь буйными красками, пестрит визгливый и отдающий пошлостью актуалитет. В цене приспособленчество и ушлаганство, выдаваемое за предприимчивость. Изворотливость и притворство, выдаваемые за прозорливость и жертвенность. Наблюдать все это прискорбно. Нация теряет свой облик. Кровь пожижела. На виду те, у кого громче голос и крепче желудок. И это в купе с дремучим невежеством и отдаленным представлением о культуре. Как правило, все это сдобрено порцией извращенного понимания патриотизма. Или же наоборот – слепым поклонением космополитизму. По

сути это – две крайности. Они не имеют точек соприкосновения, хотя и сосуществуют в одной реальности.

Время выбирает своих героев. Историческая ситуация выталкивает на поверхность тех, чья биография характеризует эпоху. Время неразрывно связывается с именем конкретной личности и эта личность олицетворяет время.

Произнесем, к примеру, вслух: «Бауржан Момыш-улы» и перед глазами возникает образ непоколебимого героя, батыра, искусного полководца. Или вспомним: «Каныш Сатпаев» и перед нами предстает великий ученый. И так – со всеми. Алия, Маншук...Шокан. Мустафа. Алихан. И туда – вглубь веков. Абылай. Джанибек, Керей...Да боже мой, всех разве перечислишь! Много их было. Много.

А чем характерно наше время?

Громкими процессами.

Какие имена первыми всплывают в памяти?

Рахат. Храпунов. Аблязов...И тут же – Заманбек. Алтынбек...

И список каждый раз пополняется. События криминального характера, позорные разоблачения давно уже перестали восприниматься как нонсенс и приобрели характер будничных событий в ленте новостей. Такая вот примета времени.

А что это значит в концептуальном смысле?

Ушли Аксакалы. Носители нравственного кода. Вместе с ними ушел наш многовековой нравственный кодекс Гражданина. На смену им, в порядке очередности, пришли просто люди преклонного возраста, подрастерявшие за последние

двадцать с небольшим лет, остатки человеческого достоинства. Видим мы это практически каждый день. Как им верить?

Атмосфера какая-то удушливая стала. Приторная на слух и горьковая на вкус. Елея многовато. Он разлился по всем властным коридорам и на нем уже многие поскользнулись, попадали и расшибли себе лбы. Впрочем, иные приспособились и вполне благополучно скользят. В основном – по склону вверх. Плохое во всем этом то, что разговоры наши снова переместились на кухни.

К чему я все это говорю?

*К тому, что Гер-ага относился к власти с определенной долей скепсиса. При этом он скорее сочувствовал, чем злорадствовал. Можно сказать даже досадовал. А это – важно. В этом смысле наши мысли во многом совпадали. Я тоже вижу что, корабль наш прочно сел на мель, в нем завелись крысы, хочется помочь, а как? Пиратам так нравится больше. Им невыгодно, чтобы команда взялась за ум и осознала, что так дальше нельзя. Что пора штопать дыры и плыть дальше. Что надо как-то спасать положение, а иначе «дело совсем швах» (**авт. бельгеровское выражение**). И тут не время на деления на правых и на левых, на казахов и неказахов, на настоящих казахов и шала-казахов. Дело в том, что все мы – на одном корабле и пора уже, наконец, понять, что только вместе мы можем сдвинуться с места. А что касается «самых умных», то у них давно уже заготовлены запасные шлюпки и все свое добро они загодя перевезли и аккуратно попрятали за бугром. Так что их мало что тут*

держит. Они в любую минуту попрыгают в свои лодки и «свалят отсюдова» налегке. Иные уже свалили и корчат нам «оттудова» всякие рожицы.

Ну, хватит. Все это не новость и по сто раз говорено. Надоело уже. Важны ответы на вопросы: что делать и как спасать положение?

Об этом часто думал и сокрушался Бельгер.

В наших разговорах Герольд Карлович предлагал, во-первых, отказаться от маркировки. То есть – писать в паспортах: казах. Всем. Как в Америке. Там ведь у всех в паспортах стоит: американец. Гражданин Америки. Как в Израиле, между прочим. В Канаде. Это объединяет. Не бывает шала-евреев или шала-американцев. Там уже дальше, пожалуйста, делитесь.

Обычаи надо чтить. Это свято. А в общем все – граждане одной страны. Полагаю, это разумно. Никто наши жузы и роды не отменит, но в целом мы – один этнос. Крохотный, правда. Миллионов десять по всему миру. И Родина у нас – одна, слава богу. У многих этой родины вообще нет. Возьмите, к примеру, тех же курдов. Их около сорока миллионов бродит по свету. Или цыган. Тибетцев...

Далее.

Бельгер хотел, чтобы экономика по своей важности не довлела над культурой. Платоновский взгляд. Резон в том, что никакая самая распрекрасная и богатая экономика не определит уровень общей культуры. Наоборот, культура определяет сознание нации и государства в целом. Она имеет

определяющее значение. А коли так, то самым главным человеком в обществе является – Учитель. И это понятно. Вторым – Поэт. Носитель Слова. Не те стихоплеты и словоблуды, а подлинный хранитель национального кода. Мыслитель. Философ. Художник. Человек, которому народ доверит говорить от своего имени. Махамбет. Гете. Абай.

Третьим – Лекарь. Врач.

И только потом – казначей.

Десятым в этом перечне должен быть – правитель. Он стоит перед виночерпием.

У нас же этот список перевернут. И это не есть хорошо.

Так говорил Бельгер.

Много о чем нам тепло толковалось в нашем долгом разговоре. И после каждой такой встречи оставалось приятное послевкусие, будто попил воды в горном ручье. А теперь, я почему-то говорю обо всем в прошедшем времени. Непривычно, ей-богу. Так я о нем еще никогда не говорил. Даже сейчас состояние какое-то непонятное. Все произошло слишком быстро. Помню лишь фрагментами.

Шестнадцать дней комы. Томительное ожидание: проснется – не проснется?

*На семнадцатый приехала из Москвы Ира (**ред. дочь**). Он, словно ждал ее, вдруг открыл глаза. Улыбнулся и все...*

Потом – похороны. Народу битком в ауэзовском театре.

Потом – Кенсай. Подобрали место. Как он и хотел: рядом с друзьями. Неподалеку, в шагах двадцати, Кадыр Мырзалиев.

Потом ас – поминки. Люди что-то говорили. Вспоминали по-доброму. А мозг отказывался принимать простую, казалось бы, вещь: его больше нет. Я сам опускал его в могилу.

Нет. Не принимается. Какая-то странная блокировка сознания. Наверное, нужно время, чтобы, наконец, дошло.

Что остается нам?

Память. Как завещание.

Эта славная жизнь начиналась очень горько. С несправедливости и ссылки. Затем был путь беспримерного мужества и борьбы с болезнями и косностью. Затем – долгая писательская дорога. Миллионы исписанных страниц, сотни тысяч слов. Мыслей. Откровений. Заканчивалась эта жизнь в атмосфере всеобщего признания и почитания. И теперь уже можно с уверенностью говорить о том, что это была прекрасная жизнь. Честная. Достойная. Уникальная.

Что я еще могу сказать?

Мы собирались издать с ним четыре тома «Чепухи». Вместе.

Не получилось – вместе. Но книги вышли. И мне думается, что это правильно. Хорошие книги должны жить долго.

И последнее.

Он всех нас любил. Он всем нам завещал быть людьми. Несмотря ни на что. Наверное, это самая трудная задача в жизни каждого. Сохранить в себе человека. Бельгеру это удалось. Получится ли у нас?

Ермек Турсунов

Тетрадь тринадцатая

* * *

Писатель Дмитрий Быков («Известия» от 15.04.10) делит русских поэтов на: 1) обладающих врожденным ощущением правоты и 2) обладающих врожденным ощущением неправоты. К первой категории он относит Державина, Лермонтова, Льва Толстого, Ахматову, Мандельштама, Солженицына, Бродского. В них, мол, чувство миссии, величия. Ко второй категории Быков относит Батюшкова, Пушкина, К.Леонтьева, Блока, Маяковского, Цветаеву, Слуцкого, Синявского, Льва Лосева.

Любопытное деление. Интересный подход. Что-то в этом есть.

К первой категории – к обладателям врожденного чувства правоты – я бы отнес еще «нашего» Олжаса Сулейменова, всегда и во всем искренне убежденного в своей исключительной правоте и планетарной глобальности. Таков характер его личности и таланта.

* * *

На днях одно издательство передало мне несколько книг в пакете, на котором крупно выведено: «Думай глобально».

Хороший призыв. Но я до глобальных масштабов мышления никак не могу подняться. Пурхаюсь в локальности.

Настраиваясь на глобальный лад, задал сам себе несколько вопросов:

– Кто спасет мир от ядерной угрозы?

– Кто выведет мир из вселенского экономического кризиса?

– Кто возьмется хранить ядерные отходы?

– Кто обеспечит Европу безопасностью и правами человека?

– Кто удивит мир своими успехами во всех областях человеческого бытия?

– Кто в состоянии прокормить всю планету?

– Кто купается в мире и благоденствии?

– Кто больше всего получает инвестиций?

– Кто, несмотря на мировой кризис, процветает изо дня в день?

– Кто по образованию впереди планеты всей?

– Кто каждый год проводит медиафорумы?

– Кто продает свои земли и недра налево-направо?

Ответ подсказал мне «Хабар»: Казахстан, Казахстан, Казахстан!

Вот это, должно быть, и значит думать глобально.

Глобально думать хорошо, но лишь бы не переглобалить...

* * *

Все на свете уже кем-то сказано. Сплошь и рядом говорят: «Лучше поздно, чем никогда». У казахов шикарный адекват: «Ештен кеш жақсы». Но кто это впервые сказал? Оказывается, Тит Ливий. А я и не знал. А, может, и до него кто-то изрек?

«Истинный друг познается в беде». Тоже банальность, трюизм. А произнес эту сентенцию впервые якобы Цицерон.

«Прекрасное недолговечно». Кто сказал? Гомер. Давно замечено: «Чем больше денег, тем они желаннее». Кто-то приписывает эти слова Кулибаеву, а их автор, оказывается, Ювенал.

«У короткого ума – длинный язык». Я думал, что это сказал советник Е.Е., но, выяснилось, что впервые это произнес Аристофан.

* * *

Книгу эту – «Старик и Ангел» неведомого мне киргизского автора Талипа Ибраимова – передала мне давняя знакомая из журнала «Vox populi». Журнал этот издает иногда весьма примечательные книги. В последнее время я в свое удовольствие предпочитаю читать толстенные фолианты древних классиков и философов, и потому с некоторым сомнением принялся листать повести незнакомого автора на современную тему. Первая же повесть – «Ангел» – меня увлекла, и я, что называется, за два вечера «проглотил» все пять повестей.

Автор пишет на русском языке. У него динамичный, образный, упругий и точный слог, слегка окрашенный киргизским флером, свежие образцы, неожиданные характеры, сложные, изломанные трудным бытом судьбы, нередко экстремальные ситуации, кинематографическое видение, монтажная композиция, пронзительно печальная интонация, мастерски выстроенные диалоги, красочные описания, чувство описываемого времени. Все это увлекает, завораживает, очаровывает, манит читателя, заставляет сочувствовать, сопереживать его героям, следить за их крученой судьбой, за их поступками-выходками, за их живой, порой шероховатой речью. Сценарность его прозы очевидна, но именно это качество придает ей особый шарм. Некую зрелищность, «крутость», неожиданность, драматичность. Основная, сквозная тема всех повестей – Любовь во всех ее вариациях и странностях. Именно она, любовь, возвышенная, роковая и земная, выявляет суть характеров и судеб на фоне красот киргизского ландшафта и психологической ментальности народа.

Автор меня всерьез заинтересовал. И мне любопытно: написал ли он что-нибудь еще? И немного боязно: а вдруг все последующие его вещи станут перепевом этих пяти своеобразных, художественно убедительных повестей...

Книга Талипа Ибраимова «Старик и Ангел» принесла мне удовольствие и радость.

* * *

Встретился давний знакомый, бывший замминистра. «Как ты думаешь, – говорит, – в скольких партиях состояли наши депутаты?» Я как-то о том не задумывался. «В среднем в четырех». Неужели? «Точно. Я специально интересовался». А один, очень известный, за свою политическую карьеру пребывал даже в семи партиях.

Начали совместно считать. Сначала, понятно, он был в коммунистической партии, затем перешел в социалистическую, потом – в ПНЕК (Партия народного единства Казахстана), потом, по каким-то соображениям, – в кооперационную, профсоюзную (была и такая), далее, по мере актуальности, стал членом партии «Отан», затем – «Асар», потом – вновь «Отан», потом – «Нуротан». Апырай, а! Крупный государственный деятель. За сорок лет состоял в семи партиях. Только в «Руханияте», кажется, не был. Теперь он не у дел, и, возможно, вступит в партию «Зеленых».

Ну, и что тут скажешь? Как к этому относиться? Только, по-казахски говоря, от удивления хватаешься за воротник. Видно, так у нас, в Казахстане, и делается карьера.

Как в «Свадьбе в Малиновке»: красную шапку напялил – красный; белый колпак нацепил – белый.

Фарисеи! А еще в храм прут...

* * *

То, что втюхивает в наше сознание канал «Хабар», – подобие коммерческого секса низкого пошиба. Цель «Хабара» – оболванивание, одурманивание, манкуртирование зрителя.

* * *

Когда-то твердили: «Партия и Ленин – близнецы-братья» Такие же близнецы – политика и вранье.

* * *

Кружится-кружится всезнайки-пенсионеры у подножья памятника Чокану и ведут нескончаемые политбеседы.

«Ай, дегенмен наш саруар не простак. Могуч! Заставил-таки себя уважать».

«О да, кто бы спорил!»

«Запросто беседует с самыми-самыми на любых саммитах».

«Да что там беседует?! Заводилой становится. Все ему в рот заглядывают».

«Ия, ия, маладес! У него есть... эта самая... как ее?..»

«Харизма».

«Да, да, тура! По-казахски: пысы басады».

«Вы заметили? На саммите сам Обама два раза его по плечу похлопал».

«Да, два раза! Один раз по плечу, один раз по спине».

«Одобряет, значит».

«Ия, ия... А как руку тряс! Как улыбался!»

«А когда все вместе фотографировались, так этот Обама протиснулся к нашему саруару и встал-таки по левую руку».

«Символическая картина! У меня аж мурашки по спине...»

«Отчего?»

«Ну, это... от гордости. Что бы американский президент перед нашим саруаром так лебезил... знаешь».

«А ты еще не читал, что́ сказал Обама?»

«А что?»

«Ойбай... сказал, так и сказал: «Если бы Назарбаев не приехал в Америку, вряд ли бы этот саммит состоялся».

«Где сказал?»

«Да прямо по «Хабару».

«Вот это да! Вот это признание!»

«То-то и оно! Это мы здесь, в своем ауле, ничего не знаем. А мир-то вон как думает!»

«Апырай, в самом деле! Ходим-ходим здесь возле Чокана, пенсию получаем, небо коптим, на ворон глазеем, а истинное положение дел не знаем».

5573392

Северо-Казахстанская областная библиотека им. С. МУКАНОВА

«Надо, видно, меньше дурных газет читать».

«Конечно! Лучше вообще не читать. А, попивая чай, «Хабар» смотреть».

«Уай, а времени-то сколько?»

«Скоро пять»

«Тогда по домам. Поговорили и ладно. На сегодня хватит».

И старики, удоволенные, разбрелись кто куда.

* * *

Все на земле имеет свой предел...

Да, старая истина. Но иные людишки о том не думают. Особенно те, кто дорвался до власти. Им все мало, мало, и чудится им, что уж они-то живут вне закона бытия.

Итак:

«Все на земле имеет свой предел, и самые могущественные и радостные падают в своем величии и радости и повергаются в прах. Весь земной шар – только большая могила, и нет ничего на его поверхности, что бы не скрылось в могиле под землею. Воды, реки и потоки стремятся к своему назначению и не возвращаются к своему счастливому источнику. Все спешат вперед, чтобы похоронить себя в глубине бесконечного океана.

Того, что было вчера, уже нет нынче; и того, что есть нынче, не будет уже завтра. Кладбище полно прахом тех, которые когда-то были одушевлены жизнью, были царями, управляли народами, председательствовали в собраниях, предводительствовали войсками, завоевывали новые страны, требовали себе поклонения, раздувались тщеславием, пышностью и властью.

Но слава прошла, как черный дым, выходящий из вулкана, и не оставила ничего, кроме упоминания на странице летописца.

Великие, мудрые, храбрые, прекрасные, – увы! – где они теперь? Все они смешаны с глиной, и то, что постигло их, постигнет и нас; постигнет и тех, которые будут после нас.

Но мужайтесь вы все – и знаменитые начальники, и истинные друзья, и верные подданные, – будем стремиться к тому небу, где вечно и где нет ни гниения, ни уничтожения.

Темнота – колыбель солнца, и для блеска звезд нужен мрак ночей».

Истина эта очень созвучна мне, но выражена не мною. Сказано это не вчера, не сегодня, а около 1460 года до рождения Христа. Сказано неведомым Тетскуко Незагуал Копотлем. В «Круге чтения» Льва Толстого этот текст помечен: «Из завещания мексиканского царя» (М. Рипол классик, 2004, стр. 611).

И что изменилось за три с половиной тысячелетия? Шибко ли поумнел в своем прогрессе Homo sapiens?

* * *

Или вот еще пример неувядающей мудрости.

«Настали тяжелые времена, прогневались боги, дети больше не слушаются родителей, и всякий стремится написать книгу».

Господи, это же о нашем времени сказано! То, что всякий стремится написать книгу, – это ж сущее бедствие наших дней.

А между тем это дошедшая до нас вавилонская надпись, сделанная 2000 лет до нашей эры!

Ну, и что тут скажешь?

* * *

Я считаю, что лидер нашего государства (по-казахски: саруар) – несомненно, политик. Не только опытный, но исключительно удачливый. А самый удачливый политик, по определению Т.Рузвельта, это тот, кто чаще всех и громче всех повторяет общеизвестное.

Удача – дама строптивая. Но нашего саруара она облюбовала давно Вероятно, есть за что.

* * *

И еще я заметил: большой политик нередко оборачивается обузой для народа. В чем дело? Видно, в том, что у большого политика и промахи великие. Благие намерения странным образом становятся злом. Такова диалектика бытия.

* * *

Не могу вспомнить, выделило ли наше правительство деньги на борьбу с коррупцией. Если да, то напрасно, ибо некий Стас Янковский резонно заметил: «Выделять деньги на борьбу с коррупцией – это то же самое, что выделять водку на борьбу с пьянством».

* * *

Трудно мне определить, куда идет Казахстан, но одно мне ясно: хвастовство доведет нас до ручки.

* * *

Узнал из газет, что в США возобновился судебный процесс под названием «казахгейт». Сколько он тянется? Девять лет! Девять лет американское правосудие никак не может решить, давал ли некий Гиффен внушительную взятку нашим благодетелям-сардарам или нет. Вьется, вьется веревочка, и конца-краю ей не видно.

И в связи с этим вспомнился мне покойный Исаак Иванович Попов, бывший замминистра культуры Казахстана, приятный собеседник, склонный к юмору.

Приходил, он бывало, к нам, завсегдатаем гайд-парка у памятника Чокану с неказистым, непонятной породы кобельком на длинном поводке. Кобелек был спесив и высокомерен, горд своим хозяином. «Вот зверь! Ой, зверь!» – посмеивались мы над деловито семенящим рядом с долговязым, сухопарым Исааком Ивановичем крохотным песиком. «А вы не смейтесь! – с деланной обидой говорил хозяин. – Я с ним, представьте, на кабана хожу». «Как это?!» «А он сноровист и ловок. Незаметно подкрадывается к кабану сзади и цап его мертвой хваткой за... мошонку. И кабан от растерянности ни туда, ни сюда. Бери его голыми руками». Мы смеялись. «Ай да песик!»

Нечто подобное происходит и с «Казахгейтом». Американский песик намертво ухватился за мошонку Казахстана и иногда чуточку разжимает челюсти, а потом снова сжимает так, что хоть вой. По политическим обстоятельствам. И тянется эта катавасия девять

лет. И наверняка еще столько же протянется. А то и больше. По мере надобности. Попал бедный Казахстан в американский капкан. И чем это кончится? Песик либо подохнет, либо все же мошонку оторвет. А без мошонки какой кабан?!

03.05.10

* * *

Я знавал, знаю и сейчас немало славных казахстанских азаматов, которые искренне, до боли в сердце, всей душой ратовали и ратуют за благоденствие родной страны, соотечественников и соплеменников. Любили и любят родную речь, бескрайние просторы, священный дух предков, испытывали и испытывают гордость за свою историю, знали и почитали родной фольклор, батырские дастаны и лиро-эпический эпос старины, богатое и уникальное искусство, обычай и нравы номадов, неизбывно болели и болеют за все подлинное национальное, казахское. Это ведь так понятно, так естественно. И это и есть элементарное патриотическое чувство.

Дай Бог, чтобы я ошибался, но упорно чудится мне, что ныне это благородное чувство значительно потускнело, поблекло, размылось. Замечаю: от слов «Казахстан», «Земля отцов», «Край родной» у многих не замирает душа, не трепещет сердце, не лучатся глаза. Особенно у тех, кого считают отцами-благодетелями народа, сливками общества, «ығай мен сығай», избранниками нации. Внимательно, пытливо вглядываюсь в лица наших депутатов, членов правительства, президентского окружения, крупных акимов и средних акимчиков. И не вижу у большинства из них ни национальных чувств, ни боли-сострадания, ни благой гордости. Одни доллары, одна нажива, одни низменные, шкурные интересы, мелкие меркантильные вожделения плещутся в их мерцающем взоре. То же и в их речах, поступках, поведении. Цап-царап – и в кусты; хвать-похвать – и за кордон. Вот высшая цель. Идеал. Страна, родина – лишь объект для воровства. Природа, богатство, люди – лишь удобства для тотального грабежа.

О каком патриотизме речь?

Очень меня все это огорчает.

Да, они, эти «игі жақсылар», элита весь Казахстан раздерут, аки волки, проглотят его с потрохами и не подавятся, продадут на корню все недра, всю степь, горы, озера, реки, ущелья – все-все за доллары, за сомнительные инвестиции; наживаются на людской беде, взвинчивая цены, на пожарах, на наводнениях, на землетрясениях. С родной страной, с ата-мекеном обращаются, как пришельцы-оккупанты. И все это видят. И вырастают не патриоты, а – с одной стороны – страшное шакалье племя, которое только и может, что хапать и набивать свои ненасытные рогожные утробы, – с другой – байгуши-сорлыбаюшки, нищеброды-кедеи, обкраденные до ниток.

(Замечу в скобках: особенно досадно, что эта зараза повсеместно распространилась именно в эпоху так называемой независимости. Как такое случилось? Ведь Елбасы нацеливал народ совсем не на это!)

Так, кто патриот? От кого требуется священное чувство патриотизма?

Неужели я заблуждаюсь? Драматизирую?

Не знаю, не знаю...

Что-то неспокойно, тревожно, смутно на душе.

Кому повемь печаль свою?

* * *

Накануне Дня победы (65-летие) позвонили из горакимата, уточнили какие-то данные для какого-то списка, спрашивали, отношусь ли я к труженикам тыла. Ну, какой я труженик тыла? Началась война – мне было почти семь лет. Кончилась – не было еще одиннадцати. Правда, мои аульные ровесники в колхозе что-то делали: колосья собирали, быков водили, хлеб молотили, сено, воду возили, коровники чистили. Я в колхозе не работал. Колосья собирал не по нужде, а за компанию. Подсолнух шелушил тоже по случаю, в сезон. Весенний пал тушил. И все.

Зато вместе с отцом собирал для фронта лекарственные травы: крапиву, ромашку, солодковый корень, боярку, шиповник, хмель, подорожник, что-то еще.

Отец – коммунист, завмедпунктом – твердо полагал, что задание надо не только выполнять, но и перевыполнять. И мы старались. Перевыполняли. Собирали травы, тщательно сортировали, сушили, складывали по мешочкам и пакетам, коробкам и баулам, взвешивали и отвозили в райцентр. Отец каждый год получал благодарность. А мне говорил: «Половина твоя».

Таков мой вклад в Победу. О том я написал в ранней своей повести «Перед далью». А работнику акимата говорить ничего не стал. Ну, там, видно, решили, что юбилейной медали я не заслуживаю. Я и не спорю, хотя мои ровесники эту медаль носят с гордостью.

* * *

Точно такой медиафорум проводим мы, горстка пенсионеров, ежедневно совершающая моцион возле памятника Чокану. С той же тематикой. С тем же накалом. С тем же результатом. Но без каких-либо государственных затрат. И без помпы-показухи.

Какой след оставил этот так называемый медиафорум? Никакой! Велик ли от него престиж страны? Нуль! И для чего его провели? А так... чтобы сотрясать воздух. Пустить пыль в глаза. Малость пошуметь. Народ дурить. Позабавиться-покрасоваться. А то скучно как-то. И дурных денег девать некуда. Надо пустить на ветер.

Запомнилось только одно: некий вольный художник точно определил суть форума – «Көп сөз – бос сөз». В газетах это давнее казахское изречение перевели «Слова на ветер». Это очень приблизительный эвфемизм. Точнее будет: «Много слов – дерьмо». Такова истинная оценка медиафорума.

Все я прекрасно понимаю. Не понимаю только:

а) почему это унылое шоу называется медиафорумом?

б) много ли толку от «ля-ля» разных встречных-поперечных?

в) зачем нужно так унижать, позорить Казахстан?

01.05.10

* * *

Вообще-то в своих «Плетеньях чепухи» я не только умеренно обличаю социально-общественные пороки, но и посильно размышляю вслух о том, о сем, назидаю и просвещаю, делюсь сокровенным. В этом я вижу свою писательскую задачу и смысл моей «Чепухи». Я не политик, не политолог, не социолог. Зачем мне лезть в чужой огород? Я возделываю свою грядку: говорю о – преимущественно – литературе, культуре, языковых проблемах, морально-этических вопросах, житейских наблюдениях, иногда – об истории, философии, педагогике, национальном бытовании. У меня есть потребность поделиться своими раздумьями с читателем. И читатель вроде меня понимать. Ну, и ладненько. «Хоть мы в тревоге, от забот бледны» (Шекспир), но в доверительной беседе есть резон.

* * *

Видно, нужно прожить немало лет, чтобы осознать, что живешь вообще-то не человеческой, а животной жизнью. С высоты своего нынешнего возраста я убеждаюсь в том, что животной жизнью живет большинство людей. И отсюда все трагедии.

* * *

Амбициозностью, тщеславием поражены многие. Особенно подвержен им пишущий люд – «чернильное племя» (Л.Леонов). Я ведь с этим племенем тесно общаюсь не один год – полвека. Знаю, что́ говорю. Среди них, понятно, встречаются даровитые экземпляры, которые тщательно скрывали (скрывают) свое тщеславие, самолюбие, стараясь казаться простыми и скромными. Тщетно! Все старания получались натужными, показными. И потому особенно бросались в глаза и производили крайне неприятное впечатление. Редкие искусство и талант – оставаться самим собой. Большинство людей – особенно из разряда творческих – играет чуждые им роли. Меня лично лицедейство всегда раздражает. Наигранность претит.

* * *

Написав роман «Зов» и вывернув тем самым, так сказать, душу наизнанку, я думал, что избавился от душевной смуты и боли, которые меня преследуют с малых лет.

Ан нет! Не избавился. Напрасные надежды.

О чем речь?

О репрессии, тотальной депортации российских немцев в 1941 году, о гибельных указах и секретных распоряжениях властей, национальных унижениях и ограничениях, о политике методического уничтожения законопослушного, работящего, смиренного народа, веками служившего России верой и правдой.

Удар был подлый и коварный. Сталинская месть за подлость и коварство Гитлера.

Саму депортацию я помню до мелочей. И, разумеется, в том хрупком возрасте (мне было неполных семь лет) я не понимал и не мог понимать всю трагедию, обрушившуюся на руссландойче, к которым принадлежал и продолжаю принадлежать я.

Но примерно в 11-12 лет, я аульный подлеток-подранок, учащийся в аульной казахской школе, уже не смутно сознавал, что самая справедливая советская власть поступила с нами, советскими немцами, не только НЕСПРАВЕДЛИВО, но и неоправданно, цинично жестоко.

Отнюдь не мы должны были отвечать за злодеяния Шикльгрубера и его камарильи.

А в 16 лет, когда меня, сына коммуниста, отличника учебы, общественника-комсомольца, взяли под бдительный надзор спецкомендатуры, я испытал потрясение. Я понял определенно, что государственная машина мою судьбу изуродовала и сломала.

Нас, державно униженных, было немало: немцы, поляки, чеченцы, ингуши, кумыки, карачаевцы, турки, крымские татары, калмыки, греки – о, всех и не перечислю.

То, что нас, неблагонадежных, было много, не утешало. Потом кое-кому вышло послабление, но советских немцев неуклонно, последовательно мурыжили вплоть до их массового исхода в Германию.

В личном плане я, можно сказать, не должен жаловаться. Физически унижен, угнетен не был. А до душевных терзаний кому какое дело? Спасали меня мои родители, аул, казахи, счастливые обстоятельства. Я обрел-таки, хотя и с мытарствами и злоключениями, высшее образование, одним из первых среди соплеменников получил паспорт, одним из первых был снят с комендантского учета, поэтапно настойчиво выбился в люди.

Так в чем дело?

В том, что боль осталась со мной. Навсегда. Со мной трагическая судьба народа, частицей которого являюсь. И пепел Клааса неизбывно, неотступно стучит в моем сердце.

И тут ничего не поделаешь. Тебя лишили родины, судьбы, национальных корней, ментальности, языка, культуры, душу и память абортировали, измололи, измытарили. И забыть эту великую несправедливость я не могу, не в силах до скончания дней своих.

И не менее трагично то, что эту мою боль понять не могут. Не желают. Не хотят.

Колокол моей судьбы разбили, и он теперь издает только глухой, скорбный стон.

Так и влачу свое существование.

05.05.10

* * *

Вот поучительная сентенция из Талмуда:

Кто мудр? – У всех чему-нибудь научающийся.

Кто силен? – Себя обуздывающий.

Кто богат? – Довольствующийся своей участью.

* * *

В «Круге чтения» Льва Толстого натолкнулся на такую его фразу:

«Чем больше торопишься, тем меньше успеваешь». Житейский опыт подсказывает правдивость этих слов.

Тут есть перекличка с А.Нурпеисовым. Его любимая фраза: «Не торопись. Как бы ни торопился, все равно опоздаешь».

Ануар Алимжанов, играя в шахматы, приговаривал: «Вот так. Торопыга не надо». Правда, играл суетливо, импульсивно.

* * *

Я помню долгую возню в верхах по поводу продажи земли. Одни говорили с пафосом: «Земля – что родная мать. Матерью не торгуют». Другие утверждали: «Земля – товар. Ею следует торговать».

В Казахстане победили торгаши. Землю стали продавать. Правда, разное жулье прибрало ее к рукам еще до принятия закона.

И когда шла дискуссия о земле (разумеется, для отвода глаз), я еще не знал мнения Льва Толстого на этот счет. А он сказал: «Нельзя без большого греха участвовать в продаже, покупке, закреплении, управлении земельной собственностью».

Но разве для наших власть имущих Лев Толстой – авторитет?

* * *

В другой раз Лев Николаевич выразился еще более точно: «Земля так же мало может быть предметом купли и продажи, как и личность человека. Продажа и покупка земли есть только скрытая продажа личности».

Чихать хотели наши доморощенные ландскнехты и латифундисты на мнения мудрецов. Их кумир – доллар. Измерение всех ценностей – доллар.

* * *

Люди мало меня знают, но меня это не печалит. Это значит, что и мне их знать необязательно.

* * *

Амбициозность писателей давно стало притчей во языцех. Болезненно самолюбивое, тщеславное племя. Есть казахский фразеологизм: «Он не позволит тебе ухватиться за гриву». Это в полной мере относится к писателям. Сказать правду об их творениях –

рискованно. Сразу загривок дыбом. Сразу лезет в бутылку. Сразу взбрыкнет, как неук. Хвост торчком. Среди моих казахских коллег один считает себя «бірегей» – единственным, неповторимым. Второй давным-давно объявил себя классиком, Бальзаком. Третий – патриарх и корифей. Ни больше, ни меньше. Четвертый – белокрылый сокол-сункар. Пятый – мустанг-тулпар. Шестой – дарабоз. Седьмой – паровоз. Восьмой парит над Алатау. Девятый – академик. Уах, уах! Попробуй о них сказать что-то не то. Затопчет, размажет, по судам затаскает. От спеси раздуваясь, того и гляди – лопнет. Ойбой, пәлесінен аулақ!..

И поневоле подумаешь: е-е-е... бог с вами, живите, как хотите. Лучше вас обходить за три версты. Ну, а при случайной встрече, чтобы не нарваться на неприятность, разумно сразу заявить: «Ты – гений. Все эти Гете, Пушкин, Абай, Манн рядом с тобой – тьфу! Ты всех на две головы выше». И тогда, довольный, он пройдет мимо и оставит тебя в покое. Ей-ей, я стал их бояться в последнее время.

* * *

Странно: я вроде с давних пор нахожусь в тесном общении с представителями казахстанских разноязычных СМИ, а с журналистом Амантаем Дандыгуловым, главным редактором «Новой» – Казахстан», сталкиваюсь впервые.

Тем приятнее знакомство и мое удивление.

Прочитав серию его статей на актуальнейшие, животрепещущие темы нашего времени, я с высоты своей скромной колокольни убедился, что он – крепкий, гражданski мыслящий, широко эрудированный, порою хлесткий журналист-аналитик, обладающий четким, образным русским слогом, бойким, острым пером, ясной логикой, открытым, смелым взглядом.

Я узрел в его писаниях созвучие с моими мыслями и представлениями о том, что происходит в нашем обществе, в нашей среде, в нашей шаткой и зыбкой сфере. Мы дышим одним воздухом. Воздухом нашего настоящего. Воздухом единого Времени.

Амантай – не фиксатор пыли бытия. У него есть свой надежный штандпункт. Он умело выхватывает из быстротекущего, мутного потока хаотического Хроноса суть явлений и проблем, характеризующих нашу боль, наши тревоги и надежды. И эту суть он рассматривает в исторической перспективе, сквозь толщу времен, прибегая к мифическим, историческим, литературным реминисценциями и аллюзиям. Кругозор его видения широк. И пульс Времени он нащупывает точно. Это говорит о культуре и эстетике его журналистского дара. Он выражает себя энергично и лапидарно, подкрепляя свои выводы и наблюдения меткими казахскими фразеологизмами.

Стиль его подкупает.

О чем бы ни писал Амантай Дандыгулов – о трайбализме в Казахстане как проклятие богов; о потомках Чингисхана глазами Макиавелли; о духовенстве, за восемнадцать лет независимости так и не отыскавшем для себя ответы на главные вопросы: кто мы? где мы?; о наползающей тени Терминатора; о псевдокультуре и застое; о Таможенном союзе; о драконе, дремлющем в виртуальных объятиях; о государях-правителях; о Темучине и миссии в Кабуле; об изъянах медицинского цеха в Казахстане; о партии власти и прочих карликовых партиях; о проблемах физической культуры и спорта в стране; о невыученных уроках отечественной элиты; об оралманах, униженных и невостребованных; о трагических событиях в Кыргызстане, их уроках и последствиях, – он неизменно конкретен и полифоничен, убедителен, откровенен, исповедален. Он анализирует, обнажает нерв явления, обнаруживает подспудные течения и камни преткновения, тревожит, будоражит читателя, предупреждает, предрекает, размышляет, погружаясь в глубь истории, сопоставляет, сравнивает.

Этим он, безусловно, интересен.

Он констатирует: «Самое слабое место казахстанцев – это опасное разобщение и расщепление именно титульной нации: по кланам, жузам и родам. Никто не спорит, уважать права всех этносов, всех тех, с кем мы живем бок о бок десятки лет, – это признак

в первую очередь нашей собственной цивилизованности. Однако в интересах всех казахстанцев, на мой взгляд, сначала надо сцементировать в единую нацию самих казахов, остановить часовой механизм этой мины замедленного действия».

Он предупреждает: «Пушка уже заряжена, и эйфория отечественной элиты может стать фитилем к непредсказуемым событиям. Как показывает практика, осечка исключена. Из киргизских потрясений наш истэблишмент просто обязан извлечь пусть горький, но полезный урок: обитателям властного Олимпа необходима комплексная прививка».

Сказано изящно, но жестко.

Я читал статьи Амантая Дандыгулова с карандашом, сделал много пометок. В его работах обилие ярких выражений, мудрых замечаний, эффективных цитат, блестящих слов-озарений.

Читатель в том сам убедится.

Я понял, что автор намерен издать эти работы отдельной книжкой. Я приветствую это намерение и желаю автору всяческих удач. Наше время, наше общество очень нуждается в подобных честных и нелицеприятных свершениях.

* * *

Узнал из газет: на 89-м году жизни скончался выдающийся переводчик Соломон Апт. Имя это мне известно лет пятьдесят. Он переводил на русский язык Томаса Манна («Иосиф и его братья», письмо, статьи), Германа Гессе («Игра в бисер»), Роберта Музиля, Бертольда Брехта, Макса Фриша, Франца Кафку, античных авторов – Эсхила, Еврипида, Аристофана, Платона, Минандра, Феогнида. В ЖЗЛ издал биографию Т.Манна, написал уйму статей и прекрасную книгу «Над страницами Томаса Манна». Переводчик был блестящий. В свое время я не раз участвовал в переводческих семинарах в Москве, Ереване, Алматы, но Соломона Апта не видел ни разу. Жил он анахоретом.

Газета «Известия» дала его фото. Апт сидит в кресле в рабочем кабинете. В черном свитере. В джинсах. Спокойное, благородное

лицо. Под фото текст: «Переводы Соломона Апта часто были лучше великих оригиналов».

Меня это насторожило. Ведь если его переводы были лучше великих оригиналов (скажем, Томас Манна или Германа Гессе, немецких классиков и нобелевских лауреатов), то Апт не был переводчиком, а украшателем, спонсором, «улучшателем», «приписчиком». Выходит, он улучшал оригинал, приукрашивал на свой салтык, редактировал, излагал по-своему. После такого заявления я имею право сомневаться в русском Манне или Гессе, т.е. я читаю не их, а украшателя, улучшателя Апта, его вариаций. А мне, читателю, это ни к чему. Мне не этого хочется.

Принципиально разные вещи.

Меня не прельщает перевод, который лучше оригинала. «Вышивания» по чьему-то тексту мне совсем не интересны. Если оригинал дерьмо, зачем же из него делать конфетку?

Хвальба в адрес Соломона Апта обернулась хулой. Но я-то знаю, что Апт – великолепный **переводчик**, а не интерпретатор-украшатель.

* * *

Опытный издатель, блестящий переводчик, бывалый человек Абильмажин Ж. по какому-то поводу заметил в кругу компаньонов по прогулке: «Создатель, Аллах-Тағала, не жалует хвастунов-бахвалов. Он их тут же наказывает. Приведу вам два примера. Когда поэту Жаппару О. исполнилось 81 год, он, выступая на сцене Дома литераторов, стал взахлеб говорить о своей легкости, стройности, подтянутости и, распаляясь, принялся вдруг пританцовывать вокруг трибуны, демонстрируя свою ловкость и гибкость. Зал поразился. «О, Аллах, что происходит с этим стариком? Что за бес вдруг в него поселился?!»

Жапеке с трудом утихомирился, перевел дыхание.

Через два дня прямо во дворе своего дома его сбила машина. Он сломал ногу, сильно ушибся и несколько лет не мог даже выходить из квартиры. Так и скончался на 90-м году жизни, лишенный возможности передвигаться.

Бог не простил его минутного бахвальства.

А вот второй случай. В 1973 году маститый Сабит Муканов, встретив Абильмажина, директора издательства, неожиданно спросил: «Ты не сомневаешься, что я проживу до 80-ти?». «Ничуть! – ответил искренне Абеке. – Вы бравый и крепкий. Для вас и 90 не предел. Тем более Вы годами находились рядом с Джамбулом. Есть у Вас на кого равняться».

Сабе ответу издателя обрадовался.

«Ну, коли у тебя сомнения нет в том, что я доживу до 80-ти, то ты издай к тому сроку мой десятитомник. Мухтар издал пятитомник в Москве. Меня же устроит и «Жазушы». Дай слово, что ты издашь десять томов моих произведений».

«Какой разговор, Сабе! Представьте только диспозицию».

«Нет, бала! Творчество мое ты знаешь, сам прикинешь содержание».

«Хорошо, Сабе! Я ведь вырос на Вашем творчестве. Знаю! Два тома выделю на поэзию, остальные – на прозу, публицистику, драматургию».

«Прекрасно! А то Кунаев выдели мне только 17 томов (я просил 32). И издал их как избранное. А оно оплачивается, как переиздание. Десять томов ты издашь, как собрание сочинений, а оно оплачивается, как первое издание».

Сабит Муканов говорил уверенно и убежденно. В своем грядущем через семь лет 80-летии он ничуть не сомневался.

Ровно через две недели после того разговора он попал в больницу и скончался.

Вот так, – заключил свой рассказ Абеке. – Аллах-Тағала не терпит никакого бахвальства, самомнения и самоуверенности. Во всем необходимо считаться с его всевышней волей. Он один распоряжается человеческими судьбами. Надо быть скромным, кротким и всегда говорить: «Құдай бұйырса!» – «Если на то будет господня воля!».

* * *

Саркастическое, ядовитое стихотворение в «Жас алаше» (27.05.10) опубликовал крупный, махамбетовской школы поэт Темихан

Медетбек. Называется «Два монолога подхалима». Первый монолог звучит по-русски в подстрочном переводе так:

Не уходите!
Если уйдете –
Вселенная
Треснет пополам.
Не уходите!
Если уйдете –
Захлестнет потопом
Весь земной шар
Северный Ледовитый океан.
Не приведи господь:
Тогда лишится покоя
И Тихий океан.
И вся Африка,
Вся Азия
Вся Америка
Вся Европа
Окутаются в траур, в туман.
Не уходите!
Ведь сейчас планета Земля
Не вокруг Солнца
Вокруг Вас вращается.
Вы сейчас Железный кол –
Полярная звезда
На небе.
И вся Вселенная
Привязана к тому колу.
Заклинаю: не уходите!

Перевод второго монолога подхалима неподвластен моему перу.

Говоря о поэзии Иосифа Бродского, лауреата нобелевской премии, некоторые критики прибегают к определениям: «негативизм», «мизантропия». Видимо, подобные элементы не чужды и

казахской поэзии. Замечаю: «протестных» поэтов в ней не один десяток.

* * *

Заговорили о современной казахской литературе. Я склонен больше видеть ее достоинства. Знакомый литератор кривит губы.

– Ит жоқта шошқа үреді. В отсутствии собаки лает свинья.

Он это сказал так убежденно, с таким напором, что я поневоле задумался.

* * *

По словам того же собеседника, у других все лучше: и в экономике, и в культуре.

Я привел казахскую поговорку: Көршінің тауығы қаздай, қатыны қыздай.У соседа куры, как гуси; а баба – целка.

* * *

Как понять, как трактовать загадочные строки Новеллы Матвеевой (ЛГ, № 20/10):

– Есть хаос концов (кем правит Кощей).
Есть хаос начал, – зарожденья вещей.

Я живу 76-й год на белом свете. Вполне познал хаос начал. А теперь, кажется, присутствую при хаосе концов.

Вот строки из другого стихотворения Новеллы Матвеевой:

– Закройте лавочку! Остановите беды, –
Все беды, до одной!
На что вам пирровы (вампировы!) победы
Над собственной страной?

О чем речь? К кому обращены эти строки? На что или на кого намекает российская поэтесса?

* * *

Всякий раз, когда я даю кому-нибудь интервью (а случается это частенько), непременно заходит разговор и о переводе. Когда-то, в 70-80-ых годах прошлого века, многие казахские писатели успешно издавались в переводе на русский язык в московских издательствах (еще больше, понятно в местных). Выработался немалый опыт и сложился внушительный отряд способных переводчиков, переводивших с оригинала, напрямую, вполне обойдясь без уродливой двустадийной системы (через подстрочника). И мы, литераторы, имели приличное представление о литературе братских республик и стран. Хорошая была пора, что и говорить: декады литератур, домá творчества, живые контакты, взаимные переводы, сложившаяся система подготовки кадров, искренняя заинтересованность в культурных связях.

Недолго музыка играла.

С распадом Советского Союза враз рассыпались все контакты. Ныне каждая национальная литература варится в собственном соку, отгородившись независимостью, не имея представления о том, что творится за забором. Даже к соседу погас интерес. Теперь казахскую литературу все реже переводят на русский язык, а уж о переводах на иностранный языки и речи нет. Кого перевели на зарубежные языки в последнее время из казахов? Ну, немного Нурпеисова, О.Сулейменова, Кекилбаева, Канапьянова... Кого-то спорадически, так, тиіп-қашып. Конечно, плачевно. Жалко. Досадно. Казахская литература, на мой взгляд, заслуживает иной участи. Должна быть более востребованной, что ли...

В этом отношении восхищают китайцы. Иностранцев переводят много. Русская литература, например, в Китае весьма популярна. Один только профессор Чжан Цзянхуа перевел, оказывается, Маканина, Полякова, Пьецуха, Бородина, Петрушевскую, Лихоносова и других. Сейчас переводит Солженицына: «Матренин двор», «Раковый корпус», рассказы 90-х годов. Чжан Цзянхуа свидетельствует: «...русская литература по количеству переводов, тиражей занимает первое место среди всех иноязычных изданий»

(ЛГ, № 20/10). Некоторые русские классики изданы в Китае большим тиражом и даже выпущены полные собрания сочинений.

Что и говорить, русская литература – великая литература. На нее есть спрос во всем мире. А вот когда мир заинтересуется казахской литературой, когда она поднимется до мирового уровня – все еще бо-о-оль-шой вопрос. Положение в казахской литературе, мягко говоря, не ахти. Правда, в родном ауле обитают сплошь классики, гении, таланты-дарабозы, белокрылые орлы, непревзойденные мастера-творцы, но их почему-то и в соседних аулах не всегда знают.

Ах, жаль! Ах, досада!

* * *

Леонид Гирш – кадровый военный, полковник в отставке, ветеран Великой Отечественной войны, почетный гражданин Алматинской области, человек общественно активный, исполнительный, надежный, твердых взглядов, общительный, бывалый, что называется, «тертый калач», сохранивший живую, любознательную душу и неувядающий интерес к жизни, несмотря на все ее неизбежные горести-напасти и тяготы за долгие годы.

Я знаком с ним давно. Много доброго поведал о нем мой покойный друг и коллега Морис Давидович Симашко.

И еще Леонид Гирш – стихотворец. Он и поныне, в 85 лет, сочиняет стихи. По-военному ясные, четкие, однозначные, проникновенные. Без выкрутасов и туманных изысков. И я их знаю.

А недавно, в канун 65-летия Победы, он издал объемную книгу воспоминаний под названием «Наедине с памятью» (А., «Жибек жолы», 2010).

Чем привлекательна книга? Искренностью, исповедальностью, доверительной тональностью о прожитой – немалой и излучистой – жизни, об этапах ратного и гражданского бытования, о сбереженном человеческом достоинстве, о чести Мужчины. Сурового, опаленного войной воина с нежным, открытым сердцем.

Книгу предваряет душевное предисловие генерала армии, Героя Советского Союза, Халық Кахарманы Сагадата Нурмагамбетова

и заключают очерк Мориса Симашко «В зеркале века» и статья Сергея Дьяченко «Слово о товарище и его книге». Они раскрывают все грани таланта автора воспоминаний и воздают должное его незаурядной личности.

Книга эта – документ эпохи. Свидетельство об ее крутых этапах. Она, несомненно, поучительна и познавательна.

И еще подумалось вот о чем. В книге не раз звучит имя Мориса Симашко, с кем автор воспоминаний дружил десятилетиями. Симашко – шикарный писатель и переводчик. В казахстанской литературе он оставил яркий след как романист, как глубокий знаток истории Средней Азии. При жизни он был лауреатом всевозможных литературных премий, много издавался и переводился на иностранные языки. Более десятка лет нет его среди нас, и его как-то оттеснили, отодвинули от литературного процесса, все реже упоминают, совсем не издают, как бы прочно забыли. А это несправедливо. Не-спра-вед-ли-во! Об этом говорит и Леонид Гирш. С грустью, недоумением, тревогой соглашаюсь с ним и я.

* * *

Вчера (04.06.10) по «Евроньюс» увидел кадры, которые сильно меня взволновали. Президент США, оживленный, заметно взволнованный, вручил легендарному певцу Полу Маккартни какую-то премию. Барак Обама весь сияет, вручая премию, тот принимает ее вальяжно, достойно, благосклонно обнимая президента, одобрительно похлопывает его по спине и по плечу. Милая, трогательная сценка! Потом Маккартни, подыгрывая себе на гитаре, поет, а президент, радостный, возбужденный, сидит в первом ряду и подпевает, победно и озорно, по-мальчишески поглядывает на сидящую рядом жену. Поразительное единение душ. Достойное взаимопонимание внутренне свободных, просветленных культурой людей.

Ну, когда мы встрепенемся? Когда научимся держаться с честью и достоинством? Почему подчеркиваем свое унижение и ничтожество? Будем ли мы когда-нибудь свободными, раскованными людьми? Или навеки будем рабами? Ведь в сущности Президент

должен радоваться, что до него нисходят Хемингуэй, Фолкнер, Маккартни, а не наоборот. Господи, как противно! И представить себе невозможно, чтобы такие личности говорили: «Лидер нации», «Гений», «Мудрец», «Отец родной!» А наши так и норовят что-нибудь поцеловать у господина. Еще раз тьфу! Рабы, холопы, челядь презренная, а не «зиялы қауым» – «элита общества»...

* * *

Академик-философ А.Нысанбаев заявил по ТВ, что Назарбаев – феномен, не только лидер нации, но мировой лидер. Вот не думал, не гадал, что бывают такие философы. Апырай, надо же!

Найти и создать себя

(заметы о книге Адила Тойганбаева «Демократия каждый день»)

«Сохранить человека от самоуничтожения можно только одним способом: дать ему уникальную задачу, способную преобразить мир, а также честно предупреждать – его путь не будет ни легким, ни безопасным»

А.Тойганбаев

Уже несколько лет я внимательно слежу за публикациями Адила Тойганбаева на политические, экономические, социально-общественные темы. Мне нравятся его задор, напористость, широкоохватность насущных проблем, романтизм, уверенность, умение выражать свое видение максимально энергично и лапидарно, часто – мускулисто, метафорично, подкупает его молодой максимализм, убежденность, открытость к спору, к дискуссии, парадоксальность и «крутость». В любом случае он заставляет активизироваться, внутренне ощетиниваться и чаще всего соглашаться с ним.

Он эрудирован, знающ, умело сопрягает разномастные факты, высекает ослепительную искру вожделенной истины.

КПД его рассуждений мне кажется весомым.

Надо еще иметь в виду, что он не рядовой журналист-общественник, не один из расплодившихся ныне дилетантов-политологов, он отличается профессиональной хваткой, с признаками природного лидера. Неслучайно он руководит Экспертным центром национальной стратегии, инициативным Комитетом Казахского Национального Конгресса.

Это ведь что-то значит. О чем-то говорит.

Сам Адил молод. И уповает прежде всего на молодых. На новое поколение свободных казахов, «которому пришла пора становиться самостоятельным, ответственным и гордым».

Охотно соглашусь с высоты своей аксакальской колокольни. Пора. Давно пора.

И цель свою Адил определяет четко: «Возрождение Казахской нации, достижение передовых позиций в мире».

Ойдойт! Это серьезно. Именно такова должна быть цель у молодых. Никак не меньше. О том вопиют сами заглавия его статей: «Своя игра», «Строиться вместе», «Перейти мост», «Демократия каждый день», «Право на кризис», «Битва за идентичность», «Казахская мечта: расширить горизонты», «Мне не все равно!», «Создать себя».

Таков штандпункт-кредо Адила. И тем он и интересен. Он сам настроен и настраивает других взлететь высоко. Правильно. Как говорят казахи: если уж падать, так с верблюда.

Мы с ним – представители разного поколения. По молодости своей он охотно и толково, во всеоружия знания и воли энергично объясняет ЧТО и КАК нужно делать («Мы – научим!», «Мы достойны лучшего будущего!», «Наше Будущее – это казахская миссия»), я же пребываю ныне в почтенном возрасте, а потому более склонен скептически порассуждать о том, почему ничего не получилось в очередной раз, почему никак не можем выбраться из трясины, почему годами утешаем себя откровенной ложью и

самодурным бахвальством-даракианством. Полный энергии и молодого максимализма Адил весь устремлен в будущее, а я, тертый калач, старый воробей, во всех благих прожектах временщиков-саруаров разочаровался, и потому ворчу-бурчу в своем углу, поневоле настраиваюсь на библейский лад: все, что будет, уже было, а то, что было, – сплыло, превратилось в труху, кануло в вечность, растворилось в тумане бренного бытия.

Это так. Может, потому и манят меня рассуждения Адила?

Он пишет плотно, сжато. Вся его книжка просится на цитаты. У него широк обзор видения. И в своем кратком отзыве я не смогу охватить все те проблемы и измышления, которые затрагивает автор «Демократии каждый день». Мои комментарии наверняка породили бы еще одну книжку такого формата.

Но кому это нужно?

Значит, попытаюсь посильно вычленить суть, то есть, затронуть некоторые стороны широкоохватного труда.

К чему призывает, что, собственно, утверждает, за что ратует автор 17 статей, составляющих сборник? Обозначу лишь ударные моменты в виде цитат:

«Идти не вперед, а вверх. Идти налегке на высший уровень Игры».

«Мы в состоянии построить совершенную политическую систему».

«Казахстан критически отстает от нормативов собственного маршрута».

«Большинству перемены все-таки выгодны. Выгодны и даже необходимы».

«Привычными кадровыми рокировками и переменами фамилий ответственных лиц проблему не решить».

«Многие, например, уверены, что президент «уже не тот». Ему необходимо порвать паутину и сделать неожиданный Ход».

«Ныне Будущее основано на трех принципах: Самобытность, Справедливость, Свое место в мире».

«Следующий президент неизбежно будет мельче и обыденнее».

«Гипертрофированно раздутые президентские полномочия в сочетании с исторической непредсказуемостью создает неопределенную ситуацию».

«Демократия не бывает «раз в пять лет», демократия по смыслу своему непрерывное действие».

«Так что рисковать нам следует, а ждать – нечего. Но рисковать следует разумно».

«Руководствоваться двухпалатным парламентом – то же самое, что избирать двух президентов».

«Кризис драматичен, но не фатален. Право на кризис нам предстоит заслужить».

«Строить единый мир никто больше не собирается».

«Однополярный мир, в котором Америка кормила всех конфетами и чесала за ухом, кончается».

«Победой справедливого общества будет полное изгнание государства из всех социальных сфер».

«Чиновничество громоздко и примитивно».

«Та стена, у которой мы упрямо мнемся уже много лет, не желая это признавать, – стена между резервацией и империей. Но народ должен все-таки жить по одну, определенную сторону. Третьей стороны нет. А негативность назвать вещи своими именами означает отсутствие жизни, и больше ничего».

«Нам нужен огонь. Большой, яркий, обжигающий костер. Доменная печь, а не печка-голландка».

«Культурная матрица, воплощенная в реальность живого языка, умудренный, но постоянный приток иностранной крови».

«Казахи находятся в ситуации, настоятельно, но неизбежно пробуждающей к имперскому, «чингизовскому» выбору».

«Открытое государство в открытом мире».

«Исторические ориентиры у нас как раз по двум краям – Турция и Япония».

«На территории Казахстана гражданин любой нации должен чувствовать себя защищенно и комфортно, никто не посягает на его мир».

«У нас в политику и силовые структуры идут в основном те, кто ничего в жизни не умеет, кроме как командовать и свистеть в свисток. «Власть людей» должна перестать быть «властью худших людей».

Обрываю цитацию. Таковы основные тезисы, точки опоры в политических воззрениях Адила Тойганбаева. Правда, существует еще контекст, который объясняет, анализирует, толкует эти дефиниции. Мне по душе авторская интонация, я разделяю пафос этих установок. Они инициируют прогресс, движение. Они нацеливают на задачу-максимум. Именно в таком направлении развивается мысль автора-аналитика, автора-романтика, автора-максималиста. Он ставит высокие задачи, преследует яркие цели, исповедует гражданские и национальные мотивы, видит будущее Казахстана в ореоле славы, благополучия и достижения, в державности, в равноправии содружества передовых стран.

Устами Адила мед бы пить. В сущности его гордую мечту всецело разделяю и я, этнический немец, россиянин по рождению, чья судьба с 1941 года неразрывно сплетена с судьбой необъятной страны по имени Казахстан.

Не стану пространно комментировать основные положения тщательно продуманного манифеста молодого и дерзкого аналитика-политолога Адила Тойганбаева. Отсылаю читателя к самой книжке, которая вышла тиражом в три тысяч экземпляров. Но на трех-четырех моментах остановлюсь, пожалуй, чуть подробнее. Это не идеи, к которым я не могу быть равнодушным.

а) Разные типы задач и разные типы лидеров.

Что в разное время, на разном этапе развития перед обществом встают разные типы задач – это понятно, естественно и бесспорно. В том убеждается каждое поколение, каждый сознательный индивидуум. Разумеется, новые конкретные задачи, новые конкретные задачи выявляют, рождают и разные типы лидеров. Автор «Демократии каждый день» условно выделяет три типа лидерства: лидер-отец, лидер-брат, лидер-сын. Лидер-отец, как правило, начинает с нуля. Всецело занятые будущим нации, они создают новую

точку отсчета, новый стиль, новую ментальность (Махатма Ганди). Лидер-брат выходит на арену тогда, когда на повестке дня стоит не создание нации, а ее поддержка или спасение (Конрад Аденауэр). Лидер-сын наиболее полно отвечает стандарту служения нации. Таковых много. Они идут верным, прописанным в инструкциях капитанским курсом.

Любопытная градация. Мне лично по душе третий тип лидерства, когда правитель, как заботливый сын, честно, скромно и преданно служит своему народу. Об этом можно долго размышлять.

б) О каком преемнике идет речь? И нужен ли он вообще?

Господи, сколько я прочел за последние годы статей и разных предложений о гипотетическом преемнике нашему Президенту! Уму непостижимо! Все ла-ла-ла и а-ляу-ляй. А зачем он нужен-то, этот преемник? Прочитав аргументированные рассуждения Адила по этому поводу, я окончательно убедился в своей давней, несколько смутной догадке. В самом деле, в нужный исторический момент сама природа, сами обстоятельства позаботились о лидере на определенном этапе Казахстана. И шамалганский наш джигит, вот уже двадцать лет руководя страной, вполне выполнил свою историческую миссию. Может, с переменным успехом. Может, с какими-то изъянами. Не о том речь. Речь о том, что он появился в нужное время на нужном месте, а обо всем остальном рассудят потомки, всесильное Время. Любой преемник, как бы ни старался, какими бы достоинствами не обладал, станет его – помимо воли и благих намерений – всего лишь копией. А зачем нам копия? Копия ведь всегда хуже оригинала. Как ни толкуй, а второго Назарбаева не будет. Да и не надо. Надвигаются новые времена, необходимо двигаться вперед, а не топтаться на месте. Страна, полагаю, вполне обойдется в дальнейшем и без президента. Без президентского правления. Пойдет по сугубо европейскому пути. Встанет на парламентские рельсы. Обзаведется достойным, поистине народным (а не карманным, суперкарманным, декоративным, дамбальным) парламентом и дееспособным, ответственным правительством. Что ни говори, а президент в казахском понимании все же монарх,

высший правитель, верховный хан. А к чему нам хан с неограниченными полномочиями, дрожащий за свой трон и имущество, пекущийся о своей бесчисленной родне, боящийся своего народа, придумывающий для себя разные смешные и позорные статусы?! Это уже отжившее средневековье. Было время, когда Казахстану президент был необходим по всем политико-экономическим параметрам. Ныне же Казахстан достиг такого уровня развития, что разумно от президентского правления решительно отказаться. Далее распространяться на эту тему здесь не стану, а отсылаю читателя к рецензируемой книге Адила Тойганбаева.

в) Излюбленные слоганы Адила.

Вот некоторые:

«**Отправить государство подальше**». К Государству, как к таковому, Адил относится более чем сдержанно. Он видит в нем тормоз, балласт. Дилетантство. Государство – неумеха. Сборище непрофессиональных чиновников. «Наше развитие разменено на бесконечные оброки, подачки и сборы в пользу бюрократов и бездельников». Он верит в личный успех активных, напористых людей, в значимость собственного дела, в деловитого предпринимателя. Он хочет изгнать государство из всех социальных сфер.

«**Выйти из тени**», – призывает Адил. Он против стратегии выживания. Это курс пожилых. Это вчерашний день.

«**Создать себя**». Хватит плестись в хвосте. Надо стряхнуть с себя вековую спячку. Взбодрить себя. Ощетиниться. Встать в ряды передовых наций. Страна казахов обречена стать державной.

«**Стать примером**». Верный выбор обходится без начальников. Власть – знаковый и качественный сервис.

Конечно, все это хорошо и красиво звучит. Но мне, аксакалу, все эти слоганы – первомайский призыв былых времен. Зная ментальность казахстанцев почти семь десятков лет на разных крутых этапах, я, поддерживая подобные лозунги-призывы, упорно вижу перед глазами раздрызганную арбу, которую не так-то просто вытащить из хляби, из болота. Для этого, боюсь, понадобится еще

многие десятилетия, а за это время прыткие, крутые страны рванут столь мощно вперед, что угнаться за ними будет почти невозможно. Помните «Алису из Страны чудес»? Чтобы только не оставаться на месте, необходимо бежать сегодня в два раза быстрее, чем вчера. А казахстанец, насколько я знаю, жайбасар, шибко бежать не любит. «Мой не собака!» – изрек в 1941 году мой аульный кореш Аскер, когда я ему предложил бежать наперегонки вокруг дома.

г) **Метафора Адиля**

У автора «Демократия каждый день» хороший слог. Он владеет упругим, сжатым языком. Обходится без воды в отличии от доморощенных романистов. Читая его, я подчеркивал карандашом едва ли не каждое его предложение. Он метафоричен. Вот несколько примеров:

«Новые руководители (речь идет о Киргизии Бакиевского периода – Г.Б.) напоминают трактористов, сидящих за штурвалом лайнера и убежденных, что он тоже в каком-то смысле трактор».

«Полуфабрикатная демократия – по-моему, верное определение сегодняшнего положения дел. В той же степени, в которой фастфуд – «как бы еда», наше устройство – «как бы демократия». Основные принципы и там, и там соблюдены. У фастфуда в наличии жиры, белки и углеводы, у нас – выборы, президенты и конституции».

«...кризис малоприятная штука, но он случается с теми, кому есть что терять. Как болезнь – радости в ней мало, но ничем не болеющие люди живут в основном на кладбище».

«Каждый будет сам за себя, а между развивающимися и развитыми странами будет прорыт глубокий ров, где будут резвиться пираньи».

«Системообразующие факторы, в которые необходимо вложиться, чтобы не стать отцепленным вагоном, ржавеющим на запущенном полустанке»

Вообще Адил выражается метко: «идеология потреблядства», «В Казахстане живут казахи и казахстанцы», «мы обречены на Империю, как слова обречены на Смысл».

Изъянов в книжке я заметил два: а) надо было бы пометить каждую статью данными – когда написано, где опубликовано; б) последняя главка «Создать себя» целыми абзацами повторяет статью «Нация: создать себя». Ни автор, ни редактор не обратили на это внимание.

Я вынес доброе впечатление от этой книжки. Я почувствовал сопричастность автору. Созвучие. Он будоражит мысль. Он неустанно призывает прилежно учиться у всех, но оставаться самим собой, т.е. сохранить свою природную индивидуальность. Он ориентирует нас на проблемы послезавтрашнего дня. Полемичность его привлекает.

Небольшая по объему книжка статей «тянет» на обширную монографию, на обстоятельный анализ текущего политического момента. Яростно устремленный в будущее, автор увлекает и читателя, зовет его куда-то, манит, а это – главное достоинство публициста-политолога. Да и любого, кто шкрябает пером.

25 мая 2010 г.

* * *

Для сведения любопытных:

«Илиада» Гомера состоит из 15691 строки.

«Одиссея» объемом чуть меньше – 12110 строк.

«Фауст» Гете на одну строку больше – 12 111 строк

А из скольких строк состоит «Манас»? Запамятовал. Но, кажется, не менее 200 000.

Уму непостижимо!

* * *

Я давно задумался: почему наш Президент часто меняет-переставляет-передвигает туда-сюда своих верноподданных, словно пешек на шахматной доске? В чем фишка, в чем секрет? Видно,

в каких-то высоких, мне недоступных государственных целях выгодно так поступать, чтобы «пешки» не опомнились, не вникли в суть дела, не додумывались, не догадались до чего-то, находились в постоянной неуверенности, пребывали в неведении и напряжении, неизменно боялись-трепетали, точно челядь перед барином, чувствовали свое ничтожество, не выходили из лакейской роли. Так ведь управлять проще и удобней. С точки зрения сюзерена-государя это абсолютно понятно и логично: так бывало искони, со времен царя Гороха.

Между прочим, казахи сформулировали такое состояние общества еще в глубокой древности. «Жатсын былығып!» – так гласит формула. Хорошо руководить, когда вокруг царит сплошной «былқбай» – сумятица-неразбериха-бестолковщина.

Ну, а какая в той чехарде выгода для «пешек»? Я о том и не догадывался, пока не надоумил меня мой кореш со студенческих времен писатель Аким Тарази. Оказывается, пешкам тоже выгодна такая перетасовка. Пешки знают, что через полгода-год их запросто турнут, кинут, отодвинут, отстранят от кормушки. Знают, что именно за короткое это время, пристроившись к госбюджету, им предстоит сполна использовать шанс: урвать, отхватить, утащить, уволочь в кусты солидный куш, иначе завтра будет поздно, а в дела вникать вовсе не обязательно, бог с ним, с делами, надо ловить момент, не словчил – пеняй на себя, не будь лохом, не ломай напрасно голову, не усердствуй и не играй в благородство, подфартило тебе – не оплошай, цап-царап и с добычей, с курдюком в пасти скорей-скорей куда-нибудь схоронись от пакостей подальше до следующей удачи.

Вот высшая мудрость нашего славного воровского времени.

Так развивается шакалья, волчья психология. Так складываются нравы-обычаи стервятников-временщиков.

Конечно, и сюзерен, и вассалы отлично понимают, что кончится это плохо. Но это ведь будет потом, потом. А о потом пусть заботятся потомки. Ведь сам пророк сказал: у потомков своя доля, свой жребий, своя участь, свое определенное Всевышним благо. Что о них-то голову ломать? Повесим каждому соотечественнику вплоть

до новорожденному на шею по 10 тысяч долларов долга и пусть пурхается, отдуваются, как может. А пока – гуляй, Вася!

* * *

Без конца звонят разные редакции и телеканалы, прося высказаться по вопросу «лидера нации». Я отмахиваюсь, отнекиваюсь, мне неприятно об этом говорить. Ощущение такое, будто каждый день тебя упорно обмазывают дерьмом. О, боже, – говорю, – неужели нет ничего более актуального? К тому же сам Президент в своем обращении к народу, к депутатам обо всем этом исчерпывающе сказал. Да уймитесь же, наконец! Сколько же можно дурить благонамеренный люд?!

Нет. Звонят, звонят, теребят, душу изводят.

А вчера (07.06.10) по насквозь фальшивому «Хабару» «бегущей строкой» обнародовали авторитетное мнение супер-советника Е.Е.: если, мол Президент на решение депутатов о статусе «лидера нации» не наложил вето или не передал его в Конституционный совет, то через месяц решение войдет в силу автоматически.

Цитирую не точно, но суть такова.

По-русски это называется «не мытьем, так катанием».

Некоторые уверяют меня, будто инициатива этой идеи исходит от самого Президента. Сомневаюсь. Зачем ему что-то инициировать, когда он может, не моргнув глазом, присвоить себе любой статус и подмахнуть в свою честь любой указ? Затем все эти хитросплетения, сшитые белыми нитками?

Ну, хорошо, допустим закон о статусе «лидера нации» сработает. Что, собственно, изменится? Что произойдет? И к чему весь этот политический марафон, затяжной сыр-бор? Этот всем опостылевший, дурной пиар?

По всем параметрам, по всем философским, нравственным, здраво логическим измерениям – все это элементарная глупость. Постыдная возня. Выдумка духовно ограниченных, ошалевших от безделья, как бы это помягче сказать, чудаков.

Мало ли было в ветхой истории «лидеров нации», дуче, каудильо, гауляйтеров, фюреров, луноликих и солнцеподобных «баши», «отцов народа» и пр. и др., и т.д.? Где они? Куда они подевались?

Это во-первых. Так сказать, информация для размышления.

Во-вторых, зачем казахам (самобытному, самодостаточному народу) нужно само это заемное словосочетание – «лидер нации»? Своих слов, своих определений, что ли, нету? Или совсем уж отреклись от всего национального, исконнего, природного? Неужели для того, чтобы подчеркнуть, выразить свое величие, необходимо непременно прибегать к варваризмам? Не смешно разве? Не оскорбительно ли? Не унизительно ли? Или свой чапан в плечах жмет?

Есть исконнее казахское слово «саруар», что означает «вожак», «предводитель», «лидер». Так вот, если уж понадобилось позарез, так назови уважаемого президента «саруаром». И не нации (фи, как несуразно, нелепо!), а ұлт. Ұлт сәруары! Звонко, гордо! И – главное – правильно. Не нравится кровный саруар, назови «Атақазак» (наподобие ата-тюрк или ата-қаз). Ясно и понятно. Но «leader»-то причем? Nation к чему? Оставайтесь в рамках национального, зачем рядиться в заморские причиндалы. Тогда и двусмысленностей никаких не будет. Не так ли?

А Нурсултан Назарбаев и так лидер. Двадцать лет лидер. Большинством признанный. Для кое-кого даже мировой. И де-юре, и де-факто. Ну и ладно. Я же не спорю. Только не пойму: зачем ему еще одна шапка? Тюбетейка есть, борик есть, малахай есть, тымак есть. Что, теперь надо еще напялить шапку Мономаха? Неудобно ведь. Да и тяжело.

Может, полномочий мало? Их, насколько я разумею, и так предостаточно, под завязку, шаш-етектен. Такими полномочиями не обладал сроду ни хан, ни монарх. Мало? Добавим «атақазак». Если и это не устраивает, присвоим «ұлт сәруары». От Президента ничего не жалко. Пусть все ликуют: «Сәруары! Сәруары!» Это абсолютно справедливо. Я своим хилым умишком так полагаю.

* * *

По Дарвину, человек – прогрессирующая обезьяна.

Может быть. Не спорю.

Но глядя на кое-кого из доморощенных наших государственных деятелей, я склонен полагать, что человек – обезьяна регрессирующая.

* * *

Закон о «Лидере нации», поневоле подписанный тремя нашими азаматами, – такой абсурд, за который придется расплачиваться честью, достоинством, совестью и даже жизнью народа.

* * *

Давно я присматриваюсь к выступлениям в печати доктора исторических наук, профессора Зардыхана Кинаятулы. Знаю: он и в Монголии был на виду, занимал высокое положение. Известен как ученый, дипломат, государственный и общественный деятель. Словом, незаурядная личность!

Только что прочел в «Жас алаше» (08.06.10) его обстоятельную, широкоохватную беседу с Амирханом Мендеке, аналитическими, блистательными по форме статьями которого тоже давно восхищаюсь. В их беседе тактично и деликатно указано на многие язвы нашего общества, на хвастовство, бахвальство, беззаконие и беспредел, на склонность властей ко лжи и фальши, к показухе, к очковтирательству, и все эти знакомые, опостылевшие, позорные факты, известные, как говорится, шестилетнему мальцу и шестидесятилетнему старцу, доказаны конкретными фактами и выкладками. Беседа названа – перевожу на русский – «У нас парламентская, конституционная культура еще не сложилась».

Кто бы спорил?!

Какая там парламентская и конституционная культура, когда – добавлю со своей колокольни – и элементарная культура не сложилась!

В связи с этим я вот о чем подумал. Казахскоязычные газеты (такие, как «Жас алаш», «Туркестан», «Қазақ», «Жас қазақ», «Жас қазақ үні», «Казахия», «Айқын» и др.) часто печатают серьезные, глубокие материалы на животрепещущие темы нашего бытия. Русские и русскоязычные читатели о том ни бельмеса не ведают. Они живут в неведении, в тумане, точно в другом мире, никак не в реальном Казахстане, не знают, не гадают, что́ творится вокруг и принимают за чистую монету ту прокисшую, протухшую лапшу, которую им вешают на уши официальные СМИ.

Ужасно досадно!

То, о чем тревожатся, негодуют казахи, об их боли и чаянии, об их истории, культуре, политических интересах этот слой общества ровным счетом не знает ни бе, ни ме, ни кукареку. Более того, им и дела нет до казахской боли. Происходит очевидное отторжение, расслоение, поистине «моя твоя не понимай». Иногда мелькает рубрика: «О чем пишет казахская пресса?», но это, как правило, тенденциозно подобранные лживые выжимки, которые ни уму, ни сердцу.

Меня это обстоятельство сильно удручает.

Такие материалы, как беседа профессора Зардыхана Кинаятулы с напористым правдолюбцем Мендеке, должны быть доступны всем русским и русскоязычным гражданам, дабы у них открылись глаза, дабы они имели хоть какое-то представление о реальности, а не тыкались-барахтались в своей конуре, как слепые котята.

Казахские СМИ за последние годы замечательно выросли. И совершенно нелепо, что русским и русскоязычным эта сторона жизни и культура абсолютно неведома. И особенно глупо, что названные мною слои общества нередко ведут себя высокомерно, спесиво, чванливо, хвастливо, будто именно они держат Бога за бороду.

Нетерпимое положение!

«Будем здравствовать, джигиты!»

Так он говорил каждый раз, заканчивая свои длинные и увлекательные устные рассказы и прощаясь с завсегдатаями прогулок у памятника Чокану перед бывшей Академией наук. Нас, традиционно совершающих моцион пенсионеров на этом примечательном пятачке по двум параллельным аллейкам, которые склонный к юмору писатель Морис Симашко окрестил «Аллеей юных дарований», было тогда много – писателей, ученых партийных и советских деятелей, именитых служащих разных учреждений. Это был

наш «гайд парк». Здесь мы решали все локальные и глобальные проблемы. Всех участников тех бурных и вялых бесед я теперь и не упомню: Т.Ахтанов, А.Алимжанов, Б.Сокпакбаев, М.Дюйсенов, К.Исабаев, А.Нурпеисов, Б.Кыдырбекулы, М.Симашко, Е.Жакупов, еще один литературовед, двое бывших министров, один старый ботаник, знавший латинские названия разных трав, три чекиста, которых немного сторонились, один областной партийный чин, еще несколько бывалых «ака», «еке» (Бейсеке, Кареке, Исеке, Хама), участники Великой Отечественной войны.

Часто присоединялся к нам и Ади Шарипов, неизменно расположенный к доброй и обстоятельной беседе.

Он увлеченно рассказывал нам партизанские были. Это были законченные новеллы о белорусских лесах, болотах, тропах и топях, о партизанском быте и ратных подвигах, о причудливых людских судьбах, о мужестве простых людей, о пережитом. Некоторые эти эпизоды известны по повестям Адеке.

Слушать его было интересно. Рассказывал живо, вновь переживая давние события, поблескивал большими, чуть навыкате глазами, был прост и доступен в общении несмотря на то, что по службе всегда занимал высокое положение: замминистра, министр просвещения, министр иностранных дел республики, зампред Совмина, депутат Верховного Совета, первый секретарь СП Казахстана и секретарь СП СССР, директор Института языка и литературы Академии наук Каз. ССР, доктор филологии.

В пору наших прогулок у Чокана был Адеке уже в летах. Ходил грузно, но держался бодро. Удручался хворостями или кончиной знакомых. Говорил со вздохом: «Аман болайык, жігіттер! Аман болайык».

«Будем здравствовать, джигиты».

Я пишу не биографию его, а куцые воспоминания. Он был почти ровесник моего отца. Для него я был «бала» – мальцом. И, разумеется, наши пути редко или мало скрещивались. Мы относились

к разным поколениям. Имя его я впервые услышал в 1954 году. И потом оно сопровождало меня вплоть до 1993 года – год его кончины.

А встретились в начале 60-х прошлого века. Однокашник мой Аким Тарази, отправляясь на учебу в Москву, оставил мне страниц 30 из повести «Партизан қызы» и сказал: «Переведи на русский и покажи автору. Если Адеке одобрит, заключишь с издательством договор. Гонорар не помешает».

Что и говорить? Нуждался я в ту пору дико.

Перетолмачил я эти 30 страниц и, переборов робость, подался к Адеке. Не помню, какой он в ту пору занимал пост, но попал я к нему легко (не то что, замечу, в нынешнее время) и принял он меня по-простому, радушно. Ощущение было такое, будто я навестил аульного дядюшку. «Оу! – удивился он, – кто тебе перевод поручил: Какой Аким? У меня уже есть подстрочник. И повесть, алла бұйырса, выйдет еще нынче».

Выходит, я опоздал.

В 1966 году, когда я уже, как одержимый, переводил Нурпеисова, Мусрепова, Жубанова, Есенжанова, первым руководителем Союза писателей Казахстана пришел Ади Шарипов.

Меня он помнил и разговаривал со мной, как со старым знакомым. Не было в нем ничего от заскорузлого бюрократа. Держался просто, был со всеми приветлив, интересовался и моим житьем-бытьем, в шутку спрашивал: «Ты только одних классиков переводишь? Когда же до меня доберешься?»

Однажды, сварганив очередной подстрочник, я зашел к Адеке и сказал: «У меня образовалось свободное время, и я мог бы приступить к переводу Вашего произведения». «Ә, солай ма? – сказал он. – Но... я же не могу ждать, пока ты освободишься. Над переводом уже работают в Москве».

Я опять опоздал.

Думал: обиделся мой начальник. Оказалось, ничуть. Предложил даже место консультанта в СП. При мне Мусрепову сказал: «Я давно приглядываюсь к этому джигиту».

Однако, в консультанты я не пошел. Дорожил свободой, хотя и жилось туго на вольных хлебах.

Пять лет руководил Адеке Союзом Писателей Казахстана. Знаю: осуществил немало добрых дел. Устраивал рукописи в московских издательствах; выбивал квартиру для остро нуждающихся литераторов; используя свои старые связи в правительстве, заполучил большой участок земли для дома творчества и писательских дач; улаживал конфликты, часто возникающие в писательской среде. Был демократичен, участлив и справедлив. Ловко обходил острые углы.

«Аман болайық, жігіттер!»

Из СП Казахстана он ушел руководить Институтом языка и литературы им. М.О.Ауэзова.

Запомнились два ярких эпизода его жизни. О том он поведал нам на прогулках у Чокана не раз.

Где-то в начале 30-х годов прошлого века, когда Адеке то ли учился, то ли работал в КазПИ им. Абая, над ним сгустились тучи. Бдительные органы изготовились его арестовать. О том ему заблаговременно сообщил декан факультета, будущий академик Митрофан Семенович Сильченко. И в ночь накануне намеченного ареста Адеке каким-то образом, тайком отправился в Туркмению. Там устроился на работу в каком-то техникуме или училище. Так и спасся от лиха. В туркменской глуши и схоронился на два-три года. Потом вернулся и учительствовал где-то под Алма-Атой.

С огромным пиететом рассказывал о Мухтаре Омархановиче Ауэзове. Классик казахской литературы навестил его неожиданно в больнице перед своей роковой операцией в Москве. Ади Шарипову он передал свою сокровенную просьбу-аманат: способствовать переизданию запрещенной «Лихой годины».

Ауэзов умер на операционном столе, а исполнить его просьбу-завет оказалось очень непросто. Недруги-завистники не дремали. Выход был один: выходить к читателю через русский перевод. Это было лишь через несколько лет осуществлено, благодаря огромным усилиям Адеке. В этой драматической истории, помимо его, огромную роль сыграли А.Пантиелев (переводчик), А.Твардовский (главный редактор «Нового мира»), Ч.Айтматов (автор предисловия). А казахский оригинал с предисловием Ади Шарипова вышел два года спустя. Такова общая канва той почти детективной истории. Подробности я запамятовал. Помню только, как взволнованно о том Адеке рассказывал.

Он прожил богатую жизнь. Общался со значительными людьми своей эпохи. Не знаю, изложил ли он на бумаге свои воспоминания, сумел ли поведать о пережитом. Вряд ли. Многое, полагаю, ушло с ним навсегда.

Прожил он в общем-то большую, напряженно-насыщенную жизнь. Был осторожен, бдителен. И в меру оглядчив.

Вероятно, какие-то эпизоды, связанные с ним, запечатлены в моих дневниках. И все же теперь жалею, что не все зафиксировал по горчим следам. А судьбе я благодарен: я был знаком со многими незаурядными людьми.

06.06.10

* * *

«Слушай... – теребит меня за рукав 91-летний бывший крупный партийный и советский работник на прогулке возле памятника Чокану. – Ну, национальность это понятно. Я русский, ты немец, он казах. А вот «нация» – что это: Имеет ли оно какое-то научное определение?»

«Имеет, – говорю. – Национальность – это бараны разной породы. Когда их сбивают в одну отару, получается нация».

«Да?»

«Примерно так».

«А лидер нации – это кто?»
«Это овчар с посохом в руке».
«А кто определяет, что именно он лидер?»
«Сами бараны».
«Так просто?»
«Проще простого. Доступнее объяснить не могу».

* * *

Отчего душа не на месте? Завидую своим коллегам, которые, сочинив стишок или дохлый афоризм, построенный исключительно на игре слов, на фольклорных созвучиях и пошловатых двусмысленностях, чувствуют себя счастливыми, достигшими художественных высот. А есть и такие, которые публично облизывают, зализывают, вылизывают определенные части тела рыцарей власти и убеждены, что искренне и честно служат обществу и государству. А сколько таких, что просто горланят «Ура!», покорно следуя за кочевьем.

А что у меня? Мильон терзаний! Или, как сказано в древнерусской летописи, «сам себя мучиху».

Хочу встрепенуться, вырваться из затяжного сплина и окунаюсь в «Хабар», как в омут. О, «Хабар» – певец сказочной иллюзии. Тысяча и одна ночь. Сама Шехерезада навевает сладкий сон. Небесные гурии что-то щебечут. И тут звонит незнакомая тетка, украинская немка, затерявшаяся в глухомани Усть-Камени. Живет одна-одинешенька. Мою фамилию встретила в газете. Поразилась тому, что я не уехал. На дурном немецком и русском языке сумбурно объяснила, как ей плохо, тошно, муторно. Мужа нет, детей нет. Дом сожгли. Огород вытоптали. Корову-кормилицу увели. Отовсюду ее изгоняют, преследуют, унижают, оскорбляют. И она ищет правду. Ходит, жалуется на несчастную судьбу. Прозябает в одиночестве. Как завелась говорить о своих невзгодах, остановиться не может. Даю никчемные, жалкие советы: напишите в газеты, обратитесь в суд, в прокуратуру, в Немецкий дом, в Парламент, в Сенат, в Президентский аппарат.

Все уже было. И писала, и в двери стучалась. Говорят: молчи, не качай права, укатывай в свою Германию. Не путайся под ногами.

Выключив сладкоголосый «Хабар», слушаю печальную сагу моей соплеменницы из Усть-Каменогорска.

...Навестила нас свояченица (сестра жены) из Киргизии. Три дня подряд рассказывает ужасы. На ее жалкую пенсию прозябают больная дочь, неумеха-зять, двое внуков и внучка. Все взрослые. Все чему-то выучились. А работы нет. Хозяйства нет. Муж-добытчик недавно скончался. Вокруг бушует «киргизская революция»: разбой, грабеж, убийства, насилие, пожары, ненависть, злоба, зависть. Из дома лучше не выходи. Гордые и вольные потомки Манаса выкрикивают лозунги: «Русские – в Рязань. Татары – в Казань!»

Куда податься? Чем и как помочь? Много ли проку от твоих подачек, от разной мелочевки? Как прокормить шесть душ? Длинными, как тонкая кишка, разговорами о «лидере нации» сыт не будешь. И «Хабар» не подмога.

...Звонит племянница из Ташкента. Ее семья (пять душ) перебиваются с лепешки на кок-чай в старой отцовской усадьбе. Голь и нищета. Чем мне, пенсионеру, помочь?

...Чуть свет звонит из Шымкента незнакомый немец. У него конфликты с местной властью. Она отняла у него землю. Мать не вытерпела беззаконие, скончалась. Обиженный немец ищет правду, обивает пороги власти, обратился за помощью в Немецкий Дом, в Российское посольство, в Германское консульство, не один раз написал Президенту. Спрашивает: что еще ему делать? Как быть? Стыдно признаться, он уже промышляет у мусорных контейнеров.

Чем я его утешу? Попробуй, дорогой, постучись в дверь «Нур Отана». Вроде есть такая партия...

...Пухлое письмо из Кокшетау. Пишет незнакомая казашка. Совсем худо ее соседу – бывшему учителю математики. День-деньской ходит понуро, замкнутый, потерянный, никому не нужный. Дети, повзрослев, ушли. Жена – инвалидка-коляснica. С горя запил. Я помню его. Учились в одном классе. Был он худощав, тихоня, молчун. Складывал стишки. Сирота-интернатовец. Не без

способностей. Однако, жизнь не задалась. И теперь, в 74 года, прозябает, мается. Соседка пишет мне: «Он вами гордится. Пишет о вас очерки, статьи, стихи. Поддержите его. Напишите ему. Может, встрепенется. Жалко его».

Вот уже несколько дней не выходит из головы мой школьный друг. Чем и как я ему помогу?

...Хватит примеров. И так изо дня в день. Из года в год. Всем родственникам – и моим, и жены – живется худо. И в Киргизии, и в Узбекистане, и в России, и в Казахстане, и даже в Германии. Рок? Судьба? Не знаю. Мы с женой пытаемся помочь, тянем воз. Я в середине восьмого десятка шкрябаю пером. Жена 52-й год учительствует. И много ли проку от нас, когда вокруг бушует океан бедствий?

Конечно, я вижу: в моих опусах оптимизма маловато. Светлые тона поблекли. Все больше душа настроена на негатив.

А что делать? Как быть? Кому повемь печаль свою?

Может, смотреть «Хабар» и делать вид, что все прекрасно, все о'кей, все шукур и тауба? Стать смиренным рабом?

* * *

Разные арифметические действия-расчеты – моя давняя слабость. Предпочитаю воспринимать реальность в точных цифрах. Увы, в тех обществах, в которых я прожил три четверти века, к цифири почтения не было и нет. С ней власть обращается, как повар с картошкой. Запросто берет ее с потолка. Ну, а статистика – известная лгунья: во все времена врет напропалую. И глазом не моргнет. В Казахстане любую цифирь раздуют и округлят до полного абсурда. А чтобы иметь представление о стране, в которой обитаешь, не мешало бы знать, к примеру:

– какова наша площадь? Годная и негодная для жилья? Проданная? Сданная в аренду? Частная? Государственная?

– сколько на этой земле проживает населения? (по официальной статистике, по данным ЦРУ, по подсчетам скептиков, по прикидам Татимова)

– каков этнический состав? Сколько проживает в городе и в селах? Сколько томятся в заключении?

– сколько наркоманов, пенсионеров, детей, сифилитиков, проституток, туберкулезников, диабетчиков, больных СПИДом?

– Сколько работают? Сколько балду гоняют? Сколько богатых, бедных, среднего достатка? Сколько производится абортов? Сколько умирают рожениц и детей?

– Каков внешний долг страны? Как ВВП? Сколько оралманов вернулось и тотчас уехало?

– Сколько школ и больниц?

– Сколько собрали зерна? Сколько сгнило и сгорело?

– Сколько за год случается суицидов? По этому показателю пишут, мы то ли на пятом, то ли на третьем месте в мире.

– Сколько осталось у нас овец, крупного рогатого скота, лошадей, верблюдов по сравнению с 1913, 1980, 1990 годами?

– Сколько земных недр очутилось в чужих руках?

– Сколько... о, эти «сколько» можно растянуть на несколько страниц.

Вопросов много, а ответов нет. Те же ответы, которые рисуют в официальных СМИ, курам на смех. Недавно в Карагандинской области зараз околели 123 тысяч кур по причине вселенского смеха.

Вот когда у меня будет на руках точные ответы на подобные вопросы, я не хуже наших горе-экономистов определю, где примерно нахожусь и на что могу рассчитывать в ближайшие десятилетия. Дело в том, что от лозунгов, трескотни, лжи, фальши, фарисейства, демагогии я смертельно устал и кое-какую правду хотелось бы знать хотя бы на склоне лет.

Те цифры, которые я скрупулезно добываю из разных источников, жутко противоречивы и далеки от истины. Боюсь, что и лидера нации кормят сильно искаженной цифирью. Как водили простодушный народ за нос, так и продолжают водить. А жить на тотальном обмане становится все трудней.

Я спросил как-то у одного статиста, который усердно приумножает благо на бумаге: «Почему вы так манипулируете цифрами?»

Он загадочно поднял указательный палец к потолку: «О! Анау!.. Ни один правитель истину никогда не скажет. Боль-шая политика! Народу, истина вредна. Истина – отрава. Она заставляет шевелить мозгами. А какому правителю это нужно? Челядь должна пребывать в неведении».

Давным-давно, еще в XI веке, знаменитый визирь и атабек султанов Низам аль-Мульк написал книгу «Сиясет-наме» (Книгу правления»), и переписчик-каллиграф этой книги Мухаммед Магриби предпослал ей предисловие, в котором говорится: «Ничто, даст Бог, не останется скрытым в государстве, ни малое, ни большое, ни далекое, ни близкое».

Каллиграф идеализировал: нет такого государства. И Правителя такого нет. Вранье все! Какой же он правитель, если не пускает пыль в глаза?

Мне, поклоннику простой арифметики (для меня, признаюсь, дважды два по-прежнему четыре, а не три или пять, как иногда уверяют), нет ответов ни на один вопрос, прозвучавший выше. Выходит, я бреду в потемках, в тумане и не ведаю, где нахожусь и куда бреду.

* * *

Читаю афоризмы и изречения великих людей на тему «Время». Много верных и глубоких мыслей! Подумалось и о том, что со временем неразумно распоряжался я в аульные годы. Представленный самому себе, душевно подавленный и уязвленный своей инвалидностью, я будто выпал из времени, обращался с временем, как Бог на душу положил, занимался разной чепухой: вырезал из газет портреты лауреатов Сталинских премий трех степеней, цифровой нотой записывал казахские народные песни, коллекционировал казахские имена, изучал дебаты шахматной игры, читал все подряд, что попадалось в ауле. Именно тогда в ауле сороковых и начале пятидесятых годов я многое упустил бесполезно и бессмысленно, о чем жалею и поныне.

А вот со студенческих лет (1954-1958) я не чувствую себя виноватым перед временем. И до сих пор отношусь к нему бережно,

уважительно. Могут сказать: «Ну, и чего достиг?» Да, хвастаться в сущности нечем, но праздным растратчиком времени не был.

Теперь вспоминаю своих казахских коллег. Экономно обходится со своим временем, несомненно, Кадыр Мырза-Али. Он всегда держал себя в узде времени. Потом и наработал много. За это ему и воздастся.

Временем дорожил и Абиш Кекилбаев, максимально ограничивая себя в житейских и физических соблазнах. Однако не секрет, что львиную долю отпущенного ему времени он истратил на служение власти. На мой взгляд, это напрасно потраченное время. Бог дал Абишу незаурядный писательский дар отнюдь не на это самообманное, показушное бытование. Досадно, что он пошел на сговор с дьяволом.

Ну, а большинство казахских писателей извело свое время и вовсе впустую: на той-домалақ, на посиделки, на трепотню-аляуляй, на потеху-забавы, на погоню за житейскими благами, на мнимые ценности.

Хорошо сказал Артур Шопенгауэр: «Средний человек озабочен тем, как бы ему убить время, человек же талантливый стремится его использовать».

* * *

Вдова философа Марата Сужикова Роза (весьма миловидная, общительная, приятная во всех отношениях дама) на прогулке возле памятника Чокану поведала мне два случая из своей жизни.

Отец ее был репрессирован в 1938 году, а мать ее приходилась родственницей тоже репрессированного писателя Хамзы Есенжанова. Хамзе с женой Софья-апа (она в годы войны была в ссылке в том краю, куда выслали и моих родителей. Мой отец был с ней знаком) находились в ссылке в Сибири. Ученица 8-го класса Роза с матерью навестили их. Тогда Хамзеке отбывал ссылку уже в Темиртау. Как принять гостей? Чем одарить их?

Ссыльным в те годы выпадали за казенный счет две ватные фуфайки и пару стеганых брюк. Хамзеке сам отнес одни штаны на базар, продал, а на вырученные деньги купил Розе школьную форму.

Каково?

А по соседству жил некий поэт, казах, тоже ссыльный. И он пригласил соплеменников в гости. «Оу, брат-бауырым! – удивился Хамзаке. – Откуда деньги взял?» Ссыльный поэт ответил: «У нас с женой два одеяла. Вот я и продал одно, чтобы вас угостить».

Поразительно!

И я подумал: «Есть сейчас такие казахи?»

Ай, кайдам!

В годы войны таковыми были мои аулчане. И я их видел ежедневно.

Вряд ли ныне найдутся такие, которые ради угощения гостей способны продать последние штаны или одеяло.

Вот и весь нравственный прогресс!

«Ия, солай, – заключила запечалившаяся Роза свой рассказ.

* * *

Двуязычный знаменитый русский писатель Владимир Набоков в интервью, данное в 1988 году Альфреду Аппелю, сказал: «Национальная принадлежность сто́ящего писателя – дело второстепенное».

Мне кажется это спорным. Пока я так еще не думаю. Я склонен полагать, что национальность – если и не все, то многое. Может, даже нечто определяющее. Только ошибочно определять национальность писателя по языку, на котором он творит. Это уже другой разговор.

* * *

Мне приятно, что я ровесник Союза писателей Казахстана. Союз старше меня всего-то на полгода. О том, что есть такая писательская организация, я впервые услышал в аульной школе. Жил в нашем ауле на берегу Ишима-Есиля один из старейших писателей Казахстана, член СП К, поэт Галым Малдыбаев. В его сосновом дому на краю аула на стене кабинета висели фотографии видных писателей того времени: С.Муканов, М.Ауэзов, Д.Абилев, К.Абдыкадыров, А.Токмагамбетов, А.Тажибаев, П.Кузнецов. И мне они

казались небожителями. Я подолгу вглядывался в эти фотографии. Этих писателей в ауле знали и почитали.

В 1953 году каким-то образом очутился в нашем ауле молодой, рослый, гонористый Сафуан Шаймерденов. Я с любопытством издали взирал на него, но подойти не осмелился.

В студенческие годы я видел и слышал многих знаменитых литераторов. В то время Союз писателей Казахстана находился в ветхом помещении на улице Пролетарской, возле Зеленого базара, рядом с комендатурой, куда я, беспаспортный спецпереселенец тогда, ходил «отмечаться». Нередко встречал писателей там у пивнушки. Они пили пиво, ели манты и шашлыки, горланили, и мне небожителями уже не казались.

На последнем курсе аспирантуры в КазПИ им. Абая через однокашника Аскара Сулейменова познакомился с А.Нурпеисовым, Т.Ахтановым, З.Кабдоловым, потом Абе (Абдижамил, тогда главный редактор журнала «Жулдыз») привлек меня к сотрудничеству в отдел прозы. И я оказался среди Кадыра М., Зейноллы С., Саина М., Калихана И., Аскара С., Акима Т., Абиша К. – впоследствии все стали лауреатами государственной премии по литературе. Прекрасное было сообщество! Меня они приняли в свой веселый круг. А аксакалы – Г.Мустафин, Г.Мусрепов, Х.Есенжанов, А.Абишев, А.Сарсенбаев, Дм. Снегин – и вовсе меня обласкали. Я почувствовал вдруг свою востребованность. Союз писателей стал моей духовной обителью. Для того довольно официализированного, ограниченного, застойного времени Союз писателей был островком свободы, Духа, вольного поведения и творчества. Здесь бурлила жизнь, собирались интересные люди, происходили заметные события, споры-диспуты, шумные обсуждения новых произведений. В импозантном здании царила духовная вольница. Союз писателей манил, притягивал, волновал, будоражил. И о Союзе, о писателях ходили разные слухи, любопытные россказни-небылицы, творились легенды. Сама аура казалась необычайной, а писатели – божьими избранниками, баловнями судьбы, носителями высоких идей и вдохновенного дара.

Стать членом СП Казахстана в те годы было сложно. Мои документы, например, «мурыжили» шесть лет, пока меня приняли в Союз в 1971 году. О СП К 60-90-х годов могу засвидетельствовать много достойного. То время отражено в моих дневниках и литературных портретах.

В начале нового века мне одно время почудилось, что времена столь круто изменились, что СП стал анахронизмом. Вскоре, однако, убедился: я был неправ. Хоть, признаться, былые аура, ореол, общественная значимость заметно поблекли.

Теперь испытываю радость от того, что все же отмечаем 75-летие этой уникальной, своеобразной творческой организации, которая в истории страны, несомненно, сыграла благородную и благодатную роль.

* * *

Иду по аллее Чокана и вижу прогресс на каждом шагу.

Возле бывшего Института Ибрая Алтынсарина у черных иномарок стоят шесть вальяжных казахов в черных костюмах и при галстуках (при тридцатиградусной жаре) и все шестеро деловито разговаривают по мобильникам. Видно, очень важные чиновники. Чем не прогресс?

Раньше, помню, казашки целомудренно вспыхивали, краснели при одном только слове «махаббат» (любовь). Теперь из их уст запросто вылетают «секс», «секс», «секс».

Вот вам и прогресс!

Еще недавно по травянистому склону выгуливали собак главным образом евреи и русские. Их ныне полностью вытеснили казахи с собаками.

Явный прогресс!

* * *

Совсем задурили голову простому люду наш горе-парламент и неуемные жандайшапы-котяки с надуманными титулами Президенту Республики Казахстан. Для любого нормального человека

само слово «Президент» звучит гордо, мощно и убедительно. Казалось, зачем что-то еще выдумывать, к чему еще разные витиеватые определения и пышные, дикие макабрские словеса.

Ан нет! Не тут-то было! Кому-то показалось: эка невидаль президент. Их ныне развелось в мире, как блох на шелудивой собаке. Президенты-то разные бывают. Есть скажем, первый президент. Есть последний. Есть единственный и неповторимый. Есть великий и величайший. И последнему, согласитесь, необходим особый статус. Ну, может, пожизненный, вечный, луноликий, солнцеподобный, лидер нации (не путать с «вождем племени», со скипетром в руке, с шапкой с перьями или диадемой). Да, статус должен быть тщательно расписан хотя бы в Конституции, если таковая есть. Чтобы каждый знал что к чему. Вот я пишу эти строки, находясь в полном заблуждении. А я, немецкая душа, люблю четкий порядок во всем. Говорят: Елбасы. Ничуть не возражаю. Хорошее казахское слово. Означает: глава страны, народа, государства. Ну, что? Мало разве? Давай согласимся на «жербасы». Однако звучит не по-казахски, чужеродно, а во-вторых, напоминает «әкеңнің басы». А это совсем уж неприлично. Может, «жиһанбасы» – глава Вселенной? Или: «Әлембасы» – голова мира? Или: «әлемнің әкесі» – «отец мира»? Но это вроде перебор, перехлест. На такое даже последний жандайшап не пойдет. Застесняется, даже если он совсем бесстыжий.

Вообще-то правильней было бы назвать президента Саруаром, ұлт саруары. Но казахи забыли это слово – «дуче», «каудильо», «фюрер», «вождь всех народов и времен». Но они были и ушли. Их ныне и не вспоминают. Их показывают лишь в кино. И то шаржировано, насмешливо, унизительно.

В чьем-то сознании брезжит еще Атақазақ – по аналогии с Ататюрком. Но тоже звучит нелепо, наподобие Атақаз (гусак-предводитель). Что-то не помню, чтобы у русских был Атаорыс или немцев – Атанеміс. Как быть? «Тройка» облаченных властью постановила: «лидер нации». Что ж... на первых порах, может, и сойдет. Правда, оба слова заемные, и не ясно, о какой нации идет речь. Но какой Мырқымбай станет в этом разбираться?

Первыми спохватились шымкентцы: с этим титулом что-то явно не то. Будто на тюбетейку водрузили борик, на борик – малахай, на малахай – тымак. И предложили шымкентцы: ХАН. Да, да, хан и баста. Коротко и ясно. Чего мудрить-то? Правда, тотчас некий историк подсчитал, что у казахов было сорок девять ханов. Ну и что? Пусть будет пятидесятый. Всем ханам хан!

Лично я не возражаю. Действительно, звучно и энергично.

Не тут-то было! Всем разве угодишь? Предложили новый вариант: «ПАТША»? А еще точнее и выразительнее «ақ патша». Оказалось всех мудрее знаменитая Роза Багланова. Она еще десять лет назад публично, во всеуслышание объявила: «Айналайын ақ патшам!»

Вот это – я вам скажу – титул!

А по мне, если честно, Нурсултан Абишевич Назарбаев – президент. Уже двадцать лет президент. И что вам еще надо? К чему еще какие-то побрякушки, заплаты, лохмотья, кликухи, саны, титулы, статусы, дополнительные льготы, аса таяки и прочие финтифлюшки? Что, президентский чапан в плечах жмет? Чудится мне, что вся эта возня и суета попахивает азиатчиной. А мы ведь вроде стремимся к Европе. Или я своим умишком что-то не уразумею?

Стал соображать: как же титулами обстояло дело на древнем Востоке? Вот где были неистощимые оригиналы-выдумщики! Не чета нынешним пятколизам. И я обратился за советом к «Сиасет-наме» Низами аль-мулька – визирю и атабеку султанов XI века. Ба! Чего я только не узнал!

Вот выдержка из сорок первой главы:

«А вот многочисленны стали титулы, и чем они стали многочисленнее, тем меньше осталось у них значения и цены. Всегда государи были сдержаны в отношении титулов, так как одним из достоинств государства является соблюдение титулов, степени и меры каждого. Когда бы один титул был у человека базара и дихкана, не было бы между ними никакой разницы, и положение человека известного и неведомого будет одинаковым, а когда одинаково будет титул человека ученого и невежды, то не останется различия между хорошим и плохим. Это не годится в государстве. Так ти-

тулами эмиров и тюрков были Хусам ад-дин – «меч веры», Сейф ад-даулэ – «мечь державы», Амин ад-даулэ – «доверенный державы» и подобно этому; титулом хаджэ, амидов и правительственных лиц были Амид ад-даулэ – «опора державы», Захир аль-мульк – «пособник царства», Кизвам аль-мульк – «поддержка царства» и тому подобное. Теперь эти различия уничтожились; тюрки возлагают на себя титулы хаджэ, а хаджэ – титулы тюрков и в том не видят греха. Всегда титул уважался».

Знать, выходит, и тысячу лет назад гонялась за титулами, выпрашивала их у халифа, у эмира, один титул никого уже не удовлетворял, нужно было десять! Если меньше – обижались, подавали прошения, сетовали, выклянчивали.

Хакану Самарканда халиф дал три титула: «Захир ад-даулэ» – пособник державы, «Муни халиф ат илах» – помощник наместника Бога, «Малик ат-шарк ва с-син» – царь Востока и Китая. В достижении вожделенных титулов прибегали к услугам вертких женщин. Все шло в ход во имя титула.

Словом, по этой части мы в Казахстане заметно отстали от средневековых традиций. Надо бы, чтобы каждый пенде, восседающий в парламенте, в правительстве, в президентской администрации обладал каким-нибудь цветистым, витиеватым титулом и желательно не одним. Целесообразно создать государственную Комиссию или Комитет по выдумыванию пышных титулов.

Я не смеюсь, не злорадствую. Говорю вполне серьезно. Мне ведь лично от этой мишуры не холодно и не жарко. И ничего не жалко. Я за то, чтобы человеку дали столько титулов, сколько его душа желает. Пусть все будут довольны и счастливы. Это ведь стабилизирует общество.

Я живу в Азии почти 70 лет. Все истинно азиатское мне, человеку европейских корней, любо. Чары Востока меня давно околдовали. Я люблю Азию, но плохо переношу азиатчину. Однако все в состоянии понять.

А зачем я все это пишу? Я ведь не возмущаюсь и на что не уповаю. Я просто почувствовал потребность высказаться по этому в сущности пустячному вопросу. В личном же плане меня вполне

устраивает скромный титул: Геральд ибн-Карл аль-Дивани с намеком, что я ныне обитаю, лежу, пишу, читаю, главным образом, на диване.

Тәуба, тәуба! Шүкір, шүкір!

* * *

Историк, художник и дизайнер Хайролла Габжалилов уверяет, что наше государство (Казахстан) было создано 43 племенами. 25 из них – из младшего жуза, 6 – из среднего и 12 из старшего. И задался резонным вопросом: Как можно писать историю государства, не зная истории образования и объединения родов?

Я лично в этом вопросе полный профан, потому и не лезу в эту историю. К тому же я человек другого рода-племени. Но как быть с казахами, которые по этой части ни бе, ни ме, ни кукареку?

* * *

Когда-то, в далекой молодости, я увлеченно занимался сбором казахских имен. Увлечение продолжалось лет шесть. Потом узнал, что на эту тему защищена диссертация, написаны книги, и я расстался с этим увлечением. Прошло несколько десятков лет и за это время каких только казахских имен не появилось! Вот состав славной команды «Астана»: Альберто Контадор, Александр Винокуров, Давид де ла Фуенте, Андрей Гривко, Хасус Эрнандес, Максим Иглинский, Даниэль Наварро, Бенджамин Новач, Паоло Тиранлого. Из какого жуза эти казахи? Или они не казахи? Тогда причем «Астана»?

Может, закупить нам пару-тройку бразильцев, аргентинцев, испанцев, голландцев и создать футбольную команду имени первого президента? Пусть бегают по европейским полям, прославляя родной Казахстан. И пусть наш министр спорта раздает всем призы.

Чем не идея? Вполне в духе нашей политики.

* * *

Додумался я сегодня до того, что именно Октябрьская революция породила фашизм. Зло рождает зло. Беспредел марксистского

социализма спровоцировал беспредел национал-социализма. Высказал ли кто когда-нибудь такую мысль, или это порождение моей дурной головы, – не знаю.

* * *

Стремление к обособлении русской культуры от всего цивилизованного мира – нонсенс, гибель.

Стремление некоторых казахских национал-патриотов к обособлении культуры номадов от всемирной цивилизации – трижды нонсенс и трижды гибель.

* * *

Перехлест нашего времени – бутафорский уровень. В Казахстане последние 20 лет очень сильно развита бутафория. Показуха стала символом нашего бытия. Нам хочется всем пускать пыль в глаза и вешать на уши лапшу. В этой всемирной показушности философская, стержневая суть наших квазидеяний. Все, что бы мы ни делали – в экономике, политике, культуре, образовании, медицине – доморощенная бутафория. Не настоящее, подлинное, а видимость для дураков. Наше кредо – сасық қулақ, банальная, дешевая хитрость.

* * *

Казахи часто говорят о восьмигранности подлинного таланта.

Вот принципы критики Жума-Назара Сомжурекова при анализе поэзии.

1. Стих пригож созвучием.
2. Стих притягателен красой.
3. Стих дорог мыслью.
4. Стих манит игривостью.
5. Стих вершит весомостью.
6. Стих ценен краткостью.
7. Стих отличителен логичностью.
8. Душа стиха – яркое чувство.

По-казахски все эти сентенции звучат опрятней, изысканней. Мой перевод, чувствую, несовершенен. Сам Сомжуреков в своих статьях неукоснительно руководствуется этим принципом, и я думаю, это наиболее оптимальный, универсальный подход при анализе поэтических творений. По сути эти принципы – камертон подлинной поэзии.

* * *

Признаться я об этом подумал некоторое время назад, но вопрос этот наиболее точно сформировал некий Евгений Микунов (ЛГ, № 29/10): «Если вам поставят памятник при жизни, вы сможете участвовать в его сносе?»

Интересно, что́ думает по этому поводу Конституционный совет?

* * *

Чем дольше на свете живу, тем больше вокруг дежавю.

* * *

Национальность иных не подается определению. Думаешь, казах, а он кореец. Думаешь, урус, а он чалдон. Композитор Антон Рубинштейн говорил о себе: «Для евреев я – христианин, для христиан я – еврей, для русских я – немец, для немцев я – русский». На днях была у меня молодая, симпатичная казашка. Училась и живет в Норвегии. Муж норвежец. Симпатичный, настоящий викинг. Заговорил я было с казашкой по-казахски, она ни бельмеса не знает. Говорит по-русски, по-английски и по-норвежски. С ее мужем я общался по-немецки (немецкий был у него вторым иностранным языком в школе). Малолетняя их дочка (милое создание) пока ни на каком языке не говорит. Кто определит ее национальность? «Норвашка», – в шутку говорит мать.

Всемирно известный композитор Альфред Шнитке – мой земляк (родился в Энгельсе) и ровесник (1934). Отец его, Гарри Шнитке, журналист, австрийский еврей. Мать, Мария Фогель, – поволжская немка. Она работала после войны в газете «Нойес Лебен». С Альфредом я не был знаком, но знавал его брата, поэта,

Виктора Шнитке. Знавал и его сестру (тоже сотрудничала в «NL»). Так вот, Альфред учился в русской школе, весь пропитан-пронизан русской культурой, но с детства сильно тяготел ко всему немецкому. Годами живал в Вене и в Германии. Ни ивритом, ни индишом не владел. Но по облику был еврей, о чем постоянно писал. Мать его была лютеранкой (как и мои предки). Альфред имел большое предрасположение к православию, но стал католиком. Все перепуталось в его чуткой, уникальной душе.

Я родом из поволжских немцев. Мой предок Андреас Бельгер прибыл в Россию еще во времена Екатерины Великой. Я сознательно идентифицирую себя с немцем, хотя воспитан в основном на русской и казахской культуре. Мухтар Магауин мне говорит: «Возможно, когда-то ты и был немцем, но теперь стал казахом». Я все же полагаю, что это не совсем так.

А жена моя по отцу татарка, по матери – мордовка. Пишется татаркой. Ни татарской культуры, ни языка не знает. Она воспитана на русской культуре. Моя дочь, следовательно, «продукт» трех национальностей. Пишется немкой, но от всего немецкого далека. Воспитана в русском духе, вращается в русской ауре. Муж русский. Внук мой четырех кровей. Пишется русским.

Таких примеров десятки и сотни тысяч. И я, приводя эти примеры, хочу подчеркнуть, что национальность становится весьма условным понятием. А со временем может стать и вовсе экзотикой. Смешения происходят и произойдут диковинные, в бесконечных вариациях. Благо ли это? Однозначного ответа нет. Вероятно, есть и обретения, и потери. В том еще предстоит разобраться.

* * *

Римский император Веспаснан изрек на смертном одре: «Боюсь, что я превращаюсь в божество».

Надо же! Нынешние «баши» того ничуть не боятся.

* * *

О Шекспире все известно: когда родился, когда умер, сколько пьес входит в его «канон», его завещание, как распределил свою

недвижимость, сколько акров земли имел, источники его пьес, среда, в которой вращался, кто входил в похоронную процессию, какими болезнями предположительно он болел, глубина его могилы (17 футов) – все-все, не буду перечислять. Поразила меня эпитафия, сочиненная, как считают, им самим. Вот эта эпитафия:

«Добрый друг, ради Иисуса берегись тревожит прах, погребенный здесь; благословен будь тот, кто пощадит эти камни, и проклят будет тот, кто потревожит мои кости».

* * *

Вот горе. Истинный нэубет! Уже более месяца внимание приковано к России. Какая же несчастная, неуклюжая, невезучая, многострадальная страна! За какие такие грехи господь ее карает?! Я ведь россиянин по рождению. И к горестям России не могу быть равнодушным. Знаю: в трагедиях депортированных, репрессированных народов не Россия виновата, а их недальновидные вожди.

Вот уж столько времени стоит адово пекло – по 38-40°. Горят торфяники. Горят леса – от центральной России до Дальнего Востока. Горят дома. Целые улицы, деревни. «Трансвааль, Трансвааль, страна моя! Ты вся горишь в огне». Погорельцев тысячи. Очагов возгорания тоже тысячи. Есть жертвы. Тревожные числа растут. В семи областях объявлено чрезвычайное положение. Президент озабочен. Правительство мечется. Изыскивает ресурсы. Задействована армия. Созданы штабы по борьбе с огнем.

Так что это? Катаклизм? Катастрофа? Армагеддон? Божья кара?

Или присутствует конкретный человеческий фактор? Беспечность? Разгильдяйство? Вражьи происки? Русский авось, непереводимый ни на какие языки мира? Бестолковость? Безразличье?

Не знаю.

Пока нет ответа.

Надеюсь, разберутся. Или все спишут на стечение обстоятельств и быстро все забудут. Как всегда.

Кадры огненной стихии, которые показывают по телевидению, наводят на грустные размышления.

Патриарх всея Руси, собрав в храме толпы верующих, торжественно и театрально творит молитву, обращаясь к Богу за спасением. Я не богохульствую, но думаю: а не целесообразней было позвать паству на борьбу с огнем? Вот и чуткий и мобильный Путин тотчас посетил погорельцев, утешает плотно обступивших его крикливых баб, обещает щедрую помощь... пятьдесят тысяч... сто тысяч... еще столько же... до ноября построит новые дома... все восстановит... полностью компенсирует, а возбужденные, растерянные бабы дружно наседают на премьер-министра, бесцеремонно хватают его за руки, за плечи, торгуются, как на базаре: «Ну, это же мало! А-а... ну, это другой разговор! Спасибо, это уже кое-что!» Мужиков не видно. Должно быть, стоят в сторонке и подсчитывают, сколько же выпивона перепадет им с барского... то есть, с государственного стола. Путин – конечно же, молодец. Держится в гуще беды. Но почему он как бы оправдывается, уговаривает, утешает, обещает, даже кого-то целует?

Спрашивается: пожар, что, в одночасье с неба свалился? Что леса горят, никто не знал? Что предприниматели жители деревень? Ждали с моря погоды? Надеялся на авось? Молились? Пили-гуляли? Убежденно полагали: государство поможет, в беде не оставит?

Вон «Известия» пишут: армия тушит пожар, а бабы-погорельцы лихо торгуют самогоном, а мужики спешно пропивают «путинские» десять тысяч, выдаваемые по соседству, на первый случай.

А по телевизору показывают, как Президент России строго наказывает-увольняет целый косяк высокопоставленных офицеров, которые по дикой безалаберности прошляпили и военную базу, и штаб, и стратегические объекты. Не то, что Президент, Главнокомандующий, а я, алматинский пенсионер, готов лопнуть от возмущения и отчаяния.

Доколе?!!

О, да! Огонь и вода, казахи говорят, – немой враг. Беспощадная, всепожирающая стихия. Человеку с ней сладить трудно. Но... все же подумайте, как это в одно время... по всей необъятной России... по всем лесам и полям... вокруг городов и деревень?! Неужто обо-

шлось без чьей-то злой, коварной, подлой воли? Неужто миллионные обитатели этого экстремального пространства оказались враз бессильны? Где мощь и величие России? Неужто никак нельзя было противостоять огненному шторму? Нельзя было предвидеть надвигающуюся беду?

Многие не укладывается в сознании.

... Вспоминаются картины далеко аульного детства в военные и послевоенные годы. Почти каждую весну где-то в верховьях поджигали прошлогоднюю стерню, горела, тут же обугливаясь, степь, и пал стремительно, точно вражья конница, смерчем приближался к аулу, окруженному березовыми колками-перелесками. Бригадир Садвакас на взмыленном коне прискакал в аул, в школу, с перекошенным от ужаса лицом, хрипло орал: «Ойбай! Ойбай! Өрт! Өрт!» И весь аул от мала до велика, старики, дети, молодухи, все, кто мог двигаться, неслись к околотку за старым кладбищем, вставали в цепь, били ветками по подбирающемуся валу огня, с шипением-треском змеющегося у ног, будто многоглавое чудовище, засыпали его землей, затаптывали чадящие очаги, заливали водой, стояли насмерть, чумазые, грязные, обгорелые, сражались с огнем, как с кровным, лютым врагом и не пускали бешеный, яростный пал в аул даже до вспаханной вокруг него полосы.

Я подробно описал эти картины в своей ранней повести «Перед далью».

Конечно, степной аул не сравнить с русской лесной деревней. Понимаю: степной пал не чета верховому лесному пожару. Но противостоять огню все же можно и должно. Однако, судя по тому, что пишут в газетах и показывают по ТВ, никакой инициативы не видно. Молебны в храмах, ахи и охи погорельцев, беспомощность мужицкого поголовья, безмятежность местного руководства, упование на помощь государство, на доброго барина вызывают недоумение, досаду и раздражение.

Так жить нельзя!

Не у Бога за пазухой обитаем.

Не огонь – а безалаберность, безволие, разгильдяйство, равнодушие, преступная бестолковость – вот наш главный враг. И не-

объяснимо, что Россия этого не понимает. Но как бы там ни было, жаркое лето 2010 года, всеиспепеляющая сушь, тотальные пожары резко снизили рейтинг необъятной страны в глазах мирового сообщества.

Получилось так, что я в эти дни как раз дочитывал объемную (730 стр!) биографию Шекспира, написанную Питером Акройдом. На стр. 707 читаю:

«Однако в начале лета 1614 года часть города охватил «внезапный и страшный пожар». Разрушительная сила племени была «столь велика (ветер над Стратфордом дул сильнейший), а огонь распространился на всю округу, и весь город подвергался опасности полного истребления». Всего были уничтожены пятьдесят четыре дома, вместе со всеми хлевами, флигелями и конюшнями общей стоимостью 8000 английских фунтов. Это было бедствием для Стратсфорда, который уже дважды при жизни Шекспира подвергался воздействию разрушительного огня, и для пострадавших были собраны благотворительные пожертвования. Дом Шекспира и все остальное его имущество не пострадали».

Четыреста лет спустя масштабы бедствий стали совсем иным.

Прочитав, задумался и включил канал «Евроньюс». Увы, Россия по-прежнему в кольце огня. Каждый день обнаруживаются по триста новых очагов. Сгорело около 2 тысяч домов. Леса горят на тысячах гектаров. Одни тушат огонь, другие шастают по лесам, отдыхают, кайфуют, разводят костры. И сушь стоит адова. И вокруг Москвы горят-чадят торфяники. Мгла. Дым. Не видно ни зги. В храмах прилежно молятся, взывают к Спасителю.

05.08.10

* * *

Серьезное начинание затеяло газета «Жас алаш». Толчком для этой инициативы послужило то, что несколько уважительных общественных организаций выдвинуло на соискание государственной премии по литературе Кажыгумара Шабданулы, этнического казаха, гражданина Китая, проведшего сорок один год в тюрьме

и написавшего в таких условиях шеститомную эпопею под названием «Қылмыс» («Преступление»), в которой достоверно, с большой художественной силой отразил трагедию народа, очутившегося не по своей воле на чужбине.

Все шесть томов романа издали год назад у нас, в Казахстане. Уже сам этот факт стал значительным культурным событием. Об авторе написано в последние годы не мало. Но шеститомник, изданный двухтысячным тиражом, прочитали у нас немногие. Я лично прочитал лишь отдельные главы, публиковавшиеся в периодической печати, вынес доброе впечатление, а судьбой и мужеством преследуемого четыре десятилетия писателя, и поныне находящегося под домашним арестом в Урумчи, откровенно восхищаюсь. С моей колокольни, его творение, несомненно, достойно государственной премии независимого Казахстана, о чем мне доводилось говорить и устно, и печально. Комиссия по государственным премиям эту кандидатуру из списка претендентов исключила, очистив место для тех, кто назначен на эту премию верховной властью. Формальный довод таков: а) Кажыгумар-аксакал – гражданин другой страны; б) сидел в тюрьме и пребывает под домашним арестом; в) шеститомный роман его мало кто знает; г) произведение, мол, еще не заверено; д) и вообще не вписывается в ауру нашего общества, плохо соответствует намеченной сверху линии и концепции.

И тогда газета «Жас алаш» (см. № 61 от 03.08.10) решила провести крупную литературно-политическую акцию: учредить (в какой-то мере в пику официальной государственной премии) общенародную литературную премию «Дух нации». По мнению ее учредителей и комиссии, в которую вошли авторитетные и порядочные азаматы, эта премия должна быть и моральной, и материальной весомой, значительной и присуждаться с регулярностью в два года за подлинно идейно-художественные произведения, а не за сомнительные творения в угоду верховным чиновникам и властям.

Это пока начало. Счастливая задумка. Общественная акция.

И я всем своим сердцем и разумом горячо поддерживаю эту инициативу. Надо, чтобы она воплотилась в реальность и обрела в

сознании народа свой достойный статус. У этой премии, полагаю, есть будущее.

07.08.10

* * *

Я давно уяснил для себя: вовсе не обязательно много зарабатывать, важнее меньше тратить.

Вовсе не обязательно иметь много всякого добра, важнее довольствоваться необходимым. А накопительство – грех, оборачивающийся бедой.

Черт злорадствует над людишками, обуянными страстью наживы. Так повелось издревле. Ныне многие наступают на эти грабли.

* * *

«Таланты образуются в покое, характеры – среди житейских бурь»

Гете

Несколько месяцев прожил, погруженный в мир Шекспира. Можно сказать, маленькими глотками пил нектар той эпохи, обложившись двумя объемными книгами: Питер Акройд, «Шекспир», Биография, М. «Колибри», 2009, 730 стр. и Уильям Шекспир, Сочинения (хроники, трагедии, комедии, сонеты), М., «Книжная палата», 1999, 1165 стр. (98 п.л.).

О первой книге сказано в аннотации: «Лучшей книги о Шекспире вам не найти». Судить мне трудно: я не в такой степени знаток Шекспира, хотя читал его и о нем примерно с 9-го класса казахской аульной школы. Книга Питера Акройда в самом деле блистательна и всеохватывающа. Автор глубоко проник в ту эпоху и обнародывает факты и документы, разные – казалось бы – мелочные, житейские сведения, которые непременно изумят-удивят самых искушенных, эрудированных шекспироведов. Книга безукоризненно выстроена композиционно и снабжена подробной библиографией

(13 страниц убористого шрифта исключительно английских наименований) и предполагаемой хронологией произведений Шекспира (42 названия!)

Вторая, названная мною выше книга, включает в себе 21 произведение Шекспира (в т.ч. и сонеты) в переводе на русский язык, а также: «Из хроники жизни и творчества Уильяма Шекспира» и «Литература о жизни и творчестве Уильяма Шекспира» (исключительно русские источники).

Первое, что пришло мне в голову: «Любопытно, сколько написано произведений в мире за четыреста лет о Шекспире? Иначе говоря, сколько томов составляет полная библиография? И существует ли она вообще?»

И второе, что меня десятилетиями поражает, – это полярные суждения о Шекспире двух величайших, непререкаемых философских и литературных авторитетов – Гете и Льва Толстого. Германский гений-олимпиец боготворил Шекспира, неизменно возвеличивал его, восхищался им, считал его высшим проявлением человеческого духа, уделял ему постоянное внимание, подчеркивал мощь его вселенского таланта.

Другой же, русский гений-исполин, титан-глыба, последовательно и убежденно отвергал Шекспира, напрочь отрицал какую-либо художественную значимость его и в своем низвержении драматурга был беспощаден (Впрочем, он и Гете не особенно жаловал). В статье «О Шекспире и о драме» (цитирую ниже по 15-тому собранию сочинений в 22 томах, М., Худлит, 1983) Лев Толстой пишет:

«Долго я не верил себе и в продолжение пятидесяти лет по нескольку раз принимался, проверяя себя, читать Шекспира во всех всевозможных видах: и по-русски, и по-английски, и по-немецки в переводах Шлегеля, как мне советовали, читал по несколько раз и драмы, и комедии, и хроники и безошибочно испытывал все то же: отвращение, скуку и недоумение. Сейчас перед писанием этой статьи, 75-летним стариком, желая еще раз проверить себя, я вновь прочел всего Шекспира от «Лира», «Гамлета», «Отелло» до хроников Генрихов, «Троила и Крессиды», «Бури» и «Цимбелина» и с

еще большей силой испытал то же чувство, но уже не недоумение, а твердого, несомненного убеждения в том, что на непререкаемая слава великого, гениального писателя, который пользуется Шекспир и которая заставляет писателей нашего времени подражать ему, а читателей и зрителей, извращая свое эстетическое и этическое понимание, отыскивать в нем несуществующееся достоинство, есть великое зло, как и всякая неправда» (стр. 259).

Подобных резких и несправедливых сентенций в статье Л.Толстого встречаем немало. Ограничусь еще одной цитатой:

«Произведения Шекспира не отвечают требованиям всякого искусства, и, кроме того, направление их самое низменное, безнравственное. Что же значит та великая слава, которую вот уже более ста лет пользуются эти произведения?» (стр. 300).

Аналогичные суждения встречаются у Л.Толстого неоднократно и в его дневниковых записях.

Досталось, как известно, от Толстого и веймарскому олимпийцу. Где-то он высказался в том смысле, что Гете он читал всего, из них, мол, только два-три тома ничего, остальное все – вздор.

В своих критических суждениях Толстой особенно не церемонился и особых пиететов не испытывал. Он пишет: «Ряд случайностей сделал то, что Гете, в начале прошлого столетия бывший диктатором философского мышления и эстетических законов, похвалил Шекспира, эстетические критики подхватили эту похвалу и стали писать свои длинные, туманные, quasi-ученые статьи, и большая европейская публика стала восхищаться Шекспиром» (стр. 310).

По Толстому, решительно нет никаких оснований для восхваления Шекспира, кроме внушения.

Чем объяснить разногласия великих личностей в оценке гения-предшественника? Видно, максимальным, гипертрофированным субъективизмом и тем, что абсолютной истины, должно быть, в природе не существует.

Я вовсе не намерен писать статью о Шекспире: во-первых, это было бы смешно – лезть в ряд сонма искушенных шекспироведов,

а, во-вторых, ничего нового все равно не скажу, если даже одолею сотни книг об английской эпохе четырехвековой давности. Я ограничусь лишь некоторыми впечатлениями о капитальном исследовании последнего по времени биографа Шекспира – Питера Акройда.

Так вот, первое главное впечатление: человек и драматург по имени Shakespeare рассматривается в этом уникальном труде не как некое исключительное, божественное создание, как гений, а как земной человек со своими достоинствами и слабостями, страстями и житейской расчетливостью, озабоченный и боговдохновенный творчеством, и бытовыми, низменными проблемами. То есть, перед читателем проходит со всеми подробностями недолгая по нынешним меркам жизнь человека, по-казахски выражаясь, созданного из кости и мяса. Таков принципиальный штандпункт. Мне на моем веку приходилось читать немало биографий на русском, казахском и немецком языках, в которых повествователь стоял перед своим божеством – объектом описания в позе подчеркнутой и явно избыточной почтительности, млея и восхищаясь взахлеб. Читать подобные переслащенные апологии всегда неловко, даже тягостно.

Второе очевидное впечатление: автор рассматривает своего обожаемого героя в реальности его эпохи (елизаветинской), в конкретных условиях английской истории и культуры 17-го и начала 18-го веков. Читателя этой книги обволакивает воздух того уже не близкого нам времени. «Я пытаюсь придумать новый вид биографии, взглянуть на историю под другим углом зрения», – признался Питер Акройд. И, думаю, его «другой угол зрения» и есть самый оптимальный, воссоздающий явление истории, культуры и литературы по имени Шекспир во всеохватном его величии.

Кстати, о самой фамилии великого драматурга. «Родословная Шекспиров уходит далеко в прошлое. Фамилия самого Шекспира насчитывает более восьмидесяти (!) вариантов написания – в том числе Сакспер, Шакоспер, Шафтспер, Шакстаф, Часпер, Шаспиир – и, возможно, лишний раз подтверждает данную ему природой многогранность. Такое множество вариантов предполагает уни-

версальность и плодовитость. В одних только стратфордских документах находим около двадцати различных написаний» (стр. 37).

Автор «Биографии» допускает, что фамилия Шекспир имела нормандское происхождение, ссылается на нормандские реестры 1195 года, приводит варианты этой фамилии из источников разных веков (Сакспеер, Шакспер, Сакиспиа, Сакесеп, Шейкспейр, Шейкспер и т.д.).

В роду Шекспиров были оборотистые дельцы, землепашцы, земледельцы, торгаши, имевшие дело с разными ремеслами, с ячменем, шерстью, древесиной, словом, предки Шекспира отличались энергией, деловитостью, волей, активностью, любознательностью, целеустремленностью, практичностью, расчетливостью, упрямством и множеством талантов. За себя могли постоять всегда и всюду.

И еще явствует из книги Питера Акройда исключительная многогранность и одаренность драматурга во всех областях знания – в литературе, истории, медицине, биологии, ботанике, языкознании, астрологии, астрономии, философии, психологии, юриспруденции, военном деле, в искусстве и ремеслах, в житейских навыках, обрядах и обычаях разных народов и времен. В этом убеждаешься, и читая его хроники, трагедии, комедии, сонеты. Познания его были необычайно широки. Мне непонятно, почему на эти очевидные грани его феноменально богатой натуры не обратил внимания Лев Николаевич Толстой, не однажды читавший все произведения Шекспира.

О Шекспире и его происхождении в советском литературоведении долгие годы господствовали превратные суждения. Но, читая его произведения («Гамлет», «Король Лир», «Ромео и Джульетта» мне было знакомы еще в 9-10-м классах аульной школы и, поступая на литфак КазПИ им. Абая (1954 г.), страшно удивился, что редко кто из абитуриентов тогда слышал вообще такие имена, как Шекспир, Гете, Бальзак), я всегда ловил себя на мысли, что Шекспир, скорее всего, является выходцем из обеспеченной семьи. Он как-то не вписывался в классовые схемы, которыми было ушиблено мое поколение.

И теперь читаю у Акройда: «Шекспир, безусловно, происходил из состоятельной семьи и усвоил ту непринужденность и уверенность в себе, которые порождаются богатством» (стр.49).

Питер Акройд изучил жизнь и творчество Шекспира досконально, во всех подробностях. Вот несколько разительных примеров:

«В целом в пьесах (Шекспира – Г.Б.) упоминается 108 разных сортов растений».

«Всего у Шекспира упоминается около шестидесяти видов птиц».

«Язык шекспировских пьес был богаче и звучнее языка Лондона».

«Убийство Каином его брата Авеля упоминается в двадцати пяти случаях».

«Слово корона встречается у Шекспира 380 раз».

«В тринадцати из шестнадцати комедий в заключительной сцене появляется принц».

«Слово «время» сорок четыре раза встречается в тексте «Макбета».

«Всего в пьесах Шекспира около двадцати трех аллюзий на классические басни Эзопа».

«Шекспиру известна охотничья лексика, он использует эти термины так же непринужденно и естественно, как слова из домашнего обихода».

«Шекспир 80 раз упоминает в своих произведениях различные виды спорта».

«Его пьесы пестрят юридической терминологией, особенно относящиеся к праву собственности».

«Шекспир был необыкновенно восприимчив к языку, который слышал вокруг – в стихах, пьесах, памфлетах, торжественных речах, народной речи на улицах, – он впитывал все».

«Шекспир работал актером более двадцати лет».

«Шекспир всегда очень ловко вел свои дела».

«Спектакли начались зимой в два часа, летом в три часа».

Конечно, в объемной книге (91 глава) подобных деталей, фактов, констатаций уйма. Они свидетельствуют о прочной фактологической основе уникального по охвату исследования.

На все обращает внимание биограф: на то, что Шекспир блистательно играл монархов, что он глубоко вникал в психологию королей, что основательно изучил Плутарха, великолепно знал древние хроники, знал приемы красноречивых ораторов, что самая длинная шекспировская пьеса – «Гамлет» (она продолжалась четыре с половиной часа), что отец Уильяма – Джон Шекспир был богаче, чем принято считать, что драматург питал пристрастие к каламбурам и замысловатой (нередко двусмысленной, рискованной) словесной игре, что Шекспир охотно и успешно переделывал, перерабатывал свои и чужие пьесы, приспосабливался к конкретному репертуару, что «он носил плащ, который обычно перекидывался через плечо и мог быть любой длины – и коротким, до пояса, и длинным, до щиколоток, а также меч – знак, отличавший джентльмена», что «самые популярные книги печатались тиражом примерно 1250 экземпляров (как у нас, в наше время, замечу я в скобках), что он собирал знания понемногу и отовсюду, что у Шекспира на моду всегда было чутье, что болезнь Шекспира тянулась четыре недели, что он написал подробное завещание, что...

Остановлюсь, пожалуй. Не пристало перечислять все факты и подробности из книги опытного и дотошного исследователя Питера Акройда.

Отмечу еще, что огромный биографический материал строго хронологически классифицирован и расположен по девяти частям и 91 главе, и каждая глава названа строкой из той или иной пьесы, и в главе обстоятельно рассмотрены все пьесы Шекспира – возникновение замысла, варианты, редакции, постановки в театрах. Книга щедро иллюстрирована фотографиями достопримечательностями из эпохи Шекспира, а также рисунками сцен из многочисленных спектаклей. Книга в объеме 46 печатных листов издана на русском языке тиражом в 4 тыс. экземпляров.

Начало биографии:

«Принято считать, что Уильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года, в день святого Георгия».

Заключительные строки:

«Он ушел из жизни 23 апреля, на самом пороге своего пятьдесят третьего года... Шекспира хоронили на глубине 17 фунтов».

Вот эпитафия, по-вероятности, написанная им самим:

«Добрый друг, ради Иисуса берегитесь тревожить прах, погребенный здесь; благословен будь тот, кто пощадит эти камни, и проклят будет тот, кто потревожит мои кости».

Несколько месяцев, пока я неторопливо читал два огромных фолианта Шекспира и о Шекспире, я с головой окунулся в ту эпоху, приблизился к постижению величия земного человека и божественно одаренного драматурга и испытал редкий духовный катарсис, о чем и решился поделиться с гипотетическим читателем. Тень незаурядной личности и ее бессмертных творений витала вокруг меня. Английский ученый-литературовед и, должно быть, искушенный писатель Питер Акройд (1949 г.р.) сумел в своей книге живо воссоздать гигантскую Личность в неразрывном контексте его Эпохи.

Постскриптум

Закончив свой беглый отзыв о книге «Шекспир. Биография», я задался вопросом: «А кто такой Питер Акройд?», «Что он еще написал?» В доступных мне справочниках ничего не нашел. И тут пришли «Известия» (12 августа 2010), и там я обнаружил заметку «Встреча с Мэри Шелли», где дан ответ на мой вопрос. Вот та справка, которая приводится в начале заметки:

«Питер Акройд, один из самых знаменитых современных британских прозаиков, автор романов «Дом доктора Ди», «Лондонские сочинители», биографических книг о Чаттертоне, Диккенсе, Уайльде, Элиоте, Блейке, Море, а также биографий города Лондона и реки Темзы, выпустил новое сочинение «Журнал Виктора Франкенштейна» об ученом, который, исследуя законы жизни и смерти, порождает на свет чудовище».

Таким образом я расширил свое представление о авторе книги, о которой повел посильную речь.

14.08.10

Тетрадь четырнадцатая

В газете «Экспресс К» я недавно прочел сенсационное открытие одного предпринимателя – Нуркасыма Абуова, – большого любителя истории, который утверждал, что легендарный британский король Артур – казах из кочевого племени сарматов.

Я застыл с открытым ртом. И тут же вспомнил одного преподавателя математики ЖенПИ (худощавого, костлявого, желчного пожилого человека, имя которого забыл). На исходе 80-х годов прошлого века он иногда, заложив руки за спину, прогуливался возле памятника Чокану и горячо доказывал, что Наполеон Бонапарт – казах. «Ну, почему? – настаивал я. – Как это?» И математик всерьез мне отвечал: «Во-первых, он был маленького роста и кривоног. Во-вторых, он родился в местечке Қарсақ (историки ошибочно пишут остров Корсика). В-третьих, он был прекрасным наездником, хорошо сидел в седле. В-четвертых, не жаловал русских».

Ну, да, против таких доводов преподавателя математики я возражать не мог. Какой разговор: по всем приведенным признакам Наполеон – казах.

Много лет спустя, ученый-историк Мурад Аджи в споре сразил меня тем, что канцлер Германии Коль явно кипчакского происхождения, ибо «көл» по-тюркски (и по-казахски тоже) означает «озеро». Конечно, нельзя сказать, что Гельмут Коль – казах, но что его предки произошли от кипчаков – почти, мол, бесспорно. Я стал толковать, что Коль – совсем не «көл», а немецкое kohl, что означает «капуста» и что германский канцлер на русский лад просто-напросто Капустин, но мой оппонент только усмехался, охваченный тотальной кипчакоманией.

Что Чингисхан – казах, я слышу уже давно. Покойный Б.Кыдырбекулы еще лет двадцать назад на прогулке возле Чокана доказывал мне, что Чингис не поладил с младшим братом, повздорил с ним, убил его и убежал, скрылся в монгольских степях. И то, что китайцы считают его китайцем, корейцы – корейцем, монголы – монголом, японцы – японцем, а Чивилихин намекает на его славянское происхождение (мол, рослый, голубоглазый, рыжий и т.д.), все это несерьезно, выдумки, он на самом деле казах, из древнего казахского рода.

Я профан в истории, и легко позволяю себя дурить.

Но самое интересное, это то, что и я оказывается, казах. Каким образом? О том рассказал на моем 70-летнем юбилее писатель Калмухан Исабаев. По его версии, мой далекий предок сражался в армии предводителя гуннов Атиллы. Захватывая одну за другой страны Европы, гунны (читай казахи) оставляли на границах посты-знаки, которые назывались белгі. Караульным одного знакового поста был мой предок. От белгі образовалась фамилия Белгір – Бельгер. Другого доказательства, что я – истинный казах и быть не может.

Что ж... Мне остается только хлопать ушами.

* * *

Было время (их, славное!), когда Казахский ПЕН-клуб звучал громко и гордо. Была пора расцвета этой организации. И я был в числе ее учредителей. Был все время рядом с создателем-инициатором ее – бессменным президентом ПЕНа Абдижамилем Нурпеисовым. (В скобках напомню читателям, что ПЕН-клуб – международная писательская организация, основанная в двадцатых годах прошлого столетия Джоном Голсуорси, ныне существующая в полтораста странах и сокращенно означающая: поэзия, эссеистика, новеллистика – ПЕН). И мне знакомы все детали бытования Казахстанского ПЕН-клуба. Свидетельствую: Нурпеисов вложил в него немало своего времени, души и энергии.

Знаю и то, что в ПЕН-клубе творились и разные, так сказать, чики-пуки, то есть, уфит-суфит, ахалай-махалай и шахер-махер. Крутились немалые деньги, а там, где заводится эта зараза, всегда есть место разного рода махинациям. В тартарары то и дело проваливались огромные суммы. Сначала один турецкий алаяк-прохиндей ловко околпачивал нашего неискушенного в делах-делишках («ілік-шілік»), наивного Президента (Әбеке Нурпеисова) на 800 (восемьсот!) тысяч долларов. Год-другой спустя, один германский проныра-делец увел из ПЕН-клуба 500 (пятьсот!) тысяч долларов. И, наконец, лондонский прощелыга обмишулил Президента ПЕНа на 600 (шестьсот!) тысяч долларов. О да, об этом казусе знали и рядовые члены ПЕНа, и в высоких сферах, было неловко, стыдно, больно, досадно. Всем стало ясно, что Абеке явно переоценил свою деловую хватку, что в рыночных делах он ни бе, ни ме, бизнесмен никудышный, наивный, доверчивый, склонный к самообману, однако все и всё прощали: большой, маститый писатель, корифей, патриарх, феномен, авторитет, хотел, как лучше, заботился о своих коллегах, а получалось, как всегда, ни шатко, ни валко, косо-криво.

Было и немало достойных, крупных акций и мероприятий. Зачеркивать их никак нельзя.

Постепенно все пришло в запустение. Последние три года члены ПЕНа ни разу не собирались. Никто не знает даже точное коли-

чество членов: кто-то умер, кто-то уехал, кто-то самоотстранился. Наступили сугубо меркантильные, торгашеские времена. Ушли в мир иной лучшие представители Казахского ПЕНа – Т.Ахтанов, М.Симашко, А.Жовтис, К.Смаилов, О.Бокеев, К.Мухамеджанов, М.Кабанбай, А.Дебольский, В.Бадиков, А.Сейдимбеков, З.Кабдолов, Р.Нургалиев... кого-то, наверняка, забыл.

И вот 16 августа 2010 года собрались в запущенном, растерзанном здании ПЕН-клуба одиннадцать членов, главным образом, позднего призыва, чтобы услышать из уст престарелого его президента, что́ делать и вообще как дальше жить.

Печальное, должен сказать, было зрелище.

Обнаружилось, что вся документация ПЕНа не в порядке. Устав зарегистрирован 13 лет назад. Печать находилась в руках человека, который к ПЕН-клубу вообще никакого отношения не имеет. И переговоры о продаже здания ведут случайные люди.

Все идет диким самотеком. А в подспудные детали и вникать стыдно. Конечно, все валить на одного Нурпеисова тоже неверно и несправедливо. В инертности нашей самодеятельности виноваты мы все.

Теперь вопрос упирается в одно: как можно скорее передать запущенное здание (некто готов его купить за один миллион триста тысяч долларов), положить один миллион на депозит (о каких-то прокрутках после стольких неудач и речи нет), а на триста тысяч обрести более скромный (скажем, в 100 кв. метров) новый офис. Так уверяет Президент ПЕНа.

Такова задача дня. Таков, мол, оптимальный вариант.

Полный уверенности, что получится именно так, у меня нет. В наше время слишком доминирует изворотливый шахер-махер. Но что делать, коль положение патовое?

Я слушал сбивчивые, возбужденные речи моих коллег, обрадовался тому, что среди них есть толковые люди, близкие и к законам, и к бизнесу, смотрел на некогда ухоженное, а теперь изуродованное, будто Мамай прошел, здание, с грустью думал о том, как катастрофически падает в наше время престиж писателя и вспомнил,

как лет 10-13 назад приезжал в наш ПЕН корреспондент «Литературной газеты» Борис Евсеев и, пораженный увиденным, написал статью «Дом, который построил Нурпеисов». Теперь впору приезжать ему снова, чтобы написать статью «Дом, который продал Нурпеисов».

Не только шикарное здание в 747 квадратных метров будет, видно, продано в центре города, но и преданы забвению аруахи, которые составили славу и гордость Казахского ПЕН-клуба.

Очень хорошо знаю: Нурпеисов никогда не спешит, действует обдуманно, расчетливо, и скорее всего его план осуществится. То есть, бывшее здание ПЕН-клуба благополучно продаст, один миллион долларов положит на депозит, купит новый офис, передаст кому-нибудь бразды правления, сам останется почетным президентом, потечет жизнь своим извечным руслом... все так, я почти не сомневаюсь. Но пока я мысленно прощался с Домом и с тем, что некогда в нем происходило. В новый офис я вряд ли впишусь. И стало мне грустно и тоскливо. «Аяғы дүниенің ырық-жырық».

17.08.10

* * *

Каюсь: читал и до сих пор, в 76 лет, продолжаю читать много явного вздора и чепухи. Виноват в том, конечно, я сам. Недостаточно принципиален и мягок сердцем: чтобы никого не обижать, читаю явную дребедень – казахскую, немецкую, русскую, переводную. Господи, кто только ныне не пишет, и все считают себя писателями, все хотят, чтобы о них говорили, писали, замечали, одобряли, хвалили, восхищались.

«Наши», российские немцы, перебравшись в Германию и обзаводившись компьютерами, начинают повально строгать-стрянать-кропать романы о пережитом, не имея ни элементарных навыков, не владея ремеслом, не вникая в природу, в тонкости письма, творчества, не изнуряя душу живым словом. Многие даже не считают нужным читать, ограничиваются школьным багажом и крохами житейского опыта. Самое любопытное, что именно они

наводнили книжный рынок, более того, их даже читают, предпочитая признанным классикам, на них равняются следующие писаки, и в мутном этом потоке гибнет все, что порождено истинным талантами.

Беда вселенская!

Особенную активность проявляет в так называемой литературе российских немцев женский персонал. Свою нерастраченную, невостребованную энергию они реализовывают в Германии на шкрябание пером, вернее, на высиживание за компьютером. На свои же пенсионные или социальные гроши умудряются издать в Германии, в России, Украине, Литве, Киргизии свою продукцию – беспомощные вирши и вымученные «ро́маны» и присылают это мне на Gutbeachtung – с просьбой прочитать, высказаться, откликнуться. Боже! Зачем это мне? Мне что, мало казахских поделок? И зачем мое мнение им? Я ведь не судья и не апостол. Ну, пишите, сколько влезет, печатайтесь, насколько позволяют ваши ресурсы, любуйтесь собой и утешайтесь. Но ради Бога, не мучайте других. Ведь не литература это, не литература! А так, хобби, забава, проба пера, самоутешение, алахай-малахай, чики-пуки. Один бывший джамбульский немец позвонил мне: «От нечего делать я тоже пишу». Бывшая кустанайская немка прислала свой третий роман: «Скажите сто́ит ли мне дальше писать?» Еще одна не в меру активная дама с двойной фамилией состряпала двухтомный роман-дилогию, семейную сагу с фотографиями: «Нельзя ли это издать в Казахстане в переводе на казахский язык?»

Пишут учительницы (бывшие), бухгалтеры-товароведы (бывшие), журналисты (не нашедшие себе применения на этической родине), воспитатели детских домов, пенсионерки, домохозяйки, библиотекари, обнаружив вдруг на склоне лет зуд творчества. Пишут во всех жанрах. Пишут по наитию, на свой салтык, не представляя, что писательство, помимо профессиональных навыков, такта, вкуса, чутья, еще и систематический труд, творчество, божий дар.

И при этом находят себе оправдание: а сколько развелось таких писак среди исконного германского племени, среди русских, казах-

ских и других представителей человеческого рода! Уйма! Тьмы и тьмы! И чем мы-то хуже? Чай, не боги горшки обжигают. Вот и лепают. Ну, и на здоровье. Строчи, как Бог на душу положил. Только не путай божий дар с яичницей. И не думайте, что все эти опусы имеют отношение к литературе.

А вообще-то, если задуматься, так было искони, изначально, всегда: наряду с подлинной Литературной существовала откровенная халтура. Кто-то писал: «Я помню чудное мгновенье», а кто-то лез на гору, чтобы масляной краской запечатлеть сокровенное: «Здесь был Вася». Надо воспитывать, окультуривать в себе чувство этой разницы. Вероятно, это дается с опытом, со временем, с образованием, с состоянием внутреннего мира и восприимчивостью души.

Заглядываю в «Круг чтения» Льва Толстого. Сенека, римский политический деятель, философ и писатель, живший еще до новой эры, предупреждал:

«Опасайся того, чтобы чтение многих писателей и всякого рода книг не произвело смутности и неопределенности в твоей голове. Следует писать свой ум только писателями несомненного достоинства, если желаешь извлечь что-нибудь полезное. Слишком много книг развлекает ум. Поэтому читай только книги, признанные бесспорно хорошими. Если когда-нибудь явится желание перейти на время к другого рода состоянием, не забывай никогда возвращаться опять к прежним».

Совет на все времена, не правда ли?..

О «плохих книгах» обстоятельно и решительно говорил немецкий философ Артур Шопенгауэр:

«В литературе повторяется то же, что в жизни. Куда ни обернешься, наталкиваешься на неисправимую чернь человечества, – имя же ей легион, – всюду кишащую и все загаживающую, словно летние мухи. Отсюда такое размножение плохих книг, такой необычайный урожай литературных плевел, заглушающих хорошее зерно. Такие книги крадут у публики время, деньги и внимание, которые по-настоящему должны бы доставаться только на долю

отборных произведений. Плохие книги не только бесполезны, но положительно вредны...».

Что я за свою жизнь прочитал очень много плохих, бесполезных книг, я особенно болезненно ощущаю в последние годы. Меня это угнетает, удручает. Я обзавелся кипой редких, толстых книг (каждая по 40-60 печатных листов – от 600 и более 1000 книжных страниц), которыми наслаждаюсь в короткие вечерние часы. Как бы очищаю свой ум и душу от смуты и скверны.

А с утра почтальон приносит бандероль или извещение на книгу. Знаю: из Германии и из казахстанских областей. Чаще всего книги ни уму, ни сердцу. Но надо их подержать, полистать, пощупать, понюхать. Иногда даже что-то печатно сказать. Потом выйдешь на прогулку к памятнику Чокану, и там тебя непременно подстерегают, подлавливают двое-трое и тоже подсунут свои книги. Чаще всего любительское а-ляу-ляй. «Посмотрите. Полистайте на досуге. Может что-нибудь напишите...»

А у меня вообще-то нет досуга. Я давно вогнал себя в строгий режим. Все у меня расписано от и до. Я, кажется, превратился в машину. А в мало-мальски свободной минуты мне охота почитать Шекспира, Гете, Толстого, Т.Манна, Конфуция... что-нибудь умное, полезное, для души.

И вот незаметно, исподволь накапливается много-много дурных книг на трех моих балконах в десятках ящиков. Приличные книги не помещаются в квартире. Казахстан необъятен, в пять раз больше Германии, а в квартире тесень, как в Японии.

Знакомого писателя, корифея и патриарха казахской литературы тоже заваливали (я свидетель) все, кому не лень, своими изделиями. Он даже виноватые, восторженные авторские автографы-посвящения не читал. А вечером, в сумерках, охапками выносил к мусорному контейнеру. Для книг даже в подвальном помещении места не оставалось. Меня это, помнится, коробило. Я подобные книги раздаю-раздариваю или передаю в университетские библиотеки. Кому-то, возможно, они нужны. Зачем им пылиться на балконах?

Вчера (17.08.10) я обзавелся шикарно изданным однотомником Эдгара По – «Все рассказы» и, дописывая эти заметки, приготовился было читать, как пришла с почты жена и объявила с порога: «Тебе бандероль». Знаю: из Германии. Или из Петропавловска. Или из Кызылорды. Или из Усть-Каменогорска. А, может, из Актау или Астаны.

O, mein Gott!..

* * *

С каждым годом я все больше убеждаюсь в том, что выбрал для себя, пожалуй, оптимальный вариант, не эмигрировав в свое время вместе со своими соплеменниками в Германию. Вообще-то я никогда о том всерьез и не думал. К эмиграции меня толкнуло бы очень большое горе, ну, скажем, изгнание, насильная депортация, как это было в моем детском возрасте. Слава Всевышнему, веских причин для эмиграционного настроя у меня не было. Я вырос в Казахстане, с малых лет впитал казахскую ауру и оказался востребованным именно в Казахстане. По крайней мере, чувство востребованности не покидало меня никогда. И это мое счастье или удача, как хотите.

Конечно, то, что случился массовый исход моих соплеменников, то, что многие так и не смогли побороть в душе давнюю обиду и несправедливость, то, что Россия так и не вернула «русским» немцам законной автономии и сознательно, отнюдь не благородно отторгла нас, то, что бестактно, подло даже стирает в истории России немецкий след, не замечая их многовековой вклад в науку, экономику, искусство, государственное управление, строительство и многое-многое другое я воспринимаю однозначно как национальную и личную, гражданскую трагедию, и эта боль всегда со мной до гробовой доски, это тот самый пепел Клааса, который всегда стучит в моем сердце, это ЗОВ, неизменно будоражащий и смущающий мою душу, это неосуществимая мечта Грааля. Это так. И о том я написал целый роман – «Зов». И эти мотивы звучат и во всех остальных моих произведениях.

Но при всем при том я всегда помню, что огромная страна Казахия в трагедии моего народа никак не виновата. И сама мысль об эмиграции меня всегда страшила. Будучи в Германии, посещая многие города, встречаясь на разном уровне с бывшими соотечественниками, с моими соплеменниками, слушая их и пытливо глядя им в глаза, я пришел к выводу, что эмиграция – далеко-далеко не для всех благ, что «там» никто нас не ждал, что на родине предков, хоть лоб себе расшиби, ты чужой, пришелец, поздний, а точнее, запоздалый возвращенец, незваный гость или дальний-предальный родственник, которого приличествует терпеть, к которому следует выражать политкорректность, что в гостях хорошо, а дома все же лучше, что тебе десятилетиями понадобится жить-существовать-прозябать с абортированной душой, с русско-казахско-киргизско-узбекской сумой за плечами, с языком, к которому уже не приспособлена твоя гортань, что чтобы естественно влиться в германскую ауру, необходимо жертвовать минимум двумя поколениями, что...

Не стану далее продолжать. Интеграция происходит значительно сложнее, труднее, изнурительнее и болезненнее, чем это казалось, предполагалось, приблазнялось в тех краях, которые, бывало, чудились всего лишь местами ссылки.

Тема эта неисчерпаема. И я не буду здесь входить во все ее аспекты и параметры. Поговорю лишь немного о своих коллегах-литературах из числа руссланддойче.

Очутившись на родине предков, ряд (немалый!) российских немцев слегка освоившись, в основном от безделья, скуки и невостребованности принялся за сочинительство. Выходит, неведомый «дар» дремал-молчал почти до пенсионного возраста и вдруг вожделенный «хайматланд» разбудил их до поры до времени скрытый талант. Процесс пошел. Плотина прорвалась. Хлынул поток книг, в которых запечатлелась пыль бытия советского времени, мутный поток, не имеющий к литературе никакого отношения. Авторы спешили высказаться, выговориться, выхлестнуть обиду и боль за нескладную судьбу, понятно, по мере своего разумения.

Сотни и сотни книг (в подавляющем большинстве на русском языке), появившиеся в последнее десятилетие в Германии, уверяю вас, не увидели бы света ни в России, ни в Казахстане. О чем эти книги? Для кого они написаны? Каково их назначение? Каков их художественный уровень? Каковы тиражи? Никто не знает. Никто толком их не анализирует. Никто не говорит, что это самодеятельность чистой воды. Разумеется, среди бывших «наших» встречаются крепкие филологи, получившие образование в советских университетах, доктора наук и профессуры, есть талантливые литераторы, издатели, критики, переводчики, журналисты (я их знаю, со многими знаком, состою в переписке), но их мало, очень мало, зато окололитературных дам, самодеятельных лайеров-писак, любителей изящной словесности – пруд пруди, легион. Они пишут-творят автономно, сами по себе, никак не вписываясь в общий литературный процесс – ни русский, ни – тем более – немецкоязычный. В какой-то мере они обслуживают ограниченную русскоязычную аудиторию бывших обитателей Советского Союза, обосновавшихся в Германии, которая, кстати, географически в пять раз меньше Казахстана.

Я всегда задаюсь вопросом: каким тиражом, скажем, наш герр Шнайдер издал в Германии свое русскоязычное изделие? Сколько человек его прочли? Сколько рецензий-отзывов о том прозвучало в печати?

Вспоминаю: бывший карагандинец, ныне покойный, Райнгольд Франк издал как-то на свои деньги сборничек стихов в количестве пятьдесят экземпляров. Год спустя, он признался в одном письме: «Три экземпляра я уже продал».

Смешно и горько.

Понимаю: благополучие, комфорт измеряются отнюдь не писанием и изданием книг, популярностью среди читателей. У каждого наличествуют свои идеалы, представления и жизненные интересы. Но для литератора, если он себя таковым признает, важно высказаться, выразить свое сокровенное и донести свою душу, свои мысли и чувства до публики. Иначе какой смысл в его усердном шкрябании пером?

На днях (21.08.10) писателю Анатолию Гладилину, в 1976 году эмигрировавшего во Францию, исполнилось 75 лет. В интервью, опубликованном в «Известиях» (17.08.10), он говорит: «Для моих друзей литература была самым главным в жизни. Я им говорил: «Если есть возможность издаваться в Советском Союзе, то сиди и не рыпайся. Потому что книга в СССР – это совсем иное дело, чем на Западе. Ну появится здесь несколько рецензий на твое произведение, прочтут его 50 человек. И дальше что?! А если ты написал настоящую книгу, она в России станет событием».

Наши руссланддойче в Германии, по-моему, эту истину еще не вполне осознали.

Далее Ан. Гладилин, писатель-эмигрант, говорит: «Из СССР уезжали не только гиганты типа Растроповича или Тарковского. Далеко не у всех получалось на Западе. Оказалось, что у человека либо маленький талант, либо его нет вообще. А многие считали, что во всем виновата советская власть. Они думали, что на Западе им будут все внимать».

В таком заблуждении находились и многие мои коллеги, эмигрировавшие спешно в начале 90-х годов прошлого века в мифическую этническую родину. Одна знакомая поэтесса говорила: «На свою поэзию ставку не делаю, а вот на сказки мои «там» наверняка будет спрос».

Расчет не оправдался. Уже через год ее и слышно не стало.

Другой, признанный журналист, по натуре напористый, мечтательно заявил: «О! Буду катать там романы – пальчики оближешь».

Не написал ни одного.

Третий делал ставку на фольклор, на этнографию.

Никого из тамошних не заинтересовал.

Четвертый уповал на экзотическую историю российских немцев.

Напрасно. Тамошним бюргерам все это оказалось, как говорится, до лампочки.

Мечты лопнули. Надежды улетучились.

Тяжело менять страну, менять судьбу. Для человека творческого тяжелее вдвойне, втройне.

Очень нелегко моим русскоязычным коллегам в Германии. Это значит постоянно испытывать свою невостребованность, ненужность.

Кое-кто, знаю, пытается писать по-немецки. Пока получается не очень. Гюнтер Грасс из российских немцев получится еще не скоро. А получится – местный немец вряд ли обратит внимание. Нужно время, нужна смена поколений. Нужно сны видеть на немецком. Нужно, чтобы язык был в крови. В Казахстане русскоязычный казахский писатель тоже не очень-то котируется. Я не знаю ни одного, который перешел бы в своем творчестве на родной язык.

Как быть? Видно, придется десятилетиями терпеливо взращивать таланты упорным трудом, учебой в самодеятельных кружках.

Кого я могу назвать зрелыми литераторами из числа моих соплеменников, живущих ныне в Германии? Из самого старшего поколения остались Нора Пфеффер (1919 г.р.) и Иоганн Варкентин (1920). Из моего поколения – Виктор Хайнц, Венделин Мангольд. Из более молодых – Вальдемар Вебер, Александр Шмидт, Владимир Эйснер, Александр Райзер, Надежда Рунде, Роберт Корн (историк-литературовед). Хватка у них профессиональная.

Допускаю: знаю не всех. Потому и «др.» не ставлю.

Понимаю: у писателя-эмигранта не может быть душевного комфорта. Душа постоянно не на месте. Выбор оказался трагичным.

Я лично никого критиковать или – тем паче – осуждать не вправе. Утешаю лично себя лишь тем, что оказался верен Казахстану, не поддался искушениям-соблазнам и в награду получил возможность максимально реализовать свои скромные литературные способности и намерения и в прозе, и в эссеистике, в литературоведении, компаративистике, в публицистике, критике, в переводах.

Недавно был у меня Александр Шмидт из Берлина, бывший казахстанец, алмаатинец. И он одобрил мой выбор. Считает, что я оптимально устроил свою судьбу – гражданскую и литературную, удержавшись от искушения перебраться в Германию или в Россию.

Что ж... Я рад. И решил открыто поделиться свой тихой радостью с читателями. Ведь литератору обрести гармонию всегда труднее, чем обывателю в жизни.

* * *

«В России ныне самая богатая власть. Вы спросите почему? Кто разрешает министрам быть долларовыми миллионерами? Кто позволяет депутатам быть миллионерами? Ответ очевидный – власть. Здесь начинается и кончается поток, в ценовом реестре есть всё: сколько стоит должность министра, его заместителя, сколько стоит место депутата в Госдуме, региональной, сколько стоит место сенатора. Милиция, суд, таможня, налоговая служба имеют свою ценовую карту».

Это пишет известный российский политический и общественный деятель Олег Попцов. В «Литературной газете» – № 32-33 от 17 августа 2010 г.

Факт в общем-то явный. Секрета тут нет.

Несколько лет тому назад заметная фигура во власти (Казахстана, конечно) обстоятельно объяснял мне, наивному литератору, сколько стоят у нас те или иные престижные должности: генерала, акима, низового акимчика, прокурора, судьи, депутата разного ранга, банкира, кладовщика. Все расписано, все включено в ценовой реестр, все четко регламентировано и систематизировано. Ныне, с прогрессом, надо полагать, такса изменилась, то есть, значительно повысилась. В этом вопросе Казахстан вряд ли отличается от России. Отсюда вывод: наиболее коррумпирована у нас власть. И борьба с коррупцией – миф. Не будет же власть бороться с самой собой, сама себя жалить. Значит, лапшу вешают на уши простым смердам-бишара. Значит, мафия бессмертна. Коррупция бессмертна. И уповать можно только на то, что мафиози, коррупционеры, как пауки в банке, сожрут, истребят друг друга. Их нужно стравить, как бешеных собак. Но кончится тем, что они сожрут не только себя и себе подобных, но и весь народ, всю страну с потрохами. Такое будущее – увы! – нас ждет.

Беда еще в том, что народ в общем-то все это знает и понимает. Но проявляет полное смирение, равнодушие, безразличие. Руководствуется сомнительной мудростью: наше дело телячье – обоср...ся и стой.

На том и стоим.

* * *

Когда я читаю критические материалы о России в российских газетах, я неизменно задумываюсь: «А как у нас?»

«У нас» – значит, в Казахстане. Я ведь казахстанец, и меня прежде всего интересует все казахстанское.

Вот читаю Александра Лившица в «Известиях» (19.08.10): «Каждый третий россиянин до сих пор обитает в развалюхе. Без водопровода. Центрального отопления. Газа. Канализации...»

И тут же возникает вопрос: «А у нас?» Ответа не знаю.

Читаю дальше: «В других странах тоже есть трудности... Взять, скажем, США. Проблему бедности гасят просто. Заливая малоимущих деньгами и льготами. По общему объему расходов тамошний федеральный бюджет превышает российский в 11 раз».

Вопрос: «А у нас, в Казахстане?» Не знаю.

«А по масштабам потока средств на социальные цели – в 60 (!) раз. Именно так, другой читатель. Проверял собственноручно. Это уже не различие. Другая планета».

Тот же вопрос: «А у нас?». Не могу знать.

«Среди одиноких обездоленным считается каждый, кто зарабатывает менее 800 долларов в месяц».

А у нас обездоленным считается кто?

Если исходить из 800 долларов в месяц, то и я, и все мои родственники, и знакомые, и 90 процентов литераторов-коллег дважды-трижды обездоленные всю свою жизнь.

Задумаешься, айналайын...

Обездоленных у нас пруд пруди, считай, абсолютно подавляющее большинство. Зато международных форумов в Астане каждый божий день. Е-е...е...

* * *

Телетворцы – тлетворцы. Или: тлетворные телетворцы.

* * *

Невозможно построить будущее, все время ругая-изобличая прошлое. На этом обожглась советская власть. На эти грабли на-

ступают и нынешние временщики. На отрицание прошлого надежного фундамента не выстроишь. Не с лидера нации – саруара – начинается казахская история.

* * *

В своем экономическом развитии мы дошли до такого состояния, что выделять деньги из госбюджета ни на что уже нельзя: мигом разворуют. В тотальном воровстве мы достигли высшего уровня. В этом искусстве мы находимся на почетном месте.

* * *

Реформаторский зуд наших властей нередко обретает уродливые формы. Вот надумали учительскую армию в стране облачить в строгую униформу. Сотни и сотни тысяч женщин-преподавателей одеть, как солдат, в одинаковый наряд. Почему? А чтобы не выделялись, не красовались перед коллегами и учениками. А то некоторые демонстрируют не то, что полагается демонстрировать. И еще, как пишут газеты, женщины вообще очень любят-обожают форму-стандарт. И еще униформа якобы воспитывает общественное сознание. И еще если всех женщин одеть в формы по 15-20 тысяч тенге каждая, может резко поднять отечественную текстильную промышленность.

Конечно, внешний вид учителя – важное дело. Я помню своих аульных учителей послевоенного времени. Одевались кто во что горазд. Тупоносые, тяжеленные, с раструбами, с войлочными чулками сапоги-саптама, американские ботинки на толстенной подошве, хромовые сапожки-шик с галошами, белые катанки, заскорузлые шубы, бурки, галифе, френчи, малахаи-ушанки, лисьи тымаки, шерстяные свитера аульного производства, шарфы из верблюжьей шерсти, пуховые платки, топорщащиеся суконные юбки, блузки с наплечниками, косоворотки... все это живописное обмундирование до сих пор стоит перед моими глазами. Знойным летом завуч Жаке пришел однажды в школу в ярко полосатой пижаме. Видно, он полагал, что это и есть изысканный летний костюм. Интернатовцы щеголяли в парусиновой обувке-колодках. Когда они строем

приходили строем, нарочито топоча деревянными подошвами, гудела земля, будто промчался табун лошадей.

На днях прислали из Петропавловска книгу-справочник «Знатные люди Кызылжарского края». В ней я насчитал 14 выпускников Ленинской казахской средней школы, где учился и я. Среди них ученые, писатели, педагоги, юристы, дипломат, общественные деятели. Значит, обмундирование учителей тех лет не оказало влияние на общий учебно-воспитательный процесс.

Вот и чудится мне, что желание в наше относительно благополучное время обрядить всех женщин-педагогов в униформу, – просто нонсенс, глупость. Конечно, опрятность и строгость в учительском внешнем виде желанны, скорее всего, обязательны. Но всех женщин, каждая из которых знает, подчеркивает свою индивидуальность едва ли не с раннего детства, обладает вкусом, шармом, обаянием, стричь под одну гребенку – это уже слишком. Даже в тюрьмах, в концлагерях, в советских «Алжирах» сложно было женщин одевать в арестантские робы. Это насилие над женской природой. А наши горе-реформаторы непрочь одеть женщину-педагога носительницу вечного, разумного, прекрасного, едва ли не в фуфайки с бубновым тузом на спине, в ватные штаны и кирзачи. Стыд и позор!

Я понимаю: намерение благое – оберечь детский взор от «фифочек» в прозрачных платьях, светлых кофточках с глубоким декольте, голоногих, голоруких и голопузых, увешанных к тому же дорогими серьгами, кольцами, перстнями, бусами, браслетами, напомаженных, разукрашенных, разрисованных, как диво дивное. Подобные разновозрастные «апашки» и «татешки», понятно, не способствуют образовательному цензу. Но женщина-педагог сама сообразит, что ей к лицу, что подобает назначению, профессии, и сама выберет оптимальный вариант поведения и наряда. Не надо упаковывать ее в униформы и наводить однообразие, тоску и уныние всем ее обликам. Вряд ли манекен в футляре возрадует взор юных созданий и разовьет их эстетический вкус.

Нет, стандартизированная женщина в униформе – не идеал.

Не о том думать-заботиться, господа реформаторы! А лучше бы вошли в положение нищего, вконец замордованного шкраба, который на свои крохи покупает краску, гвозди, гардины, шторы, кисти, растворители, чтобы хоть как-то оборудовать классные кабинеты. Ведь собрать деньги у родителей на бесконечные нужды – предосудительно. Это расценивается как коррупция. Учителя, завучи, директора школ вынуждены выкручиваться, как могут. А теперь надумали их облачить в стандартные сарафаны стоимостью в 15-18 тысяч тенге (конечно же, за свой счет!) Это иначе как издевательством, глумлением не назовешь. А те, что женщины плюнут и уйдут из школы. Пусть, мол, чиновники в высоких учреждениях сами предстанут перед школьной аудиторией. Пусть напялят на себя казенные балахоны и сеют доброе, разумное, вечное.

20.08.10

* * *

Картинка по «Хабару». На хлебном поле Костаная (25.08.10) саруар страны проводит встречу-беседу с хлеборобами. Он стоит посреди созревшей, ладно уродившейся пшеницы, показанной операторами крупным планом, стоит в костюме, при галстуке, торжественный и очень довольный (накануне открыл макаронную фабрику). Рядом – маленький, плотный Кулагин в очках, в костюме, при галстуке. Усердно кивает головой и всем обликом излучает подобострастие. А перед ними встали рядком двадцать-двадцать пять (по всему, тщательно отобранных) хлеборобов-статистов. Тоже в отглаженных костюмах, при галстуках, двое-трое даже в шляпах, у всех на груди ордена. Поддакивают, внимают, глаза пучат, жалкие, угодливые словеса. По стати, обличию видно: никакие не хлеборобы, а заштатный чиновничий люд, допущенный к мероприятию.

Такая вот картина. И для кого эта постановка? Кто режиссер? Кто заказчик? Кто зритель?

* * *

С некоторых пор птички – воробьи, синички, голуби – покинули наш двор. Их разогнали «талибаны» – афганские скворцы. Мертво, пусто стало.

Как в моей душе.

Карагач под окном рано поблек, пожелтел, одряхлел как я.

Могучий тополь у въезда во двор вчера под легким ветром ворохами ронял листья, весь тротуар вокруг усеял.

Этот тополь – я.

* * *

Мне нравится неиссякаемый оптимизм нынешнего министра образования и науки Жансеита Туймебаева. Верный кадр показушной эпохи. У него всегда и всюду небывалые успехи. Образование и наука в Казахстане под его руководством неизменно занимают высокие, ведущие места в мире.

Вот, к примеру, он приводит данные американского журнала «Newsweek»: по качеству образования Казахстан находится на 14-м месте, а Россия – лишь на 31-м.

Я бы постеснялся такое процитировать, даже если это писала «Вашингтон пост». Ибо это чистой воды вранье.

Это надо же! Что тут скажешь? Значит, все россияне хлынут вскоре в Казахстан за образованием. (см. «Экспресс К» от 26.08.10). Значит, молодой люд устремится не в МГУ, а повалит в Астану в Назарбаев-университет. Как говорил один казах: «Ойна Кузембаймен!»

И до того, помню, министр Туймебаев громогласно заявлял, что по каким-то показателям-критериям мы прочно занимаем вторые и третьи места в мире.

Апырай, а! А мы, слепые и глухие, сидим в провинции-глухомани и не видим и не слышим того, что видит и слышит наш бойкий министр.

Между тем в других газетах пишут, что 300 школ в республике разваливаются от ветхости, столько же школ дышат на ладан, в 70 школах учатся в три смены, 85% школ построены 20 лет назад,

остальные – 40-50 лет тому назад, нехватка кадров потрясающая, учебники анекдотические, на ремонт классов, кабинетов катастрофически не хватает средств, с «Самопознанием» полная неразбериха и т.д. и т.п. Да и чего скрывать: мы же знаем уровень учебного процесса, взяточничества в вузах, крушение науки. Нам бы не пыль в глаза пускать, а тихо сопеть в две дырочки. А тут 14-е место по качеству образования в мире, намного-намного впереди России. Даже приблудные собаки, бродящие стайками возле бывшей Академии наук, тому не поверят.

Известно: без вранья в политике не обойдешься, но какая-то совестливая мера ведь должна быть...

* * *

И опять возвращаюсь к теме: «А как у нас?»

Росстат опубликовал данные о средних зарплатах федеральных чиновников по итогам первого полугодия 2010 года (см. «Известия» от 26.08.10).

– Аппарат правительства – 88522 рубля.
– Счетная палата – 81972 р.
– Администрация президента – 80696 р.
– Министерство спорта – 63646 р.
– Совет федерации – 59894 р.
– Государственная дума – 48792 р.

И т.д.

Мысленно превратите эти рубли в тенге по курсу и вы удостоверитесь: нештяк, нехило, правда? А потом задайте себе вопрос: «А у нас?» Имея зарплату, скажем, министра Туйменбаева, я наверняка тоже сутками напролет пел бы соловьем о сплошных успехах и достижениях. А как же иначе? Иначе дадут по шапке.

* * *

Анатолий Васильевич Молодов, мой компаньон по прогулкам у Чокана, Народный артист СССР, профессор, тридцать лет поднимавший хоровое искусство в Казахстане, по обыкновению расска-

зывает о выдающихся композиторах, писателях, высокодуховных личностях, вдруг умалкивает, вздыхает и досадливо отмахивает рукой: «А сейчас мы живем в безвременье. Вот так! Нет вокруг времени». «Как это?» – любопытствую я. «А так!» – отвечает мой собеседник горячо. – Композиторов нет. Поэтов нет. Писателей нет. Философов нет. Никого и ничего нет. Пусто! Безвременье!»

«Зато есть, – говорю, – нефть, газ, лидер нации...»

«Ну и что?.. А Пушкин? А Достоевский? А Толстой? А Чайковский? Назовите писателя, который объяснил бы казахстанцам, что́ есть Казахстан».

Я молчу, перебираю в памяти доморощенных классиков. Чего нет, того нет. Ни Абая. Ни Шакарима. Ни Ауэзова. Ни даже Джамбула, которого дурили всякие секретари.

Молчим, погруженные в горестные думы. В самом деле, 800 членов Союза писателей есть, а что происходит со страной, что творится вокруг, куда идем, как вписываемся в мировое кочевье, объяснить, показать, осмыслить некому. Вот и довольствуемся жвачкой, сывороткой, обратом, мамалыгой, похлебкой-быламыком, которыми пичкают нас день-деньской временщики у власти. Некому объяснить нам страну. Довольствуемся быламыком. И в этом почтенный профессор Молодов прав: настало безвременье. Прозябаем вне времени. Все вокруг измельчались. Вымерли властители дум. Остались мелюзга. А что дальше? Что потом? Ведь выросшие на быламыке-мучной тюре так и останутся мелкими сошками, бишарой-сорлыбаюшкой, рабами-кулами. Прав коллега Калихан: «От мусора рождается мусор». Нефть, газ, соруар Дух народа не спасут.

Да, есть у нас писатели, на спесивой груди которых, по-казахски выражаясь, можно испечь лепешку. Обитают-здравствуют среди нас патриархи, корифеи, великие да маститые, суперы-дарабазы, гении, неповторимые шекспиры и толстые, дутые феномены, но почему-то никто их всерьез не принимает. А объяснить страну некому.

Безвременье...

* * *

28 августа 1941 года был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении немцев Поволжья в Казахстан и Сибирь. Тем самым была распущена Автономная Советская социалистическая Республика немцев Поволжья, созданная в 1924 году со столицей города Энгельс.

В той республике, в той столице в 1934 году родился и я.

Указ был несправедливый, клеветнический, зловещий, палаческий.

Двадцать три года и один день спустя – 29 августа 1964 года – Президиум Верховного Совета СССР признал этот указ необоснованным, огульно ложным, свалив всю вину на культ личности, и отменил его.

За эти двадцать три года и один день униженный, оскорбленный, лишенный всех человеческих прав, раздавленный и растребленный по просторам империи, отлученный от образования, национальной истории, культуры и языка тихий, скромный, трудолюбивый этнос оказался умерщвлен физически и морально. Пережившие депортацию, ссылку, комендатуру, трудармию, все изощренные ограничения так называемые советские (российские, этнические) немцы отчаянно боролись, преодолевая циничную, тотальную дискриминацию, еще 35 лет за свои гражданские и национальные права, за свою историю, культуру и язык, за свою Автономию на Волге, но все титанические усилия не увенчались успехом, не сработали национально-освободительное движение, многочисленные Комиссии, Комитеты, «Возрождения-Видергебурт», совещания, пленумы, съезды с участием высоких чинов со стороны Центра, республик и Германии, неправительственных и религиозных организаций, коллективные петиции и хождения по высоким инстанциям, шумных озвучиваний в прессе, встречи с Горбачевым и Ельциным, разные разумные и не очень акции, компромиссы и ультиматумы, нет, не сработали, все тщетно, все напрасно, alles vergebens, советская власть, выжидая, затягивая решение очевидной проблемы, изворачиваясь и изощряясь, не брезгуя никакими грязными увертками в конце-концов перемолола упрямый этнос, и

кончилось все массовым исходом из страны, в развитие экономики, культуры, искусства которой предки российских немцев вкладывали свои силы и таланты в течении более двух веков.

Трагедия народа началась с того Указа от 28 августа 1941 года.

Этот день российские немцы отмечают с тех пор как день скорби и национальной трагедии.

Сегодня отмечают в 69-й раз.

Сменилось почти три поколения, но пепел Клааса стучит в сердцах тех, кто относит себя к этому трагическому этносу.

Обо всем этом я много писал.

Мне было без малого семь лет, когда гитлеровцы напали на нашу родину.

Я помню депортацию и все-все-все, что последовало за ней.

Я стою сегодня с утра на балконе, больной и одинокий, вспоминаю все это и мысленно нахожусь со своими соплеменниками – в Германии, России, Казахстане – везде, где они обитают, и вместе с ними оплакиваю нашу судьбу и скорблю.

* * *

Один из постыдных слабостей наших доморощенных писателей – неуемное стремление попасть на личный прием к Президенту страны. Сказать им, как правило, нечего, кроме абстрактных банальностей, вроде как воспитание патриотизма средствами художественного слова, необходимость больше внимания уделяет качественному изданию книг и государственному языку, детским садам и школам на казахском языке и т.д. в таком духе. Вообще-то свои сокровенные мысли можно б было изложить и в письме на имя Президента, а еще лучше отразить в своем творчестве. Но нет!.. Не это суть важно. Важен сам факт: Такойтовича принял сам Президент! Да, да, беседа длилась 10-15-20-30 (!) минут. И об этом непременно должно быть объявлено в печати, показано по «Хабару», слух должен прокатиться по всей степи великой, то есть, казахской, чтобы каждый-всякий убедился в том что он не просто Какойтович или Такойтович и совсем ни Никакойтович, а бо-о-ольшой-бо-о-ольшой писатель, в мыслях-думах которого остро

нуждается и Президент страны, и народ. Пусть-пусть знают об этом и байбише и токал, и дети, и всякая мелочь-шантрапа. Ойна Кузембаймен! Знай наших!

Доподлинно мне известно, сколько лет домогался встречи с Президентом один «классик», о котором Президент и слыхом не слыхал. Знаю, как один патриарх-корифей обивал пороги Акорды, выклянчивая высокую аудиенцию. Помню, как один феномен после вожделенного приема целый год потом всем прожужжал уши о том событии и включал фотографию встречи во все свои книги.

Вот оно, даракианство! Вот она, амбиция! Вот оно, убожество! Бедный Президент! Ай, писатель-бишара!..

* * *

Стою на балконе, смотрю с печалью на наш покинутый с некоторых пор птичками двор и размышляю. Семей уже третий день мается без воды – и школы, и детсады, и больницы, и родильные дома. Ужас! В чем дело? Кто-то кому-то должен сотен миллионов тенге. А денег нет.

Горят реликтовые леса в Павлодаре. Не хватает техники. Денег нет.

Запланированные и подготовленные рукописи лежат в издательствах. На издание денег нет.

Нет денег у государства ни на что.

А на что есть? На саммит ОБСЕ!

Народ недоумевает: а на что нам это ОБСЕ, на что саммит? Официально газеты, радио, телевидение, высокие господа объясняют-толкуют на все лады, а народ бестолковый ничего не разумеет.

Видно, и я человек негосударственный. Многое не беру в толк. Ничего не имею против и саммита, и ОБСЕ. Знаю: престиж страны, авторитет лидера нации. Но ведь, думаю я, грешный, наверное, целесообразней было бы сначала залатать-затыкать внутренние дыры, которые зияют во всех направлениях. На саммит потратим миллиарды, а на третий день забудем. Какой толк? Так, треп. Пшик! Показуха! Разве мир удивишь саммитами? Курам на смех! Рядовым гражданам какой навар?

...Стою на балконе, думаю грустную думу свою...

* * *

Вообще-то я считаю: человек должен уважать свой возраст, свою старость. Особенно публичные, творческие люди. Некрасиво, даже неприлично, когда почтенный старец, отчаянно молодясь, хорохорится, путается под ногами, лезет на глаза. Если талант не угас, не иссякли способности, твори, пиши, рисуй, сочиняй в тиши, в уединении, но не лезь на экран или на трибуну, не демонстрируй свою немощь, свое скудоумие, свои морщины и дефекты, свои недуги, свою дряхлость. Уважай себя и зрителей.

Вот сидит старичок-боровичок, маленький, плюгавенький, полуслепой, полуглухой, с гипертрофированной амбицией, весь какой-то неопрятный, нечесаный, сжатый весь, голову втянул в плечи, глаза опустил, губы распусти, сидит перед внушительным, осанистым президентом страны, возомнив себя корифеем отечественной литературы, и что-то мямлит-бормочет. Смотреть на него тошно и стыдно. И президент глядит на него с явным недоумением. Должно быть, думает про себя: неужели через шестнадцать лет и я буду таким? Писателю уже около девяноста, но он упорно, несколько лет домогался встречи с Президентом с явной корыстной целью: что-то выпросить-выклянчить или хотя бы напомнить о себе.

В официальной газете потом обтекаемо сообщили, что разговор шел о молодом поколении и патриотическом воспитании.

Или вот: два литературоведа, обоим за восемьдесят, высохшие, дряхлые изнуренные старческими хворями, сидят перед высоким государственным чином и по праву старшинства невразумительно твердят о том, что они, несомненно, отзовутся на просьбу-предложение властей, откликнутся, поддержат, ибо заказ руководства для писателей всегда свят. Смотришь на них и думаешь: господи, они хоть понимают, о чем идет речь, куда и на что их толкают, что их, почтенных старцев, используют, как черных слуг, мелких пристегай-пристебаев.

Нет, не уважают они ни себя, ни свой возраст, ни своих молодых коллег.

Еще один согбенный, скрюченный старец, восьмидесяти восьми лет, не сомневающийся в том, что он классик, божий одуванчик, окруженный группой поклонников, подписывает дрожащей рукой свои старческие опусы.

Жалкое зрелище!

Все мы стареем и дряхлеем. Я и сам и по возрасту, и по недугам, по всему облику приближаюсь к этим аксакалам. Однако постоянно помню об этом, стараюсь держаться незаметно, в сторонке, в тени, никому не мозолить глаза, не выказывать свое угасание.

У каждого свое время и свой удел. И держаться следует соответственно.

Я так понимаю.

* * *

В русском мате мне слышится агрессия, казахское «сигейн» звучит, как музыка, вроде как «айналайн».

Что увидишь в отчем гнезде...

Такова первая половина известной казахской пословицы. Вторая половина гласит: «...то познаешь в полете».

Древняя мудрость номадов, которую просвещенные педагоги с научными степенями то и дело разворачивают-перепевают-переиначивают на все лады в своих мудреных трудах-трактатах, щедро напичканных цитатами от Ушинского до Алтынсарина.

Напомню: я тоже педагог по своему базовому образованию. Окончил в 1958 году КазПИ им. Абая (к новому названию моей Альма-матер – АГУ – никак не привыкну). Было время – и в школе преподавал. И аспирантуру по кафедре методики русского языка и литературы при этом же институте окончил.

Ну, а потом ушел в литературу, в переводчики.

А вырос, между прочим, в сугубо («қаймағы бұзылмаған») казахском ауле на берегу Ишима-Есиля и окончил среднюю школу на казахском языке.

Еще в родительском гнезде я понял азы и подлинно **национального** (немецкого и казахского), и истинно **интернационального**.

На эту тему за немалую свою литературную жизнь я размышлял и написал изрядно (романы, повести, рассказы, эссе, статьи).

Узнав, что в «моем» институте (теперь университете) задумали журнал «Ұлттық тәрбие» (что от всей души приветствую и сознаю острую необходимость, актуальность такого издания), я решил поделиться некоторыми ощущениями по этому вопросу в чисто публицистически-эссеистском направлении, избегая по мере возможности квази-научной тональности.

С самого начала должен сознаться, что я как гражданин независимого Казахстана, как человек, с семилетнего возраста воспитанный в казахской среде, пропитанный и пронизанный казахской ментальностью, сохранивший и оберегавший при этом свою этно-немецкую сущность, еще не созрел до космополитического восприятия мира, до вожделенной для некоторых пресловутой глобальности, до мифических вселенских ценностей, до последней стадии унификации в неком бурлящем американизированном котле. Для меня и поныне все подлинное, высокое **национальное** играет главенствующую роль в воспитании и становлении Личности. Стирание и потерю исконных национальных черт и качеств я воспринимаю как разрушение, крах, катастрофу индивидуальности. Я убежденный противник всякого «шала» – шала-казахов, шала-немысов, шала-евреев. Ни в город Богдан, ни в селе Селифан – не мой идеал. Острое неприятие вызывает во мне и рабская подражательность, когда, скажем, казах тщится быть русским, немцем, американцем, когда он сознательно отрекается от своих национальных корней, от материнского языка, истории, культуры, духа, обычаев, нравов, заповеданных предками. Вот на борьбу с подобным манкуртизмом и должны быть направлены все усилия, все возможности, все таланты педагогов, литераторов, историков, философов, культуртрегеров всех мастей. Ринуться в общий котел, в общий хлев и перемешаться-раствориться в нем, полагаю, человечество, нации всегда успеют, спешить к этому, форсировать этот процесс, на мой взгляд, особенного резона нет, никак не стоит, а

надо, поелико возможно, держаться руками, ногами, зубами за все **национальное**, этническое, что выявляет, подчеркивает, определяет твою сущность и значимость как Homo sapiens.

Таково мое кредо.

С таким нравственным критерием я неустанно обращаюсь и к немцам, и к казахам, и к русским, призывая их, прежде всего, оставаться самим собой, развивать, оберегать и сохранить те национальные, этнические достоинства, которые составляют генетическую цепь, суть («тек» по-казахски) твоего рода.

На этой ноте я, собственно, мог бы закончить свою статью для «Ұлттық тәрбие», но я ведь литератор, а потому позволю себе конкретнее проиллюстрировать основные положения своих воззрений в данном вопросе.

Родился я в городе Энгельсе Саратовской области – тогдашнем центре Автономной республики Немцев Поволжья (АССРНП). В лётной школе, где служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) мой отец, среда была интернациональная – русские, украинцы, татары, евреи, немцы, чуваши. Потом, до начала войны, с 1938 по 1941 годы, я жил в родительском краю, в сугубо немецкой среде, где я столкнулся на стихийно-несознательном уровне с традициями национального воспитания поволжских немцев. В чем была его суть? Перечислительно обозначу: аккуратность, чистота, честность, ответственность, исключительное уважение к родителям, старшим, воспитанность, помощь малым, слабым, посильный труд, прилежание, склонность к музыке, к разным ремеслам, доброта, сдержанность в своих желаниях, экономность, трезвость, привычка к строгому распорядку, ласковое отношение к домашним животным, опрятность во всем, любовь к природе, к «Mutterspouch» (Muttersprache) – к материнскому языку. Если к тому же ты мог малость «шпрехать» auf Rusch – то есть по-русски, ты сильно вырастал в глазах деревенских соплеменников.

Таков был глубоко внедрившийся в сознание бытовой и нравственный уклад жизни поволжских немцев.

Это и было моим начальным семейным и национальным воспитанием.

В сентябре 1941 года (получается 69 лет назад) семья наша была депортирована в Казахстан, и мы очутились в казахском ауле в Северо-Казахстанской области, где отец заведовал фельдшерско-акушерским пунктом. Вокруг по обе стороны реки Есиля простирались аулы Коктерек, Мектеп, Орнек, Бирлик, Жана-жол, Жана-талап, Каратал, Алка-агаш, Жанасу, Аксу – первозданная казахская среда, Приишимье, воспетое акынами. Я с головой окунулся в казахскую стихию. Начал осваивать казахский язык, приучать свою немецкую гортань к казахским специфическим звукам, к ладу и складу иноязычного речестроя. Понемногу я обрел психологическую устойчивость и уверенность. Окончил казахскую среднюю школу. Стал аульным балá, любимчиком старейшин и сверстников. Читал, писал, сочинял стишки (абсолютно беспомощные, правда), говорил, пел, иногда сквернословил, подражая колхозному бригадиру, по-казахски. И понял, уразумел вскоре, что те воспитательные основы, которые я усвоил в немецких деревнях на Волге, не потеряли своей ценности и значимости и в казахских аулах. И здесь суть национального воспитания зиждилась на вековых традициях: любовь к родителям, исключительное почтение к старшим, знание своих предков до седьмого колена, учтивость, воспитанность, совестливость, забота о младших и сирых, взаимопомощь, умение обходиться с домашними животными, пасти ягнят, скакать на лошади, достойно вести себя за дастарханом, не вопить по-дурному, быть добрым, участливым к чужому горю, строго соблюдать приличия, быть умеренным в своих запросах, довольствоваться малым, благодарить Всевышнего за все блага (О, Аллаһ, бергеніңе шүкір!), не жаловаться на тяготы жизни, ибо на все воля Создателя.

В большой степени, равняясь на аульчан, я освоил и эти национальные качества и достоинства казахов. И эти два нравственных корджуна –немецкий и казахский – стали моим главным богатством. Позже, уже студентом, я обзавелся и третьим корджуном – русским языком, русской культурой. Правда, должен сознаться: многие черты бытового русского национального духа, разные манеры-повадки в людских отношениях мне оказались чужды.

Вероятно, оттого, что в «чисто» русской среде я никогда не обитал, а те русские, что встречались на моем пути в молодые – подчеркиваю – годы, судя по всему, не являлись подлинными носителями русской ментальности. Истинная русскость не вошла в мою плоть и кровь. Пишу я преимущественно по-русски, но русским писателем себя никогда не считаю.

С годами я от своего аула все больше удалялся, приезжал в него один или два раза в год, пока там жили родители. После окончания института более двух лет учительствовал в Байкадамской средней школе Джамбульской области. Тем самым снова оказался в чисто казахской среде. Что меня больше всего удивило – это полная идентичность северных и южных казахов: один язык, одна ментальность, одни нравственные критерии, одно мировоззрение и мироощущение. Конечно, в чем-то местный колорит проявлялся, сказывался, но общность, единство нравственной сути обозначались во всем. Едиными были и национальные основы воспитания. Удивлял меня этот феномен еще и потому, что российские немцы, к которым этнически принадлежу и я, очень уж неоднородны: есть заметная разница в диалогах, быту, нравах и обычаях, верованиях, исторически и географически сложившейся ментальности между скажем, поволжскими, украинскими, кавказскими, крымскими, московскими, петербургскими, балтийскими немцами. Такой разницы между казахами разных регионов не встретишь. В этом я убедился и позже, часто бывая в Семипалатинской, Павлодарской, Шымкентской, Карагандинской, Северо-Казахстанской, Джамбульской, Кызылординской, Алматинской, Акмолинской, Мангышлакской областях Казахстана. В общности национальных основ и традиций я имел возможность убеждаться и как литератор, и как переводчик казахской литературы. А переводил я на русский язык казахских писателей и с Севера, и с Юга, и с Запада, и из Центра. Не перестаю удивляться и восхищаться этим феноменальным своеобразием казахской нации.

О казахской национальной ментальности, о духе, о языке, воспитательных основ и традиций, обычаев и нравов казахов я неизменно высокого мнения, и то, что нынешние казахи эти свои при-

родные, исконние национальные качества, черты и достоинства катастрофически, прямо на глазах теряют из года в год, я воспринимаю, как свою личную трагедию. Все мое существо активно противится этому разрушительному процессу.

Вероятно, эта нравственная деградация в принципе неизбежна (не только в отношении казахов). Народы, нации, этносы охватила такая глобальная зараза, которая всех опрощает, примитивизирует, обедняет, нивелирует. Германские немцы уже не хотят быть немцами, а европейцами. Дескать, они уже интеллектуально выросли из тесной немецкой шкуры. «Я – европейка» – называется один германский роман. Есть казахи, которым совестно быть казахами, они предпочитают называться «евроазийцами». И если – опять-таки на мой субъективный взгляд – иммунитет национальной устойчивости у русских, немцев, евреев значительно силен и размывать его труднее, то казахи в силу своей исторической судьбы более склонны к потере всего исконно национального, ибо заражены вирусом подражательности, увлеченности, странным и пагубным желанием быть непременно, как все – как русские, как англичане, как американцы. Меня это стремление всегда обескураживает. По моему убеждению, спасение в нравственном смысле казахов в том, чтобы они оставались казахами, чтобы сохранили, сберегли свою древнюю ментальность, язык, историю, дух. И в этом как раз их подлинная сила, та самая надежная опора, которая не позволит раствориться, разжижаться в стремительном потоке Времени.

Возможно, не все со мною согласятся, но таков мой штандпункт в этом вопросе.

Что ныне я все чаще вижу?

Тридцать пятый год я обитаю в многоэтажном доме на перекрестке улиц Кабанбай батыра и Шокана Уалиханова. На расстоянии крика или брошенной палки находятся три школы – две русские и одна казахская. Еще одна – частная – школа обустроилась в нашем доме, где детишек обучают казахскому и английскому языкам. С учащимися этих школ сталкиваюсь ежедневно – по аллее Шокана, на улице Джамбула и Уалиханова, во дворе, в подворотнях и подъездах, на измызганных ими же скамейках, в лифте,

на этажах. Большинство учащихся – казахи. Милые ребятки, сытые, ухоженные, одетые, обутые. От излишней энергии, может, несколько крикливые и бесцеремонные. Общая характерная черта – все говорят исключительно по-русски. Примитивная, лексически обедненная, тривиальная, суконно-деревянная обиходная речь. Учась в казахской школе, они общаются и между собой, и с родителями, а часто и с бабушками и дедушками, как правило, на русском языке, вернее, на тарабарщине. А русская речь, замечаю, накладывает на них и иной психологический настрой и манеру поведения: безалаберность, расхристанность, агрессивность, неучтивость, переходящая в разнузданность, в хамство, в неуважение к окружающим, расхлябанность, дерзость, показное ухарство, хвастовство, вседозволенность и многие другие негативы, которые напрочь вытравливают природную, генетическую национальную ментальность.

Понятно: сама по себе русская речь тут ни при чем. Беда в том, что юные прелестные казахские создания уж больно легко отрекаются от национальных качеств, обретенных предками веками, склоняются к браваде, ко всему показному, наносному, чужому то есть, осваивают самые дурное, низменное в иной ментальности, пренебрегая лучшими, достойными чертами инобытия. Вот где собака-то зарыта. Откуда это идет? От простодушия? От заниженной самооценки? От зыбкого самосознания? От чувства неполноценности? Не знаю. Но очевидно, что очень уж просто и катастрофически стремительно вытравливается из души и плоти достохвальные национальные качества и осваиваются заразительные дурные примеры и наклонности.

Вот сбиваются в стайки учащиеся десятых-одиннадцатых классов соседней казахской школы в нашем дворе, балдеют, куролесят, шумят, галдят, ржут, свистят, улюлюкают, сквернословят, не стыдясь девушек, беспрестанно курят, по кругу отхлебывают из бутылок, балуются анашой, обнимаются, обжимаются, тискают друг друга, дико похохатывают, взвизгивают, заливаются дурниной, сидя на скамейках-лавках, на ступеньках, набиваясь в подъезды, пугая прохожих и жильцов, играют мобильниками, время от

времени облегчаются тут же в кустах, под деревьями, на виду у всех. Так гуляет стая подростков и подлеток, конечно, с вольными девицами-одноклассницами из года в год, изо дня в день, в любую погоду по шесть-восемь часов, терроризируя весь околоток, весь двор, оглашаемый их невыразимым ором. Раздражают они жильцов невероятно. Их урезонивают, уговаривают, стыдят, случается, разгоняют, вызывают милицию, но все напрасно, тщетно. Через час базар продолжается. Самое обидное то, что они в большинстве своем казахи и казашки, немного понимают и говорят по-казахски, но часами балдеют исключительно по-русски.

С одной стороны, жалко их. Не находят себе места и применения. Интересов, увлечений никаких. Дома, должно быть, скучно, убого, неуютно. Родители заняты добычей пропитания. Куда подросткам деваться? Чем заняться? Подрастает бесхозный люб. Я взываю к их совести, к национальной чести, к намысу, они, бывают, что-то мямлят в ответ, иногда огрызаются, или извиняются, даже виновато отходят в сторонку, но вскоре опять усаживаются на ступеньках под окнами квартир и, нередко обкуренные, горланят на всю ивановскую.

И вот я недоумеваю: что казахского от этих ребят осталось? Откуда такая разнузданность, распущенность? Почему юные казашки взвизгивают, будто собираются пуститься в русский пляс? Куда делась природная стыдливость, достойные национальные качества? Каким образом происходит такая деформация психики?

Такова сфера, на которую должны обратить внимание и общественность, и национальные организации, и воспитатели в детских садах, в школах, институтах, и журнал «Ұлттық тәрбие».

Могучим, действенным средством в воспитании, в культивировании национальной ментальности я лично вижу систематическое воздействие на этническое происхождение, на накопленные предками чувства достоинства и чести, на то, что называется объемным понятием НАМЫС. В Казахстане обитают десятки этносов. Каждый из них самодостаточен, самоценен. Каждый имеет свои этнические достоинства, особенности, гордость. И каждый должен, обязан демонстрировать перед другими свои лучшие качества. Это

элементарно. В ауле, в котором я вырос, мы были единственной немецкой семьей. И мои родители, и мы, дети, находясь в инобытие, мы должны держаться везде и всюду исключительно правильно, достойно, не выказывать слабину, не ударять лицом в грязь, не осрамиться, не опозориться перед аульчанами, ибо мы – представители немецкого этноса и по нас могут судить об этносе в целом. Я полагаю, что такую ответственность чувствовали в Казахстане и депортированные поляки, греки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, турки, корейцы, крымские татары и многие-многие другие.

Это и есть тот самый НАМЫС в национальном воспитании. И все эти этносы были вправе сказать нерадивому, нравственно распущенному русскому: «Эй, брат! Ты же представитель великого народа. Ты же не имеешь права срамиться на наших глазах. Помни это! Не забывайся, не позорься!»

Казахи – государствообразующий народ. Казахи – титульная нация. Их именем называется целая страна. И каждый обитатель этой страны должен воспринимать казаха как образцовый пример гражданского и житейского поведения. Именно такой должна быть нравственно-национальная планка. Никак не меньше! И каждый этнос вправе сказать: «Эй, бауырым! Ты представитель большого народа. За твоей спиной могучие предки, славные деяния, у тебя крепкая опора – язык, история, культура. Не срами свой род! Береги его честь, славу и традиции. Будь во всем впереди. Твоя миссия велика. Мы ведь равняемся на тебя, следим за тобой. Будь достоин своей исторической судьбы!»

Именно так должна строиться в идеале национальная политика в такой стране, как Казахстан. Именно на этом постулате должно зиждиться национальное воспитание наших граждан и их потомков.

Понятно: жить в капсуле, в своей законсервированной общине, отчужденно, обособленно, автономно в наш век невозможно, немыслимо. От влияния глобализма, масс-культуры, радио, телевидения, компьютера, интернета, среды, ауры никому не спастись. Да и не нужно сознательно отставать от кочевья времени.

А что нужно?

Нужно прежде всего показать себя, развивать свое сугубо национальное, сберечь, сохранить то, что передано тебе генетически предками, культивировать методически и настойчиво всю свою национальную суть и одновременно посмотреть на других, дабы выявить и усвоить достойные черты и благородные свойства иноязычных граждан.

Так я понимаю суть национального воспитания.

Это не тема. Это политика. Это идеология. Это философия. Это общечеловеческое кредо.

Я ознакомился со многими статьями в первых двух номерах журнала «Ұлттық тәрбие». Серьезные статьи, глубокие, актуальные, аргументированные. Но, чудится мне, многовато в них общих мест, абстракции, теории, отвлеченных рассуждений. И я в принципе мог бы написать пространный доклад с привлечением множества цитат, разных мнений и доводов, но я старался избежать этого и говорить просто и конкретно о наболевшем, о том, что меня волнует давно и постоянно.

15.09.10

* * *

Л.Н.Толстой в «Круге чтения» пишет: «Человек обязан быть счастлив, если он несчастлив, то он виноват».

Хлестко, мудро, но очень сомнительная сентенция.

Тьма примеров из жизни ее отрицают.

Приведу лишь один факт.

Осенью 1941 года (а, возможно, в самом начале 1942-го) моего двоюродного брата, 19-летнего деревенского учителя начальных классов Вольдемара Бельгера и его отца, моего дядю, значит, бухгалтера Фридриха Бельгера, сорока двух лет забирают в трудармию в Свердловскую область, Ивдельский район, на лесоповал. Теперь представьте, что это такое. Лагерь. Зона. Казарма. Непосильный труд. Голод. Колючая проволока. Конвой. Овчарки. Ежедневные, ежечасные издевательства, физические и моральные. Повальный мор.

Еще по Волге, по родительскому селу Маннгейм я, совсем еще мальчишка, знал и дядю, и тетю Каролину, и брата, и двоюродных сестер. Нередко бывал у них. Нашу семью депортировали в Казахстан, а семью дяди – в Алтайский край, в Панкрушихинский район. Не стану здесь описывать участь поволжской немецкой семьи, высланной в глухую сибирскую русскую деревню. Идет война. Священная, народная с гитлеровскими полчищами. Всплеск ненависти ко всему немецкому. Вообразить все это несложно. У депортированных ни кола, ни двора. Ни одежды, ни обуви. Голод. У тети Каролины четыре дочки – старшей 15, младшей 6 лет. По-русски почти ничего не кумекают. Никаких средств к существованию. Затравленные изгои. «У-у, проклятые фашисты!»

Через три месяца от изнурительного труда и голода погибает в сибирском лесу Вольдемар. Талантливый был юноша: увлекался новшествами, читал, рисовал, играл на всех струнных инструментах, мечтал о высшем образовании. В сентябре 1924-го года дядя Фридрих пишет семье письмо-треугольничек. Оно оказалось последним. Мне прислали его копию. Письмо-страдание. Письмо-отчаяние. Письмо-вопль. Голодный, обреченный, списанный «доходяга» пишет жене и дочерям письмо, раз десять употребляя в немецком тексте русское слово «посылка». Слезно умоляет прислать хоть горсть крупы, кусочек смальца и табак покрепче. Читать это письмо без душевного содрогания нельзя. Крик-мольба умирающего, погибающего человека зябкой осенью 1942 года в сибирском лесу.

А что в Панкрушихе?

Тетя Каролина, заболевшая брюшным тифом, попала в больницу и умирает. В это время забирают в трудармию старшую из дочерей – Веру; вскоре за ней последовала и Валентина (кстати, моя няня по г. Энгельсу). Хоронить тетю Каролину было некому, и ее закопали в общую яму. Оставшиеся две дочки-сиротки, малолетки получают из села Бижай, Свердловской области извещение о смерти отца.

Из всей семьи выживут три сестры. Выкарабкаются. Выходят замуж. Нарожают детей. Рано овдовеют. Эмигрируют в Германию.

Я о них писал в своей повести «Там, в долине». Года три назад в Германии скончалась Виктория, в прошлом году – Вильгельмина. Осталась ныне от этой некогда весслой, шумной, музыкальной, общительной семьи одна Валентина (сохранилась фотография, где мы запечатлены с ней детьми еще до войны).

Примерно такая же судьба сложилась с моими дядями Генрихом, Вильгельмом, Христианом, Отто, тетями Эмилией, Герминой, Маргаритой, со всеми моими двоюродными братьями и сестрами.

Более-менее благополучной оказалась наша семья в казахстанском ауле на берегу Есиля. Отца моего семь раз призывали в трудармию и каждый раз его отстаивали казахи: он был единственным фельдшером-акушером в радиусе семи-восьми аулов. И я, благодаря казахской среде, вырос нравственно не ущемленным.

Теперь задаю вопрос любимому Льву Николаевичу Толстому: «В чем вина этих людей? Почему они виноваты в своем несчастьи? Каким образом можно их обязывать быть счастливыми?»

А таких судеб – немецких, казахских, русских – живет во мне сотни и тысячи. Как можно обвинять их в личном несчастьи?

Постулат, может, и красивый, мудрый, но абсолютно неверный.

Или вот еще одна толстовская сентенция в «Круге чтения»:

«Никогда не унывай».

Что ж... В общем-то правильно. Уныние – один из семи грехов. Но, думаю, «никогда» – слишком жестко и категорично. Живому человеку порою уныния все же не избежать.

Вообще я заметил: многие мудрости Льва Толстого – сентенции сытого и благополучного человека.

* * *

Вот мы твердим: свобода, свобода, независимость, независимость. Но нужны ли они нам, казахам и казахстанцам? Ай, вряд ли... Свободный человек – это прежде всего ответственный, обязательный человек. Свободу дает только свободный труд. А мы не хотим ответственности, не желаем обязанности. Мы и трудиться особенно не хотим. Нам это невыгодно. Мы привыкли: пусть государство за все отвечает, пусть Назарбаев за все и за всех отдувается.

Он ведь лидер нации, пусть о нас и думает. Ему и карты в руки. А мы... что мы... рабы. Мелочь пузатая. Зачем нам свобода? К чему независимость? Еще и трудиться... за что-то отвечать. Не желаем. Нам и так хорошо, комфортно. Проживем свой век и без свободы. Независимость, может, государству и нужно, а нам она ни к чему. Хлеб-масло есть, чай-пай есть – и ладно! Мы только мошки, мы ждем кормежки. Нас несвобода вполне устраивает. Ну, и что тут поделаешь?..

* * *

Профессор Александр Архангельский своей статьей о философе Мерабе Мамардашвили («Мераб, внук Платона», Известия, 16.09.10) вновь напомнил мне факт, который изумлял и изумляет до сих пор своей необъяснимой благоглупостью, нонсенсом. Речь идет о высылке из молодой советской страны выдающихся философов «за ненадобностью» в 1922 году. Непостижимо (для меня), что интеллектуалу Ленину, в общем-то незаурядной личности, блестяще образованному, и молодому большевистскому государству абсолютно не понадобились образованные люди, мыслители, мудрецы-провидцы. Не нужны были и баста! С глаз долой! Из страны рабочих и крестьян вон! Чтоб не путались под ногами. Изгнали из страны Франка, Бердяева, Трубецкого, Сорокина, Степуна, Карсавина, Лосского. Выгнали Булгаковых. Расстреляли Густава Шпета (16 языков знал!) Заточили в лагерь Флоренского, отправили в ссылку Бахтина, Лосева, Асмуса. Всех и не перечислю. Представить себе такого вероломства и дуроломства со стороны Ленина (как я его до сих пор воспринимаю; был бы батрак, босяк, шантрапа, сапожник – другое дело, а тут дворянин!) немыслимо. Со стороны Джугашвили и его соколят-соратников – о да, тут все ясно, спора нет. Зачем шариковым нужны грамотные, мыслящие, свободные люди?! Но для Ленина, написавшего «Материализм и эмпириокритицизм», такой «архиреволюционный» поступок воспринимается мной дикостью, вандализмом, идиотизмом.

Вообще-то образованные, культурные люди, в частности, философы, советской власти никогда и не были нужны. Не востребо-

ваны они и ныне, когда все республики бывшего СССР объявили себя независимыми государствами. Господам новой жизни, правителям страны более по душе людишки мелкие, серые, убогие, малообразованные, ушибленные, немыслящие, несвободные, не хватающие звезд с неба. Достаточно вспомнить наших депутатов, членов правительства и президентской администрации. Я что-то не вижу среди них значительных интеллектуалов, философов, крупных мыслителей, знатоков-златоустцев. Исключения редки. Их можно сосчитать на пальцах одной руки. Выходит, мы продолжаем ленинские традиции, уповаем, главным образом, на кухарок, управляющих государством. Мы хотим добиваться успехов и признания исключительно показухой, хвастовством, даракианством, мыльными пузырями, враньем и благоглупостью. Но так долго продолжаться не будет. Эдак мы неминуемо сядем голой задницей в нефтяную лужу. Без свободно мыслящих философов ни одна страна не обойдется. Нужно воспитывать, пестовать подлинно свободных, широкообразованных интеллектуалов, а не обвешивать себя учеными степенями и купленными дипломами. Увы интеллектуалы, философы, ученые у нас никак не в почете.

* * *

В интервью газете «Свобода слова» (16.09.10) Е.Ертысбаев (советник Президента страны по политическим вопросам) заявил, что «все, что происходило и происходит в Казахстане за последние двадцать лет, я рассматриваю через формулу великого Гегеля: «Все действительное – разумно, все разумное – действительно».

В трактовке Ертысбаева это означает: все, что связано с лидером нации – разумно; а все разумное – само собой связано с лидером нации.

Так бы и сказал! И тогда его многоверстовые интервью и читать не надо. Все ясно. И не о чем говорить.

* * *

Главная свобода, которую мы добились в независимом Казахстане, – свобода бессовестности, разгула, наживы, беспредела,

рвачества, коррупционного шабаша. Несложно представить, во что вольется эта дурь, чем кончится эта свистопляска. Тотальным разорением страны и народа. Писатели, как я понимаю, должны бы первыми бить в колокола тревоги по этому поводу. Но в большинстве отмалчиваются, делают вид, что ничего не происходит, все шүкір да шүкір, тәуба да тәуба , стараются вписаться в эту оргию, поддакивать властям или отмалчиваются, думая о своих шкурных интересах, стремятся в мутной стихии тоже чем-то разжиться.

Мне тяжко: я ведь все это вижу и душа моя уязвлена, корчится от боли, но говорить во весь голос не могу – человек другой национальности, мне не пристало каркать и отворять ящик Пандоры. Мне позволено лишь тихо скулить в своем углу...

* * *

Какой-то известный, умный немец (имя запамятовал) сказал, что власть – мягкая, теплая постель молодой фрау: ее не хочется покинуть. Многие славные наши джигиты подтверждают эту истину.

* * *

Что?! Партия «Нур Отан» должна продлиться еще пятьдесят лет? Шутить изволите, батенька! Мне чудится, что многие шустряки этой корпорации уже через десяток лет сядут на скамью подсудимых главным образом за воровство.

* * *

Когда отметили 50-летие академика Бориса Викторовича Раушенбаха гостей банкета встречал плакат – список слов и словосочетаний, запрещенных к употреблению, как-то: «высокоталантливый», «выдающийся», «уникальный», «замечательный», а особенно выражение «в то время, как вся страна...».

И я живо представил такую ситуацию в отношении к какому-нибудь казахстанскому юбиляру. Скажем, отмечается юбилей писателя Паленбаева. Запрещенные слова в речах-спичах: «великий», «неповторимый», «уникальный-единственный», «дорабоз»,

«непревзойденный», «тулпар», «сункар», «призовой скакун», «неувядающий талант», «блистательный-сиятельный», «одинокий пшеничный колос на ячменном поле», «высокородный-благородный», «неугасимый огонь», «золотой слиток», «самородок высшей пробы» и т.д. и т.п. Тогда о чем говорить? Как изволите чествовать юбиляра? Растерянные, насупленные гости молча едят бесбармак, наливаются коньяком и понуро расходятся, ибо кроме выше названных слов и сказать-то нечего. А молча укрывать плечи юбиляра традиционным чапаном как-то непривычно.

Мне это давно знакомо. Когда-то мучился великий Джамбул, не находя сравнения для Сталина («Сталинге тең таппай, қинаған Жамбыл жері осы»). Ныне аульных, районных, областных, республиканских «джамбулов» развелось пруд пруди, которые также из шкуры лезут, подыскивая подобающие сравнения именинникам 6-го июля – Астане и ее главному архитектору. Смотрите полосу народного творчества в «Егеменді Қазақстан» от 1-го июля 2010 года. Обалдеть можно! Эта штука явно сильнее «Фауста» Гете будет! Неужели это кому-то надо? Может, тоже впору повесить плакат с запретными словесами-кумбильдеками? Как остановить этот словесный понос?

Ой, Алла-ай!..

* * *

Иногда мне кажется, что Казахстан превратился в гигантский полигон для медленного уничтожения его исконных обитателей и взращивания нравственных уродов, негодяев. Мы ничего не производим, нам просто невыгодно что-то производить, нам выгодно брать-брать-брать инвестиции, брать из-за бугра и снимать сливки – 10-15-20 процентов на «шапку», обогатиться, сплавлять наворованное добро за «бугор» и удрапать туда при первом удобном случае. Верхушки (элита) умеет только продавать достояние страны и наживаться на сказочных барышах. Престиж страны падает по всем параметрам, и никакие саммиты не спасут. Но мы продолжаем пускать пыль в глаза, запускать разноцветные пузыри, дурить народ, которому изредка подбрасываем крохи с барского стола.

Народ, конечно, не совсем дурак, кое-что понимает, соображает, но помалкивает, терпит, довольствуется тем, что есть, убежденный, что «артын қыскан бай болар», ему лень и боязно думать о завтрашнем дне, он уповает на шустряков-юркачей-игі жақсылар, которые не дадут скопытиться.

Ай, говори тут, не говори, полигон и есть полигон, а раб как был рабом, так и остался.

* * *

В принципе сериальный человек – серый человек. И – наоборот. Его можно посадить на самый высокий трон – он все равно серый.

* * *

О нем все говорят и пишут: «Серый кардинал».

Что он серый – бесспорно; а что он – кардинал – проблематично.

* * *

На то и власть, чтобы пожить всласть – таково кредо наших высокопоставленных азаматов.

* * *

Люблю читать и перечитывать умнейшую книгу Низама аль-Мулька «Сиасет-наме» (помню, на эту книгу постоянно ссылался мой покойный друг Морис Симашко, большой знаток древнего Востока). Низам аль-Мульк – выдающийся государственный деятель Сельджукской, то есть тюркско-огузской империи XI столетия. По-русски: книга о правлении. Советы государям. Для постсоветских президентов поистине настольная книга.

Советы весьма дельные, актуальные. Например, у нас, в Казахстане, есть с позволения сказать государственные деятели, которые, никак не хватая звезд с неба, занимают одновременно несколько постов. Мелькают там-сям, мозолят глаза. Лезут во все дырки. Что-то с важным видом вещают. А толку от них – как от козла молока. И все видят, что он ни на что не способен. Берется курам на смех за любую работу. К каждой бочке затычка. Но ясно

ведь, что одним Кыртымбаем все дыры не заткнешь, все прорехи на государственном чапане не залатаешь.

Интересно, что́ подобных «универсалах» писал тысячу лет назад Низам аль-Мульк? А вот что (заранее прошу прощения за длинную цитату, но она уж больно выразительна):

«Государи бдительные и визиры осмотрительные никогда не приказывали двух занятий одному лицу, чтобы дело у них было в прядке и преуспеянии; когда поручают две должности одному лицу, всегда нарушался от этого порядок; одно из тех дел потерпит изъян, произойдет какой-нибудь проступок. Хорошенько вот присмотришься, все равно тот, кто обладает двумя службами, окажется с изъяном, его постигнут упреки, он станет сокрушенным и виноватым. Всякий раз, как приказывают два занятия одному человеку, он ни туда, ни сюда; поневоле дело останется не сделанным... Когда случается, что визирь неспособен, а государь нерадив, верный признак этого, что одному амилю поручают из дивана две должности. Сейчас существуют лица, совершенно неспособные, а занимают десять должностей, если появится еще какое-нибудь другое дело, они и его просят и добиваются. Не задумываются, имеет ли этот человек пригодность к сему или нет, способен ли он или нет, имеет ли знания, потребные для секретаря, правителя, устроителя казны или нет, справится ли он со столькими делами, сколько взял на себя или нет. Сколько людей предприимчивых, способных, достойных, пользующихся доверием и известных остаются обойденными, сидят бездеятельно в домах, и ни у кого нет достаточного понимания, зачем нужно, чтобы какой-нибудь неспособный захватил несколько должностей, а известный, пользующийся доверием, не имел бы одной должности, оставался обойденным, особенно же те, кто имеет заслуги при этой державе, чьи достоинства, мужество, верность известны» (см. «Книга о правлении», Низам аль-Мульк, Алматы. ИП «Дар», 2010, стр. 148).

Все, что я хотел сказать по этому поводу, сказал мудрый автор еще в XI веке. Но не всякий, выходит, государь способен мотать эту простую истину на ус.

* * *

Французский философ XVIII века, энциклопедист Гольбах писал: «Нет более опасного существа, чем делец, вышедший на добычу».

Жутко! Мерещится бенгальский тигр в джунглях. Фразу эту напомнил мне покойный академик Борис Викторович Раушенбах в своей книге «Постскриптум».

И я вспомнил: несколько лет назад некий борец с коррупцией обратился по ТВ к зрителям: мол как только приметите где-нибудь коррупционера, немедленно сообщайте по телефону, куда следует. Будто всем миром разыскивают злейших коррупционеров, а найти – представьте! – никак не могут.

Я озадачился сильно. Может, извелось это славное племя?

А совсем недавно (в сентябре 2010 г.) с небывалой помпой хоронили «хозушника» Ни, «верного соратника президента Назарбаева». О Ни ничего сказать не могу, не имел чести его знать, а у гроба стояла большая стая знатных коррупционеров. Сомкнув плотные ряды, встали с каменными лицами и среди них – о, боже! – даже бывший глава правительства, он же бывший министр Обороны, который на несколько месяцев таинственно исчез. Стоит голубок, свежий, гладкий, помолодевший, будто отдыхал на заморских островах. Или, может, это был не он, а некто похожий на него? Так вот, здесь бы, прямо у гроба почтенного Вакé, разом, оптом цапцарап и захватить бы всех голубчиков. Вот был бы улов!

Но не тут-то было. Разъехались мирно-тихо, несколько опечаленные, но уверенные в свое светлое грядущее, довольные, что ловко околпачили народ казахстанский.

Приведя фразу Гольбаха насчет дельца, вышедшего на добычу, академик Раушенбах продолжает: «А у нас наступило время дельцов, олигархов, которые фактически руководят страной и которых, конечно, нужно гнать – тех, кто держит свои – а на самом деле украденных у народа, страны – деньги в швейцарских банках. Им, озабоченным собственным преуспеянием абсолютно безразлична судьба нации».

Понятно, Раушенбах имел в виду дельцов России, я же переадресовываю эту мысль дельцам отечественным.

* * *

Голая сила, голые деньги, голые бабы – вот идеалы современных джигитов. Если из трех голых элементов нужно выбрать два, то остановятся на деньгах и силе. Или охотнее предпочтут только голые деньги, ибо в погоне за них давно превратились в импотентов-сасаев.

* * *

Позорная история министра-хирурга, рвача и хапуги, артиста-симулянта обошла всю мировую печать. Трудно поверить, что врач-рвач способен на такие художества. Либо нам многое не ведомо, либо этот эскулап не казах, так как напрочь лишен совести-имана, чести и достоинства предков. Что-то много у нас во власти шайтановых отродий – рабов золотого тельца. Неужели они носители казахской ментальности и патриотизма? Меня нередко охватывает отчаяние: на кого уповаем? И на чем, на ком, как воспитывать подрастающее поколение казахов? Ведь благие послания саруара не срабатывают... Ай, беда!

* * *

Оказывается, еще фараон Аменхотеп II в V веке до нашей эры сказал: «Нынешняя молодежь уже не та, что прежде». С тех пор сотни и сотни поколений ошибочно повторяют эту фразу, в том числе и я...

* * *

Немецкая поговорка гласит: «Лучше брюхо от пива, чем горб от работы». Сказано это, скорее всего, ради бравады. Немцы прежде всего работники отменные, а потом уже пивнюки.

* * *

На мой взгляд (признаюсь, неискушенный), в окружении нашего саруара много некомпетентных людей – просто-напросто дилетантов. Есть в том некоторая закономерность: человек, ни к чему не способный, идет во власть, подталкиваемый непомерной амбицией. Всем видно: он не на месте, занимает явно чужой пост. Ему

эта должность не по зубам. Он, однако, растет, растет, поднимается все выше, выше, становится министром или даже премьером. И тут выясняется, что он абсолютно некомпетентен, ни на что не годится, полный банкрот, мыльный пузырь. Процесс этот я наблюдаю более двадцати лет. Конечно, он имел место и раньше, просто я это замечал, не обращал внимания. А вот при руководстве саруара это явление прямо-таки бросается в глаза.

И вдруг, читая книгу Джона Мэна «Секреты лидерства Чингисхана», наталкиваюсь на некий «принцип Питера», согласно которому человек повышается в должности до тех пор, пока не займет место, где он окажется некомпетентным.

Вот как буквально звучит этот принцип: «Человек, работающий в любой иерархической системе, повышается в должности до тех пор, пока не окажется некомпетентным» (стр. 13).

Потому-то при саруаре (лидере нации) сменились десятки министров образования, здравоохранения и других. Они поднимались до тех пор, пока их дилетантство не становилось известным всем. То есть эти люди так и не нашли своей миссии. Они оказались чересчур заурядными.

* * *

Задули осенние ветры, обезлистился старый карагач, потерял красу. Под напористым, тугим шквалом стонет, скрипит, голыми, кривыми ветвями скребется о стены здания. Один лишь листик, заметно побагровевший, насмерть уцепился за самую верхушку, отчаянно дрожит, трепыхается. Ветер яростно его треплет, рвет, но лист держится из последних сил. Так и устоял день и ночь. И еще день. И еще ночь. Я восхищен его отвагой и упрямством. Исхлестал его холодный дождь. Потом обсыпал его мокрый снег. А одинокий листик на верхушке все не сдается, держится наперекор судьбе. Один. Гордый и бесстрашный. Все остальные листья уже покорно прибились к стылой земле, съежились, скукожились, вжались в мокрядь, источают слабый прелый, смертный дух. Все прахом было, прахом станет. А он, одинокий листик, все еще в вышине. Не оторвешь от родимой ветки.

На третий день ветер улегся. Устал, обвис и одинокий листик. Только чуть свернулся по краям.

Я долго любуюсь им с балкона. Чувствую: силы его иссякли. И он обречен. Действительно, он вдруг замер, вздрогнул, оторвался от ветки, но не сорвался круто вниз, а подхваченный воздушными потоками, медленно-медленно закружился вокруг карагача, все более от него отдаляясь, плавно спускаясь все ниже, ниже, раза два даже как бы ожил, конвульсивно, пружинисто взвился было ввысь, но сил уже не было, не было никаких, и он безвольно шлепнулся оземь и лег в лужу, смиренно прижался к жухлой листве.

Все. Жизнь кончилась. Завершился извечный круг бытия.

Я вздохнул. Почудилось: я – тот самый одинокий листик, стойко державшийся столько времени на осеннем ветру...

* * *

Еще один пламенный патриот Казахстана, наверняка поклонник древних сказов и батырских дастанов, некий Аскар Кошербаев, «карабчил» из «Нурбанка» более 4 миллиона долларов и удачно слинял за кордон. Ищи ветра в поле. С каждым годом подобных патриотов становится все больше и больше. Эдак недалеко то время, когда на просторах Казахстана будут обитать-прозябать одна голытьба-бишара.

* * *

Москвич, доктор наук, профессор, немец-меннонит Петр Классен определил категорию людей на три «Л». Лицемеры, льстецы, лизоблюды. «Они обычно и принадлежат к тем, кто не может похвастаться знанием дела. Тем не менее, они, как и шуты, востребованы великими мира сего».

О, да... «Люди на три Л» кишмя-кишат и у нас, в Казахстане. Катастрофически они выросли-расплодились в последнее двадцатилетие. Я знаю, что это поганое племя неистребимо. Но особенно угнетает меня то, что «люди на три Л» охватили всю духовную сферу общества – писателей, поэтов, артистов, художников, псевдо-ученых. «Люди на три Л» – это те, кто так и не обрел свое место

и назначение в жизни. По сути это «эрзац-люди». Но временщикам они по душе.

* * *

Один хапал-хапал, никак не мог набить свое рогожное брюхо, обзавелся квартирами-домами в разных странах-городах, построил не одну виллу, а тут взял и помер. Ай, бедняга!

Еще один знакомый хапал-хапал, заглатывал верблюда с шерстью, лошадь с поклажей, весь исподличался и слинял за кордон. Теперь сидит на куче дерьма, как собака на сене. Ай, бишара!

Еще один хапал-хапал, взятки брал-пачкам-кипами, и в депутатах побыл, и в министрах походил, а потом его «кондратий» схватил да в каталажку упек. Ай-ай сорлыбай!

И таких примеров – сотня корджунов. Смеется Бог над своими алчными созданиями. Вывод сделал немец-меннонит: «Нечестно нажитые деньги приносят мало пользы, но доставляют много беспокойства».

Сказано верно, но мягко. Какое там «беспокойство» – горе, беду, крах, крушение, гибель, позор до седьмого колена. Сатана торжествует, смеется над теми, кто гибнет за металл. Самое прискорбное то, что людишки смиренно идут на гибель ради дерьмовой наживы.

* * *

Еще одна миниатюра Петра Классена гласит: «Уйти вовремя» (П.В.Классен, «Переселенцы», М. 2008, стр. 263). Вот его суть: «Ну не научились люди уходить по доброй воле на пике своей карьеры, на взлете славы. Ждут, как говорится, своего часа и часто пересиживают, переигрывают свой срок в ожидании нового пика, нового взлета. Но чудес не бывает...»

Увы, такова неистребимая людская слабость. Не ушел вовремя, не уступил дорогу молодым, тебя «уйдут» с треском, позором, устранят с дороги, как старую корягу или постылый валун. Тому примеров в истории тьма. Но они людишек ничему не учат. В этом смысле люди – несчастное и презренное создание.

* * *

Впечатлил меня один казах, выступивший по республиканскому радио 26 октября 2010 года. Говорил он по-казахски бегло, легко, правильно строил предложения, однако чувствовался акцент – не русский, не турецкий, но явный. По разговору я понял, что он журналист, тридцать лет жил в Англии, теперь вернулся в Казахстан, обрел казахское гражданство. Далее из беседы стало ясно, что предки его из Восточного Казахстана, что сам родился в Индии, рос в Малайзии, в Турции, жил и работал в Англии. А родной язык чудом сохранил! Находясь всю жизнь вдали от родины. Поразительно! Многие казахи, рожденные казахами в Казахстане, живя в Астане и Алматы, по-казахски ни бе, ни ме, ни кукареку. А этот ипташ-чужестранец говорит-изъясняется бойко на «ана тілі», старательно скрадывая акцент. Какой пример, однако! Я не расслышал его имени. Что-то похожее на Бешір. Молодец! Вот так надо беречь родной язык!

* * *

С седьмого возраста волей судьбы я обитаю в казахской среде. Казалось бы за 69 лет мне пора полностью проникнуться казахским духом, казахской ментальностью, казахскими речестроем, обычаями и нравами. В большой степени так оно и есть. Мое мироощущение, мировосприятие, скорее всего, казахское. Будучи этнически западным человеком, я больше тяготею к Востоку.

Но есть вещи, которые в мою башку никакой дубиной не вобьешь. Это казахские роды (ру) и шежире (родословное). Я не раз пытался одолеть эту преграду. Тщетно. Не дано. Мозг не воспринимает. Должно быть, мешают какие-то немецкие флюиды.

И еще одно казахское свойство мне глубоко чуждо: это пустая хвальба, лесть и подхалимство. Меня всегда коробит, когда кого-то – начальство-бастыка, любое ничтожество, стоящее чуть выше по иерархической лестнице, – хвалят в лоб, воспевают на все лады, поют дифирамбы, сочиняют высокопарные оды. Если таким лобовым подхалимством промышляют серые людишки – это еще куда ни шло. Но если казалось бы серьезные, солидные люди, вроде как

достойные азаматы, облаченные званиями и степенями, избалованные славой, начинают изворачиваться наизнанку, трепыхаться, как вошь на гребешке, мучительно выдумывать разные сравнения, эпитеты, уподобления, чтобы только угодить своему боссу, своему начальнику, мелкому или крупному чиновнику – убей меня гром! – я этого понять никак не могу. Противно мне это! Гадко. Омерзительно. Я это могу объяснить элементарной неполноценностью, рабской психологией, холуйским побуждением.

Видно, это что-то азиатское, темное, скользкое и неистребимое.

Лет двадцать назад я был ошарашен тем, что мои знакомые, высокопоставленные чинуши брали взятки. Мне это тогда казалось предельным падением, разложением человека. И еще цинизмом: ведь эти люди постоянно талдычили о патриотизме, о национальном духе, о гордости и чести.

Будучи в Ташкенте (это было в конце 80-х прошлого века), познакомившись в местной Академии наук с двумя общительными узбеками – писателем и ученым, – я откровенничался и поведал им, что Такойтович («Пэленшеев») и Какойтович («Тугеншеев») откровенно берут взятки. Я рассчитывал на то, что мои собеседники вместе со мной возмутятся.

– Ну, а как же? Он ведь начальник! – недоуменно ответил ученый. – Ему положено! Какой же он начальник, если взятки не берет? Народ не поймет.

– Конечно, – поддакнул писатель. – Начальник не берет, ему дают. Это вековая традиция.

Они это сказали так убежденно и весомо, что у меня отнялся язык. Видно, в их глазах я выглядел совсем уж наивным простаком.

Прошли годы. Я собрал уйму примеров, восхваляющих до небес и выше нашего саруара – лидера нации. Ну, если упражняются в бесстыдном подхалимстве разные айтыскеры, аульные акынсымаки («горе-виршеплеты») или такие «классики», как, скажем, С. Досанов, Айтов, Ниязбеков, Нілібаев и подобная компашка (каждый год маниакально выдвигающая себя на госпремию и искренне полагающая, что она достойна ее, хотя все читатели плюются), то что сказать о маститых, о зубрах (считающих себя честью и сове-

стью народа), таких, как Нуршаихов, Нурпеисов, Т.Молдагалиев, Муртаза, Унгарсынова, Шарманов, Сатыбалдин, Досжанов ets. – их-то кто за язык тянул, они-то каким есеп-расчетом руководствуются, им-то чего не хватает, вроде как все получили-охватили с избытком. Помнится, пораженный ненасытностью иных литераторов-жандайшапов, Сталин недоумевал: «Что же им еще надо? Квартиры есть? Дача есть? Машина есть? Орден есть? Премия есть? Слава есть? Книги издаются?». Думаю, этот вопрос иногда задает себе и лидер нации Назарбаев, не соображая, что же этим одописцам-жарапазаншы еще надо, чего они все лезут-напрашиваются на прием и канючат-канючат... может, им еще президентский трон уступить? Они ведь за каждый льстивый стишок, за каждый подхалимский «лебіз» просят солидную мзду-плату. О, торгашеское племя!

Этот холуйский феномен меня интересует, удивляет, поражает, ошеломляет, угнетает, унижает.

И вот, кажется, ответ нашел в книге «Большая игра» Питера Хапкирка. В 1819 году генерал Ермолов из Грузии засылает в качестве разведчика капитана Николая Муравьева в Хиву. Понятно, это было смертельно опасно. Ермолаев напутствует Муравьева такими словами: «Не рассматривайте лесть и подхалимство с европейской точки зрения. У азиатов она в порядке вещей, так что никогда не бойтесь с ней переборщить» (стр. 71).

Значит, и мне следует смириться с откровенной лестью, лизоблюдством, лакейством моих друзей и их азиатской ментальностью и не удивляться изощренным даракианством наших именитых «жазушы-ақындар». Это ведь в порядке вещей.

* * *

Существуют страны, в которых коррупция почти задушена. Но искоренить ее полностью изначально никому не удавалось. Коррупция и проституция – вечные спутники человечества. Вообще-то лучший коррупционер – покойник. На тот свет самый отъявленный коррупционер отправляется с пустыми карманами. Царица Томирис, сказывают, говорила: «У покойников карманов нет».

Интересно, может, есть смысл всех высокопоставленных чиновников лишить карманов? Может издать указ: сколько засунешь в свою задницу – то твое. А больше – ни-ни.

* * *

Очень много времени я трачу на чтение газет. Это ужасно! Чаще всего эти газеты принадлежат разным пройдохам, и печатают они откровенную гнусь. Нам внушают: идет информационная война. А в ней все средства хороши. Вот газеты и полощут сплошные слухи и вымыслы. Цель: дурить народ, раскачивать общество. Жатсын бәрі былығып! И балда-электорат питается этой отравой. И я в том числе. А надо бы читать Гомера, Гете, Абая и Томаса Манна.

* * *

Крупный политический лидер чем-то должен завоевать массы. Лучше всего броским лозунгом. Ленин это прекрасно понимал. Умел выдавать лозунги. «Земля – крестьянам, мир – народам». Поневоле завораживает. Но поистине снайперским оказался лозунг: «Грабь награбленное!» В нищей России это было понятно и куда как привлекательно. О, «грабь!» звучало как музыка. И грабили так, что щепки летели пыль столбом.

Я не исключаю, что этот лозунг сработает самым диким образом и у нас, в Казахстане. Народ повседневно видит, что вконец обнаглевшая и одуревшая от богатства верхушка за два десятилетия подчистую разграбила страну. То есть, награбила – дай Бог. Ограбила большинство до нитки. И однажды доведенный до отчаяния плебс, охлос вспомнит лозунг пролетарского вождя и кинется грабить награбленное. И разграбит все: усадьбы, «дворянские гнезда», виллы, дворцы, супермаркеты, рестораны, склады, магазины... все-все-все, что подвернется под руку. Эксперименты – мы знаем – кое-где, совсем под боком уже имеют место. Даже представить трудно последствия такого пожара. «Грабь награбленное!» – как призыв высшей справедливости, как сигнал к действию, как неизбывное возмездие, как рок, как божий бич. Немногие спасутся бегством за кордон.

Истории этот разгул-разбой известен.

* * *

Иногда я думаю: каким принципом руководствуется наша власть в своих действиях. Должен же быть какой-то основной принцип и должен же он иметь свое словесное выражение. И пришел вывод: принцип этот по-латински называется todo modo – любой ценой, любым методом и способом. То есть, любой ценой проведем разные вселенские тои, всевозможные форумы и саммиты, глобальные мероприятия, чтобы чертям было тошно, удивим любым методом христианский и мусульманский мир, за ценой не постоим, поразим, такой фейерверк заделаем, чтобы в Лимпопо было видно, знай наших, а там хоть трава не расти, там пусть все останутся голыми и босыми, пусть хоть вымрут все аулы и опустошатся недра и нивы казахские! Todo modo – эп, бәлем! Чтоб все знали наше даракианство и дангойство!..

* * *

Пора, полагаю, думать казахам о немцах и татарах. О чем, собственно, речь? Об искаженном названии некоторых этносов. К примеру – немцы.

В России в 18-19 веках хлынул с Запада иностранный люд: шведы, датчане, голландцы, шотландцы, немцы, французы, итальянцы. Поначалу, естественно, они были с русским языком не в ладу. И русские окрестили их немцами – от слова **немой.** Так и пошло: немцы да немцы. Немые, дескать. По-русски не кумекают. Что с них взять? «Немец – перец, колбаса, кислая капуста, съел мышонка без хвоста и сказал: как вкусно!» Все, кто пришел с Запада, – немцы. Все, кто просочился с Востока – татары. Ну, а те, что в самой середке, – русские, которые страдают и от немчуры, и от басурман. Просто и удобно. Не запоминать же сотни этносов. Ну, и что из того, что такого народа – немцы – и в природе нет.

Коли русские, однако, говорят «немец», то и остальные склонны называть так германцев. Русский «немец» для казаха, например, «неміс» (такая фонетическая огласовка). А почему? С какой стати? Те, что русские издавна окрестили немцами, на самом деле «дойче». Но если русские то ли из-за высокомерия, то ли из-за

традиционного пренебрежительно-уничижительного отношения к представителям других наций («чучмек», «калбит», «нацмен», «шара-бара», «князь», «татарва», «немчура», «пермяк – соленые уши», «макаронник», «лягушатник», «поганый», «нечистый», «моя-твоя», «головешка» и т.д.), исторически называют «дойче» – немцами, то с какой стати остальные (к примеру, казахи) должны называть «дойче» искаженно немысами?!

Согласитесь: неверно, несправедливо и оскорбительно.

Русских, понятно, не поправишь: большая страна, большой народ. Для них германцы как были немцами, так и остались. А вот казахам давно пора отказаться от этого стереотипа и называть «Deutsche» – дойче, ибо «немысов» на свете не существует. Это гнусный архаизм.

То же самое и с «татарами». Сколько на свете народностей, которых стригут под одну гребенку! Татары – изначально одно из монгольских племен (как, скажем, меркиты), которое Темуджин (будущий Чингисхан), покорив, присоединил к своей империи, точнее, к своему союзу. А русские историки опять-таки для механического удобства назвали татарами всех подряд, иногда прибегают к определениям: сибирские татары волжские, уфимские, казанские, крымские, азиатские, финнские, петербургские, омские, московские, крещеные и бог весть еще какие. Вместо того, чтобы разобраться с каждым этносом и вернуть им свое подлинное имя, мы всех загоняем в один хлев.

В свое время по воле русской историографии казахи едва не стали киргизами, киргизы – бурутами, дикокаменными и т.д. Среди российских немцев (руссланддойче) в XIX-XX веках были очень популярны сказы, поэмы, легенды, устные рассказы про киргизов, которые нападали и грабили немецкие колонии на Волге. Могу напомнить широко известную поэму Давида Куфельда «Дьяк Дайс» («Кюстер Дайс»), написанную в 1914 году, или сказ «Киргизер Михель и прекрасная Ами». Слово «казах» вы в этих произведениях не встретите. До тотального выселения из Поволжья в 1941 году в немецких селениях, где я вырос, киргизами пугали непослушных детей («вот прискачет из степи свирепый киргиз с мешком и ута-

щит тебя»), слово «казах» я услышал впервые осенью 1941 года в ауле на берегу Есиля. Позже понял: киргизами поволжские немцы называли и киргиз, и калмыков, и казахов, и поволжских чувашей, удмуртов, мордвин и др. Видно, тоже для удобства и простоты.

К чему я клоню? К тому, что этносам надо возвращать их подлинные имена, а не повторять, как попугаи, разные «кликухи», придуманные русскими бог весть в какие дремучие времена.

Я об этом и ранее подумывал, но эту же тему поднял на днях по телефону и мой коллега из Тараза Аргынбай Б. Наши – этнического немца и казаха – мнения совпали в этом вопросе.

* * *

С обретением Казахстана независимости началась лавина географических переименований. Я некоторое время был членом топонимической Комиссии при правительстве и знаю, как бурно, яростно и нетерпимо проходил этот процесс. Эмоции захлестнули всех граждан свободной страны. Всем решительно и быстро хотелось избавиться от навязанных извне названий типа Кирово, Калинин, Ворошилово, Ждановка, Романовка, Александровка, Алексеевка, Полтавка, Новоселовка, Целинная, Державинка, Советская, Ягодное, Коммунистическое, Полянка, Розовка, Крещенка, Социал, Рождественка и т.д. и т.п. тысячами разбросанных по всей казахской земле. Все вспоминали изначальные, подлинно казахские, забытые или полузабытые наименования по местности и ландшафту, по природным приметам, по части которым номады меткие и признанные мастера. Ну, конечно, бывали перехлесты. Иных не в меру горячих патриотов нередко заносило в сторону. Без логики. Без здравого смысла. С неудержимо агрессивным напором. Лишь бы скорее избавиться от имперского наследства и постылой коммунистической идеологии. На шумных посиделках топонимической Комиссии я порой чувствовал себя как на скамье подсудимых. Будто в русском шовинизме я, этнический немец, виноват.

Прошли годы. Страсти во многом улеглись. Но все равно варваризмов на казахских просторах и поныне хватает. И время от времени на страницах казахской печати вспыхивают нешуточные

споры: эй, до каких пор мы будем терпеть название города Петропавловск? Кто они такие, Петр и Павел? Казахские святые-әулие, что ли? Место это искони называлось Кызылжар. И в сознание народа это название крепко внедрилось. А потому долой Петропавловск! Даешь Кызылжар!

А Павлодар? Это еще что такое? Откуда он обрушился на казахскую голову? При чем тут дар? При чем тут какой-то Павел? Земля искони казахская. И местность эта называлась Кереку. Что, нет такого казахского слова? Ну и что? Может, оно произошло вовсе не от купца Корякова? А от народности коряки, которые, видно, некогда здесь обитали. Разыскал же писатель Калмухан Исабаев древнюю карту, где черным по белому так и написано: «коряки». Откуда они здесь взялись? Пусть историки то объясняют. Ну, не нравится Кереку, пусть будет Сатпаево. Только, ради Аллаха, избавьте нас от Павлодара. Не нужен нам ни Павел, ни его дар.

На таком уровне проходят споры. Аж перья летят. И как я к ним отношусь? Попытаюсь объяснить.

Напомню: я – поволжский немец. Родился в городе Энгельсе – бывшей столице бывшей Автономной Республики немцев Поволжья. Вместе с родителями бывал мальцом в немецких деревнях – Мангейм, Зихельберг, Мариенбург, Гнаденфлюр. Помню быт и нравы поволжских немцев. Захватил уклад довоенной жизни. 28-го августа 1941 года по велению Сталина немцев Поволжья массово депортировали в Сибирь и Казахстан. Автономную Республику распустили. Грубо, бесцеремонно, «по закону военного времени». Можно сказать, растоптали. Сравняли с землей. Через месяц переименовали все немецкие села, административные пункты, колхозы, совхозы, станции, кантонные центры. Все! Повально! Тотально! Спешно, мгновенно придумали русские названия. Старые колонии, основанные немцами-переселенцами в диких, запущенных степях по воле Екатерины Великой в 60-70-ые годы 18-го века, вмиг обернулись исконно русскими: Бальцер – Красноармейск, Беттингер – Воротаевка, Дитель – Алешники, Францозен – Первомайское, Хакенберг – Александровка, Крафт – Верхняя Грязнуха,

Сусанненталь – Сосновка, Остенфельд – Ворошилово, Кёппенталь – Кирово, Фрозенгейм – Чапаево.

Не стану далее перечислять: сотни и тысяч немецких названий населенных пунктов одним махом превратились из Савла в Павла.

У меня есть карта АССР немцев Поволжья. Атлас этот издал доктор Альфред Айсфельд в 1997 году в Гёттингене. Там указаны все базовые и дочерние немецкие колонии на Волге, год их обоснования и русские переименования после 1941 года.

Мой предок Андреас Бельгер был одним из основателей колонии Кинд (1768), а мой прадед Хайнерих Бельгер основал дочернюю колонию Мангейм (1860). Дед Фридрих (по отцовской линии), дед Давид (по материнской линии), отец Карл и мать Анна – выходцы из этого села. В 1941-м году, после выселения немцев, Мангейм переименовали в село Майское. Теперь и следа на земле его не осталось. Лет тридцать назад торчал один кирпичный остов бывшей школы. Мангейм помнят ныне несколько стариков в Германии и я из Алматы. Гранденфлюр, кантонный центр, в котором мой отец перед депортацией заведовал кантонздравом, переименовали в Первомайское. Переименовав все немецкие села на русский лад, Сталин решил уничтожить саму память о немцах и тем самым насолить Гитлеру, к которому российские немцы, переселившиеся в Россию еще в 18 – начале 19-го веков, ровным счетом никакого отношения не имели. О, мстительность «чудесного грузина» не имела границ!

Прошло семьдесят лет, сменились поколения, российские немцы основательно перемолоты, перебиты, отлучены от национальных корней, языка, культуры, истории, подавляющее большинство перебралось на этническую родину, и там, в Германии, вспоминая свои родовые корни, называют немецкие имена колоний, из которых вышли их предки, а отнюдь не русские названия, которые цинично навязал усатый вождь. Сталина, как известно, раздражали не только немецкие названия поселений, но и немецкие фамилии. Он не осмелился переименовать только города Энгельс и Марксштат, хотя последний слог в последнем слове убрал. Еще он не возражал против Эрнста Тельмана. Немецкие фамилии он предпочитал

переводить на русский лад. Так, в Большом театре блистательно пел некий Краузе. Голос его вождю понравился, а фамилия – нет. И Краузе стал Петровым. Партийный деятель с фамилией Икс ему был тоже не по душе. И он перекрестил его на Иванова и отправил на работу в Сибирь.

Я говорю обо всем этом так подробно, чтобы показать истоки моих отношений к тотальным переименованиям. У меня до сих пор вскипает кровь, когда я думаю о том произволе и насилии, которые творили власти, дабы искоренить немецкий дух в СССР. И потому я понимаю казахов, которые яростно возражают против тех русских варваризмов, навязанных народам гнусной имперской политикой и подлой коммунистической идеологией.

Понятно, с этих позиций звучат чуждо для казахского уха и Петропавловск, и Павлодар.

Как быть?

Я вырос в казахском ауле на берегу Есиля почти в двухстах километрах от областного центра, называемого Петропавловск. В том краю, в тех аулах по обе стороны степной реки никто из казахов не говорил «Петропавловск», а сплошь и рядом, мал и стар – Кызылжар. Очень редко, бывало, кто-либо произносил с казахской огласовкой – «Бедробабыл». А так – Кызылжар да Кызылжар. Это было привычно, как нечто само собой разумеющееся. И я вместе со всеми говорил: Кызылжар. В русско-украинских селах – Куприяновка, Крещенко, Сухорябовка, Марьевка, Сергеевка, Ольгинка – говорили главным образом «Петропавловск». И родители мои говорили: Петропавловск. Видно, для немецкого языка, уха и горла это было удобно. Да и маловато казахов обитало в том городе. Так и повелось. В сознании жителей Северо-Казахстанской области параллельно существовали оба названия. И я лично и сейчас не возражаю ни против одного из них. Однако, часть населения исключительно за «Кызылжар», часть – не менее решительно, агрессивно и яростно за «Петропавловск». Думаю: именно сейчас на этом свет клином не сошелся. Есть и более важные в государстве проблемы. Разумнее, пожалуй, повременить. Ведь и по поводу Ленина в Мавзолее столько десятилетий ломают копья: пусть себе

лежит в саркофаге под стеклом или же надо непременно мумию предать земле. Придет время, когда сама такая постановка вопроса покажется смешным. Настанет пора, когда и с Кызылжар, и с Кереку никто спорить не будет. Тем паче, что нашлись ученые, которые считают «Кереку» древним тюркским словом, сопрягаемым со смыслом «кереге» (решетчатым остовом юрты). Я лично ничему не удивляюсь, памятуя изречение Гегеля: «Все на свете доказуемо». Вопрос этот решится без крика-шума так, как предпочтут казахи. Значит, до поры до времени пусть город для одних будет называться Кызылжар, а для других – Петропавловск. Город на Неве в сознании одних – Санкт-Петербург, для других – Питер или просто Петербург, для блокадников и участников Отечественной войны – исключительно и принципиально Ленинград (поэт Дудин, например, другого названия не приемлил). Так и Астана в сознании разных слоев населения – Қараөткел, Акмола, Акмолинск, Целиноград (писатель А.Дебольский и его дети признавали только последнее наименование). Окончательный выбор за историей, за народом, а не за указом и прихотью властей. Лишь бы Петропавловск-Кызылжар крепко стоял на земле, процветал, радовал его земляков, и всем его обитателям жилось в нем мирно, сытно и благополучно. А имя свое подлинное, историческое – дай срок! – город, несомненно, обретет.

Я душой и сердцем понимаю казахов и разделяю их боль и возмущение по этой части. Я хотел бы, чтобы и они осознали мою боль по поводу тотального истребления, выкорчевывания немецких названий на Волге. Я желал бы, чтобы и они подумали о том, что, переименовав старинный город-крепость Кёнигсберг в Калининград в честь ничтожного и малограмотного холуя, козлинобородого, теке сакал Калинина, советская власть в лице своего лидера-тирана унизила, оскорбила и немецкую историю, и немецкую культуру и немецкий народ. Тут взаимопонимание было бы весьма кстати. Вот тогда-то мы и пожмем друг другу руки и помужествуем вместе за подлинную справедливость.

03.11.10

* * *

По казахскому ТВ я дважды видел сомнительный кадр (должно быть, повторяли его много раз): президент России поздравляет президента Казахстана с днем рождения и читает, запинаясь, пару казахских фраз с набором банальных пожеланий. Смотреть на это тягостно: уж больно дешевый трюк. Президент (!) России (!) коряво, с жутким акцентом прочел по слогам дряблые казахские слова и воспринималось это несерьезно, карикатурно. И ради чего? Чтобы угодить юбиляру? Чтобы подчеркнуть свое почтение? Вряд ли это нужно было Назарбаеву, который говорит по-русски так же бегло, как и Медведев. Смешно! Все равно, как если бы я выдавил из себя несколько фраз на языке зулу.

Мой принцип: можешь – говори нормально; не можешь – не смеши народ, не попугайничай.

Помню, как однажды Колбин (первый секретарь КПК) взялся однажды читать по бумажке два абзаца на казахском языке. Это было ужасно! Никто ни одного слова не понял. Форменное издевательство. Еще один зять казахского народа, любимчик нашего саруара, ныне ошивающийся в Швейцарии, Виктор Храпунов, начиная казенную речь, имел обыкновение произносить обращение: «Курметти кхаум!» (прожив полвека среди казахов, занимая высокие посты, он так и не научился сказать нормально: «Құрметті қауым!», что, однако, не помешало уволочь за кордон сотни миллионов долларов казахского добра). Теперь и Медведев решил блеснуть казахской речью. Получилось по-мальчишески, коряво, неуклюже и неловко. А по КТК объявили: «Российский президент заговорил по-казахски!»

Ну, что тут скажешь?!

* * *

Казахи так боготворят свой язык, что им даже не пользуются.

* * *

Депутат Мажилиса Айгуль Соловьева: «Не парламент, а «муму» какое-то».

* * *

Из газет: «Благодаря нашему Елбасы, демографическое положение в Казахстане резко улучшилось».

Тетрадь пятнадцатая

* * *

Что означает слово «Президент»? Буквально: впереди сидящий. Что означает слово «Резидент»? Буквально: сидящий сзади. Президент страны у нас Нурсултан Назарбаев. Давний и признанный лидер. Он, как положено, сидит впереди. И видит все вокруг. Ну, если не все, то многое наверняка.

Я же – один из многих резидентов страны. Я, понятно, сижу сзади. Может в самом последнем ряду. Но, по крайней мере, тоже кое-что вижу. Нередко бывает, что резидент видит то, что остается вне обозрения президента. О том я и пишу. Вообще-то, в принципе, надо, чтобы резиденты не помалкивали. Это будет на пользу общества. Президент и резидент должны дополнять друг друга. Это и есть в сущности обратная связь.

Я так понимаю. Потому и пишу о том, что́ вижу, что́ думаю, о чем размышляю, что́ волнует.

То, что не должен говорить Президент, обязан высказать резидент.

* * *

Давно и часто цитируются строки Бориса Пастернака:

Позорно, ничего не знача,
быть притчей на устах у всех...

Понятно, Борис Леонидович имел в виду литераторов. Действительно, позорно. И у нас, в Казахстане, многие писатели ровным счетом ничего не значат, а лезут из всех щелей, как тараканы, надуваются, точно пузырь, метят в классики. Но я сейчас не о них, бишарах-бейбаках, думаю, а о высокопоставленных чиновниках, которые ничего из себя не представляют, а являются притчей на устах у всех, мелькая в газетах и ТВ. Вот где позор-то! Птички серые, невзрачные, а мнят себя орлами.

* * *

Виктор Степанович Черномырдин выразил однажды так: «Какую бы партию мы ни создавали, все равно получается КПСС».

В Казахстане обожают проводить масштабные форумы и саммиты. Но какой бы форум или саммит мы бы ни проводили, все равно получается обильный казахский той. Такая ментальность.

* * *

Казахстанская власть все время непомерно хвастается тем, что будет через 10-20 лет. А пора бы говорить о том, что происходит сейчас.

* * *

В Казахстане даже полиграф – детектор лжи берет взятки. Дашь – выдаст то, что тебе надо. Я слышал, что на юге и телеграфные столбы и шлагбаумы берут взятки.

* * *

Мы пребываем сейчас в пору жуткой инфляции всего – в том числе и слова. Врём напропалую. Слова сейчас в устах политиков, писателей, журналистов превратились в шелуху. Слова затасканы, как площадная шлюха.

* * *

Моему собеседнику 91 год. Он участник Великой Отечественной войны, бывший крупный партийный и советский работник. Из-за глухоты рассуждает громко: «Ну, ты скажи мне, чем, собственно наш Президент руководит? Нефть в концессии, газ в концессии, промышленность в концессии. Все продано на корню. Все в чужих руках. Все развернуто. Срам: мясо закупаем. Все завозное. Шмотки, что на нас, – или из Турции, или из Китая. Даже гвоздей или иголок не производим. Скотоводство в загоне. Ни-че-го! Живем на нефти. Пока есть. Так что? Чем занимается правительство? Обзавелось еще планшетками, и носятся с ними, как с писанной торбой. День-деньской заседает – штаны протирает. Никакой работы-то нет. Ответственности никакой. Одно хвастовство, ложь, трепотня. Нет, ты скажи, не так?!

Он наседает на меня, приваливаясь боком. А мне спорить сложно. Я молчу. Иногда киваю. Он продолжает:

– Нет, не нравится мне это! Ради чего воевали? Столько жизней положили... Решили сразу капитализм строить. А одним воровством что построишь? Ну, нахватали, нахапали. А теперь не знают, что делать, как быть. Ну, за двадцать лет пора ведь хоть что-нибудь производить. Я помню: при Кунаеве мы сдавали в союзный фонд миллион тонн мяса. А теперь все завозное. Цены взвинтили, а народу говорят: все под контролем. Цены держим на уровне. Как бы не так! Фарисеи!

Помолчав, отдышавшись, он опять говорит:

– Нет, не нравится мне это! Только что поделаешь? Ладно. Поживем – увидим.

Он сидит нахохлившись. Все у него болит. Только голова шурупит. И говорит он может только о прошлом, когда он руководил производством, районом, областью, краем, когда был на коне.

Шутка ли: он на пятнадцать лет старше меня. Ну, как мне с ним спорить? Он ведь жизнь знает намного лучше меня во всех отношениях. И, конечно, знает, что́ говорит.

* * *

Известно: статистика в принципе лжет. Ну, а наша, казахстанская, вообще впереди планеты всей. Даже с переписью населения напортачили так, что курам насмех. И при этом бойкая дама, отвечавшая за перепись, прикарманила миллионы и дала деру: ищи ветра в поле. Пришел другой, выклянчил у правительства еще 59 миллионов, чтобы выдать – полагаю – явную бодягу. Он уверяет, что например, 64,7% населения свободно говорит по-казахски. Откуда он взял эти проценты? С какого потолка? Почему я в жизни их не встречаю? Человек, который в состоянии выговорить: «Ассалаумагалейкум!» еще никак не владелец языка. Язык – сознание нации (Б.Евсеев). Огромная часть населения государственным языком не владеет. Значит, живет без национального сознания. Ужас!

По статистике немцы в Казахстане составляют 1,1% населения. Пожалуй, эта цифра близка к истине. Все остальные данные – боюсь – высосаны из пальца. Если бы правительство выделило бы еще 60 миллионов, статистика выдала бы еще более позитивные в демографическом плане цифры.

У нас даже сводки о погоде сильно политизированы. Называют такие, которые угодны власти.

* * *

Акиматы у нас существуют. И в меру сил и разумения функционируют.

И олигархи у нас бытуют. Но функционирует ли олигархат – уверенно сказать не могу.

* * *

Порой меня навещает грустная мысль: сколько еще саммитов выдержат бедные казахстанцы? Не надорвутся ли? Не пойдут ли по миру? Неужели казахи обречены стать жертвой саммитов? Это надо же?

* * *

«Министр и проститутки – это возмутительно!» – заявил Булат Абилов в «Свободе слова» (18.11.10), возмущаясь одним конкретным и широко известным фактом.

Я лично возмущаться не склонен. Более того, тандем министра и проституток считаю вполне в контексте нашей ментальности. Гитлер считал: проститутки любят головорезов. Почему бы проституткам не любить министров? Или наоборот? Министр ведь тоже человек. Казахи когда еще заметили: «Тең теңімен, тезек қабымен», что означает: «Ровня с ровней, мешок с кизяком». Так что милейший Боке зря возмущается.

* * *

«Южане» – мощь. «Западники» – сила.

Я не тут и не там. Ни биографически, ни географически.

К кому же мне пришлому-келимсеку, прибившемуся к атыгайцам, прислониться?

Немец-атыгаец – что странник-пилигрим, чикиляющий по обочине бытия.

* * *

Нет, читать это уже невозможно. Какую газету ни раскрой, все относительно Е.Е. одно долдонят: «Соловей да соловей», «бұлбұл да бұлбұл». Иногда определяют: «Придворный соловей», «Сарай бұлбұлы».

Ну, так ведь нельзя! Я понимаю: казахи склонны к преувеличениям: или до небес возвысят или в грязь втопчут. Надо же знать

меру. Ну, какой же Е.Е. – соловей? Зачем же так оскорблять милую певчую птаху?

Е.Е. – просто подневольное создание. Ему не положено иметь ни собственного мнения, ни собственных слов. Он вынужден помимо воли петь только одну песню. Да и не песню вовсе, а одну ноту, один слог. И птица, которая выкрикивает этот звук, называется совсем иначе. Я просто не решаюсь ее назвать, дабы невзначай не оскорбить ее.

Конечно, Е.Е. – советник, в чьих советах никто не нуждается. Но я лично охотно ему внимаю. Он всегда спешит и обнародовает то, что другие до поры до времени скрывают. По его одной-единственной надрывной ноте я неизменно определяю, что к чему и куда ветер дует.

Зря обзывают его соловьем. Что ему милостиво позволено, о том и поет.

Ну, и пусть поет!

Какое-никакое, а разнообразие на выморочном дворе.

25.11.10

* * *

У нас ведь как? Культуры политической ответственности никакой. Скажем, у министра Тыржынбая оба заместителя заворовались по-крупному. Их убирают или даже арестовывают. А Тыржынбаю хоть бы хны. Сидит себе и все. Порядочному министру надо бы уйти тотчас в отставку. А он говорит: «Своих замов не я назначал. Я за них не в ответе». «Кто же в ответе?» «Кто их назначал?» «Анау!» «Сам?». «Сам!» «Ну, и?» «А Анау ни за что не отвечает» «Как это?» «Так, по Конституции».

И Тыржынбай продолжает спокойно сидеть в кресле, хотя на всей его команде шапки горят. Мошенник на мошеннике мошенником погоняет. Пока Тыржынбая не заменят Мыржыкбаем, а то и Кыртымбаем. Ну и Мыркымбай-Кыртымбай ни за кого не в ответе. Всех его замов опять-таки назначил Анау. А с Анау, как известно, взятки гладки.

Вот такая карусель!

Это какой-нибудь японец или американец, ляпнув что-то невпопад, тотчас удаляется с Олимпа власти. А у нас сиди себе и пой аляуляй, хватай все, что плохо лежит, пока Анау, спохватившись, не возьмет тебя за шкирку и не запихнет в каталажку.

Такие вот нравы. И никто нам не указ. Закон? Какой еще закон? Не смеши людей, пожалуйста!

Мораль? Совесть? О, господи, это еще что такое?!

26.11.10

* * *

Скорбно: ни ум, ни честь, ни совесть, ни даже талант – ничего не решают ныне. Решают все только одни деньги. И сколько такая эпоха продлится?

* * *

Сообщили по радио (29.11.10), что в Астане (или в Караганде) родился мальчик, которого назвали в честь саммита Саммитханом. Меня это совсем не удивляет. Все громкие события должны найти отражение в казахском имянаречении. Так что ожидай имена Саммит, Саммитбек, Самитбай, Саммитхан, Нурсаммит. Вполне в духе времени.

* * *

А я и не знал: почему украинцы дразнят русских кацапами, а русские украинцев – хохлами. Оказалось очень просто: русские, как правило, носили бороды, и украинцы говорили: «як цап» – «как цап». А цап по-украински «козел». «Как козел» – «как цап» – «кацап». А украинцы выбривали головы и на макушке оставляли хохолок. Отсюда прозвище «хохол». Выходит, ничего обидного нет. Оба прозвища имеют в виду внешний облик.

* * *

Гани (партия «Аул») по радио сообщил, что Казахстан в состоянии прокормить 50 млн. человек, но ныне мы 40% продовольствия завозим извне.

Так о чем речь? Чего хвастаемся-то?

* * *

Наш Президент постоянно подчеркивает, что за годы независимости зарплата увеличилась в шесть раз. Не спорю.

Но почему он при этом не говорит, что за это время базар и коммунальные услуги выросли раз в двадцать?

Я постоянно подчеркиваю: сказав «А», нужно непременно сказать «Б». Иначе искривится истина.

* * *

Хочешь негатив – смотри КТК.

Хочешь позитив – смотри «Хабар».

А на каком канале реальность?

* * *

И по радио, и по ТВ, и в газетах я слышу, вижу и читаю одно и то же: один «патриот» скарабчил несколько миллионов и дал деру; другой «деятель» ловко уволок миллиард и слинял за кордон; третий «борец» за независимость родины сплавил за бугор пару чемоданов «зелененьких»; некий Мырқымбай, облаченный б-о-о-ольшой властью, хорошенько потряс горячо любимый Казахстан, но остался «белым и пушистым».

И так далее.

В таких случаях я вспоминаю строфу и стихотворения Михаила Светлова:

– Я не дам свою родину вывести
На простор чужеземных морей,
Я стреляю, и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Эх, если б я действительно мог бы этих ушлых «патриотов» взять за ушко да на солнышко!

Эх, если б я действительно мог бы их именем народа отстреливать, как кровожадных, бешеных волков!

Увы, нет у меня таких возможностей и правомочий. А власти – странное дело! – эти прохвосты любы.

* * *

Честно говоря, этот тип надоел. Но назойливо лезет в глаза. Пишут газеты: один из богачей Швейцарии. И дети миллионеры. Вопрос без ответа: откуда дровишки? Ну, да из Казахстана, конечно.

Листал намедни толстенный журналистский фолиант с фотографиями. На некоторых запечатлен Храпунов, когда он еще был мэром Алматы. В очках. Подтянутый. Благообразный. Кого-то поздравляет, кому-то жмет руку. Я сталкивался с ним в акимате, на собраниях, в ПЕН-клубе, куда его настойчиво привлекал писатель Нурпеисов. Бывало, даже здоровался за руку, обменивались незначительными репликами. Смешны были его потуги произносить нелепые казахские фразы. Теперь вот думаю: неужели он уже тогда замышлял бегство из страны? Неужели уже тогда целесообразно грабил Казахстан, сколачивал бабло?

Тайна сия велика есть.

И еще думаю: неужели наши бдительные органы да и сам Елбасы не догадывались о его тайных намерениях?

Ведь богатство обрушилось на него не в одночасье. И план бегства наверняка созревал исподволь долго. Вот тема для психологического исследования. Вот объект для анализа низменных человеческих страстей. Вот герой для литературного произведения. Почему об этом не создают монументальные творения наши романисты – Дукенбай Досжан, Сабит Досанов, Абдижамил Нурпеисов? Зря, видно, надеюсь. Они предпочитают петь аллилуйю. Жаль!

Я же могу лишь выразить свое глубокое презрение к рыцарям наживы, подобным Храпунову. И сколько подобных хапунчиков

развелось на просторах Казахстана! И ограбленный народ все стерпит?! Как бы не так! Отольются слезы миллионов бишара!

* * *

По радио говорят, по телевидению показывают, в газетах пишут взахлеб о том, что Саммит в Астане отразился в новых именах казахских детей. На сегодняшний день двенадцать (!) малышей обрели имена: Саммит, Саммитхан, Саммитбек, Саммита. И еще одну девчонку назвали «Азиадой». И мать ликует по телеящику: «Я не возражала. Красивое имя!» Кто-то придумал имя «Линур», что расшифровывается, как «Лидер Нурсултан».

Как это мне знакомо! Я ведь знаю имена: «МТС», «Колхозбек», «Совхозбек», «Мәскеубай», «Лениншіл», «Коммунар», «Полас» (Пушкин, Островский, Лермонтов, Абай, Сабит), «Кәрмеш» (гармошка), «Побудснам» (Победа будет с нами) и т.д. в таком же роде. Встречал и такие имена: «Қақырық», «Түкірік», «Дорак».

По-казахски говоря, все это дарақылық, даңғойлық, мақтаншақтық, жағымпаздық, ақымақтық, құлдық.

По-русски это нечто рабское, лакейское, холопское, смердовское, раболепское, низменное, пошлое, плебейское, прислужническое, желание выделиться, обратить на себя внимание.

Видно, все же нельзя потакать убогим фантазиям и дурным наклонностям родителей при имянаречении своих детей. Это ведь не ментальность, а элементарная дурость.

* * *

О наших ловкачах-«патриотах», пронырах-юркачей, жуликах высокой марки я думаю часто, это особое племя – продукт дикого капитализма. Блистательно охарактеризовал этот тип поэт Егор Исаев.

Где вкривь, где вкось, где поперек, где впродоль
Он все скупил и все с наваром продал.

Горазд, шельмец! И как еще горазд:
Разинешь рот – он и тебя продаст
С женой, детьми и даже с тещей вкупе
И за бугром, в Ривьере, виллу купит.
Причем не понарошку, а по факту,
И угрызений никаких. Вот так-то.

* * *

Вот уже третий месяц из номера в номер газеты уверяют, что саммит в Астане – триумф всего казахского народа. Но казахстанцы, похоже, это никак не сознают. Лидер нации настаивает: триумф. А казахстанцы и ухом не ведут. Ну, чем еще можно их удивить?!

* * *

Почти половина казахов – академики. Слава богу, что меня избежала эта напасть.

* * *

Опять повышают пенсию и зарплату. Ну, сколько можно?! Спекулянты едва успевают взвинчивать цены. Повышают на грош, взвинчивают на алтын.

* * *

Как только где-нибудь происходит какая-либо пакость, все, как попугаи, начинают твердить, что, мол, у бандитов и насильников национальности не бывает.

Мне трудно с этим согласиться. Почему не бывает? Еще как бывает! И статистика эта должна быть всем известна. Дабы знать, в какой нации больше мерзавцев, негодяев, подонков, бандитов. И каждая нация в той или иной мере должна отвечать за своих ублюдков. По-моему, это очень даже справедливо. Сколько отморозков среди русских, казахов, чеченцев, грузин, российских немцев, евреев, татар etc? Очень даже любопытно. И весьма важно в воспитательных целях. А объявлять, что у «нечистых» нет на-

циональности, значит, сознательно искажать социальную картину, скрывать правду, оберегать разномастных мерзавцев, прятаться от реальности. Каждая нация вправе знать, какое ей место заслужено в преступном мире. Понятно: в семье не без урода. Но в разных семьях и уроды бывают разными.

* * *

Призрак Сталина неприкаянно бродит только по просторам России. На Западе его и духа нет. Сталин – кумир лишь крайне отсталых элементов отсталого общества и невежественных стран. Он кумир безмозглых и рабов. Поразительно: я 19 лет жил в сталинскую эпоху, почти, кажется, 8 или 9 лет при Хрущеве, 16 лет при Брежневе, остальное время падает на правление Андропова, Черненко, Горбачева. Вот сколько генсеков я пережил!

* * *

Елбасы раздает ордена: кому – «Барыс!» I степени, кому II степени, кому – третьей. Первая степень – конечно, барс. Вторая степень – кошка. Третья степень – мышка.

* * *

Еще Елбасы сказал: великие цели ставит перед собой только великий народ.

Абсолютно верно! Но было бы весомой, если эту сентенцию высказал о казахстанцах кто-то извне.

* * *

В своих «Дневниках» (Алматы, «Жибек жолы», 2011) Мурат Ауэзов замечает: «В институте, аспирантуре и далее – друзей русских не имел».

Подумал: «А я?»

Я их имел ни в ауле, ни в школе, ни в институте, ни в аспирантуре, ни далее. Однако, несколько русских были мне близки и симпатичны: Дмитрий Безруков (художник), Дмитрий Федорович

Снегин, Владислав Васильевич Владимиров, Иван Павлович Щеголихин, Светлана Ананьева.

Среди немцев могу назвать Нелли Ваккер, Нору Пфеффер, Фридриха Больгера, Александра Реймгена, Константина Эрлиха. К ним я испытывал почти что родственные, сердечные чувства.

Среди казахов их значительно больше. Всех я и перечислить не могу. Это колоритные, добрые и надежные люди, которыми горжусь и к которым испытываю благодарность. В моей судьбе они сыграли неоценимую роль.

Ну, а среди «инородцев» назову полурусского-полунемца Алексея Дебольского, полуавстрийца-полуукраинца Леонарда Кошута и полуеврея, полунемца Мориса Симашко.

Считать всех названных выше моими друзьями, пожалуй, некорректно, но что они близки моей душе – несомненно.

Вот о чем мне подумалось, натолкнувшись на фразу Мурата Ауэзова в его дневниках (стр. 276).

* * *

Что ни говори, а коммерческая литература – то же, что коммерческий секс. Природа одна.

* * *

Инерция многолика. Но казахская инерция – особая статья. О ней неизменно разбиваются самые благие намерения. Эту инерцию преодолеть невозможно.

* * *

В начале прошлого века в Казахстане громко и актуально звучал призыв-лозунг «Оян, қазақ!» – «Проснись, казах!»

Думаю, за сто лет казах вполне проснулся.

В начале нынешнего, XXI, века появился новый лозунг «Ойлан, қазақ!» – «Думай, казах!»

Но казах особенно думать не склонен. Зачем думать? Все в воле Всевышнего. Или хана. Или бека. Что должно быть, то и будет.

Е-е... бергеніңе шүкір...

Неужели для осуществления последнего призыва понадобися еще сто лет?

Впрочем, призыв «Проснись!» относится в немалой степени и ко многим другим народам.

А все же как хорошо, как мило и удобно управлять казахами. Сплошной айналайын! Одно удовольствие! Все стабильно. И Ванька не чешись.

О, ғажап!

* * *

Из-за плохого здоровья уже несколько лет не хожу в театр. А тут подвернулся грандиозный спектакль, который меня потряс. Что же меня поразило?

Идея спектакля – Мырқымбай. Автор пьесы – Мырқымбай. Продюсер – Мырқымбай. Постановщик – Мырқымбай. Художник-оформитель – Мырқымбай. Музыку написал Мырқымбай. В главной роли – Мырқымбай.

Глазам своим не поверил. Но так обозначает в афишах и программке.

Ой, аллай!

* * *

Перед сном, как уже длительное время, читаю статьи, эссе, воспоминания Стефана Цвейга. Одно наслаждение! Я имею неплохое представление о его творчестве, но не перестаю удивляться: какой же умница! Какой же многогранный, шикарный писатель! Изысканный европеец! Как образован – диву даешься. Он пишет: «Я получил гораздо больше возможностей для пропаганды идеи, которая много лет назад стала главной в моей жизни, – идеи духовного единения Европы».

На эту идею он работает всю жизнь, изведав сполна и счастье, и горе, славу и одиночество, взлет духа и черное отчаяние от преследования фашизма. «Лекции на эту тему я читал в Швейцарии, в

Голландии, я произносил речи на французском языке в брюссельском Дворце искусств, на итальянском – во Флоренции, в историческом Дворце дожей, где бывали Микеланджело и Леонардо, на английском – в Америке во время лекционного турне от Атлантического побережья до Тихого океана».

Каково?! А какой коллекционер рукописей, автографов великих писателей, композиторов, музыкантов! А какие он написал блестящие эссе-исследования о Толстом, Достоевском, Горьком, Данте, Гофмане, Диккенсе, Роллане! Сколько нужно было знать, читать, осмыслить, проникнуться душой и сердцем!

В 1928-1932 годах издательство «Время» выпустило 12 томов (!) его книг, и предисловие к этому, тогда почти полному собранию сочинений написал сам Горький.

Стефан Цвейг (австрийский еврей) писал по-немецки. Томас Манн считал его известнейшим немецким писателем, хотя в одно время с ним творили такие гиганты, как сам Томас, его брат Генрих, Леонгард Франк, Фаллада, Фейхтвангер, Ремарк.

Я захлебываюсь от восторга, когда пишу об этом. И с тоской думаю, почему таких гигантов не родила казахская земля. К ним своим интеллектом, образованием, кругозором, мощью Духа приближается, пожалуй, один Ауэзов.

* * *

Специалисты пришли к выводу, что у людей переживших в детстве эмоциональное насилие, размер мозга меньше.

Депортация, пережитая мною в 7-летнем возрасте, была, несомненно, тяжким эмоциональным насилием. Значит, неудивительно, если размер моего мозга меньше. Отсюда мой интеллектуальный изъян.

* * *

Есть такая закономерность: болезнь, подтачивая силы, утончает душу.

* * *

Когда я мог есть и пить, не было ни того, ни другого, а теперь, когда все это есть, я лишен возможности есть и пить.

Так подло устроена жизнь.

* * *

Наша доморощенная власть постоянно пыжится и тужится, надувает щеки, задирает подбородок, встает на цыпочках, выпячивает грудь. Оттого и кажется смешной в глазах здоровых людей.

И когда она останется, наконец, само собой.

Духовная ориентация Мурата А.

У каждой жизненной поры есть свои склонности, свои притязания и вкусы, а может быть, и свои особенности и преимущества.

Томас Манн. «Иосиф и его братья»

В канун Нового, 2011, года (кстати, как раз к своему 68-летию) Мурат Мухтарович Ауэзов издал свои «Дневники» 1970-1979 годов под названием «Уйти, чтобы вернуться» (Алматы, «Жибек жолы» 2011, 293 стр., тираж 500 экз.)

Часть этих дневников под тем же названием была издана несколько лет тому назад и вызвала интерес особенно среди интеллигенции. Теперь книга расширена еще четырьмя блоками – четырьмя этапами неуемного искателя истины и смысла гражданского бытия.

«Уйти, чтобы вернуться» – счастливо найденная формулировка, характерная для всякого мыслящего, ищущего, рефлектирующего, медитирующего индивида. Время от времени его неодолимо влечет-манит неведомое, ему становится тесно в своей привыч-

ной среде, он вырывается из своего круга, удаляется от постылого быта, от друзей, от самого себя, охваченный духовными поисками своего святого Грааля, удаляется подальше, к черту на куличках, в дремучее захолустье, дабы потом, в свой час, успокоившись и найдя некую гармонию в смуте хаотических треволнений, возвращаться на круги своя.

Автор пишет: «Уйти и вернуться – всеобщая универсальная формула жизни, объективной реальности (для человека и познания). Этим путем идут науки и искусство».

Книга исключительно честная, открытая, исповедальная, доверительная, задушевная и поучительная. Автор щедро делится своими сокровенными мыслями, размышлениями, ощущениями о времени, о себе, о своем окружении, душевном терзании, рассказывает сочно и ярко, живым русским слогом о печали своей стези, о первых юношеских импульсах, устремлениях к свободе, к справедливости, к независимости и духовной раскрепощенности колонизированного тюркского «я».

Путь трудный, тернистый, изматывающий. Но его необходимо пройти во имя высоких целей – становление (-восстановление) духа предков, воспитание, культивирование гордости-намыса и независимости растерявших себя на долгой дороге потомков, построение подлинно гражданского (и национального, туранского) общества, достойного цивилизованного мира.

«В горы путь свой держу» – таков лейтмотив этой книги. И в том ее подспудный пафос.

Главный враг Мурата А. – кереизм Духа. Его выражение.

Где бы он ни был, куда бы он ни «уходил» – в Макат, в Дели, в Покатиловку, на Есентай, на Главпочтамп (так географически помечены блоки дневников) – он упорно ищет духовную ориентацию для своей смятенной и деятельной души, сознавая «драму тюркской интеллигенции в условиях советской действительности» и понимая, что «мелкотравчатое копание в тайниках души убогого двойника не приведет к цели».

Жизнь автора «Дневников», можно сказать, с определенного периода прошла на моих глазах. Еще не будучи знакомым с ним, я многое знал о нем. К тому же я ведь тоже жил и живу в это, в его время. И мне знакомы его поиски, его шарахания, увлечения, мысли-суждения, перемены служебных мест, все эти многозначные и многозначительные философские, исторические, литературные дефиниции и выражения с налетом любомудрия, все это высокое «прекраснословие», культ устных речений-импровизаций, навеянные прилежным чтением и конспектированием, через это в какой-то мере и я прошел и мои ближайшие друзья-современники (живые и уже ушедшие) – тоже. Так что все, о чем пишет. Мурат А. в своих дневниках, мне интеллектуально близко, потому и прочитал я эти дневниковые записи с затаенным дыханием, с дрожью в сердце, натыкаясь на какие-то параллели и аллюзии, созвучные мне в те уже довольно отдаленные годы. Вывод, к которому пришел автор («С каждым днем становится все более очевидным факт, что формой, средством, способом жизни для меня может быть только литература»), и для меня убедителен, определенен, к этой мысли (конечно, из-за заметной разницы в наших возрастах чуть раньше) пришел и я, пройдя через увлечения лингвистикой, сопоставительной грамматикой, лексикологией, педагогикой, грезами о тюркологии etc.

Мне было любопытно и приятно читать книгу Мурата А. Я несколько дней мысленно беседовал с умным, начитанным коллегой, вслушивался в его речи, в его откровения, а досаду испытывал только оттого, что уже несколько лет мои дневниковые записи («Тень дней минувших») никак не выходят на свет божий, а ведь в них – смею надеяться – также запечатлены воздух эпохи и разные перипетии нашего то взбаламученного, ощетинившегося, то застойного, сонного общества.

Мурат А. в силу своих индивидуальных наклонностей предпочитает устное слово. За многие годы знакомства я убедился: это в самом деле его стихия. В нем сидит что-то сократовское. И я всегда

испытывал огромную досаду и жалость оттого, что его блестящие импровизации по тому или иному значительному поводу пропадают втуне, не перенесенные на бумагу, не зафиксированные на магнитную пленку. Теперь с радостью вижу, что Мурат А. преодолевает эту многолетнюю инерцию, этот сомнительный для нашего времени барьер, воплощая свои творения в книгах. Из «Дневников» я узнал, что после «Уйти, чтобы вернутся» автор заинтриговал нас целым циклом гипотетических публикаций – «Там, за горизонтом», «Здесь Родос, здесь – прыгай», «Иппокрена» и сборник статей на казахском языке.

Пребываю в предвкушении удовольствия от чтения этих изданий.

Л.Н.Толстой, который, как известно, довольно сдержанно относился к творчеству Гете, записал, однако, в дневнике: «Читаю Гете, и роятся мысли».

При чтении «Дневников» Мурата А. и у меня роются разные мысли. Мне просто не удается их точнее и объемнее выразить.

Непростые мысли. Сложная судьба. Извилистая жизненная стезя. Постоянное умственное напряжение. Порой изнурительное. Самоистязающее. Неизменная настроенность на духовность.

А главное – дневники, написанные на исходе 70-х годов прошлого века, очень современны, актуальны, будят мысль, будоражат душу, навевают благотворные порывы, устремления, желания вырваться из теснин убогого и постылого бытия.

Поневоле задумаешься о концепции личности во все времена, о пониженной социальной активности нашей нынешней среды, о губительной инерции равнодушия, о лености ума, о взыскующей совести, о дебилизации общества, о становлении человеческой личности, о ее природе, трагедиях духовного беспокойства, по выражению Томаса Манна.

«Дневники» Мурата А., его духовная ориентация, бесспорно, заслуживает внимания, всестороннего осмысления и благодарности.

10.01.11

Этапы большого пути

История – это то, что произошло и что продолжает происходить во времени.

Томас Манн. «Иосиф и его братья»

Разговор ниже пойдет о новой книге известного публициста-политолога Сейдахмета Куттыкадама «Казахская драма на сцене и за кулисами» (А., Vox populi, 2010, 303 стр., тираж 2000 экз.).

Книга имеет уточняющий подзаголовок: «История современного Казахстана».

О каких этапах, собственно, речь? В данном случае о двадцати драматических лет Независимости государства казахского.

Вопрос: а путь этот в самом деле большой?

Кому как.

Я, например, со своей колокольни склонен считать, что за двадцать последних лет все же кое-что в нашей стране произошло. Всякое. И позитивное. И негативное. И говорить о том есть резон.

Сейдахмет Куттыкадам, активный участник всех этапов двадцатилетних событий, человек неравнодушный, обладающий острым и – главное – независимым взглядом, руководствующийся испытанным девизом «писать без гнева и пристрастия», решил во всем разобраться. При этом он не навязывает свою волю и видение. Оговаривается: «В любом случае при несогласии каждый мой оппонент может опубликовать свое видение, а там читатели и время рассудят, кто из нас ближе к истине».

На какие «проклятые вопросы» (Гейне) пытается ответить Сейдахмет в своей новой книге?

Он сам очертил их круг: как мы воспользовались своей независимостью? Каковы наши достижения и упущения? Что произошло за это время со страной и народом?

Каждый гражданин вправе (и даже обязан) отвечать на эти кардинальные вопросы честно, согласно своей совести.

Собственно, так и поступают. Каждый, понятно, со своей кочки зрения. И автор определяет (выявляет) три группы «ответчиков»:

а) представители власти, описывающие все в восторженных тонах (я их называю жарапазаншы-аллилуйщиками);

б) оппозиционеры и беглые эмигранты, живописующие в черных красках;

в) иностранные публицисты, «не особо вникающие в тонкости и сложности казахстанской жизни, но торопящиеся застолбить тему» (стр.6)

Совершенно согласен с таким ранжиром. И мне лично все эти группы хорошо знакомы. И скажу заранее, что точка зрения Сейдахмета, его объективность, его спокойный, взвешенный взгляд, его беспристрастность, аналитические способности и стилистическая тональность в изложении тех или иных фактов и событий мне глубоко симпатичны. А я, между прочим, тоже жил (и живу) в это время, и я тоже не всегда был сторонним наблюдателем, не чикилял по обочине бытия, случалось, также варился в котле политических страстей, и все личности, упоминаемые или описываемые Сейдахметом в «Казахской драме» мне знакомы, со многими я тесно общался (и общаюсь), и я вправе засвидетельствовать, что вся история современного Казахстана реконструирована, воссоздана, подана, изложена во всех деталях точно, объективно и абсолютно правдиво. Получился яркий рассказ о том, что произошло и что продолжает происходить во времени.

На какие этапы отечественной истории последних двадцати лет обращает внимание автор? Этапы этого крутого пути изложены автором в шести частях: «Путь к независимости», «Метаморфозы власти», «Зигзаги оппозиции и состояние общества», «О свободе и свободном Казахстане», «Геополитические эскизы», «Печаль и... надежда». Каждая из этих частей, раскрывающих содержание книги, состоит из трех до десяти глав, в которые уместно вплетены статьи Сейдахмета разных лет, опубликованные в российской и республиканской печати. Подавляющее большинство этих статей мне знакомо по первой публикации, ибо суждения напористого и

здравомыслящего автора вызывали у меня всегда неподдельное любопытство, ориентируя меня в будущем море злободневной политики.

С живым интересом я прочитал (надеюсь, и другие искушенные читатели прочтут также) те главы в книге о событиях, прошедших на моих глазах: имею в виду такие красочные в изложении Сейдахмета эпизоды, как «Михаил Горбачев и декабрь 86-го», «Перепутье», «Конец советской артели» (как в этих словах точно обозначено крушение казалось бы несокрушимого СССР!), «Первые шаги в независимость», «Сладкий Ветер Свободы принес республике проблемы, решать которые мы только учимся», «Первый роспуск и выборы нового парламента», «Роспуск второго парламента», «Референдумы и президентские «выборы» («выборы» у Сейдахмета в кавычках), «Экономические блуждания», «Раздвоение «Акжола», «О президенте», «Зыбкие контуры нового мира». Это те самые эпизоды, свидетелем которых я был сам (а перипетии парламента XIII созыва – «нелегитимного» – зафиксированы в моих дневниках во всех драматических подробностях).

Не стану все эти главы пересказывать, ибо рискую оставаться в тени эффективного повествования Сейдахмета, но некоторые выразительные суждения считаю нужным здесь воспроизводить, дабы передать колорит авторской стилистики.

Прежде всего автор «Казахской драмы» напоминает нам несколько важных вех новейшей нашей истории.

«...22 июня 1989 года Пленум ЦК Компартии Казахстана избрал своим первым секретарем Нурсултана Назарбаева».

«...В апреле 1990 года Верховного Совета Республики избрал его президентом республики. Народ приветствовал все это и возлагал на нового лидера большие надежды» «Нурсултан Назарбаев, обладающий повышенной чувствительностью к реакции окружающих, утром 19 августа (1991) после заявления ГКЧП, ощутил легкий холодок в своей резиденции. И он решил поехать в парламент».

«28 августа Борис Ельцин своим указом приостановил деятельность КПСС на территории России. 24 августа Михаил Горбачев подал в отставку с поста Генерального секретаря ЦК КПСС... 28 августа Нурсултан Назарбаев сложил с себя полномочия Генерального секретаря ЦК Компартии Казахстана».

Все эти скоропалительные драматические события прошли на нашей памяти, и Сейдахмет лапидарно напомнил о том.

Далее, как мы знаем, последовали хронологически два роспуска парламента, референдумы и президентские «выборы». Изложив все эти события, автор посчитал нужным сделать такую ремарку.

«Дело в том, что имея вожделенную беспредельную власть, Нурсултан Назарбаев просто не имеет физической возможности уследить за всем. Поэтому он распределил все свои обязанности, то есть, передал власть немногочисленным членам своего близкого окружения. Эти самые приближенные досконально изучили психологию, перемены настроения и характерные привычки Хозяина. Они знают когда, как и с каким выражением лица доложить Ему, чтобы провести выгодное для себя решение или, наоборот, отвести неугодное им» (стр. 97).

Увы, это горькая правда, в которой смогли убедиться зрячие душой и сердцем граждане нашего отечества И автор это подтверждает: «К каким печальным результатам это привело знают все казахстанцы, кроме главы государства».

Если замечание относительно «кроме» действительно имеет место, то результаты не печальны, а скорее, скорбны. Может, именно в этом и заключается «казахская драма»?

Читатель поневоле обратит внимание на главу «Экономические блуждания». Если и в политическом раскладе нашего общества я лично что-то и кумекаю, то в экономических ситуациях страны я полный профан. Только по наитию чувствую: «Нет, ребята, все не так. Все не так, ребята!» Мои давние подозрения и сомнения Сейдахмет подтверждает конкретными примерами. Передаю ему слово: «За три волны прихватизации при премьер-министре Сергее Терещенко, Акимжане Кажегельдине и Нурлане Балгимбаеве

свыше девяноста процентов государственной собственности перешло в частные, то бишь, чиновные руки или в руки в большинстве своем мало известных и сомнительных иностранных компаний, заплативших большие взятки» (стр. 99).

Вообще-то и это нам хорошо известно. А вот цифра, которая меня оглушила: «Прямой материальный ущерб государству в ходе сознательного разрушения экономики и передела государственной собственности оцениваются независимыми экспертами примерно в 300 миллиардов долларов».

Мне это и представить сложно. Я не в состоянии даже произносить такую цифру. Fantastisch!

Автор «Казахской драмы» приводит официальные данные по отраслям за 2000 год в процентах к данным 1990 года – по внутреннему валовому продукту, по внутреннему региональному продукту, по сельскому хозяйству, промышленности, строительству, торговле и транспорту и отмечает кругом резкое снижение социально-экономических показателей.

«Сейчас республика почти ничего не производит, для интереса попробуйте найти продукцию с надписью «Made in Kazakstan». Зато бодрые уверения правительственных чиновников о том, что наша страна совершает стремительный индустриальный рывок раздаются во всех СМИ» (стр. 104).

Сейдахмета очень беспокоят дикие порядки на коррумпированном Олимпе отечественной власти. Он язвительно и снайперски раскрывает особую психологическую атмосферу на доморощенном Олимпе. «Это замкнутый мир, не имеющий ничего общего с внешним, за двадцатилетие без малого независимого правления в нем сложились свои дворцовые нравы и правила поведения. Дух потребительства, цинизма, угодничества и дикой жажды власти витает в его коридорах. Здесь мало кого интересуют государственные интересы, поэтому всерьез говорить о них считается дурным тоном. Для большинства чиновников государство интересно только, как огромный объект ограбления. Между ними идет постоянная борьба за доходные должности. Успех зависит только от степени приближения той или иной группировки к Самому» (стр. 109).

Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Честно расставлены все точки над і. И ничье вето не в силах преодолеть эту пагубную инерцию. Ноготок казахстанской власти так глубоко увяз в бесславном коррупционном болоте страны, что вытащить ее оттуда когда-нибудь весьма проблематично.

Еще 15 лет тому назад Сейдахмет писал о том, как суверенно грабят и самостийно разрушают чиновники Казахстан, «а он пока стоит». И автор этой статьи, помнится, задавался тогда, в 1996 году вопросом: «Как вы думаете, господа, долго ли?» И 15 лет спустя он приходит к выводу: «Увы, положение в кадровых делах с тех пор не только не улучшилось, а значительно ухудшилось. Мы абсолютно не научились использовать людей сообразно их талантам и природным склонностям» (стр. 113).

Сейдахмету веришь: он пребывал и во власти, и в оппозиции, не замыкался в национальной скорлупе, всегда находился в гуще жизни, общался с разными крупными личностями в стране и за ее пределами, брал у знаковых фигур интервью, случалось, и сам давал их, ничего не утаивая, не кривя душой, не приспосабливаясь к ситуациям, к конъюнктуре, сохраняя живу душу, к нему тянулись личности по обе стороны баррикад, уповая на его журналистскую, профессиональную порядочность, объективность, интеллект и разумность, политическое чутье и принципиальность, на аналитический, трезвый склад ума.

Эти индивидуальные качества Сейдахмета и мне издавна знакомы, а потому я его неизменно охотно читаю и прислушиваюсь к его суждениям. Он к тому же обладает ярким, острым пером, владеет всем арсеналом выразительных средств, живописует, хорошо портретирует, не сорит словом, умеет увлечь читателя. Эти достоинства его новой книги бесспорны.

Он строг и к оппозиции. Он знает «не только его внешний антураж, но и закулисье». Он пишет: «Что уж скрывать то, что этот неблаговидный и вечно шатающийся режим до сих пор держится, связано со слабостью оппозиции» (стр. 146)

Это так. Я убежден, что любая власть сильна прежде всего своей оппозицией. Нет позиции – нет оппозиции. Для прогресса в обществе необходима сильная оппозиция. Это банальный штандпункт. Мое кредо. Поэтому я в определенный мере склонен сочувствовать оппозиции. Но у нас, к сожалению, власть и оппозиция друг другу соответствуют, совсем уж по казахской поговорке: «Апама жездем сай», т.е., «тетя и зять мой друг друга стоят».

Строгие суждения Сейдахмета о нашей оппозиции правомочны и весомы: он немало лет сам активно функционировал в ней, возглавляя движение «Орлеу» и редактируя газету «Эпоха». Я и тогда был близок к Сейдахмету.

Он прав и тогда, когда подчеркивает квазиработу, показушность как властей, так и оппозиции. «А квазиработа порождает антирезультаты: коррупцию, преступность, халатность и апатию. Власть порой создает квазиоппозиционные партии, чтобы убить двух зайцев. Во-первых, эти партии хорошо контролируемы. Во-вторых, они выставляются перед Западом, как свидетельство политического плюрализма в стране» (стр. 160)

Особое, думаю, внимание в данной книге привлечет читателя заключительная главка «Осмысление». Она написана жестко и сурово. Она заключает в себе всю боль автора. И мою (нашу!) тоже. Вот он, «конечный вывод мудрости земной», если прибегнуть к выражению из «Фауста»:

«В разное историческое время все свои неурядицы мы вначале списывали на царизм, потом на коммунизм, но вот получили независимость, и весь мир увидел, на что мы способны. В основном, на саморазрушение!» (стр. 275)

«Слабые народы, так же, как и слабые люди, пытаются преодолеть свои комплексы пустыми иллюзиями и дутым самовозвеличиванием, согласно которому отечественная качка воображается величайшей высотой» (там же).

Ударное, ключевое слово в этом абзаце – «дутое самовозвеличивание». Ах, как нам это свойственно! Я подбираю мысленно казахский аналог этому отнюдь не похвальному определению:

даңғойлық, дарақылық, бөспебайлық, бос мақтан, әсіре қызыл (Әй, қазақ та айтқыш қой!)

«Личное представление о своем месте лишает ориентиров в пространстве, и потому вместо того, чтобы стремительно броситься вперед вдогонку за лидерами, такой бедолага, одурманенный своими выдумками о величии, топчется на месте» (стр. 275).

Высказав всю свою боль и определив наши беды, Сейдахмет, однако, не впадает в черное безнадежье. «Я верю в наш народ и уверен, что мы сможем изменить свою судьбу. Верю, иначе зачем бы писал эту книгу?» (стр. 276).

Могу добавить от себя: «А мне-то зачем писать столь пространный отзыв на эту книгу, если бы такая же вера не руководила бы мною?»

А в заключении скажу:

То, что было, мы знаем.

То, что происходит ныне, – видим.

То, что будет, пока неведомо, но на основе двадцатилетнего опыта независимости, в какой-то мере представляем.

Как говорил один данышпан-мудрец: будем уповать на лучшее, а настраиваться на худшее.

В этом пафос книги Сейдахмета Куттыкадама.

В этом ее значение и смысл.

Иначе – в самом деле – зачем огород городить?

А вообще-то казахская драма существует реально. И в сущности она драма жизни.

12-14.01.11

* * *

В своем послании народу 2011 года Ельбасы определил координаты: к 2020 году 80 процентов казахстанцев должны говорить на государственном языке, а к 2030 году – 95%.

Мед ему в уста! Да сбудутся его благие намерения!

Я это всей душой приветствую.

Однако, если честно, сомневаюсь.

Во-первых, язык – это только сфера, какую вообще-то процентами не измеряют.

Во-вторых, по своему многолетнему опыту знаю, что это нереально. Откуда такие показатели возьмутся, если нынешняя база шаткая? Если человек усвоил два десятка казахских слов (да еще с дурным произношением), его никак нельзя причислять к носителю языка. Так что, 80-90 процентов владетелей языка – миф, нонсенс. «Хал қалай?», «Амансың ба?!? «Ассалаугалейкум» – еще не язык.

В-третьих, язык развивается, если он востребован всеми сферами производства, науки, техники, искусства, здравоохранения, сельского хозяйства, политики, культуры, литературы и т.д. Насколько мне позволительно судить, казахский язык, к которому я всю жизнь отношусь с любовью, за 20-30 лет такого уровня не достигнет. К сожалению. Просто-напросто база не та. Не та общественная востребованность.

Значит, добрые намерения Елбасы, скорее, из области фантастики.

Был бы рад, если бы я ошибся.

* * *

Торжественно, с большой помпой, с неимоверными затратами, начиная с сотворения мира, Неба и Земли, с рождения Тэнгри, с иллюстрацией до-о-о-лго-го-оо-го пути эволюции, с множеством спецэффектов и компьютерных чудес, разных картинок, символов, концертных вставок, задействовав сотни и сотни людей в дорогих нарядах, утомительно и нудно, изнасиловав терпение зрителей, показали открытие азиады а Астане.

О, да... грандиозно, помпезно, супер, прима. Можно удивиться. Можно восхититься. Можно сказать: «Ғаламат! Ғажап! Небывалое зрелище! Всех заткнули за пояс».

Согласен.

Но кто это все сотворил?

Россия с участием сотни коллективов, предприятий, продюсерских центров. Плюс Германия. Плюс Швеция. Плюс певицы из Бельгии и Японии. Плюс...

Какова же доля участия Казахстана в этом зрелище? Только расходная, материальная часть?

И вообще, какое отношение имеет этот исторический зрелищный ряд к спортивным играм азиады?

И что дальше?

Уже в первый день соревнования в казахстанский коржун, как захлебывались СМИ, посыпались дождем золотые, серебряные и бронзовые медали.

И кто медалисты? Выписываю из газет:

Ольга Новикова, Евгения Кузьмина, Михаил Сорокин, Александр Бабенко, Алексей Полторанин, Николай Чебатько, Дмитрий Кошкин, Игорь Закурдаев, Дмитрий Рейхард, Дмитрий Бармашов, Юлия Голышева, Елена Хрусталева, Марина Лебедева...

Ей, қазақ қайда? Это же все русские или российские спортсмены! Разве азиада не в Казахстане проходит? 154 спортсмена прошли под флагом Казахстана. А казахи где? Как это понять? Как объяснить? Каким образом мы рассчитываем на первое место? За счет кого? Кому пыль в глаза пускаем?

Что-то не так, ребята!

Хвастаемся, кичимся, шумим, горланим на казахский лад, а на спортивной арене наших славных джигитов раз-два и обчелся.

Меня это угнетает.

* * *

Как я неоднократно устно и письменно высказывался, я убежденно ратую за введение в казахский язык латиницу. Основной мой довод: благодаря латинице появятся заметные шансы сблизиться тюркским языкам. А я сторонник того, что бы в нашем сумбурном, разобщенном мире изначально родственные языки сблизились реально, чему, как я полагаю, способствует единый алфавит – в данном случае латиница, которая, опять-таки на мой взгляд, в состоянии наиболее адекватно отразить орфографические и орфоэпические нормы. Через латиницу, чудится мне, мы окажемся ближе и к Западу, и к Востоку. При этом я ничего не имею против

кириллицы, ибо она веками проверена, испытана, компактна, мобильна, адекватна, экономна и верно служила и служит не одному поколению. Тут спора нет.

Оставаясь приверженцем латиницы, я, однако, в последние годы не стал, как прежде, рьяно настаивать на ее скорейшее внедрение, ибо осознал, что решение о том – прерогатива, прежде всего, самих казахов, а я лично готов проголосовать и за латиницу, и за кириллицу, так как воспринимаю их равнозначно, как духовно родных сестер.

И вот совсем недавно (если точно: в январе 2011 года) попалась мне на глаза толковая статья учителя русского языка из Ордабасинского района Южно-Казахстанской области К.А.Прмонова под названием «Использовать во благо» (см. журнал «Современное образование», № 4, 2010, стр. 45-49), в которой автор подошел к проблеме совсем с иной стороны, чем поколебал и мое сложившееся мнение по этой части.

Признаться, я о том и не подумал.

Вот несколько ключевых моментов этой статьи.

Приводится сравнительная таблица букв русской кириллицы и новой латиницы. Картина получилась такая: Е – Ie, Ё – Io, Ю – Jiyw, Я – Ija, И – Ij, Ж – Zh, Ш – sh, Ч – ch, Щ – Shsh, Ц – ts, Ә – ae, ү – ye.

Невооруженным глазом видно, сколько же нужно латинских букв, чтобы адекватно передать буквы кириллицы.

Уже этот факт настораживает, не так ли?

В качестве примера автор обращается к русской истории.

«Как известно, в 1917-1918 годах в России была проведена реформа орфографии, когда из русского алфавита были изъяты четыре бесполезные буквы, дублирующие другие. Как отразилась на русской письменности? А вот как. Если до реформы знаменитый роман Л.Н.Толстого «Война и мир» выходил четырьмя толстенными томами, то после реформы этот же роман стал выходить тремя томами. Получается, что целый толстенный том занимали эти бесполезные четыре буквы! Всего лишь че-ты-ре буквы!»

Обращает автор названной статьи внимание и на то, что в 1940 году казахский алфавит дополнили еще десятью буквами – ә, ө, ү, ұ, і, ғ, қ, ң, һ. Чтобы приспособить современный казахский алфавит (42 буквы) кириллицей к компьютеру нужно его сократить до 30-33 букв. Ученые посчитали: необходимо 17 дополнительных букв латиницы для передачи звуков казахской речи на письме. 17 букв!

И учитель русского языка К.А.Прманов пишет: «Посчитаем на пальцах: 4 буквы составляют один дополнительный том, 17 дополнительных букв – это уже почти 5 дополнительных томов... 3 строчки казахского текста на современной кириллице при переходе на новую латиницу сразу же превратятся в семь строк. Шесть строчек – в 14 с половиной строчек, а 9 строк – почти в 22 строки»

И что же получится в результате?

«3-томник казахского текста на современной кириллице при ее замене на новую латиницу сразу же превратится в 7-томник, 6-томник – в 14 с половиной томов, а 9-томник казахского текста на современной кириллице моментально превратится в 22-томник на новой латинице».

Поневоле задумаешься. Во что же превратятся пухлые казахские романы в 40 печатных листов?!

И я представил: сколько же томов на новой латинице понадобится, скажем, для 50-томника М.Ауэзова, для 20-томников Мурза-Али, Кекилбаева и Магауина, для 15-17-томников Жумадилова, Досжанова, Сматаева, Алдамжарова, для 10-томников, к примеру, Нуршаихова, Салыкова, Унгарсыновой и etc.? Ужас! Последний казах окажется раздавленным этими глыбами. Это страшнее, чем сход снежных лавин в отрогах Алатау.

Представив это, я опечалился: что́ мы обретем, а что́ потеряем при переходе на латиницу? И на каких весах измерить все «за» и «против»?

Что ни говори, а я серьезно поколеблен в своих давних воззрениях относительно этой проблемы.

А, может, существует какой-то выход, до которого я пока додуматься не могу?

* * *

Россия широко, с размахом отметила 80-летие со дня рождения Б.Н.Ельцина, своего первого президента. И докфильм показали, и памятник открыли, и уйму статей и воспоминаний опубликовали. Все, как говорится, чин чинарем.

Человек Борис Николаевич был незаурядный, неординарный, что там говорить. Мощная, русская натура. Противоречивый донельзя. И намешана в нем была уйма всякой всячины.

Не мне о нем судить.

Рассудит история.

Но одно его достоинство считаю нужным подчеркнуть. Из всех руководителей государств – насколько мне известно – он единственный сказал самую вескую, памятную фразу: «Я ухожу. Я понял, что мне необходимо это сделать».

Редкое мужество – в свое время, на своем месте – такое твердо сказать: «Я ухожу!»

Не знаю, кто на такой поступок способен.

Остальные лидеры (в кавычках и без) сидят на троне до тех пор, пока их не выпихивают с позором из страны или не вынесут с носом кверху.

* * *

Писатель Александр Генис (см. «Известия», № 19 за 2011 г.), давно эмигрировавший в Америку, считает, что на гонорары от своих книг живут всего 10 человек на весь мир. «Их очень мало. В России – только Акунин, наверное».

Что писателей, живущих худо-бедно на гонорарах, немного – верно. В числе этих немногих – я, ибо на вольные хлеба я ушел еще в 1964 году и поныне нахожусь в этом статусе. И как-то свожу концы с концами. Правда, шкрябаю пером усердно – пишу прозу, эссе, статьи, литобзоры, составляю книги, редактирую, перевожу. Этим и держусь на плаву. Так что, цифра 10, названная А.Генисом, не совсем точна.

* * *

Бог сотворил все экономно, цельно, без излишеств.

Богатство одного обеспечивается бедностью тысячи.

Удача одного оплачена неудачей сотни.

На одного здорового приходится десять хворых.

Счастье одного достигается за несчастье другого.

И т.д.

Все блага жизни распределены неравно. Бог может перераспределить только то, что у него есть. Его ресурсы, выходит, тоже ограничены.

Так было искони.

«Ничего лишнего у меня нет, – говорит Создатель. – Довольствуйтесь тем, что я вам даю».

Бедное человечество, людишки-бишаринцы, тщетно пытаются переломить эту божью волю. Но толк невелик. Все суета и томленье духа.

На том стоит мир. Так было, так есть, так будет.

Отсюда вывод: радуйся тому, что есть и не сетуй на то, чего нет.

* * *

Уж больно спешит наша власть то с референдумом, то с выборами, то с показушными форумами. А где спех, там и смех. Вот и потешаются над нами людишки.

* * *

Понятно: в политике без лжи не обойтись. Но лгать все же следует с обаянием, умеючи. А это у нас как раз не получается. Врем топорно, напропалую, в лоб.

* * *

Равные в бедности равны в страхе. Равные в страхе неравны в радости. Равные в радости и богатстве сегодня завтра станут равными в горести и бедности, ибо таков закон высшей справедливости и равновесия.

* * *

С глубоким отвращением лицезрел съезд, сквозь пронизанный клиническим раболепием. Людишки, собравшиеся на этот съезд, – жалкие рабы и невольные могильщики режима.

* * *

Маячит вопрос: куда делись деньги, потраченные на несостоявшийся референдум по продлению срока президентства до 2020-го года? И как чувствуют себя депутаты двух палат нашего парламента, пять миллионов подписантов и такие суперподхалимы, как сыдыков и нехорошев, горячо поддержавшие идею референдума? И какова совесть продюсеров этой идеи?

Нет ответа.

* * *

Кругом у нас хана. Дәріхана, Аурухана, Асхана, Мейрамхана, Дәретхана, Ұстахана, Кітапхана и даже шешехана (слово придуманное некогда поэтом Хамитом Ергалиевым)

И сам Казахстан все больше становится Қытайхана.

* * *

Президентская гонка в разгаре.

Выдвигают себя кандидатами в президенты всякая шантрапа, бомжи, отбросы. Сам Мырзатай Жолдасбеков, председатель лингвистической комиссии, возмутился: «Президент сайлау кім-көрінгеннің ермегі болып кетті» («Выборы превратились в забаву встречного-поперечного»).

Черт знает что? Совсем не смешно, а грустно и оскорбительно.

Какие напрашиваются выводы?

а) Статус президентства в сознании народа потерял всякий смысл.

б) Порядочные люди на трон Елбасы не зарятся.

в) Властям выгодно таким образом внедрить в сознание своих граждан убогую мысль, что общество настолько ничтожно, что Назарбаеву еще сто лет не будет альтернативы.

г) За 20 лет независимости в Казахстане не выросла ни одна достойная личность.

По этому поводу ревмя реветь надо, всенародный траур объявлять, поднять вселенский плач: «Ойбай-ойбай!», хаджи Амантаю дурниной вопить: «Аттан-аттан!», а лидер нации рвать на себе последние волосы.

Такие вот мысли приходят в мою вконец обалдевшую голову.

* * *

Вот запели-жарапазанили на все лады: казахстанец да казахстанец. Ну, что ж... я тоже казахстанец. В географическом смысле. С 41 года прошлого века. А в плане национальном я не казахстанец, ибо такой нации в природе нет. Я, собственно, этнический немец. Если точнее, российский немец. Так как предки мои с 1767 года – россияне. А если уж совсем точно – я казахстанский немец. Вот и вся теория и практика. Яснее сказать не могу.

* * *

Яростно обсуждают в газетах: есть у нас, в Казахстане, зиялы кауым (интеллигенции) или нет ее. Я считаю, что у нас есть власть, интеллигенция и народ. Власть состоит из власть имущих и ее пристеблев-нахлебников. Интеллигенция состоит из пятколизов-лизоблюдов и потребителей соевой сосиски. Народ – подавляющее большинство – состоит из пофигистов и бишаринцев. Все вместе составляют общество, давно и неизлечимо больное.

* * *

Могу еще добавить: власть у нас антинародная, а интеллигенция – безнародная, народ же – растерянная толпа.

* * *

По словам-речам нашей так называемой интеллигенции можно безошибочно определить, что́ она ест. Одни едят икру, қазы-қарта,

жал-жая. Этому соответствуют и их слова и мировоззрение. По сути это и есть их национальная идея.

Другие едят севрюгу с хреном, и им – по Салтыкову-Щедрину – зачем Конституция. Конституции они предпочитают севрюгу.

Третьи довольствуются соевой сарделькой и китайской лапшой. Они пишут либеральные статьи и, случается, митингуют.

Четвертые перебиваются с лепешки на чай. Они и вовсе предпочитают помалкивать.

Каждый ведет себя соответственно тому, что он ест.

* * *

Реплика Балташа Турсумбаева в газете: «Одни и те же актеры дурачат народ».

Сказано энергично, но не точно. Во-первых, не актеры, а клоуны. А, во-вторых, не народ они дурачат, а быдло. Народ дурачить невозможно.

* * *

У старейшего журналиста Саламата Хайдарулы есть афоризм: «Бөспебай бөсе-бөсе бөсір болды».

Я перевел: «Трепач трепался-трепался и стал треплом».

* * *

Чем длиннее ковровая дорожка, тем короче оставшийся путь.

* * *

Высокий процент еще не свидетельство людской любви.

* * *

Если постоянно долдонят об успехах, значит их просто нет.

* * *

Тишь и гладь – еще не стабильность. Чаще всего это застой.

* * *

Смысл нашего жизнеустройства в принуждении к любви. Таковы единственные потуги, к примеру, «Хабар».

* * *

Я уже как-то о том, что к пастернаковскому переводу «Фауста» я отношусь к выводу с большим подозрением. Сравнивая перевод с оригиналом, я пришел к выводу, что в этом переводе много Пастернака и мало Гете, когда должно быть наоборот.

Инстинктивно я чувствовал, что и со Шекспиром Пастернак поступил так же. И мою догадку подтвердила Софья Борисовна Ильинская, переводчик и исследователь новогреческой литературы. Она, рассуждая о переводах Кавафиса, осуществленных Иосифом Бродским, пишет, что он вносил в текст лексику Ленинграда, своего поколения, арго «То же делал Пастернак с Шекспиром, это не вполне Шекспир – это Шекспир Пастернака, – утверждает она и добавляет. – Так бывает с великими поэтами-переводчиками великих поэтов». (ЛГ, № 10 от 23.03.11).

Увы, так бывает. И это медвежья услуга. Это приводит к сплошной фальсификации. Переводчик должен не себя выпячивать, а раствориться – насколько возможно – в оригинале.

* * *

Тофик Агаев из Баку выдал сентенцию: «Мало быть известным писателем, надо еще хорошо писать».

Могу добавить: «Мало быть известным политическим деятелем, надо еще прилично выражаться».

* * *

Борис Крутиер: «О начальстве либо хорошо, либо ищи другую работу».

* * *

Поразительно, как наш Президент различает своих соратников. Для меня они все на одно лицо. Я их отличаю только по фамилиям.

О тех, кто затерялся в степях

Любопытная и привлекательная эта книга называется «Затерянные в степях Центральной Азии».

Автор – Дэниел Меткалф, филолог и путешественник, специалист по классическим наукам, владеющий русским, шведским, фарси, португальским, древнегреческим, латинским языками, объездивший всю Азию, Восточную Европу и Кавказ.

С английского языка книгу перевела Айтолкын Курманова (Алматы, «Vox populi», 2010, 288 страниц с фотографиями автора, тираж 5000 экз.)

О каких затерянных в Центральной Азии народах идет речь? О туркменах, каракалпаках, евреях Бухары, немцах Казахстана, ягнобцах, хазарейцах, калашах.

Автор умеет рассказывать живо, увлекательно, с теплой, доверительной интонацией, с привлечением многообразных деталей, с анализом диковинных человеческих судеб, с передачей достоверной атмосферы, ауры древнего региона, опираясь на увиденном, услышанном и прочитанном. А прочитал автор большое количество специальной литературы. Это не этнографические зарисовки мимолетных впечатлений путешественника, праздные наблюдения, а скорее исследование с искренним сочувствием и сопереживанием. Автор внимателен к людям, к осколкам древней цивилизации, затерявшейся на огромных просторах Центральной Азии.

С особым интересом я прочел две главы книги: «Те, кто знают дорогу» (об евреях Бухары) и «Ночью бродят злые духи» (о немцах Казахстана). Вот о последней названной главе я и хочу поведать чуть подробнее.

С большим пиететом и даже восторгам говоря о Казахстане, стране, «настолько большой, что она приютила свыше 100 этнических групп», автор дает историческую справку о «большой и процветающей немецкой общине в Казахстане».

Трагедию немцев в СССР Дэниел Меткалф связывает с их депортацией по злой воле «дяди Джо» в 1941 году. Он отмечает: «За

трехмесячный период 1,2 млн. советских немцев, в основном, из Украины и русского Поволжья, были посажены в грузовики для перевозки скота и отправлены в мрачные степи на восток. Это была крупнейшая депортация, когда-либо имевшая место на советской земле. Более трети людей умрет от невыносимых условий, наказаний и переутомления. Удивительно, но те, кто выжил, стали работать во благо казахстанской экономики, показывая себя превосходными руководителями, фермерами и специалистами» (стр. 103).

Автор-англичанин предельно открыт и строг в своих конституциях.

«Между тем, более пожилые люди, говорящие на немецком языке и хранящие в памяти долгие годы расовой ненависти и дискриминации, стоят на пороге исчезновения» (стр. 104).

Автор приехал в Алматы, отыскал лютеранскую церковь, Немецкий Дом, посольство Германии, руководствовался картой Казахстана, масштабы которого просто сразили его в самом начале.

Город Алматы путешественнику понравился. «Алматы является идеальным местом для того, чтобы быть столицей страны. Утопающий в зелени, находясь в тени гор Алатау с высокогорными лугами и густыми деревьями, этот город гораздо более прелестный, чем настоящая столица Астана, безликое место из стекла и бетона, зданиями, высоко торчащими на севере казахских степей» (стр. 104).

Автор увлеченно рассказывает о достопримечательностях Алматы, об истории Казахстана, о его лидерах на разных этапах, о ссылках и депортациях, о ГУЛАГе, о 6 млн. спецпереселенцев – целых этнических групп, об их трагических судьбах.

Он оперирует цифрами, фактами, которые, понятно, не взяты с потолка, о чем свидетельствует перечень научной, публицистической и политической литературы множества авторов на русском и иностранном языках.

«Депортация 800 тысяч немцев стали операцией огромного масштаба и широкого размаха, но на нее практически не было

предусмотрено средств, поэтому случаев смертельных исходов от голода и мучений было много. С 3 сентября до конца 1941 года 799459 немцев были отправлены в специальные колонии Урала, Сибири и Центральной Азии. Позже к ним присоединились новые ссыльные из Кавказа. При отступлении нацистов их число возросло еще на 200 000 человек за счет ранее «репатриированных» нацистами в Германию советских немцев. Их вернули назад в СССР, посчитали пособниками фашистов и подвергли еще более жестокому обращению» (стр. 111).

Колоритно описывает Daniel Metcalfe свое посещение «Deutsches Haus» в Алматы, поведав попутно об истории немецкого движения, о создании организации «Видергебурт», о положении немецкой диаспоры в настоящее время.

«Мне очень везло сегодня, я смог поймать лютеранского пастора и мне удалось застать главу Видергебурта Александра Дедерера. Дедерер был главной фигурой, рупором и надеждой русских немцев. Сам он оказался усталым человеком, в мятом бежевом костюме, с печальными, глубоко запавшими глазами» (стр. 118).

Автор описывает свою беседу с Дедерером, его рассказ о прошлом и настоящем немцев, впечатление о библиотеке в «Deutsches Haus», о редких книгах, оставленных эмигрировавшими в Германию немцами.

«Моей самой странной находкой стало Luneburgisches Kirchen Gesangbuch – сборник церковных гимнов, изданных в 1795 году в Люнебурге» (стр. 120).

Красочно рассказывает путешественник о своей поездке в Караганду, о разных встречах и беседах с людьми немецкого происхождения, об истории драматической жизни Ирмы Янссен, отца которой в 1936 году забрали в НКВД и расстреляли, а мужа, год спустя после свадьбы, призвали в трудармию, «что, по сути, означало смертную казнь».

Говоря о трагедии немцев в СССР, автор неоднократно прибегает к слову «геноцид». А главу о немцах Казахстана заключает так:

«Когда умрут последние оставшиеся в живых люди, такие, как Ирма Янссен, историю будет легче фальсифицировать, политизировать и пародировать. Считается, что в 40-х годах прошлого века умерло 200-300 тысяч русских немцев. Но разве кто-то говорит о немецком геноциде?» (стр. 137).

Не менее печальны и судьбы диаспор, затерявшихся в степях Центральной Азии, о которых повествует путешественник в других главах своей книги. Рекомендую прочесть ее – добрую и полезную.

В заключении считаю нужным привести отзывы об этой книге трех известнейших газет.

«**The Ekonomist**»:

«Меткалф, полиглот с классическим оксфордским образованием, открывает дверь в экзотический мир, ранее известный, как Туркестан. Он встает на уровень с Робертом Байроном, знаменитым британским путешественником и писателем, написавшим «Дорогу в Оксиану».

«**Financial Times**»:

«Свежая, остроумная книга, полная причудливых описаний... но одновременно серьезная, поднимающая также актуальные проблемы региона, как экологическая деградация, политические репрессии и социальная изоляция».

«**The Independent**»:

«Идея этой книги очень актуальна: поиск шести этнических сообществ, которые прошли ад чисток советского периода, но теперь в современных реалиях стран Центральной Азии находится на грани исчезновения... У книги много достоинств, и самым большим, вероятно, является смелость и тщательное внимание к деталям плюс способность передать атмосферу региона через коротенькие анекдотические ситуации».

Абсолютно согласен.

«Vox populi» сделал доброе дело, издав эту книгу на русском языке. Она того достойна.

26.01.11

* * *

Политик – это человек, который влияет на политический климат в стране.

Так считает разнеодаренная личность – Станислав Говорухин, режиссер, сценарист, общественный деятель, писатель, художник, депутат Думы.

Согласен.

Многие из тех, что находится во власти, никакие не политики, ибо даже на своих жен не влияют.

Ну, а я лично ныне даже не стою рядом с политикой.

* * *

У нас в стране уже давно только один политик – Назарбаев. Остальные играют роль политика в неудачном спектакле.

Главное в книге – люди

Так утверждает автор этой книги в предисловии. И этот тезис определяет ее суть.

Книга же называется «Евреи в Алма-Ате». Впервые она увидела свет в 2005 году. Но автор продолжал свои поиски и работу, подготовил второе, дополненное издание (Алматы, 2009), и по моей просьбе представил мне экземпляр своего труда. Автор подчеркивает: он не стремился свою книгу превратить в некий справочник о вкладе евреев в экономику, науку, образование, медицину и т.д., а поставил перед собой задачу «рассказать о людских судьбах, дать портреты людей на фоне эпохи и постоянно меняющейся Алма-Аты».

Отсюда жанр книги: краткий исторический очерк.

«Краткий» – понятие здесь условное. В книге более 400 страниц, она состоит из пяти объемных глав («От истоков до Великой Отечественной», «От войны до «оттепели», «Десятилетие надежд», «На исходе эпохи», «В новом Казахстане»), снабжена предисловиями, примечаниями, именным указателем, фотографиями.

Автор называет людей, помогавших в сборе материалов, разные архивы (Центральный государственный, Архив Президента РК, архивы ведомств, вузов и разных организаций), отмечает, что издание – результат долгих архивных поисков, встреч, бесед и переписки, изучения различных газет и других публикаций.

Значит, «краткий исторический очерк» не так уж и краток, это, скорее, уникальное и довольно фундаментальное исследование об одной из давних и «крепких» диаспор Казахстана, сыгравшей весьма заметную роль в истории города и республики.

«Краткий» – здесь означает одно: неполный очерк, не все сказано, не все значительные имена названы, далеко не все раскрыто, многое еще осталось за рамки повествования.

В заключении своего представления книги назову ее автора – Исаак Эзрович Гринберг.

Теперь несколько слов о самой книге. Она меня, что называется, «зацепила»: к национальным вопросам я никогда не был равнодушным. Меня неизменно волнуют история разных национальностей в бывшем СССР и, прежде всего, в Казахстане, судьбы диаспор и отдельных личностей, их вклад в экономику и культуру страны, их общественная активность и значимость, их взаимоотношения с другими диаспорами, их степень, уровень национального самовыражения и проявления общечеловеческих качеств, их ум, деловитость, самодостаточность, предприимчивость, устремленность к добру, к благородству и достоинству. В этих вопросах многие народы служат примером и образцом. И евреи, понятно, не исключение. Они всегда на виду, они отменные, броские специалисты, в большинстве многогранны и талантливы, целеустремленны и предприимчивы, и их коэффициент полезного действия в обществе неизменно велик.

О том и говорится в книге Исаака Гринберга просто, неназойливо и убедительно. И я могу это конкретно подтвердить, ибо в книге речь идет об евреях Алма-Аты, города, в котором я живу 57 лет, меня учили выдающиеся евреи, я находился со многими в тесном контакте, о многих личностях, упомянутых в книге Гринберга, и я

мог бы добавить много хорошего, и когда мы встречались с авторами (почти ровесником), мы увлеченно и наперебой начали вспоминать общих знакомых среди еврейской диаспоры и радовались, что их у нас так много.

Я хочу сказать, что, пребывая в Алма-Ате с 1954 года, я, конечно же, имею неплохое представление о том и о тех, о чем и о ком говорится в книге за этот период времени, а вот о том, что было до войны, об еврейских судьбах довоенного и военного времени я был осведомлен крайне поверхностно, а потому с особенным любопытством прочел главу, посвященную этой вехе данной диаспоры – «От истоков до Великой Отечественной».

Автор задается вопросом: «Как и откуда появилось еврейское население нового города на окраине империи, за тысячи верст от традиционных мест его расселения?» и отвечает:

«В 1865-1867 г.г. право повсеместного проживания получили евреи-ремесленники, а также нижние чины, отбывшие службу в армии. Через несколько лет это право распространилось на евреев с высшим образованием и, говоря современным языком, медицинских работников конкретных специальностей – фармацевтов, дантистов и акушеров. Первыми жителями Верного из числа евреев стали бывшие солдаты, переселившиеся из Сибири. По данным учета населения Верного и Верненского уезда в соответствии с вероисповеданием, в 1879 году еврейское население города составило 81 человек. В уезде жило 36 человек» (стр. 12).

Чем же занимались эти люди?

«Основным занятием этих людей были всевозможные ремесла: сапожное, стекольное, портновское часовое (в городе жили три еврея-часовщика) и др.»

И автор приводит несколько имен: фотограф Абрам Соломонович Лейбин, раввин Соломон Израилевич Рейтборд, отставной солдат Зелик Симонов Будинский.

«Еврейское население Верного постепенно, хотя и ненамного увеличивалось, и на исходе 1902 года оно составляло 110 человек, из них 88 – в составе семей ремесленников. Больше стало торговцев» (стр. 14).

В 1926 году в Алма-Ате насчитывалось около 45 тысяч жителей. Еврейское население составляло примерно 230-240 человек.

Позже в Алма-Ату прибывало много ссыльного народу и сколько среди них было евреев, определить трудно. Гринберг упоминает Л.Д.Троцкого и академика Е.В.Тарле.

Далее, переходя к 30-40 годам прошлого века, автор книги называет многие фамилии знакомых мне – по литературе и лично – евреев: композиторов, музыкантов, сценаристов и режиссеров, художников, актеров, преподавателей школ и вузов.

Удельный вес еврейского населения в Алма-Ате с каждым годом неуклонно росло. Автор пишет: «Поданным Всесоюзной переписки населения 1970 года, численность населения Алма-Аты составляло 777,6 тысяч человек, из них евреев – 9,2 тысяч. В дальнейшем доля еврейского населения снижалась, в то время как общее количество горожан неуклонно росло. Впрочем, к данным советского периода о численности еврейского населения следует относиться осторожно».

Оговорка необходимая. Вообще данные переписи населения советского периода касательно национальных диаспор вызывают большие сомнения. Я это очень хорошо знаю по отношению к данным числа людей немецкой национальности. Было, например, время, когда советских немцев, не мудрствуя лукаво, запросто относили к графе «и др.» Допускаю, что в отношении евреев эти данные еще более туманны.

В именном указателе приведено несколько сот имен, упоминаемых в книге. Большинство – еврейские имена. Из них – я посчитал – более 40 в той или иной степени мне знакомые. В 1954-1958 г.г. я учился в Казахском педагогическом институте им. Абая и среди моих преподавателей, которым я многому обязан, были Ефим Ландау, Давид Николич-Ангерт, Раиса Лемберг, Мира Глазман, Цезарь Фридман, Розалия Усвятцева, И.Л.Стычинский, Марк Маркович. Моим научным руководителем в аспирантуре был профессор, академик Белорусской АН Евгений (Иезекиил) Исаакович Ривлин. Среди коллег-писателей, с которыми тесно общался, могу назвать

Мориса Симашко (Шамис), Руфь Тамарину, Алексея Белянинова, Юрия Герта, Александра Лемберга, Александра Жовтиса, Светлану Штейнгруд, Леонида Гирша, Томару Шайкевич-Ильину, Адольфа Арцишевского. И в этом ряду упомяну еще педагогов Ронкина, Ривину, Непомнящую, Цветаеву, актеров Темкина и Померанцева, юристов Попова и Биндера, ученых Басина и Дахшлейгера, журналистов Варшавскую и Златникову, Брейгина и Фиделя.

Разумеется, перечисляю тех, кто пришел мне сейчас на память.

Все названные выше личности заслуживают уважения, доброй памяти и благодарности.

Именно в этом заключаются смысл, пафос и назначение труда Исаака Гринберга.

И подумалось еще вот о чем.

В Алматы проживают и трудятся славные представители многих диаспор. В той или иной степени они известны.

А некоторые и неизвестны. А люди нашего города (и не только!) должны бы знать, кто на что горазд, кто чем прославился, каков вклад каждого в хозяйственную и духовную сферу нашего общества. То есть, надо бы, чтобы у каждой диаспоры был свой Гринберг, который написал бы аналогичную книгу о своих соплеменниках. Несомненный интерес вызвали бы книги, скажем, немцы, корейцы, уйгуры, дунгане, греки, татары и т.д. в Алматы. Это было бы значительно, важно. И это в общем-то реально, осуществимо. И это, уверен, было бы во благо нашему городу, нашей стране.

27.01.11

Завтра будет поздно

Так уверяет автор книги «Созидательное поведение человека планеты Земля».

Не уверяет, а бьет в набат.

По нему, самая большая опасность XXI века (**судьбоносного** каждый раз подчеркивает автор) – потребительство.

Потребительство – зло. Оно приведет к гибели всего человечества. Дело в том, что люди планета Земля поголовно помешаны на потребительстве. Все им мало, мало. И не только люди – корпорации, банки, институты власти. Ошалели от прибыли. Все делается во имя этого дурного, низменного инстинкта.

А к чему приведет жажда неуемной наживы и тотальное потребительство?

Верно: к неминуемой катастрофе.

А потому надо спасать мир, пока планета не обернулась кометой. Спасать срочно и решительно.

Как? Каким образом?

Очень просто, как все гениальное. Надо отказаться от зла потребительства, проникнуться сознанием, что этот путь тупиковый, надо, чтобы **каждый** человек на Земле, во всех странах-государствах, независимо – как многократно указано в книге, от языка, расы, вероисповедания, пола и общественного строя, ощутил себя всей своей сутью улучшателем мира (таких людей немцы издавна называют Weltverbesser), призвал на помощь все прогрессивное, благородное и высокодуховное – созидательную общую и региональную педагогику, философию, политику, культурологию, экономику, этику и безотлагательно встал на пути Истины, спасения и творения.

Ключевое слово-понятие, слово-ключ произнесено: СОЗИДАНИЕ.

Именно **созидать**, а не просто **создавать**, ибо смысловой оттенок этих понятий разный.

Словом, суть книги в утверждении тезиса: смысл жизни – созидание. Ибо потребительство – зло, источник всех человеческих пороков.

Значит, задача – создать единый мир **с одной** мечтой. Цель: строить новую обновленную цивилизацию XXI века.

Я так понял.

Другого выхода нет. И шансов никаких. Автор тщательно проанализировал все варианты и нюансы.

Но эти задачу и цель необходимо настроить все и вся.

Возникает вопрос: на кого уповаем?

Ответ: прежде всего на центры созидания – школы, на учителя-наставника-социолога, на сознательных родителей, на социальные и общественные науки (от педагогики до культурологии), на гуманистическое, культурно-образовательное пространство, на инновацию, на Генеральную Ассамблею ООН, на журналистов-правдолюбцев, на комитет «Грамотная жизнь человека планеты Земля», на штаб созидания во главе с Генеральным секретарем Организации Объединенных наций.

Таков – несколько пунктирно-основной стержень (Standpunkt) этой книги. Хватит потреблять, пора умерить аппетиты и заняться повсеместно, повсюду, во всех углах планеты исключительно созиданием. Если мы это поймем, если мы проникнемся душой и сердцем этой идеей, планета Земля может быть спасена. Иначе кончится все скверно.

Автор на этом настаивает многократно и серьезно.

Он абсолютно убежден: нужно построить новое общество на планете Земля с названием «Общечеловеческая культура созидания».

Кстати, автор – **Хаиржан Мадиев**, опытный педагог, Учитель учителей, наставник-социолог, реформатор, убежденный сторонник своей идеи преобразования и созидания. Еще до выхода своего труда он встретился со мной, горячо изложил свои идеи, потом ознакомил с одной своей статьей, и мне понравились и идея, и статья.

Подкупало то, что человек искренне озабочен спасением человечества, по инерции ставшего на пути неуемного потребительства.

Идея сама по себе заманчива, привлекательна, симпатична и заслуживает внимания. Ее необходимо только умело, выразительно подать.

Собственно, это толстовская (Льва Николаевича) мысль. Смысл ее недавно изложил его правнук Владимир Толстой в «Известиях» (04.03.11, № 83) люди стремятся к увеличению все время – увеличению мускулов, увеличению количества картин, лошадей, женщин. А стремиться нужно к одному увеличению доброты.

13.03.11.

* * *

Замечаю: очень скверно говорят наши высокие чиновники (в том числе и наши депутаты) по телевидению, радио, на разных собраниях-совещаниях, «круглых столах». Выступают, как правило, спонтанно, по наитию, то есть, безответственно, тускло, невыразительно, как Бог на душу положил.

Стыдно.

Они почему-то уверовали, что они ораторы-шешены, цицероны-демосфены. Рот открыл и выдал жвачку, искренне полагая, что народ – быдло, все схавает, все воспримет за чистую монету.

Как бы не так!

Только себя разоблачают, демонстрируя словесный стриптиз.

Особенно грешат этим так называемые нур-отановцы. Безъязычие, скудоумие и абракадабра их просто поражает. Четверо или пятеро замов «Нур-отана», мелькая по «Хабару», несут такую ересь, что хоть стой, хоть падай. Их казенно-суконная речь сражает наповал.

Так нельзя, братцы!

Надо малость подумать, подготовиться, запастись хотя бы двумя-тремя живыми словами, дабы достучаться до сердец слушателей. Весьма желательно собраться с мыслями прежде чем подходить к микрофону.

Серым, суконным языком можно отвратить электорат от самых – казалось бы – высоких целей.

Если не знаете, **что** и **как** сказать, лучше помолчите. Ей-ей, больше будет толку.

* * *

Вглядываюсь в литературу, в искусство, в науку нашего государства, вижу одни солончаковые проплешины. Главное достижение нашего общества – тотальное воровство.

* * *

То, о чем повсеместно говорит народ, до властей доходит через 10-15 лет.

* * *

Сразу осудили-разоблачили за коррупцию-мздоимство шестерых судей. Верховного суда. А ведь кто они такие – люди знали давно. О них, случалось, и в газетах писали.

Спрашивается: а куда смотрела прокуратура? Где прокурорский надзор?

Или все братья-сватья, одна шайка-лейка?

* * *

Знаю ряд вполне нормальных, приличных, даже порядочных людей до их депутатского периода. И вот вдруг назначили их мажилисменами и сенаторами – и словно их подменили. Поразительный феномен! Ошеломляющая метаморфоза!

* * *

Конечно, депутат (имею в виду доморощенных) – тоже человек. Но чуть-чуть не дотягивает. То есть, он человек, но и еще что-то, о чем неприлично говорить.

* * *

За двадцать последних лет выросло целое поколение во лжи.

* * *

Наши так называемые экономические достижения – деревья с гнилым дуплом. А с гнилым дуплом деревья не стоят.

Не я сказал – Солженицын.

* * *

Недавно мне объяснили: есть такая болезнь животных – бөсір. Раздувается непомерно брюхо, слабеют ноги.

Есть пословица: Бөспебай бөсе-бөсе бөсір болды. То есть, трепач трепался-трепался и бөсіром заделался, занемог значит, от ветра-хвастовства брюхатым стал.

Бөспебаев-трепачей у нас ныне – пруд пруди. Проснется иной бөспебай ночью и сходу заводится: зарплата у нас выросла в пять раз, пенсия – в шесть раз, производство – в десять раз, товарооборот – в двадцать раз. По экономике мы обогнали сто десять государств мира. По многим показателям мы впереди планеты всей. Запад, глядя на нас, диву дается. Нашей демократии хваленая Америка завидует.

В результате все подвержены болезни бөсір.

* * *

Наверху долдонят: «экономика, экономика»...
Я всю жизнь долдоню: «культура, культура!»...
Друг друга не понимаем.
Ворона каркает, воробышек чирикает.

* * *

Елбасы, возмутившись взметнувшимися ценами на продукты, заставил членов правительства и акимов отправиться в магазины. И по TV показали, как они поплелись гурьбой. О, это было еще то зрелище! Все сытые, круглолицые, лоснящиеся, раскормленные, как гусаки, еле-еле переваливаясь, точно дуадаки в осеннюю пору, с трудом поднимаясь по ступенькам, в импортных дорогих костюмах, при галстуках потопали «в народ», заглядывая в ближайший магазин, где тщательно подготовились к столь высокому посещению. Некоторые что-то пробормотали на камеру, как бы оправдываясь и выгораживая себя.

Вот они, слуги народа!

Почаще гнал бы их Лидер нации в народ. А то они и представления не имеют о том, что происходит в стране.

19.04.11.

* * *

Академик Борис Раушенбах в книге «Постскриптум» пишет: «Власть делает человека глупее».

Увы, это так. Я это вижу на примере Казахстана.

И еще Борис Викторович замечает: «Присваивать всегда легче, чем производить, поэтому у нас больше миллиардеров, больше «Мерседесов», чем, скажем, в Германии, наши весьма изобретательны по части прикарманивания. Я просто-напросто не знаю, как это сейчас делается: они деньги гребут, а страна ничего не производит и ничего не получает, кроме займов».

«Наши» в контексте академика Раушенбаха – Россия.

В моем же понимании – Казахстан, ибо то же самое вижу и у нас. Но в отличии от Раушенбаха, я вроде знаю, как это делается. У нас ведь тоже присваивают, но ничего не производят. Это же легче и удобнее.

Только сколько же это может продлиться? Не вечно же...

* * *

Есть казахская присказка: Бала... Баланың ісі шала. Прекрасно перевел ее на русский Бекет Карашин: Детишки... Дела их – делишки.

* * *

В советское время было как? Все понемногу «тащили».

Строитель после смены непременно прихватывал брусок дерева, фанеру, пару реек или кирпичей. Или горсть гвоздей. Какой-нибудь напильник или гвоздедёр.

Садовник набивал большую грелку выжимками винограда. На сусло для домашнего вина.

Косарь тащил клок сена.

Сеятель – пару жменей семенной пшеницы.

И т.д.

Это была репетиция перед будущим хапком.

Когда я в 70-ых годах прошлого века навестил тетушку Амалию в Сары-Агаче и удивился их зажиточностью, она усмехнулась: «Ну, воровать-то ныне даже немцы научились».

Так было принято повсеместно. «Несун» было самое распространенное понятие.

Не своруешь чего-нибудь из того, что плохо лежит, даже собака во двор не пустит.

А теперь что?

Теперь подобной мелочевкой никто не занимается. Не те масштабы. Теперь хапают по-крупному: табунами возами, машинами, вагонами, эшелонами, самолетами, тоннами, миллионами. Приспособились! И все нипочем!

* * *

Еще недавно праздники отмечали шумно, весело, выходили на демонстрацию, носили транспаранты, выкрикивали лозунги, речевки, горланили песни.

Теперь тишина. Чиновники, правители укрылись за заборами дворцов и коттеджей. Их, чиновников, не видно, не слышно. А трудящиеся попрятались по домам-квартирам, как тараканы по щелям.

Тишь да благодать.

Стабильно.

У власти одно на уме: «Дай бог, чтобы не было наоборот».

* * *

Америка ликует. На конец-то выследили и убили злодея бен Ладена.

А кто его выпестовал, вскормил?

Америка!

Бен Ладен, конечно, бо-о-ольшой террорист. Крови попил немало. И расплата была неминуема.

А Америка не террорист?

В бедах-горестях Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии и т.д. кто виноват?

Да, та же Америка!

Получается, одного террориста убивает другой террорист.

А кто страдает?

Все тот же простой, невинный народ.

* * *

В Казахстане вроде как активизировалась борьба с коррупцией. Говорят и пишут о разоблачениях, арестах. Вот за таможенников взялись, схватили их за жабры, пишут о банде в сто с лишним человек, перечисляют **что и сколько** миллионов они наворовали (тут тебе и машины, и домá, и рефрижераторы, и гостиницы, и земля, и бог весть что еще. Вот только Луну никак слопать не могут).

Жуткие цифры. Жуткие картины. Жуткий беспредел. Коня с поклажей, верблюда с шерстью запросто заглатывают и не подавятся.

Что эта чумовая зараза проникла во все общественные поры, я представление имею. Правда, мне неведомы хапуги высшего эшелона. С ними не сподобился быть в знакомстве.

И все чаще мне мерещится, что с рыцарями наживы сладу нет и уже не будет.

Пустое все, братцы, пустое. Тотальную казахстанскую алчность уже не одолеешь, не искоренишь. Можно, конечно, отъявленных коррупционеров ставить, как бешеных собак, и смотреть со стороны, как они загрызут друг друга, но эффект невелик и навар ничтожен. Очухаются, зализут раны и попрячутся по норам-нишам. Или благополучно сиганут за кордон.

Похоже, взяли курс на самоубийство, на самоистребление.

Какие-то чудаки продолжают уповать на Сталина. Но, во-первых, где его возьмешь, а, во-вторых, нынешние наши юркачи мыркамбаи запросто облапошат и его.

Наловчились.

Так как же быть?

Напористый и неуемный Никита Михалков убежденно полагает: «России нужен очень ответственный и очень мощный авторитарный режим. Нужна, по Ивану Ильину, диктатура порядочных людей. Не казнокрадов, не коррупционеров, а порядочных людей. Но – диктатура» (см. «Известия», 04.05.11)

Собеседница-журналистка задает режиссеру вопрос: «Думаете, в стране наберется столько порядочных людей, чтобы их хватило на диктатуру?»

Ответ: «Думаю, да. Мы боимся себя признаться, до чего доведена Россия и какие меры необходимо принять для ее спасения. В течение двадцати лет шло разрушение: здесь отвалилось, здесь отпало, здесь сгорело, тут провалилось».

Тут я поневоле добавлю: то же самое мы видим и в Казахстане. Воровство в Казахстане именно за последние двадцать лет достигло алатауских высот. И я лично ни на какую диктатуру порядочных людей уже не уповаю.

О, да, диктатура есть. Но она еще более растуганила всепожирающий костер коррупции.

Диктатуры у нас с избытком, а порядочных людей с гулькин нос.

Далее Никита Михалков говорит: «Единственный путь – революция сверху при эволюции снизу. Потому что если случится революция снизу, то эволюция сверху не будет никакой».

С этим я, пожалуй, соглашусь. Но у нас и революции снизу не будет, а эволюции сверху – и подавно.

А что будет?

Будет божья кара-зауал, гнев Творца, расплата за злодеяние и мздоимство, страшная месть, катаклизмы, вселенское лихо-нәубет за беспредельную алчность.

Нет, нет, боже упаси, беті аулак, я этого никак не желаю, не хочу, чтобы бедствия-несчастья ящика Пандоры обрушились на бедный, невинный народ.

Но безнаказанно ничего не происходит, свидетельствует история. Совершенно очевидно, что вечно так длиться не может и что за все эти дикие безобразия нужно держат ответ. И никакой «ответственный» и «очень мощный авторитарный режим» уже не спасет. Известно: сколько бы веревочке не виться...

Калтай Мухамеджанов говаривал: даже собака, прежде чем заглотить кость, оглядывается на свою задницу, прикидывая, примериваясь, сможет ли она потом ее исторгнуть. Наши славные кор-

рупционеры о том не задумываются. Им лишь бы заглотить побольше... А там будь, что будет.

* * *

Нравственных изъянов в нашем обществе, конечно, предостаточно. И о них нет-нет да и пишут иногда довольно откровенно. За исключением, пожалуй, газеты «Казахстанская правда» и ее бесцветных сестричек. Случается, эти изъяны даже показывают по телевизору. За исключением, пожалуй, канала «Хабар» и его худосочных братишек.

Из явно очевидных общественных уродств и язв выделю три.

1. Временщиковое мироощущение. Во власти давно сидят (в основном, понятно) озабоченные временщики. Они чувствуют и знают, что век их недолог. А потому и живут по принципу: цап-царап, хватанул-оттяпал побольше и побыстрее – и в кусты. Или лучше за кордон. Он, временщик, живет с одной мыслью: ой успеть бы, успеть. Еще один миллиончик. Еще один-два-десять. Еще и еще. Пока не отберут. Не заберут. Не обрежут. Не лишат.

На того или иного шефа-бастыка глядя, и команда его по принципу функционирует. На команду глядя, все родичи, весь клан так живут. Временно. Но в три горла. И народ-бедак прозябает, как на вокзале. Тоже наивно полагая: временно. А раз временно, то зачем работать, о завтрашнем дне думать? Надо приспособиться, изловчиться, что-нибудь стянуть, стибрить, утащить, уволочь. А там хоть трава не расти. Бір жөні болар. Авось, Аллах в беде не оставит.

О каких целях разговор? Какие планы-программы? Какой патриотизм? Какие еще национальные идеи? Наша хата-юрта с краю. Пусть у начальства голова болит. Нешауа: Бог дал день, даст и пищи.

Такое вот временщиковое мировосприятие пронизало всех от макушки головы до пят.

Много ли проку в таком психологическом настрое?

Вопрос: так на что уповать?

Все приучаются жить одним днем, будто и будущего нет.

Ой, беда!

2. Отсюда и отношение к деньгам. Они, я заметил бывают:

а) заработанными честным трудом;

б) случайными – с ветром пришли – ветром ушли. Пустые.

в) ворованными – грязные, липкие, зыбкие, махинационные, ахалай-махалайские, удачи-блага не приносящие, как правило, выходящие боком, мстительные, зауальные.

Честно, пóтом и кровью заработанные – самые надежные, поддерживающие в нас жизнь. Правда, в нашем обществе это не деньги, а слезы. Шыкпа жаным, шыкпа. Их доля в нашей повседневности с каждым годом все меньше и меньше. Жить на эти гроши становится невмоготу.

А вот доля случайных, ворованных денег (особенно среди элитных чиновников-пустоплясов) все больше и больше. Они разъедают души не только их обладателей, но разлагают все общество, обесцвечивают и обесценивают всю жизнь. У ворованных денег нет ни совести, ни чести, ни достоинства, ни гордости, ни ценности, ни гражданского авторитета.

Это мусор, торфяное болото.

3. Тотальная безответственность.

Никто ни за что не отвечает. За все держит ответ один Лидер нации. В чем я это вижу. В том, что корректор, например, не отвечает за ляпы в изданиях, а редактор рукописи не читает, а бегло просматривает. Учитель превратился в урокодавца. Студенты не учатся, а высиживают диплом. Преподы взятки собирают; акимчики – дань для вышестоящих; дворник – метлой помахивает абы как; чиновник штаны протирает; поэт жарапазан поет. Сплошная показуха. Принцип: не быть, а казаться. По-немецки: Sein oder Schein. Бесконечную цепь вселенской безответственности я заметил, плотно обложили черные, грозовые тучи коррупции, которые уже пушками не пробьешь и которые приведут общество к дремучей стагнации, а потом – к коллапсу и разрухе.

Есть ли сила, которая спасет нас?

Я отметил три изъяна, а их наверняка тридцать три.

* * *

Вечером у застывшего в вечной задумчивости Чокана старичье, прогуливаясь, ведет свои нескончаемые тары-бары.

– Замечаете, что-то больно часто наш Елбасы стал наезжать в Алматы...

– Его воля. Захотел – прилетел. Нас не спросит.

– Забот, видно, много. Вот и зачастил.

– И все же ведь не по Саре соскучился.

– Кто знает... Уж коли не вращаешься в высшем кругу, о чем толковать-то? На диване лежа, чтó знаешь? Раз пенсионер – сиди на кухне и языком чеши.

– Ия, ол солай ғой. Но, полагаю, голова Елбасы пухнет от забот.

– На то и Елбасы! Тяжела шапка Мономаха.

– То-то и оно. Куда ни повернешься – проблема. Зубами щелк-щелк, как голодный волк.

– Не позавидуешь. Коррупция как с цепи сорвалась. Такие вурдалаки, вампиры вокруг – волосы дыбом.

– Ой, айтпа! Сто таможенников разом прихлопали. Чего только не нахапали!

– Еще шесть верховных судей разоблачили.

– Да, сладу с ними уже нет. И зарплату повысили до небес, а они привыкли брать, брать, брать. О государстве, о стране никто башку не ломает. Все только и думают, как бы потуже набить карманы.

– И что сделаешь? Одного тронешь – десятеро вскинутся, загривки втопорщат. Десятерых посадишь – сотня клыками клацает.

– Солай! Страха нет. Сталина нет. Сибирью не испугаешь. От тюрьмы откупятся.

– Беда! Везде Коркутова могила. Тупик!

– Доброму слову не внимают.

– Тяжело. Елбасы не позавидуешь.

– Он нуждается в понимании, в сочувствии, в поддержке.

– А где их возьмешь?! Их опять-таки только купить можно. За три-дорого.

– Каждый мастак злорадствовать, шипеть по углам.

– Или пятки лизать. Жарапазан петь.

– О, тут все непревзойденные мастера! Как запоют на все лады – заслушаешься.

– А кто виноват, братцы-агайыны? Сам и виноват. Сам расплодил этих поганцев. Хапуг и рвачей. Оброс ими, как пес – репейником. Не стряхнешь клещей.

– Какой там! Намертво вцепились, кровососы.

– Незаметно заложником стал.

– То-то и оно!

– И чем это кончится?

– Добром не кончится. Грядет расплата.

– И кто будет расплачиваться?

– Кто кто? Уже не мы. Наша песенка спета. А вот детям, внукам сладко не придется.

– Ой, айтпа! Қуырдақтың әкесін түйе сойғанда көресің.

– Солай!

– Но виду Елбасы не показывает. Держится браво. Говорит – заслушаешься.

– О, говорит он всегда правильно. Не придерешься.

– А на душе наверняка кошки скребут.

– Собаки скулят.

Солнце клонилось к закату. Подул северный ветер.

– Погода портится.

– К дождю, видно. К грозе.

– Ия, ия... Бір пәле бар.

10.05.11

* * *

Молодые журналистки-казашки (как правило, милые создания) то и дело берут у меня интервью. Называю, к слову, имена моих усопших лет пятнадцать-двадцать назад друзей-литераторов:

Аскара Сулейменова, Тахави Ахтанова, Ануара Алимжанова, Куандыка Шангитбаева, Саги Жиенбаева, Сабырхана Асанова и по глазам, по мимике, по реакции вижу, чувствую: они их не знают. Может, и слышали что-то краешком уха (как-никак университеты кончали), но не знают, не читали, воспринимают их как экспонаты далеких лет. Едва ли не как Гомера.

Меня это ввергает в оторопь. «Ведь завтра и тебя наверняка забудут на третий день».

Более того, то поколение, которое выросло за последние двадцать лет, не читало не только «Войну и мир», «Анну Каренину», Достоевского и многих русских классиков, но и Абая, «Путь Абая», Султанмахмуда Торайгирова и многих выдающихся казахских писателей, на произведениях которых выросли мы.

Меня это потрясает до глубины души.

Не читают Есенберлина, Нурпеисова после 90-х годов прошлого века. Последний, например, продолжает шлифовать, редактировать, рихтовать, приспосабливать к новым временам трилогию «Кровь и пот», а его издают тысячным тиражом и не читают. Кинорежиссер-документалист Александр Головинский, снимая фильм о Нурпеисове, приехал в его родную школу в сопровождении именитых людей, и с ужасом убедился, что из нынешних учащихся и учителей такого великого писателя никто не читал. А сам Нурпеисов продолжал искренне верить, что он патриарх, корифей и великий художник.

Уму непостижимо!

В 60-80-ые годы прошлого столетия его переводили на иностранные языки, издавали и переиздавали большими тиражами, читали. А трилогия рухнула вместе с советской властью. Власть рухнула, ситуация в жизни и в романе радикально изменилась, а писатель все вымуриживал вожделенный канонический текст, оспаривая и отстаивая каждое слово перед редакторами.

Вот она, трагедия писателя.

Трагедия литературы.

Короток стал ныне ее век.

А литература, которой мы зачитывались – «Мать», «Как закалялась сталь», «Что делать?», «Молодая гвардия», «Белая береза» и пр. и т.д. и

Я даже не знаю, кого нынешнее поколение читает. Коэльо, что ли? Мураками? Пелевина? Донцову? Улицкую? Маринину?

Молодежь с мобильниками я вижу. С книгами – нет.

Писатели больше воображают, что они нужны.

Произведения многих умирают значительно раньше, чем они сами.

* * *

Над Казахстаном бушует ураган борьбы с коррупцией. Отъявленных коррупционеров вылавливают косяками. О, нет, не мелкая рыбешка, как это было доселе принято, а акулы и пираньи. Они нахапали без зазрения совести миллионы, дома, коттеджи, улицы-кварталы, машины, гостиницы, гектары отменной земли, виллы за рубежом. Бумага горит, когда начнешь перечислять наворованное ими. И все в больших чинах-званиях: генералы, директора, судьи, прокуроры, начальники-толстосумы. В газетах крупными буквами сообщают: арестован Такойтович, задержан Какойтович, удрапал за кордон Такой-то Никакойтович.

Астафиралла! Волосы дыбом.

Иногда дают портреты «героев нашего славного времени». Раскормленные хари, грозно сдвинутые брови, плотно сжатые губы, прищуренный, напряженный взгляд, прижатые уши. Облик бешеного волка перед прыжком на добычу (исключение, пожалуй, один Храпунчик из Швейцарии).

Во время войны и в голодные послевоенные годы в аулы приесилья нередко врывались волки, через сеновал проникали в кошары, в остервенении рвали овец, коз, телят, коров, даже собак, случалось, средь бела дня бросились на людей. Спасу от них не было. От ночного воя в близлежащих колках вокруг аула стыла кровь в жилах. А как ревели коровы, вставая в круг и оплакивая задранную товарку! Как, обезумев, скакали лошади, преследуемые стаей хищ-

ников! Как заливались аульные шавки, забивавшиеся от страха в уголочках хлева-сарая!

Волками военного лихолетья мерещатся мне нынешние доморощенные коррупционеры.

Они – о, алла! – и внешне на них похожи.

А ведь они вроде как люди. Учились в советских школах, окончили вузы, некоторые обзавелись даже учеными степенями и званиями, кое-кто и книжки с фотографиями накатал о славных деяниях предков.

Иногда мне любопытно поговорить, послушать их, о чем думают, о чем мечтают, узнать, что́ их волнует и вообще что́ у них за душой. Надо полагать, они ведь родились не с одним желанием воровать и хапать. И есть ли в их лексике, в их понятии такие слова, как родина, народ, родной край, национальная культура, история, музыка, словесность, честь, достоинство, независимость, ментальность, вера, надежда, и если есть, то, что́ они вкладывают в эти понятия? Как они понимают свое предназначение на земле? Или у них шоры на глазах? Или неуемная жажда наживы напрочь убила их души? И доллары и евро выжгли в них все человеческое? Сколько же миллионов или миллиардов им необходимо запихнуть в свою рогожную утробу, дабы они обрели хоть какой-то человеческий облик?

Не знаю, не знаю... Наверное, они все же нелюди. Может, упыри, вампиры, аждаха? Или неполноценное людское племя? Им мало завалить и слопать с потрохами одну зазевавшуюся овцу, им нужно попутно зарвать еще десяток овечек.

* * *

Этнограф и языкознатец Жагда Бабалыкулы, проживший драматическую жизнь длиною в 91 год, десятилетиями собирал усердно казахские слова – о животных, о быте, об укладе жизни кочевников, об утвари, о семейно-родственных отношениях, о фауне и флоре, о частях человеческого тела («только от шеи до макушки человека имеются более 200 слов»), о способах хозяйствования,

о ремеслах, деревянных, металлических, керамических, кожаных, шерстяных, костяных изделиях, о ювелирных украшениях, о «белой» и «красной» пище и т.д. и т.п., словом, по всем параметрам человеческого существования номадов. Лексический состав казахского языка он примерно определял в 10-15 миллионов слов.

Рукописи его – огромный клад. Он их мерял на вес. Накопил за долгую жизнь 150 килограммов рукописей. Богатство и разнообразие казахского языка потрясают воображение. Читая книгу К.Бегманова «Беседы с этнографом» (на казахском языке, «Өлке», 2010), я только диву давался: сколько казахских слов оказалось в уникальной коллекции Жагды Бабалыкулы, жизнь которого изобиловала фантастическими событиями.

Увы, труд его не изучен, не осмыслен, не систематизирован, не оценен.

Какую сферу жизни номадов он не охватил? На мой взгляд, сексуальную терминологию. Может, и ей отведено подобающее место в его сбережениях, и я просто о том не ведаю. И я стал записывать по памяти сексуальные казахские глаголы. И сходу насчитал более шести десятков. Очень динамичные, образные, фонетически богатые глаголы! Ничего нецензурного в них нет, но женский слух, пожалуй, способны смущать. На русском я едва набрал десяток таких глаголов, на немецком – и того меньше. Возможно, я их просто не знаю. (Их, вероятно, знала крупный лингвист Галкина-Федорук, защищавшая диссертацию о русском мате еще до войны).

Большим знатоком по части сексуальной лексики был покойный Акселей Сейдимбек. Он помнил нескончаемое количество народных стихов по этой тематике. А журналист и писатель Б.Кыдырбекулы однажды поведал мне, что хранит две общие тетради казахского срамного фольклора. Это свидетельствует о здоровой сексуальной ориентации номадов, об их восприятии любовной жизнедеятельности, о богатстве устного народного творчества.

Я воспринимаю эту специфическую лексику как отрасль языкознания, как доказательство жизнестойкость и самодостаточности казахов.

* * *

...А я ведь, представьте, хорошо помню то благое время, когда радио было едва ли не единственным источником и радетелем вечного, доброго, разумного.

Я учился в девятом классе аульной школы, когда отец обрел чудо-радиоприемник «Родина» на батареях. Я часами просиживал возле громоздкого ящика и, предельно понизив звук, (отец полагал, что если радио говорит тихо, то батареи не так скоро «сядут»), слушал, слушал, замерев, забывая обо всем на свете. Слушал я и последние известия, и политические обзоры, и спортивные комментарии, и литературные композиции, и театральные спектакли. А особенно очаровывали меня увлекательные лекции о классической музыке, сопровождаемые концертами выдающихся оркестров под управлением мировых мэтров, чьи фамилии сами звучали, как музыка, о симфониях зарубежных и отечественных композиторах.

Душа моя млела, таяла, ликовала. Я, аульный юноша, окунался в мир высокого искусства, облагороженного духом свободы в то очень несвободное время, искусства, о котором в ауле никто и слыхом не слыхал.

А когда в 1954 году я, несмотря на все препоны комендантского режима, поступил-таки в КазПИ им. Абая и упоенно рассказывал сверстникам о Бахе, о Бетховене и Чайковском, меня слушали с подозрением и неверием, искренне полагая, что Бетховен, например, шахматист эпохи Капабланки.

О, сколько воды утекло в Ишиме с той поры! А еще лет двадцать назад по утрам по казахстанскому радио регулярно звучали, как правило, фрагменты из «Лебединого озера», «Вальс-фантазия», «Болеро», «Интродукция рондо каприччиозо», «Венгерский танец», «Полонез Огинского», арии из опер и тому подобные бессмертные творения, и эта музыка окрыляла душу, вселяла радость, бодрила и вдохновляла, пронизывая все твое существо светом и божественной гармонией.

За последние десятилетия все это провалилось в тартары, исчезло безвозвратно. Теперь после трех-пятиминутной новости о

мнимых успехах и прогнозов погоды сразу заряжают на часы заунывный, примитивный «аляуляй» с набором пустых, отупляющих словес доморощенных текстовиков.

Слушать эту галиматью самодеятельных сазгеров тошно и мучительно. И стыдно за певцов-эстрадников, которые натужно подражают зарубежным эпилептикам.

Классическая, симфоническая музыка исчезла напрочь.

Я понимаю: курс взят на тотальную быдловизацию, барановизацию, тупизацию. Независимой стране почему-то любы существа немыслящие, недумающие, непросвещенные. Понятно: примитивной толпой легче управлять.

Но доколе? Ведь на одном ходженасреддиновском аляуляе и халауляе вечно не проживешь.

Много хорошего, доброго, поучительного из прошлого времени мы нынче потеряли. А радио превратилось в орудие тотального одурманивания. По крайней мере многие программы.

Горько...

* * *

У казаха открытое, щедрое сердце. Он воспринимает мир с распахнутой душой. Он всех привечает и заключает в свои добрые объятия.

Это видно и по казахскому имянаречению.

Вся мировая история, все главные события и личности находят отражение в казахских именах Гамлет, Спартак, Маркс, Карл, Тельман, Роллан, Шмидт, Сунь-ян-сен, Ким, Генерал, Маршал, Клара, Берлин, Париж, Лениншіл, Коммунар, Шота, Мэлс, Марэлс, Полас (Пушкин, Островский, Лермонтов, Абай, Сабит), Побудснам («Победа будет за нами»), Кармен, Арарат, Кармеш (от «гармонь», «гармошка»), Климент, Саммит, Саммитхан – вот на вскидку несколько примеров. А их – тысячи! На днях узнал, что в честь поэта Олжаса Сулейменова в стране имеется двадцать тысяч олжасов. А сколько нурсултанов – не счесть!

Два года назад некто Өтемұрат назвал своего первенца Герольдом. Прислал фотографию, попросил бата-благословения. Растет в Алматы мой тезка Герольд Отемуратов. А на днях появился у него братишка, которого нарекли Бельгером. «Оу, мұның қалай?! – говорю в смущении его отцу – Бельгер – ведь фамилия. Разве можно немецкую фамилию дать казаху как имя?! «Можно! – убежденно говорит Өтемұрат. – В вашу честь. Будут у меня два сына – Герольд и Бельгер». «Ай, странно как-то. Герольд – еще куда ни шло. Но Бельгер!..» «Е-е, нет, ағасы! Ничего странного, – отвечает счастливый отец. – Пусть мой сын, во-первых, вырастет таким, как вы. А во-вторых, в слове «Бельгер» явственно слышится два священных слога – «ель» «ер». Получается вполне по-казахски: Страна Героя. Или: Герой страны». «Апырай, а?!» – вконец смутился я от такого аргумента.

Выступая в Германском консульстве, я сказал: «В Алматы ныне проживают три Герольда. Один казахстанский немец, второй – германский (Герольд Амелунг – консул) и третий – подрастающий Герольд Өтемұратов».

А теперь появился у него братик по имени Бельгер.

Ну, что тут скажешь?

Поведал я об этом случае казахам, а они искренне порадовались. «Оу, керемет қой бұл!»

20.05.11

* * *

Лицезрел вчера (20.05.11) по «Хабару» и передачу о выставке одного штатного, изворотливого пятколиза в Астане и погрузился в мрачные размышления о расплодившихся в последние годы «серых» и «черных».

О «серых» давным-давно яростно и темпераментно написал Олжас, а о «черных» упомянул недавно в «Известиях» писатель Дмитрий Быков в заметке об Андрее Сахарове.

«Серых» во всех сферах нашего общественного бытия с каждым годом становится все больше и больше, «серые» господствуют

ныне почти везде – в политике, экономике, философии, науке, культуре, искусстве, а количество, как видно, стремительно переходит а качество, то есть, размытое серое обретает насыщенный черный свет.

Симптом тревожный и опасный.

«Серые» и «черные» душат остатки светлого вольномыслия.

Особенно меня беспокоят «лизуны» в литературе. Расплодилось их туча-тучей в ненастный день. Все больше и больше служителей мамоне и зажиревшей, обнаглевшей власти. Они в цене. Они в фаворе.

Допускаю, что и среди них есть искренние, полагающие, что преданно, душой и телом надобно служить именно данной, конкретной власти.

К таким отношусь понимающе, великодушно, снисходительно, терпимо, толерантно. Ну, а большинство из «лизунов» очевидные приспособленцы, циники, попрошайки, лицемеры, нравственные пошляки-торгаши. Они, конечно, усердно лижут пятки, зад и перед власть предержащих небескорыстно, не за так, а требуя плату – орден, звания, кресло, квартиру, славу, блага.

Таких я люто презираю.

Эти лизуны-слизняки-сумелеки завтра предадут кого угодно за понюшку табака. Сегодня они одописцы-жарапазанщики, завтра – шавки-оборотни, мочащиеся на могилы бывших благодетелей. Такова их месть за недавнее унижение и холопство.

Вот они-то и есть те «черные», вылупившиеся из сонма «серых». В этом заключены застой, деформация и гибель общества.

* * *

Вот о чем еще думается. Лучшие элитные слои казахов, создававшиеся веками, срезаны и уничтожены на крутых этапах истории. То, что мы сегодня называем национальной элитой, отнюдь не лучшие казахи. Ой, не лучшие! Достаточно вглядеться в тех, кто сидит в правительстве, депутатском корпусе, президентской администрации. Конечно, и среди них встречаются достойные экзем-

пляры, но в целом это, прости господи, не элита. Никак не элита. Ни нравственная, ни духовная, ни физическая.

Убери ее в одночасье полностью, изменится ли что-либо в казахском обществе? В принципе, полагаю, нет. Генофонд катастрофически оскудел, обеднел, обезличился. Думаю, такие потери произошли не только с казахами. С русскими тоже. А с российскими немцами подавно. Всплыла пена. Культурный и плодородный слой унесен ветрами, смыт злыми ливнями истории. И как его восстановить – не знаю. Чтобы восстановить его, нужны время, терпение, труд, воля и ум. Даст ли история казахам такой шанс – я провидеть не в состоянии. Я вижу лишь временщиков и торгашей, которых откровенно не жалую. Уповать на них не могу. И чем больше о том думаю, тем тягостнее становится на душе.

* * *

В Казахстане главные «патриоты» сидят высоко, ошиваются во власти. Они вышли в князи (почти из грязи), и теперь делают шахер-махером большое бабло. А главное бабло у них – родина. Они продают ее землю, ее недра, все-все что только покупается. В этом и заключается их патриотизм. И мозги сорлыбаюшкам еще как пудрят. Вешают им на уши лапшу изо дня в день. Запад, а иногда и Восток хлопают в ладоши, вознеся «патриотов». И «патриоты» за инвестиции и гранты продают родную мать.

Это и есть наше экономическое чудо. Наш небывалый прогресс и расцвет.

* * *

По древней мудрости, отчаяние есть порождение невежества. Чувство отчаяния мне ведомо. Значит, невежества во мне много. В этом я чистосердечно признаюсь.

* * *

Еще одна мудрость гласит: еда есть цепи дьявола. Едим мы повседневно больше, чем надо. Моему поколению это, пожалуй,

простительно: все же в военное и послевоенное время недоедали. Ну, а в общем-то это дурная привычка. С годами я это чувствую все острее. В сущности, человек может обойтись очень малым количеством пищи. Особенно если он не работает тяжело физически. Увы, многим эта мудрость недоступна. Мы предпочитаем есть плотно и впрок. Казахское застолье, например, обильно и может продлиться с тостами-разговорами часов шесть-семь.

Свихнуться можно!

То же можно сказать о неумеренной роскоши, которая никогда не способствует восхождению Духа. Нынешние казахские нувориши, как я вижу, от излишней роскоши балдеют, страдают и дуреют.

* * *

И еще где-то вычитал изящную мысль о том, что слезы бывают добрыми и дурными. Первые от восторга, от любви, от подвига. Вторые от тоски, от злобы, от зависти.

По моим наблюдениям, последние явно преобладают.

* * *

Наткнулся сегодня на стопку блокнотов и записных книжек в углу шкафа. Начал листать. И нашел в них много любопытного, интересного, живого и поучительного. Что именно? Живые заметы, впечатления, детали, сведения о поездках во Францию, в Германию, Данию, Венгрию, Амстердам, в Москву, Подмосковье, Ташкент, Ереван, Ригу, Семей, Павлодар, Петропавловск, Джамбул, Шымкент, писательские Дома творчества в Переделкино, Дубулты, Пицунду, Ялту, Коктебель (неоднократно), встречи, беседы, зарисовки, фразы, цитаты, характеристики и т.д. и т.п. Подумал: все эти тексты наверняка составили бы увесистый том. Конечно, не «Записные книжки» Чехова, но все же живая жизнь в них запечатлена. Однако, доберусь ли я когда-либо до них – большой вопрос. Но в Президентский архив сдам. Может, кто-нибудь когда-нибудь в них пороется...

В одной из записных книжек обнаружил перечень моих работ в 21 папке, сданной в Президентский архив. В них я насчитал 534 названия (статьи, обзоры, рецензии, отзывы, отклики, реплики, выступления, письма, обращения, тезисы, заявления) в количестве 3808 страниц. Из них в 10-томник Избранного вошли едва ли десятая часть).

Кроме того, сделаны папки с незащищенной диссертацией, с разными рукописями, очерками, статьями, переводами моих рассказов на немецкий язык, текстами моих переводов казахской прозы, письмами (одного А.Б.Дебольского 520), с приглашениями от разных организаций, с грамотами, поздравительными папками и т.д.

Покойный Кадыр Мырза Али подготовил, кажется, 32 тома собрания сочинений. Неловко признаться, но у меня получилось бы столько же. И переводы мои «потянут» томов на 20-25. могу себя утешить: в безделье меня никто не обвинит.

* * *

Слушаю «Хабар»: все хорошо, все хорошо, все прекрасно.

Слушаю КТК: все плохо, все плохо, все ужасно.

Я думаю: если все так хорошо, то почему все так плохо?

* * *

Ой, сколько таких вопросов, от которых шалеешь?!

1. Если ты такой умный, то почему такой бедный?

2. Если ты такой богатый, то почему такой дурак?

3. Если, действительно, все так хорошо, то почему все так плохо?

4. Если Казахстан такой огромный («пять франций, 20 австрий, 30 люксембургов!), то почему народ ютится в тесноте?

5. И почему у нас коррупция все больше и больше, если с ними во главе с ЛН боремся беспощадно?

6. Почему самых отъявленных воров мы с почетом отправляем за рубеж на ПМЖ?

7. Почему при нашем общем благоденствии, так много суицидов?

8. Почему при нашем благополучии все заметнее духовное убожество и юродство?

9. Почему у нас столько академиков при отсутствии самой Академии наук?

10. Почему открывается храм науки, а науки нет?

11. Почему выпускники казахских вузов таскают тележки на базаре?

12. Почему куда не кинь везде экономисты, юристы, акыны и певцы? Куда же делся рабочий люд?

13. Почему мы жалуемся на жизнь, а на улицах сплошные «пробки»?

14. Почему чем больше говорим о казахском языке, тем сильнее его уродуем?

15. Почему у нас так много успехов, а так мало толку?

16. Почему разлом между верхами и низами все глубже, отчего «моя твоя не пониамай»?

17. Если Заманбек трижды стрелял в себя, почему не присваивают ему звания народного Кахармана?

18. Почему у казахов «было» объемнее и значительнее, чем «есть»?

19.Почему прошлое так богато и ясно, а настоящее – бедно и тускло?

20. Если земля не продается, недра не транжируется, чего народ зазря булгачится?

21. Если у казахов столь глубокие нравственные корни и крепкие национальные основы, почему они так охотно поддаются чужому влиянию?

22. Что есть великорусы, малорусы, белорусы, всем известно, но почему должно быть еще и чернорусы?

Э-е-е вопросов много, ответов мало.

* * *

Одна из наших бед – обилие юристов, экономистов и акынов. Все они вместе успешно разлагают наше общество.

* * *

«Назначенные исполнительной властью народные избранники».

Так ерничают СМИ по поводу наших депутатов. Ирак Елекеев очень сильно смутил их своим предложением самораспуститься. А ведь предложение очень даже правомерное. Самое разумное. Ох, как депутатики испугались, взбулгачились. В миг потеряли дар речи. И еще больше забились по углам.

Бедные, бедные бишаринцы-сорлыбаюшки! Посмотришь на них и слезами обливаешься. Особенно жалко депутаток. Сидят перезрелые дамы, ошарашенно оглядываются по сторонам, нажимают на кнопки, рта открыть боятся. Ни одной живой мысленки, ни одного живого слова. Ой, аллай!..

* * *

По большому счету я, пожалуй, благополучный человек. В самом деле:

– очень повезло с родителями;

– вполне повезло со страной, куда был выслан в детстве;

– повезло с женой, с дочерью;

– и в творчестве прилично себя реализовал.

Конечно, в чем-то и не повезло. Но с высоты моего возраста – все это досадные мелочи. И не они определяют мою судьбу.

Так что не стану жаловаться.

Тәуба, тәуба!..

* * *

Когда ты по обыкновению встаешь в три ночи и, стоя на балконе, любуешься звездным небом – счастье.

Когда просыпаешься утром и видишь, как вся земля купается в лучах солнца и внимаешь птичьему разноголосью – счастье.

Плохо только то, что бед на земле становится все больше. Накопилось слишком много негативной энергии. И в этом виноваты сами люди.

Неумереное пышнословие, высокопарность, велеречивость, излишняя патетичность – одна из давних примет казахского речестроя. Не всегда он уместен. Иногда это становится похожим на заурядное, назойливое словоблудие. Может, именно это имел в виду Абай, говоря: «Қазақтың өзге жұрттан сөзі ұзын»?

Вот примерный утренний «намаз» казахского радио.

Надо бы, казалось, искренне и просто сказать: «Доброе утро!», а по радио диктор взахлеб, восторженно извергает поток «красных» словес: «... И вот над сияющими вершинами снежного и древнего Алатау, мудрого свидетеля героических деяний наших славных предков, медленно просыпаясь, занимается величаво еще один новый день, озаренный милостью Создателя, и златосруйные лучи благодатного солнца обливают наше существо, благословляя нас на новые дерзания и свершения на просторах бескрайней степи, охваченной единством созидательного порыва нашего народа, добившегося в неустанной вековой борьбе силой духа, плоти и острием копья вожделенной свободы и независимости, и мы от ликующего сердца говорим всем: «Здравствуй, земля казахов!», «Сияй и цвети, страна орлов!» «С новым счастливым днем, наш могучий созидательный народ!», который, будучи с сотворения великим, как сказал наш яснолобый лидером нации – Елбасы, достоин великой судьбы...»

И дальше слушать уже невозможно. Тебя начинает тошнить и колотить. И ты с раздражением затыкаешь рот этому поносливому трепачу-златоусту и весь день ходишь, как оплеванный.

Ну, можно же просто сказать: «Доброе утро, люди!»

* * *

Чувство ответственности должно быть у каждого человека, живущего в той или иной стране. Иначе о каком патриотизме речь?

Мы говорим, или, точнее декларируем: в Казахстане обитают 130 национальностей. Значит, все они должны чувствовать себя

ответственными перед страной. А казахи ответственны не **наравне** со всеми, а **вдвойне**, ибо они титульная, государствообразующая нация. Это естественно и нормально. Но между тем это не всегда и не везде происходит. Сплошь и рядом мельтешат, мозолят глаза самодовольные агашки с толстыми карманами, которые горазды занимать только высокие должности и ни за что не отвечать.

Это жутко развращает.

Безответственно живущий человек превращается в представителя безликой массы, в заурядного охламона. Приводит это к вырождению народа. Я это вижу на примере моих соплеменников – российских немцев. Их и в России, а потом и в других странах проживания постепенно отодвинули, оттеснили на обочину бытия, отстранили от всего. После депортации, ссылок, изгойства, трудармии, социальных и гражданских ограничений они очутились в изоляции, в вакууме, отстраненные от всего, что происходило вокруг. Им изо дня в день говорили: «Брысь! Вон! Тебе здесь не место. Не лезь, куда тебя не просят!» И, будучи спецпереселенцем, российский немец почувствовал себя вне общества, помимо его воли не отвечающим ни за что. Чувство ответственности абортировали у него насильно. Два поколения выросли в такой ущербности.

А потом случился массовый отток, исход в Германию. Там они тоже социально и гражданственно оказались невостребованными – чужаками-фремде, «поздними возвращенцами», обузой, дальними и бедными родичами, которых приходилось терпеть. То есть, и «там», на так называемой родине предков, в них десятилетиями чувство ответственности не возрождалось. Результат плачевный: они привыкли жить на задворках, довольствуясь самым малым, не отвечая за то, что происходит в новой стране обитания. Это, несомненно, накладывает отпечаток на ментальность, на психику. Такое мироощущение не способствует чувству ответственности перед обществом. Остается голый индивидуализм, убежденность в том, что «моя сторона с краю», «у них своя свадьба, у нас – своя».

Без чувства общественной ответственности человек неполноценен. Он банальный, ограниченный, эгоист.

На мой взгляд, незаметно, исподволь чувство ответственности перед родиной притупляется из года в год, катастрофически и среди казахов. А это уж никуда не годится. Это рано или поздно обернется неминуемой трагедией.

* * *

Затеяли где-то форум патриотов. Спрашивают о моем отношении к этому событию и к нашим доморощенным патриотам.

Мнение мое – пожалуйста!

Форум такой нужен. Какой тут может быть разговор? Тема острая, актуальная, давно назревшая. У нас патриоты и сами запутались, и других сбили с толку. В этом вопросе необходима ясность.

Мы имеем дело с патриотами разных типов.

Есть такие, что играют роль патриота, любителя Отечества. Они, как правило, занимают высокие посты, числятся среди преданных друзей Елбасы, отменно, даже артистически грабят страну, горячо любимую родину-отан, набивают себе карманы и вовремя сигают за кордон, загрузив награбленное барахло в огромный грузовой самолет. Асом столь высокого пилотажа стал, к примеру, такой патриот, как Виктор Храпунов (по кличке Храпунчик), известный казахский зять, верный холоп Президента, благоденствующий ныне в Швицерландии.

Таких элитных патриотов насчитывается в нашей стране уже немало.

Следующий слой патриотов – служаки-чиновники, крупные и мелкие, насмерть, как пиявки, присосавшиеся к государственной кормушке, гребущие все, что плохо лежит, к месту проливающие крокодиловые слезы, взахлеб говорящие о славных деяниях героических предков, отстоявших родину от внешних и внутренних вра-

гов. Эти патриоты с пеной у рта долдонят о своей любви к родине, цитируют подобающие стишки, пословицы, поговорки, учат всех уму-разуму, витийствуют за дастарханом, а сами только и делают, что радеют о своей шкуре и бездонных карманах.

Таковых в годы независимости развелось, как нерезаных собак. Страшное, поганое племя!

Знакомы мне и «ура-патриоты», «нацпаты», искренние, вечно возбужденные, крикливые, агрессивные горлохваты. У них большей частью ни кола, ни двора. Сами обездоленные, бахвалятся былыми, ханами, беками, биями, батырами, баями, родовой знатью, бесстрашными воителями, даже ловкими барымтачами, охотно вспоминают древние сказы, дастаны, батырские эпосы, киссы, живут в прошлом и прошлым, неистово ратуют за материнский язык, за родную историю и культуру, стараются быть настоящими казахами, носителями национального духа.

Я их понимаю. Сочувствую им. Иногда даже поддерживаю. Меня только смущает то, что о своем патриотизме они заявляют слишком громко и готовы всех хватать за глотку, за шкирку, кто по их мнению недостаточно патриотичен.

Иногда они меня пугают.

И, наконец, тихие, скромные, истинные патриоты, которые не кичатся всюду своей любовью к Отечеству, а любят родину, как родную мать, нежно и преданно, без показухи, без надрыва, без страсти-мордасти, они сердечно ратуют за все национальное, и любовь их бескорыстна.

К сожалению, о них в печати мало пишут, они не броские, не публичные, слова «люблю» они стесняются, ибо само это слово, это понятие, это чувство для них священно.

Народ видит, понимает и безошибочно разбирается, кто безнравственный торгаш, кто циник-трепач, а кто истинно любит и обожает свое Отечество, как родную мать. Надо только, чтобы заштатные златоустцы не сбивали честный люд с панталыку.

06.06.11

Тетрадь шестнадцатая

* * *

Много русских поэтов, которые пишут, как Пушкин и даже лучше Пушкина. Но они не Пушкины.

Немало казахских поэтов, которые пишут изощреннее Абая. Но они никак не Абаи.

Нет того шарма, того колдовства, той магии.

* * *

Еще не закончили весенний сев, а в Министерстве сельского хозяйства уже подсчитывают урожай. И он каждый год на столько-то процентов выше предыдущих годов. Ни заморозки, ни дожди, ни град, ни засуха, ни другие беды-напасти в счет не берут. А успешные цифры гуляют по конторам-трибунам, из уст в уста. То есть,

из года в год лакомятся молозивом яловой телки. Неисправимые трепачи!

* * *

Какая-то газета проводит опрос: что значит друг и какие лично у вас друзья.

Задумался.

Когда я рос в ауле и учился в казахской школе, у меня было много друзей-досов.

И в студенческие годы я друзьями-досами не был обделен. Некоторые и поныне помнятся, хотя их и в живых-то уже нет.

Потом их становилось все меньше и меньше.

Если во главе отношений становится голый расчет, принцип «ты мне, я – тебе», если все упирается в банальную выгоду, в меркантильный интерес или в желание подавить твою волю, сделать из тебя слугу, чичисбея-қолбала, использовать тебя на всю катушку, то какой же это друг?!

Если при случае каждый каждого может посылать куда подальше по известному русскому адресу, то разве это друг?

Если поступками-выходками, подхалимством и карьеризмом твоего мнимого дружка приходится стыдиться и краснеть от позора, то как его считать другом?

Это так себе, приятель, кореш, знакомец.

Друг – это твое второе я. Верная надежда, опора, которая не подведет никогда, ни за что. На которого во всех обстоятельствах можно положиться, как на родную мать, как на отца. И, может, даже больше.

Ныне у меня таких друзей нет. Ни среди немцев, ни среди русских, ни среди казахов или евреев.

Охотно допускаю, что в этом виноват отчасти я сам. Видно, и сам не смог быть никому подлинным другом. В моем нынешнем возрасте человек становится все более одиноким. Формула: «Jeder stirbt für sich allein» – «Каждый умирает в одиночку» – становится глобальной.

* * *

Просто так жить-существовать-прозябать, как сорная трава, как придется, как Бог на душу положит, куда кривая выведет все же не совсем достойно человека. Ведь для чего-то ты родился, должен быть, не от скуки тебя произвели на свет родители. И жизнь свою надобно каждодневно как-то оправдать. Иначе как? Стыд и позор!

* * *

Почти все русские поэты – бедные, ссыльные, преследуемые, невыездные.

Все эти «прелести» сполна выпали на долю Пушкина. Сколько на него обрушилось несчастий, а нам все кажется, что был он легкий, эдакий попрыгунчик, баловень, везунчик, счастливчик, стихи без всяких усилий, самопроизвольно фонтанировали из него.

Ой, ли!

И ссылки, и опалу, и клевету, и предательство, и травлю, и разные беды-напасти, и безденежье, и унижения – все изведал.

И на фоне этого наш спецпереселенческий скулеж – грех.

* * *

Беседа двух стариков у фонтана возле Чокана.

– Ну, как живем?

– Вот так и живем. Хлеб жуем. Небо коптим.

– И всё?

– А?

– И все, спрашиваю?

– А что ещё? Детей вырастили. По мере сил работали. Теперь тихо-мирно доживаем свой век.

– Маловато.

– Что?

– Маловато, говорю.

– Кому – как. Для меня в самый раз. Дай Бог, чтобы все так жили.

– Хм-м... Выходит, для этого и родился?

– А я, мил-человек, разве просил, чтобы меня родили? А раз родился – живу. Поживу – помру.

– Скучно...

– Что?

– Скучно так...

– А жизнь вообще скучна. И смерть скучна. Да ничего другого Бог не придумал.

– И в чем тогда смысл?

– А ни в чем! Все бессмысленно.

– Все?

– Все! И мы сами. И разговор наш – тоже.

– Апырай, а! Қиын болды ғой.

– Несі қиын? Жизнь как жизнь. Тәуба, тәуба! Шүкір, шүкір!..

* * *

Каждую весну проходит школьная компания, называемая коротко ЕНТ. Что это чушь, вздор и нонсенс, знают все. Это выдумка дебилов для дебилов. Педагогические дяди и тети, руководящие народным образованием, давно поняли, что если переходить на прежнюю систему экзаменов, все сразу плюхнутся в лужу или, выражаясь по-казахски, сядут голым задом на лед. Вот и придумали ЕНТ – самый примитивный вариант учебного контроля. Не нужно, чтобы у учащихся развивались речевые навыки или систематическое мышление, не нужно, чтобы они вообще что-то знали или читали, достаточно, чтобы они вслепую, наугад, по наитию тыкали в нужную графу или обвели кружочками правильный ответ и набрали таким образом мифические баллы. Баллы набрал – а башка пуста, ветер гуляет.

Глупо и дико. Самообман.

Но от такого метода не хочется отказаться. Ибо это бизнес, легкая добыча. Здесь крутятся большие деньги. Пишут: в Южно-Казахстанской области в какой-то школе все выпускники набрали 110-120 баллов (из 125 возможных). Каким образом? А за сутки

какие-то ловкачи-юркачи на базаре продавали правильные ответы за тысячу долларов с носа. Хорошая получилась сумма. Но это ведь государственная тайна. За ее разглашение предусмотрено наказание: пять лет тюрьмы. Но юркачи-ловкачи этого не боятся, ибо за этой махинацией стоит «агашка» из департамента образования, наверняка «көке» из прокуратуры и еще директор школы. Эта братия-шатия полюбовно поделят даровую добычу. Им совсем не надо, чтобы ученик что-то знал. Им важно, чтобы он был дебилом, а у родителей его была тугая мошна. Бизнес! Да еще какой! А потом ЕНТ – неистребим, бессмертен. Особенно в Казахстане, где коррупция проникла во все поры общества.

Так куются будущие кадры.

* * *

Конечно, не мое это дело, никто меня и не спрашивает, и не мне, литературному пенсионеру рассуждать о высоких государственных материях, но все же нет-нет да и возникает в башке непрошенная мысленка по поводу бесконечных, суперзатратных международных саммитах, форумах, разномастных совещаниях, несомненно, накладных для отечественной экономики. На этом пышном фоне всплывают перед глазами убогие аулы, хиреющие города, прозябающий простой люд, зияющие дыры в хозяйстве.

Понимаю: все эти трескуче-фанфаровые саммиты и форумы необходимы для авторитета страны, для имиджа лидера нации, для куража и понта, для показухи, для глобальных, моему уму непостижимых целях, для отвода внимания от текущих проблем и насущных задач.

Ясно, что и гостям – ойдан-қырдан жиналған – эти шоу-тои весьма даже по душе, отчего ж не погулять вволю задарма, на халяву, за счет не в меру щедрого независимого государства, обзавестись весомыми подарками, всякая муха охотница до дармовщинки, можно в благодарность и произнести на камеру пару-другую подобающих моменту льстивых фраз в угоду гостеприимных хозяев, небось, не убудет, подумаешь...

Все это так. Зачем нам, сказочно богатой стране, мелочиться, пусть знают размах номадов, и я это лично понимаю вместе со всеми остальными казахстанцами.

Чую, однако, и то, что в этих действиях-актах очень велика доля заурядного бахвальства, банального хвастовства, очевидного даракианства.

О том выразительно сказал, оказывается, еще Николай Васильевич Гоголь.

Вот его суждения по этой части.

«Это хвастовство – губитель всего. Оно раздражает других и наносит вред самому хвастуну. Наилучшее дело можно превратить в грязь, если только им похвалишься и похвастаешь. А у нас, еще не сделавши дела, им хвастаются! Хвастаются будущим! Нет, по мне, уже лучше временное уныние и тоска от самого себя, чем самонадеянность в себе. В первом случае человек по крайней мере увидит свою презренность, подлое ничтожество свое и вспомнит невольно о боге, возносящего и выводящем все из глубины ничтожества; в последнем же случае он убежит от самого себя прямо в руки к черту, отцу самонадеянности, дымным надмением своих доблестей надмевающему человека» (см. Н.В.Гоголь, собрание сочинений в шести томах, т. VI. Москва, 1959, стр. 157).

Думаю, сказано убедительно. Наше даракианство и есть «дымное надмение».

Вообще, по мне, лучше всего несколько прибедняться, чем восхваляться. У пустой похвальбы – гнилая суть. Это та самая хваленая байская дочь, которая на пиру невзначай испортила воздух.

* * *

В газетах нередко пишут (да я и сам о том смутно догадываюсь), что чем сильнее «Нур-Отан» борется с коррупцией, тем заметнее эта самая коррупция процветает. Поразительная взаимосвязь и взаимозависимость! Иногда закрадывается в сознание крамольная мысль: не сама ли эта партия – рассадник, организатор и вдохнови-

тель отечественной коррупции? Не в ее ли недрах зарождается эта многоглавая напасть? В последнее время нередко хватают за уши того или иного отъявленного коррупционера и выволакивают на солнышко. И он весь извивается, как дождевой червь на раскаленном асфальте, судорожно лезет в спасательную тень, под жухлые листья, в щель, в рыхлую почву. И, как правило, все эти коррупционеры – видные члены славной партии «Нур-Отан». Случается, их разоблачают (уж слишком очевидны их прегрешения), но по-настоящему не наказывают. Просто слегка пугают.

Ну, и какая же это борьба? Какая же это партия? Или уж людей совсем за дураков принимают? Достаточно, полагаю, крепко потрясти тысчонку-другую, глядь, другие наверняка «котешки» прижмут.

* * *

Будучи в свое время в европейских странах, я сталкивался с нашими джигитами и кызымками, обучающимися в тамошних университетах.

Славные ребята! На них любо-дорого смотреть. Подтянутые, легкие, общительные, с обретенным за короткое время иностранным лоском-шармом броским обаянием, они силятся со мной говорить по-казахски, получается, конечно, спотыкливо, косноязычно, котыр-кожалак, неуклюже-абалак, с акцентом, с обилием русских слов и фраз. Хочется надеяться, что они обретут отменные знания и, вернувшись на родину, сдвинув с места замшелые валуны косности и отсталости, поднимут отечественный имидж.

Смущает только одно: то, что они оторваны от национальных корней, что обретают чужеземные навыки, лишаются родной речи, уходят от всего родового, векового, кровного, теряя свою природную «казахскость».

Это очень серьезная потеря. Инстинктивно они это и сами чувствуют. Они вроде и казахи, но не совсем казахи. Все казахское вымыто из души чужестранными водами. И меня это печалит. Мне

хочется, чтобы они при всем европейском, благоприобретенном лоске оставались казахами, свято сохраняя достойные качества предков.

О том – конечно, более выразительно – сказал в свое время Гоголь в «Авторской исповеди». Вот как это у него звучит:

«Прежде и теперь мне казалось, что русский гражданин должен знать дела Европы. Но я был убежден всегда, что если, при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустить из виду свои русские начала, то знания эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли, наместо того чтобы сосредоточить и собрать их. И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит. Мне казалось всегда, что, прежде чем вводить что-либо новое, нужно не как-нибудь, но в корне узнать старое: иначе примененье самого благодетельнейшего в науке открытия не будет успешно». (См. Гоголь, Собрание сочинений в шести томах, том VI, М., 1959, стр. 223).

Если заменить в этой пространной цитате все слова «русский», «русскую», «русские» на слова «казахский», «казахскую», «казахские», то получится как раз та сентенция, которую и я пытался выразить.

* * *

Ханство, что ни говори, все же не демократия.

Хамство – тем более.

Демократию мы декларируем для отвода глаз, а сами предпочитаем ханство и хамство.

У нас научились банальные феодальные отношения выдавать за демократические.

Все эти потуги курам на смех.

* * *

Внимательно прочитал оттиск статьи одного видного казахстанского экономиста, опубликованную в московском журнале.

Конечно, я полностью профан по части экономики, но как публицист вполне определенно чувствую, о чем идет речь. Экономистов с высокими званиями и степенями, от которых, по-казахски выражаясь, лошади шарахаются, у нас пруд пруди, но, к сожалению, большинство из них лишь услужливо подпевает заурядной пропагандистской трескотне власть предержащих, играющих роль районного агитатора. Это несерьезно. И к науке никакого отношения не имеет. Надо дать точную картину, в конкретных и реальных цифрах, в сравнении, на фоне мировой экономики. Тогда будет ясно, чтó к чему. Тогда не надо будет вставать на цыпочки, пускать пыль в глаза и дурачить простой, доверчивый люд.

В статье казахстанского экономиста, о которой я веду речь, убедительно говорится об инновации, модернизации, индустриализации, о странах «настигающего развития, а также о государствах, не прошедших стадию индустриализации и находящихся под угрозой окончательного закрепления в роли сырьевых и аграрных придатков мировой экономики».

Я понял: Казахстан находится именно в этой группе. Так что особенно хорохориться некорректно.

Скрывающий свою хворь обречен на гибель. Так гласит казахская мудрость.

А не секрет: в Казахстане сложилась сырьевая модель.

«Нет оценки и доступа к применяемым технологиям».

«Нет размещаемых исследовательских центров, а производство в основном ограничено добычей и перекачкой углеводородного сырья».

Из статьи экономиста следует, что об инновациях нам говорить явно рано, когда и до модернизации ой как далеко. «Невозможно стартовать к инновациям с немодернизированным, устаревшим, архаичным производствам. Модернизация должна предшествовать инновациям».

Все эти замечания относятся не только к Казахстану, но и к России. Автор статьи приводит эффектное сравнение президента Российского союза промышленников и предпринимателей А.Шохина: «... для нас важнее сейчас именно модернизация. Посмотрим правде в глаза: состояние промышленной базы в России таково, что думать об инновациях – все равно, что грезить о полетах в космос, сидя в пещере».

Сильно сказано! И это касается России. Что уж о нас говорить?!

Автор пишет: «Что касается инновационной организации экономики, то следует признать, в республике не проработаны еще вопросы содержания, роли и места инноваций, инновационного прорыва в развитии экономики, отдельных сфер и отраслей, методов определения меры влияния инновационных нововведений на уровень предприятий, отдельных звеньев экономики и социальных отношений».

Думаю, горький, но очень верный диагноз.

И какой получается вывод?

«Одним словом, Казахстан, Россия, другие страны СНГ еще на подступах к инновационной модернизации, тогда как мировая экономика уже находится в большом трансформационном цикле».

В статье, понятно, приводится много выверенных данных и экономических выкладок. Они впечатляют. Но я не стану здесь утяжелять свой краткий отзыв. Один факт, дабы представить конкретную картину, все же приведу. Оказывается, 40% мирового объема наукоёмкой продукции выпадает на долю США, 30% – на Японию, 16% – на Германию и примерно 0,3% – на Россию.

Представили масштабы?

Автор задает риторический вопрос: «Что может Казахстан заимствовать по новым технологиям и какого уровня продукцию придется приобретать у России, если 30% товарооборота приходится на поставки из РФ? По итогам 2009 года вклад России в мировую науку обеспечил лишь 2,6% новых исследований. Это в 7 раз меньше, чем при СССР, и в 3 раза меньше, чем в Китае сегодня и в 1,5 раза – чем в Индии. На что в этих условиях может рас-

считывать Казахстан, лишившийся последних остатков фундаментальной науки, не располагающий современными исследовательскими и промышленными технопарками? По уровню освоения и внедрения высоких технологий Россия оказалась на 67-70 месте. И в этих условиях Казахстану, сравнимому с основной массой развивающихся стран, нецелесообразно всецело ориентироваться на внутренний рынок Таможенного Союза, где доля России с заведомо неконкурентоспособной продукцией абсолютно преобладает».

Задумаешься, не правда ли?

Вот об этом и следует подумать каждому казахстанцу прежде чем развесить уши для навешивания прокисшей пропагандистской лапши доморощенной власти. Наговорить разного вздора можно с три короба, но следует вникнуть в суть, дабы представить истинное положение дел. На лжи далеко не ускачешь, у ней слишком короткие ноги.

Не стану далее пересказывать содержание данной статьи. Она стоит того, чтобы ее основательно проштудировали. Она пронизана любовью и болью к Казахстану. Она развенчивает дешевые политические трюки самонадеянной даракизации и тыраштанизации. Последние два термина, боюсь, не всем понятны. Их в научный оборот ввел я. И за разъяснением можно обратиться к автору этих неологизмов.

Остается мне добавить, что статья эта называется: «Форсированная индустриализация и инновационная стратегия». Вышла она в журнале «Общество и экономика», № 9 за 2010 год. А автор ее – **Аманжол Кошанов**, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социально ориентированной экономики Института экономики КН МОН РК.

* * *

Каждый год у нас в Казахстане, появляется уйма свежеиспеченных генералов, лауреатов, орденоносцев, и некоторых из них прямо-

таки шалеют от этих званий-регалий, едва не касаясь от спеси макушкой неба.

Вроде еще вчера был человек как человек, а сегодня черт знает что: ноги под собой не чует и никого вокруг себя не замечает.

Вспоминается обладатель генеральского чина в гоголевской «Шинели». «Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трех фраз:

«Как вы смеете?»

«Знаете ли вы, с кем говорите?»

«Понимаете ли, кто стоит перед вами?»

Не стану говорить о наших генералах, депутатах, сановниках-чинушах, но и среди нашего пишущего брата сплошь и рядом сталкиваешься с такими, которые, издав книжонку толщиной с лепесток и получив медальку, – по Гоголю – «сбиваются с пути и совершенно не знают, как им быть». Заявит с трибуны, что «Волга впадает в Каспийское море» и выпятит грудь, выкатит глаза, будто только что открыл закон всемирного тяготения. «Эй, ты хоть знаешь, кто стоит перед тобой?!»

Ой, ақымақ! Адыра қал!

* * *

В 70-90-ые годы прошлого века я был общественно довольно активен и то и дело слонялся по разным кабинетам ЦК, Совмина и Верховного Совета Казахстана. Все эти славные организации вполне размещались в одном импозантном здании на Старой площади.

В просторных кабинетах служивый люд двигал прогресс вольготно.

Потом ЦК КП К перебрался в новое мощное здание на холме Новой площади. Но и там кабинеты не пустовали, а со временем опять стало тесно. Армия чиновников захлестнула даже коридоры.

Прошло время, и здание ЦК обернулось городским акиматом. Зашел как-то и обомлел: некогда роскошные кабинеты заметно поблекли, где еще недавно восседал один «нашандык», теперь

теснились четверо. Одни деловито чай пьют, другие по коридору взад-вперед шастают.

Ой, аллай! И что они все делают?

На базаре или на хирмане столько народу не увидишь.

Невольно вспомнил фразу из «Записки сумасшедшего». Титулярный советник Аксентий Иванович Поприщин признался: «...а нашей братьи чиновников – как собак; один на другом сидит».

В самом деле: «Бұл не болып кетті өзі?!»

* * *

В нашем обществе четко определились два новых типа казахов – охабаризованные и нуротанизированные казахи. Эти два родственно близкие вида приведут (боюсь!) к глобальной дебилизации нации.

* * *

Аскар Жумадилов и Аскар Жумадильдаев, оказывается, разные люди.

* * *

Недавно главный санитарный врач России еще раз подчеркнул, что в организме свиньи и человека много общего. А, может, по другим свойствам-измерениям тоже? Скажем, по поведению, повадкам, интеллекту?

* * *

Говорят, что Терещенко, Храпунов, Нехорошев – русские. Неужели?! И если такие, с позволения сказать, русские покидают Казахстан, то чего горевать-то? Радоваться надо!

* * *

Мне становится ужасно неловко, когда казахи или российские немцы на свадьбах кричат: «Горько-о-о!» Это что, великое влияние великой культуры? Дурное подражательство всегда свидетельствует о духовной деградации нации.

* * *

Я вообще-то склонен считать, что в Казахстане в наиболее бедственном положении находятся казахи. Знаю, что и большинство казахов так считает. Правда, по их рассуждениям виноватыми в том кажутся «келимсеки» – пришлые национальности, которых бедные казахи якобы кормят. Я так не считаю, полагая, что русские, корейцы, немцы, уйгуры, евреи вполне прокармливают сами себя.

Так спрашивается, почему так много у нас бедных казахов?

Знакомая журналистка, казашка и, кстати, большая Ведьма (от слова ведать) убежденно втолковывает мне, что виноваты в том прежде всего сами казахи. Дескать, 20 процентов казахов жируют, все прибрали к своим рукам и откровенно паразитируют на остальных 80-ти процентах. В самом деле, откуда «дровишки» у того, у второго, у третьего конкретного, всем известного лица? Ведь весьма серые пташки, ничтожные пендешки, а награбили миллиарды. Ясно, что они захапали долю своих соотечественников-соплеменников.

Я задумался. Не знаю, как насчет процентов, но в этих предположениях доля истины есть. Ведьма знает, что говорит. Русские грабить себя не позволят. 2 миллиона сразу покинули независимую страну. И немцы заблаговременно уехали. Евреи – тоже. И т.д. Кого же грабить? Казах казаха! И это видно невооруженным глазом.

Ну, а что дальше?

Всезнающая Ведьма мне разъясняет: общими усилиями казахи тихо-мирно, шито-крыто, без шума-крика оттеснили келимчеков и теперь устроили бузу-возню между собой – между «таза» (настоящими) и «шала» (неполноценными). И чем это кончится? А тем, что юркие, предприимчивые, нахрапистые «шала», прихватив наворованное, слиняют за кордон. Воцарятся нацпаты. В опустевшую страну хлынут оралманы. Между ними – местными нацпатами и оралманами – разгорится сыр-бор. Оралманы возмутятся: «Эй! Доселе будут нами командовать квази-казахи, которые и с ма-

теринской речью не в ладу?!» И постепенно приберут вожжи правления к своим рукам. Но тут тихой сапой влезут в страну некие хуань-хуани. И казахов можно будет встретить только в Красных и Черных песках.

От рассказов Ведьмы мне стало дурно.

* * *

Опять наши СМИ треплют имя экс-мэра Алматы, пишут о его криминальных делах-делишках. Никакого отношения к Храпунову, а тем более к его скользкой супруге я не имел. Конечно, я эту пару шапочно знавал, встречался – с ним в акимате и ПЕН-клубе (куда его ловко заманивал наш Президент Абдижамил Нурпеисов), с ней – в Верховном Совете, в Комитете по культуре, где она, случалось, отчитывалась по телевизионному шахеру-махеру.

Антипатию к ним я испытывал устойчивую. Что-то темное, скользкое, фальшивое, порочное и подлое скользило в них всегда. Ну и что? Какое мне дело до них? Особенно меня мутило, когда смазливый Бектур Храпунчик-хапунчик пытался произносить казахскую фразу «Кхурметти кхаум!» И казахи при этом млели от восторга: «Ай, наш зять! Қазакшаға судай!»

И этот тихий разбойник

– запросто вокруг пальца обводил Елбасы;

– лицемерил напропалую;

– примазался к власти;

– пускал пыль в глаза бдительным органам,

– и все государственные умники-разумники проглядели этого хапугу.

Да, тайна сия велика есть.

Ныне (июль 2011 г.) читаю в газетах: затеваются какие-то уголовные дела, происходят некие запоздалые разоблачения, по-казахски выражаясь, хромая овечка заблеяла после обеда.

Конечно, по всей справедливости его надо бы судить. Состав преступления этой криминальной парочки потянет на нюрнбергский процесс. В скобках замечу, что на скамье подсудимых сии

швейцарские граждане должны сидеть не одни: основная скамейка дли-и-и-ин-ная, а при ней есть еще и запасная. Бектур, полагаю, рассуждает так: «А что, я один, что ли? Казахам можно, а мне нельзя? Я ведь тамыр казахам! Более того – зять! А зятьям в Казахстане почет и приволье. Им все дозволено».

Как бы не так!

Казахстан станет страной лишь тогда, когда Храпунам-Хапунам воздадут должное и вернут награбленное им народу. Казахстан не может и не должен быть им вечной дойной коровой. Земля должна гореть под ногами оборотней, цинично плюющих на человеческую мораль и право. Да обрушится на их головы ящик Пандоры! Да грядет над ними час возмездия!

* * *

Знатоки-политологи утверждают: народ деградирует в двух случаях – когда его лишают родной земли и когда он теряет родной язык.

Российские немцы державной волей лишились и того, и другого. И что им остается делать? Зализывать раны на родине далеких предков.

* * *

Наверняка и у казахских поэтов-писателей были и есть меткие прозвища. Мне многие знакомы. Они мелькают в остроумных репликах, в воспоминаниях, устной беседе, эпиграммах – «Жуан», «Кетік», «Қырсық», «Мысық мұрт», «Әңгүдік», «Сұрамсақ», «Сары бәйбіше», «Көсе», «Усойқы», «Шойнақ», «Самауыр», «Жылтықай», «Көртышқан», «Серi», «Бухгалтер», «Шаңжұқпас». Эти прозвища не собраны, не систематизированы. Прозвища, как правило, определяют суть человека.

Какие прозвища были у Пушкина?

Вот они: «Сверчок», «Француз», «Обезьяна», «Тигр», «Бес арапский».

Сам Пушкин в стихотворении «Мой портрет» (написано по-французски) определил себя так: «Сущий бес в проказах, сущая обезьяна лицом».

Помню, выразительный автопортрет сочинил покойный Нуршаихов. Романтический, эпический автопортрет есть у Мухамбета.

Вообще эта тема тянет на серьезное исследование.

* * *

В издательстве «Слово», пишет ЛГ (№ 26/11), вышла книга Джеральда Мартина «Габриэль Гарсиа Маркес». Рецензия Сергей Мнацаканян упоминает ее составляющие: семнадцать лет работы, триста интервью вокруг портрета, две тысячи страниц и шесть тысяч ссылок. «А в итоге 624 страницы текста и великолепное жизнеописание реального мирового классика», – заключает рецензент.

Я подумал: назовите мне хоть одного казахского писателя, книга которого создана в результате такого труда. Большинство произведений наших жазушылар – лепешка, испеченная наспех в тандырной печи.

* * *

Охотно допускаю, что сказывается моя старость, но все чаще думаю о казахах с тревогой. И эти горькие думы усугубляются во мне с каждым годом. Нет, «Хабар» и «Казправда» давно уже меня не утешают. Бравурные ежегодные послания президента – тоже.

В чем дело? Слишком много в обществе накопилось жадности, алчности, агрессии, подлости, пакости, злобы, жестокости, афер и мздоимства, всего того, что не было свойственно казахам даже в суровые, драматические времена. И особенно меня поражает то, что очень много отрицательной энергии в нашем обществе, в народе исподволь накопилось именно во времена правления Елбасы. Почему так? Ведь он ставил совсем другие цели, исповедывал иные направления. И речи говорил всегда правильные. А народ качественно ухудшился, морально деградировал. Наверх всплыли

совсем уж низменные критерии – инстинкты барымтачей. Какое тут может быть объяснение? Может, сказываются некие темные гены, недостаток воспитания и пробелы в образовании, инерция морально и духовно бедного человека? Не знаю, не знаю. Не мне судить. Да и не хочу плохо думать. Но, кажется, народ о чем-то догадывается. И, как всегда, запоздало. Боюсь, выправить положение дел уже не удастся.

Я это воспринимаю, как личное горе. Как катастрофу. Как трагедию. Мне уже трудно поверить в пассионарное чудо.

* * *

Еще недавно имя это было очень популярно особенно в интеллигентной среде – Александр Сергеевич Данилов. Фельдшер и шахтер, он с малых лет увлекся библиографией и собирал сведения о выдающихся людях планеты Земля. Собрал он, кажется, сотню тысяч биографических заметок. К нему за помощью обращались со всего света. В его уникальном труде находились сведения обо всех, начиная с Гомера и кончая каким-нибудь аульным стихоплетом. Десятки ящиков анкет и амбарных книг заключали океан сведений о всех мало-мальски значимых людях всех отраслей науки и искусства, по всем профессиям, и в этом океане он плавал свободно: за десять минут обрушивал на вас сведения, которые вы тщетно искали в толстенных общих и отраслевых энциклопедиях.

Этот труд так и не увидел света. Остались десятки статей о справочнике-глыбе одержимого в своих поисках Александра Сергеевича Данилова.

Он умер в бедности, изнуренный инфарктами и инсультом. Скончалась и жена. Спонсоров для издания труда всей своей жизни он так и не нашел. Что стало с его кладом, я не знаю. Хотел он передать в национальную библиотеку или в рукописный фонд Академии наук.

Несколько раз он бывал и у меня. Охотно выступал в разных коллективах, поражая слушателей фактами из своего творения.

Однажды он выступил в Пушкинском доме в Петербурге. Слушали бывшего шахтера с интересом крупные ученые, академики, члены-корры Академии, доктора науки, признанные пушкинисты. Данилов задал каверзный вопрос: «Как фамилия Арины Родионовны?». Никто не знал. Никто никогда о том и не задумывался. И, заинтриговав ученый люд, Данилов сам ответил: «Яковлева» и сообщил о ней еще уйму сведений. Поражен был акад. Лихачев. И весь ученый совет отозвался о словаре А.С.Данилова с восхищением. Данилов о том увлеченно рассказывал. Я как-то полюбопытствовал, есть ли среди имен «Голубой планеты» какой-нибудь Бельгер. Он мигом отыскал какого-то публициста, литератора конца XIX века Бельгера, на которого в каком-то томе собрания сочинений ссылается В.И.Ленин. И еще нашелся шахматный комментатор по фамилии Бильгер. Предки мои, рядовые крестьяне-бауэры, понятно, в словарь Данилова не попали.

А на фамилию няни Пушкина я наткнулся в книге «народного пушкиниста» Нелли Мельниковой «Годы» (Усть-Каменогорск, 2011 г.). Правда, она полагает, что, скорее всего, это было прозвище отца Арины Родионовны, ибо у крепостных фамилий, мол, не бывало. Ну, что ж, даже прозвище в данном случае находка.

А еще большей находкой была бы сама уникальная и громоздкая картотека самого Александра Сергеевича Данилова. Из его близкого алматинского окружения мало кого осталось в живых. Мне же всегда в подобных случаях вспоминается строка: «Өлдің Мамай – қор болдың».

* * *

В газете пишут, а по ТВ показывают, как в Китае расстреляли двух вице-мэров за коррупцию. Ну, почему же нам не перенять этот опыт. Это ведь самый эффективный метод борьбы с воровством.

А то слов много, а толку никакого. Или верхушка опасается, что сама первой угодит под расстрел?

* * *

Будучи аульным мальцом, я часто слышал из уст стариков: «Апырай! Божьи чудеса не знают границ! От одной капли воды в его воле сотворить человека». Что означает капля воды, я сообразил значительно позже. Под каплей воды подразумевалась сперма. Крохотный сперматозоид. Так же позже я убедился, что незаурядные личности рождаются отнюдь не от «капли водицы», а от огня, буйства, страсти, вдохновенной высокой любви, пламени чувств, душевного жара. «Огнем сотворенный», говорят казахи.

Как же обрадовался своей догадке, случайно натолкнувшись на строки язвительного и мудрого Игоря Губермана.

– На людях часто отпечатаны
Истоки, давшие им вырасти.
Есть люди, пламенем зачатые,
А есть – рожденные от сырости.

Подавляющее большинство людей – рожденные от сырости, от «капли водицы», о которой говаривали аульные старцы, а кое-кто несомненно зачат пламенем. Они как правило, божьи избранники.

* * *

За счастье жизни следует благодарить судьбу. И роптать на прошедшие годы глупо. Я и не ропщу. Во многом, кажется, я себя реализовал. Но сказать, что я полностью состоялся, никак не могу.

На что досадую?

На депортацию, на раннюю ссылку, на социальную несправедливость, на национальные ущемления, которые слишком подло обрушились на мою хрупкую душу.

И еще на то, что самые чуткие годы я вынужденно провел малозначительно в том краю, где, как мне теперь чудится, заложенные во мне кое-какие способности, умственные и эмоциональные наклонности не получили подпитку в условиях убогой жизни в ауле. То есть, я мало читал и читал не то (чаще всего и читать-то

нечего было), я не слышал хорошей музыки, образцовой русской и немецкой речи, я не получал необходимого интеллектуального развития. Образно говоря, гонял балду, был предоставлен самому себе и своим недугам, жил-проживал-выживал, как приведется, упустил свой «лицей», которого в военные и послевоенные годы и в помине не было.

И состояние моей несвободы затянулось на долгие годы.

Это я чувствую обостренно на старости лет, и поныне не выдавив по капле полностью из себя раба.

И слишком много сил, здоровья, труда потратил на элементарный насущный хлеб, с превеликим, порой отчаянным напряжением вырвавшись из кабальных долгов лишь в 37-летнем возрасте.

Когда мне все это приходит на память, у меня камнем оседает сердце. Только какой теперь смысл о том думать и вспоминать?

25.07.11

* * *

В 1973 году в Москве на семинаре советских немецких писателей я впервые встретился с известным германистом, фольклористом, писателем, доцентом Новосибирского пединститута Виктором Георгиевичем Клейном. Обаятельный был человек! Пользовался огромным авторитетом среди российских немцев. Узнав, что я окончил казахскую школу, сходу поинтересовался грамматической структурой языка. Что? Нет родовых обозначений? А какие части речи? Богата ли лексика? Какие виды предложений? Сколько падежей?

Я перечислил: атау, ілік, барыс, табыс, шығыс, жаныс, көмектес.

«Ух, ты! – удивился Виктор Клейн. – Выходит, сложный язык. У англичан два падежа, у немцев – четыре, у русских – шесть. На какие вопросы отвечает «твой» көмектес?»

Я объяснил.

– А, понятно. Инструменталис, по-латински.

На днях я вычитал в ЛГ, что в даргинском языке 48 падежей. С ума сойти! И по этому показателю даргинский язык вошел в книгу Гиннеса.

В Дагестане едва ли не в каждом селении свой язык. А у каждого языка еще уйма диалектов. Бывает так, что родственники говорят на разных наречиях и друг друга плохо понимают.

Помню, и на Волге до войны в немецких дорфах говорили на разных наречиях немецкого языка. Иногда соседи друг друга не понимали и передразнивали. А Казахстан какой огромный! Юг и Север разделяют тысячи километров. А язык один. Исключения в речи редки и незначительны. Таков феномен казахского речестроя.

* * *

Я с трудом, через лупу, расшифровал ксерокопию предсмертного письма моего дяди, родного брата моего отца – Фридриха Бельгера. Оно датировано 5 сентября 1942 года. Написано по-немецки: «Guten Tag, liebe Frau und teuere Kinder!» Изрядно истрепанный, ветхий треугольничек военного времени.

Письмо адресовано Бельгер Каролине Андреевне: Алтайский край, село Панкрушиха, улица Новосибирская, дом № 33.

Адрес отправителя: Свердловская область, Ивдельский район, поселок Вижай, п/я 232/16.

Вместе с ксерокопией письма в конверт была вложена фотография Фрица довоенного времени: продолговатое худощавое лицо с характерными «бельгеровскими» чертами, спокойный, умный взгляд, пышные, белесые усы, старомодный пиджак, в руках главный инструмент колхозного бухгалтера – деревянные счеты, вольная, молодая осанка.

Таким я его и запомнил.

Меня, уроженца города Энгельса, где мой отец служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), время от времени отсылали в родительское село Маннгейм, где я живал то у бабушки Элизабет, то у дядьев Хайнриха и Виллема. Подросшие двоюродные братья охотно возились со мной и обучали меня разным

деревенским потешкам. У моих дедушек – Фридриха и Давида, умерших до моего рождения (первый умер с голоду в 1921 году, а второго забрали с концами бдительные органы за неосторожную фразу, высказанную относительно колхозного строя на деревенской свадьбе), – было в общей сложности 14 детей, так что можете представить, сколько имелось у меня двоюродных братьев и сестер.

Славное было время. Так оно и поныне мерещится.

Иногда я бывал и в шумном и веселом доме дядюшки Фрица. Он сам был человек легкий, общительный, веселый. Дети льнули к нему. В семье его все пели и играли на струнных инструментах. Старший, Вольдемар, окончил 10 классов (редкость для того времени), был грамотей, большой затейник, играл на мандолине, скрипке, гитаре, балалайке, цимбале, рисовал, занимался спортом, был общественником, комсомольцем, учительствовал в сельской школе. Им, помню, все гордились. Подстать ему подрастали и его сестренки, певуньи и плясуньи, отличницы учебы – Вера, Вильгельмина, Виктория, Валя.

Жили в достатке, в надежде. В доме струились «немецкие» запахи: кислая капуста, простокваша, сдоба, свиные выжарки, поджаренные тыквенные семечки, толченная картошка, куриный бульон, самосад, чистота и уют.

А дальше?

А дальше все рухнуло в одночасье. Война, депортация, ссылка, трудармия, комендатура, голод, лишения, трагедия и скорбь.

... В декабре 1941 года от голода и непосильного труда умер на лесоповале в концлагере Вольдемар Бельгер в возрасте 20 лет.

... Ровно год спустя, там же и по той же причине скончался его отец, Фридрих Больгер, в возрасте 45 лет.

... Потом умрет трудармейка Вера Бельгер.

... Позже, уже в Германии, умрет трудармейка Вильгельмина Бельгер.

... Чудом выживут подранки-сиротинушки, сполна изведав голод, холод, унижения и лишения, Виктория и Валя Бельгеры.

Последняя ныне проживает в Германии.

Тетя Каролина, которой трудармеец Фридрих Бельгер писал свое отчаянное, предсмертное письмо, прозябала в Алтайском селе, больная и бесправная, перебиваясь с хлеба на воду, умрет в сорок два года в больнице и ее закопают в общей могиле, без гроба, просто засыпая землей.

Сколько российских немецких семей изведали подобную участь?

Тысячи и тысячи!

О чем же пишет в своем последнем письме мой онкель Фриц?

Он сообщает (перевожу с немецкого), что «пока еще жив», что его перевели в разряд «доходяг», что потому ему позволено работать четыре часа, что собирает в лесу грибы и ягоды, что редко получает весточку от родных, а единственную посылку и вовсе получил в июле, что ему худо, очень худо, что многие из сельчан на лесоповале уже умерли.

Слово «посылка» он употребил в письме раз десять. Он просит у жены, у дочек прислать посылку, все, что могут, а именно сальце, лук, чеснок, крупу, перец, крепкий табак. Иначе он не выживет. Он просит, умоляет и близких, знакомых, односельчан по Волге, называет их поименно, ну, войдите в положение, посочувствуйте, сообразите какую-нибудь посылочку и пишите почаще.

Человек в отчаянии, он предчувствует свою гибель и о мытарствах жены и дочек в Алтайской деревне и представления не имеет. Какие там шмалец, крупа, чеснок, лук, перец и крепкий табак?!

Отец в трудармии умоляет прислать посылку хоть с какими харчами, а дочки-малолетки христарадничают по дворам, ежедневно выслушивая оскорбительные слова: «фашистки», «немки», «будьте прокляты»!

Идет война, и конца-краю ей не видно.

Много о том написано.

И я написал о том немало.

Я конкретно знаю о том, чем обернулся державный Указ от 28 августа 1941 года, что́ означала депортация и каковы ее последствия.

Я в который раз перечитываю сейчас последнее письмо моего Фрица-онкеля, вспоминая судьбу его семьи, судьбы других моих дядьев и двоюродных братьев и физически чувствую всю непомерную тяжесть трагедии и скорби моего народа. А мне то и дело задают совершенно дурацкие вопросы и бередят мою истерзанную душу.

С поблекшей фотографии более семидесятилетней давности спокойно и взыскующе смотрит на меня мой дядя Фриц. И я не знаю, что́ ему сказать.

20.08.11

* * *

Очень многие сожалеют по поводу того, что Чингизу Айтматову так и не дали Нобелевскую премию в области литературы. И я считаю это несправедливым. И вдруг узнаю, что лауреатом Нобелевской премии он все же был. Только не Альфреда Нобеля, а Людвига Нобеля.

(В скобке замечу: каких только премий не имел Чингиз Айтматов! Он мне с легкой усмешкой рассказывал, что германские зоотехники тоже наградили какой-то премией. Наградили его премией и какого-то немецкого путешественника 18-го века. Экзотических премий у Ч.Т. должно быть уйма).

Шведский подданный Эммануил Нобель был приглашен российским правительством в Санкт-Петербург. В России Эммануил Нобель построил завод и стал производить станки и военную технику. Он был удачливый предприниматель и промышленник. Со временем разбогател.

У Эммануила Нобеля было трое сыновей – Людвиг, Роберт и Альфред. Тоже весьма успешные, деловые, талантливые люди. И первую в мире нобелевскую премию учредил Людвиг Нобель еще в 1888 году в России (Кстати, у Людвига было 10 детей. Сам он владел пятью языками). С 1905 года эта премия в России возобновилась и присуждают ее каждые пять лет. Девиз премии – за Честь, Достоинство и Созидательное служение России.

Так вот лауреатами премии Людвига Нобеля стали Ч.Айтматов, Е.Евтушенко, С.Калица, А.Чилингаров, А.Леонов, В.Терешкова, М.Ростропович, Е.Образцова, В.Дикуль, Л.Рошаль, М.Тайманов, В.Третьяк, С. Говорухин, И.Антонова, И.Спасский.

О том я узнал из «ЛГ» (№ 30/11) и обрадовался за Чингиза Торекуловича.

Но по-прежнему жалею, что премии Альфреда Нобеля он так и не удостоился.

* * *

Скорей всего, когда Адам и Еву Бог изгнал из рая, они друг друга утешали: «Ничего. Завтра будет лучше, чем сегодня». (Интересно, на каком наречии они общались?)

Когда я появился на свет, Усатый вождь тоже выражался в таком духе: дескать, социализм в основном построен, и завтра жизнь станет лучше и веселее.

И вот я прожил на белом свете 77 лет. И мне и сегодня ежедневно говорят: завтра будет лучше, чем сегодня.

Апырай, до каких пор все будет лучше и лучше? Ведь сколько тысяч дней прошло только на моем веку! И если с каждым днем жизнь становится все лучше и лучше, то мы, наверное, уже стоим у райских ворот. Или, может, мы снова удалились от исходного места и завтра уже будет хуже, чем вчера?

* * *

Литератор он многостаночный: прозаик, поэт, эссеист, мемуарист, критик. Обладает сочным, образным, весьма своеобразным, несколько витиеватым, с сатирическими едкими шпильками, въедливым языком. Начитан. Отменно знает и современную казахскую литературу, и классическую русскую. При необходимости ссылается и на мировую литературу. Перо его независимое и строптивое. На все имеет свой взгляд и с некоторым вызовом, заранее приняв боксерскую стойку, говорит и пишет о том, **что** видит и **как** видит. В беседе – по настроении – он спокоен, рассудителен и покладист.

А творчество – особенно в эссеистике и критике – взъерошенное и ощетинистое, будто он постоянно отбивается от стаи недоброжелателей-оппонентов. И слог его неуживчив, с подковырками. И сам он с людьми-коллегами плохо сходится.

Такой уж характер.

Сам о себе он говорит: «Я родился без углов да острым!»

И еще: «Но я есть – я!»

Сложный человек. Путаный. Порою – темный.

Охомутать его невозможно.

Как и его творчество, которое строгими рамками не очертишь и ни на какую колодку не натянешь, на привычный шампур не нанижешь.

Иногда он пытается выразить себя по-русски. Но мне это кажется неубедительным.

А вот по казахской части он дока. В казахский языковой стихии чувствует себя, как рыба в воде.

Он ни на кого не похож. Разве что отдаленно на Аскара Сулейменова раннего периода. Одинокий неук-саяк, который отбился от табуна и сам по себе бродит на просторах вольной степи. Он вроде что-то потерял, что-то настойчиво ищет, но что – сам не ведает. Скорей всего, ищет самого себя. Ничто его не устраивает, все его раздражает. Нет душевного созвучия. Потому часто цитирует Пушкина:

О люди! Всё похожи вы
На прародительницу Еву,
Что вам дано, то не влечет;
Все непрестанно Змий зовет
К себе, к таинственному древу;
Запретный плод вам подавай,
А без того вам рай не рай.

Душевную опору утешение он ищет у пророка Мухаммеда и хакима Абая. Ищет, но не всегда, кажется, находит.

Первым на него и на его творчество обратил внимание чуткий и прозорливый Абиш Кекилбаев, написав теплое напутствие-предисловие к его повести «Құс жолы». Он дал ему точную творческую характеристику – «Законный наследник Каратауской школы». Из аулов Каратауского отрога вышли талантливая плеяда литераторов, сыгравших заметную роль в развитии казахских литературных традиций. К ней относятся выдающиеся представители казахской словесности Такен Алимжанов, Толеген Токбергенов, Аскар Сулейменов, Караулбек Кази, Аманхан Алим. Их отличает исключительно богатый поэтический язык, психологизм, изящное эстетство, изначальная строптивость, непокорность, нетерпимость к невежеству, примитивизму, подчеркнутое национальное самосознание, приверженность к истокам культуры, заповеданной предками.

Все эти достохвальные качества свойственны и тому литератору, о котором здесь говорю.

Я, лично знакомый с ним и с его произведениями, не однажды назвал его в ряду явно недостаточно оцененных казахских писателей.

Знаю, что и Когабай Сарсекеев в своей газете «Казах» уделил его поэзии две полосы.

И все же печатается он мало.

В чем дело?

По-моему, в том, что он в общении с коллегами (особенно занимающими в литературной иерархии высокое положение) излишне крут, резок, прямолинеен, никому не дает спуску, беспощаден в выявлении их творческих изъянов, режет правду-матку, порой нетерпим, заносчив, легко срывает маски, конфликтен, настроен максималистски, выражается ядовито, едко, хлестко, сатирически, словом, больно уж неудобен.

И еще неизвестно почему он прослыл диссидентом, оппозиционером, критиканствующим, разоблачителем основ, ниспровергателем авторитетов, даже скрытым врагом системы. А коли так, от него шарахаются, как от прокаженного.

Чушь все это. Выдумки.

Но дар такой в нем есть – определять, как лакмусовая бумажка, кто есть кто и кто на что горазд. Тут его язвительные шпильки срабатывают против него же.

Я отношусь к нему понимающе. С симпатией. Но откровенно не нравится мне, что при его «колючести» он упорно, настойчиво, даже назойливо домогается внимания, тормошит именитых и маститых. Он напрашивается на аудиенцию со всеми, пытается им что-то сказать, внушить, навязать свою «правду». Он очень живописно описал свои «походы» по разным литературным инстанциям.

Только зачем это ему надо? Ведь главная заповедь самобытного литератора: «Не ходи. Не кланяйся. Не проси». А тут его максималистские принципы плохо (или совсем не) сочетается с поведенческой манерой. В результате он потерял (растерял) всё и всех и остался совершенно одиноким в творчестве, в быту – один на один со своей печалью и болью, тоской и неприкаянностью.

Увы, среди наших доморощенных «жазушылар» есть немало таких, кто промышляет довольно успешно попрошайничеством, мелкой торговлей, лестью и одописанием, шастанием по коридору власти, лизанием пяток власть предержащих. Таковых особенно развилось в годы независимости.

Что тут скажешь? Печальный случай. Ему в этой бесславной когорте явно не место.

Я бы очень не хотел, чтобы он сломался, чтобы он задушил свой дар, впал в уныние, в творческую депрессию.

Ему нужно работать, творить, решительно выбраться на литературно-критическую, эссеистскую стезю. И не уповать на благодетелей, а надеяться исключительно на себя. И придет время, когда его захотят печатать все казахстанские журналы.

Мне его читать интересно.

А родился он в 1953 году в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области.

С 1996 года – инвалид второй группы.

Издал несколько книг.

Ныне проживает в Астане. В одиночестве и бедности.

Зовут его – Игилик Аймен.

Псевдоним – Иген.

* * *

Основательно прочитал в двух № ҚӘ объемную статью Жанузака Аязбекова «Бальзак неге жылады?» Давно (пожалуй, со времен Аскара Сулейменова) ничего подобного не читал. Статья подкупает великолепной эрудицией, знанием творчества Бальзака и тех, кто о нем писал, широким кругозором по части отечественной беллетристики, верными оценками доморощенных корифеев (в кавычках и без), остротой анализа и разоблачением трусости, приспособленчества, подхалимства, бесхребетности, лизоблюдства наших литераторов, точными сопоставлениями и очевидными параллелями. Знающий человек! По-граждански мужественно мыслящий, четко расставляющий все акценты, все точки над і. Читал и чувствовал, как у меня сердце дрожит. Надо, давно надо было открыто и беспощадно сказать правду о казахской литературе последних двадцати лет. И надо было, чтобы это сказал казах, а не немец (или другой инородец). Общество этого периода изуродовало литературу. Да и сами литераторы не оказались на высоте.

Смелый и умный человек – костанаец Жанузак Аязбеков. Как я рад, что еще есть такие люди в Казахстане – образованные и нелицеприятные. Как он все деликатно и прицельно сплел («қиыннан қыистырды»)! Надо всерьез поднять планку критического анализа.

Конечно, критика наша бедна. Но и прибедняться совсем уж нельзя. На память приходят широко известные имена: А.Кеңшілік, Б.Сарбалаев, А.Кемельбаева, Сом-Журеков, И.Айкен (Иген), С.Кирабаев, Т.Какишев... пожалуй, десяток наберется.

* * *

Когда говорят об инновации, я вспоминаю один забавный случай. Группа художников «Война» нарисовала внушительный муж-

ской детородный орган на Линейном мосту. И – представьте! – получила госпремию «Инновация».

Вот такой эпатаж!

И я подумал: может, еще одна группа дерзких художников намалюют вагину зрелой бабы и отхватят еще одну премию?

Таковы гримасы инновации!..

* * *

Чувство соразмерности и трезвой самооценки совсем покинуло людей. В президенты Киргизии претендует 83 человека, а кое-кто упорно десятилетиями домогается нобелевской премии.

Апырай, что тут скажешь? Көтке қарау деген жок!

* * *

Подумалось сегодня о том, что у казахов очень много поэтов, хороших и разных, и я наверняка без труда назову добрую сотню, о которых имею вполне приличное представление. Но вершинами казахской поэзии назову шестерых: Абай, Султанмахмуд, Магжан, Ильяс, Касым, Мукагали.

Прозаиков у казахов меньше. Могу назвать несколько десятков, чье творчество мне более-менее знакомо. Но выделяю тоже шестерку: Аймаутов, Ауэзов, Т.Алимкулов, Кекилбаев, Магауин, Т.Нурмаганбетов.

Есть еще немалый отряд русскоязычных и их я неплохо знаю. Но выделю тоже шестерку: Ануар, Олжас, Сатимжан, Канапьянов, Накипов, Жаксылыков. Из русских казахстанцев ограничусь, пожалуй, И. Шухов и И.Щеголихиным.

Из доморощенных евреев назову М.Симашко, Ю.Герта и Р.Тамарину.

Разумеется, не все со мной согласятся. Внесут свою корректировку. Спорить не стану. Но мой круг представления именно таков. В свою хрестоматию казахстанской литературы я включил бы именно их.

* * *

Все чаще задумываюсь об участи казахстанской национальной элиты. Она явно обособилась, отстранилась от народа. Выпала из реального Времени. Болтыхается в пустом пространстве без руля и без ветрил. Прозябает в своей замкнутой среде, достигнув своей низменной меркантильной цели, набив свое бездонное рогожное брюхо вожделенным благом. В результате получился явный крен. То есть, уродливые крокодиловые аппетиты уготовили им тревожное бытование (попробуй все время думать о награбленных миллионах или даже миллиардах) и неминуемый крах (о чем свидетельствует трагофарс засидевшихся у власти правителей).

Крах от чего? От непомерной народной любви и почитания?

Как бы не так!

Крах от того, к чему эти несчастные людишки стремились. Герман Гессе в «Степном волке» уточняет: «Властолюбец погибает от власти, сребролюбец – от денег, раб – от рабства, искатель наслаждений – от наслаждений».

Перебираю по памяти всех бесславных азаматов, которые угнездились в верхушках власти и богатства за годы независимости. Вижу их конец. Казахи исстари определяют его: «аяғы дүниенің ырың-жырың». И убеждаюсь в справедливости диагноза Степного волка Германа Гессе.

А ведь наша доморощенная элита, жертва потребительской стихии, и сама это прекрасно понимает. Но она раб своих вожделений и от этого рабства спасения нет.

Неужели так будет всегда?

* * *

Я всю жизнь, сколько себя помню, инстинктивно и сознательно стремился к независимости Духа, к Гармонии душевного состояния. Меня всегда угнетал, даже раздражал принцип: «Так надо!», «Так положено!». Мне сызмальства нравилось идти против течения, не в ногу со всеми. Все стадийное было мне поперек горла.

При этом не буйствовал, не буянил, не анархиствовал, не разрушал. Если и бесился, то «про себя». Был лоялен и, скорее, умерен во всем. Но желание быть по возможности независимым преобладало. Видно, это и предопределило мою профессию. Служить, быть у кого-то в подчинении, следовать неукоснительно неким канонам, раз и навсегда заведенным порядкам мне было в тягость. Потому-то, имея семью и абсолютно дырявый карман, я рано ушел на вольные хлеба, обрел свою посильную независимость в свободных литературных занятиях. К возможной самостоятельности меня тянуло со школьных и студенческих времен. Я задыхался в рамках обязательных программ. А в любой устав мне хотелось включить изменения.

Не скажу, что это был легкий путь. Обстоятельства на разных этапах жизни диктовали свою волю. И противостоять им далеко не всегда удавалось.

Теперь мне 77. Красивая цифра. Почтенный возраст. И. чувствую, я почти достиг вершин собственной независимости.

Это и есть моя личная свобода, к которой стремился долгие годы.

А что есть свобода?

Одиночество!

Одиночество Духа и есть выражение подлинной независимости.

И такая независимость в конечном счете ведет к забвению, к гибели. К уходу. К бунинскому «освобождению».

Таков извечный круг развития Личности.

* * *

Я знаю: Такойтович (Паленшеев) совсем не против меня, но это не значит, что он «за». Я ведь тоже ни «за», ни «против» него. Абсолютно равнодушен.

Ну, а Какойтович (Тугеншеев) меня откровенно не жалует и делает тихие пакости. Ну, и ладно. Я от этого пока не умер. Наоборот, своей толерантностью я его убиваю.

А еще есть Никакойтович. Говорят, что он велик. Ничего не имею против. Правда, для меня он рядовой Мыркымбай. И для него я, понятно, не испанский король. Ну, и хорошо! «Ты махнула мне рукою, я махнул тебе ногой».

* * *

Звонит журналистка. Голос молодой, звонкий, русский.

– Вас беспокоит «Хабар». Мы приглашаем вас на...

– Дальше можете не говорить, – обрываю я ее.

– Почему?

– А потому, что с «Хабаром» дела иметь не желаю.

– Почему?

– Потому, что при слове «Хабар» я немею и ощетиниваюсь.

– Почему?

– Потому, что у меня на это слово аллергия.

Барышня молчит, на миг задумалась, говорит:

– Ну, может быть, вы и правы...

«Умница», – думаю я про себя и добавляю вслух:

– История рассудит.

И, облегченно вздохнув, кладу трубку.

В самом деле у меня откровенная неприязнь к таким словам, как «Хабар», «Нур-Отан», «Сенат», «Нехорошев» и др. Ничего не поделаешь. Душа их не приемлет. Допускаю, что и при фамилии «Бельгер» кому-то становится дурно. Но это меня больше радует, нежели огорчает.

* * *

Звонят, хватают за глотку: подпиши письмо Президенту об изъятии из Конституции статуса официального с русского языка.

Не подпишу. Принципиально и сознательно.

– Как?! Ты же радетель казахского языка! Ты же говоришь и пишешь по-казахски!

Верно. И говорю. И пишу. И радетель. И любое письмо (хоть самому Богу!) в защиту казахского языка охотно подпишу.

Ну, а русский язык, русская культура в чем виноваты? Разве все казахские беды от них?

Ну, взяли и лишили конституционно русский язык официального статуса. И что? Русскому языку будет хуже? Казахскому языку станет легче?

Радуйся, что овладел русским. И стыдись, что не владеешь родным.

И главное: что это даст? Половина казахов враз онемеет. И Президент многонациональной страны должен такую ересь подписать? Ну, подпишет, и все в одночасье заговорят по-казахски? Увы!

Я однозначно «за» казахский язык, но это вовсе не значит, что я должен быть «против» русского. В этом вопросе я поддерживаю принцип «и-и», а не «или-или».

И не стоит ставить Президента в неловкое положение.

* * *

Александр Ильич («Ильич Третий» в нашем кругу), бывший крупный партийно-советский работник, 92 года, монологизирует, сидя на скамейке по алее Чокана:

– Слушай, что мы строим? Капитализм? Чтобы построить капитализм в Казахстане, нужно еще полтора-два поколения. Ведь ничего своего нет. Все завозное. Ничего не производим – стыд и срам! Читаешь «Каз. правду» – одно бахвальство, хвастовство из номера в номер. Для кого это? Кто это читает? Дисциплины никакой. Тихий застой. Кому мешали праздники Первомая и 7-го ноября? Их надо было оставить. Чтобы народ собирался на демонстрацию, почувствовал какую-то общность, единство, общение. А теперь что? Все разбрелись, сидят по домам. Никакого коллективного духа. Никакого энтузиазма. Начальство тихо отдыхает. Ему ведь так удобнее. Конечно, мобилизовать народ не просто. Работать надо! А работать не хотят. Ну, и что в результате? Ложь. Обман. Хвастовство. Дурость. Обещания. А еще говорят: прогресс, развитие, успех, достижения. Херня всё!

Монолог старца длится долго. Я его не перебиваю. Он глух на оба уха. Надо надрывать глотку, чтобы он что-то услышал. Пото-

му сижу тихо, слушаю молча. А «Ильич-Третий» говорит-говорит, вслух вспоминает всю свою долгую службу...

* * *

Иногда по ТВ показывают заседание нашего правительства или парламента.

Ох, зря показывают это убогое зрелище!

Если бы эти пиджаки и галстуки не произносили обрыдлые речи – еще куда ни шло. Но поскольку они еще и изрекают какие-то банальные словеса – туши свет.

Я читал где-то, что умные люди в Англии, собравшись на подобные заседания, случается, просто молчат полчаса.

Вот бы и наши благодетели, усевшись за круглыми или четырехугольными столами, молчали бы часок-другой, каждый сосредоточенно думая о чести и совести, может быть было бы больше толку. Молчащих я бы еще как-то терпел, а от говорящих мне становится дурно.

* * *

Очень много ныне издается откровенной макулатуры. Великолепный дизайн, прекрасная бумага, кричащая твердая обложка, а то и супер, шикарные цветные фотографии, а внутри – пустота, дурновкусие, гниль, китч.

Беда еще в том, что многие эту бросовую халтуру принимают за литературу. За «Auch-Literatur».

Вот горе-то!

«Мы потеряли вкус к трудным книгам», – пишет философ-культуролог Григорий Померанц (не путать с моим соседом, артистом Юрием Померанцевым).

* * *

Он не чурался шалостей Купидона, кичился тем, что он гуляка-серi, а потом состарился, поизносился, облез, стал никому не

нужным, заброшенным, запущенным и умер в беспросветном одиночестве.

«Ай, бишара, бишара!» – вздыхали женщины, с которыми он некогда был «здрясти-здрясти».

* * *

Одно время прямо-таки достали меня своими опусами-изделиями мои соотечественники-немцы, эмигрировавшими в Германию. От невостребованности на исторической родине все вдруг задались «писателями».

Я читал, читал эту унылую продукцию, иногда даже рецензией откликался, а потом, в дурную минуту, разразился заметкой «Беда вселенская», в которой высказался примерно так: «Пишите сколько угодно, даже печатайтесь в свое удовольствие, если финансы позволяют, но я-то причем, зачем меня мучить, к чему мне вам мое мнение?!» Заметка вышла в нашей «Дойче Алльгемайне Цайтунг», потом ее перепечатали в Германии, и с тех пор серый поток из Дойчланд схлынул.

Ну, а казахский самодеятельный поток инерцию и поныне не сбавил. Сто́ит мне выйти за угол дома и очутиться на аллее Чокана, как доброжелательные казахи щедро одаривают меня своими литературными изделиями: «Прочтите, пожалуйста!», «Полистайте на досуге!», «При случае черкните пару слов», «Поблагословите!», «Может, в Союзе писателей порекомендуете?».

Я в смятении. Нет, это не литература. Это промышленные отходы. Я читаю, читаю. Иногда высказываюсь. Теряю время, зрение, убывающие силы. Боюсь выйти из дому. Боюсь звонков. Стука в дверь. Иные приносят домой не отдельные издания, а собрания сочинений. И есть угроза остаться мне когда-нибудь под книжными завалами-обвалами. И я уже кричу: «Sos!».

* * *

138 казахских азаматов направили письмо Президенту, в котором просят (даже требуют) лишения русского языка статуса офи-

циального, т.е. внести изменение в Конституцию страны и одновременно лишить государственной поддержки ряда русских газет («Каз. правду», «Мегаполис», «Время», «Караван» и др.).

Подписали письмо именитые люди. Большинство из них знаю и уважаю.

Вопрос: кому будет плохо, если бы, допустим, Назарбаев подписал такую ересь?

Ответ: и русским (в малой степени), и казахам (наиболее ощутимо).

Более чем странная логика письма меня насторожило. Думаю, оно плод воспаленного отчаяния, крик души. Письмо я не подписал при всём моем казахском патриотизме, хотя ко мне обратились трижды. Один особенно наседал: «Как это?! Нурпеисов подписал, Тулегенова подписала, Асанали подписал, даже Перуашев подмахнул, а вы от благого дела отлыниваете?!» «Не подпишу!» «Почему?» «А потому что глупость, которая не лезет ни в какие ворота».

Сказать здесь хочу, однако, не о том. По этому поводу я высказался в «Свободе слова», «Времени», «Мегаполисе», «Интернете», еще где-то. Сколько можно, как попугай долдонить одно и то же?

Обратил я внимание на то, что после каждой фамилии шлейфом тянутся регалии: лауреат... бывший депутат... заслуженный работник... деятель... народный артист... народный кахарман... член... председатель... вице... главный... дважды прославленный... трижды именитый... знатный... кавалер орденов... доктор наук... профессор... академик...

Ойбой, обделаться впору!

Если собрать фамилии – получится узелок.

Если сложить все регалии – получится мешок.

Ну и что? Регалиями хотите испугать Президента?

Да у него их тоже мешок. Смешно!

К тому же у него есть логика и здравомыслие.

И еще – Конституция.

Словом, содержание письма – глупо. А форма – несуразна.

Ну, а боль и тревогу понимаю и разделяю. И, находясь пока в реальном мире, считаю, что надо не коллективные письма строчить, а государственный язык учить.

08.09.11

* * *

Все хотят легко жить и легко умереть. Ну, а у Творца свое мнение на этот счет. Он, как я замечаю, не сторонник ни легкой жизни, ни легкой смерти.

* * *

Уже дней десять утром в 8-м часу, откуда ни возьмись, деловито залетает в наш двор сорока-белобока и, перепархивая с ветки на ветку и настороженно озираясь по сторонам, начинает стрекотать.

Я ведь переводчик. Начинаю толмачить ее стрекот на человеческий язык. «Люди, люди! Тр-тр-ррр! Новый день начался, день-день-день. Все о'кей, о'кей, о'кей! Все стабильно! Никаких угроз вокруг нет, нет, нет. Но ждите пакость. Она где-то рядом-рядом. Ждите, ждите, ждите. Будьте бдительны! Трр-прр-фрр!..»

И, прострекотав свой утренний намаз, сорока упархивает прочь. И я приступаю к своим привычным делам.

* * *

Понятно, что ныне я в политике абсолютный ноль, от слов моих ни холодно, ни жарко, но по старой привычке прислушиваюсь, принюхиваюсь, приглядываюсь к тому, что происходит вокруг и примерно прикидываю политрасклад в высшем эшелоне власти, соображаю по тем сведениям и источникам, которые доходят до нас, грешных, в ломком, зыбком свете, кто с кем, кто куда и зачем, кто что плетет, кто кому роет ямы и искусно или неуклюже расставляет сети-ловушки.

Взгляд, так сказать, со стороны.

Что и говорить, мерещатся интриги отменные (о, по этой части мы располагаем мастерами высокого пилотажа: глубину их

хитрости и коварства никаким арканом не измеришь), диковинные игры в бисер и кумалаки расцвели затейливые, у всех славных азаматов во власти уши на макушке, все грациозно владеют искусством восточного единоборства, никому палец в рот не клади, все обросли такими кланами и обзавелись такой сворой, что никого и пальцем тронуть не смей. Одного сковырнешь, другого невзначай заденешь – останешься под обломками-завалом всей системы, замешанной на низменных страстях и вожделениях.

Рыцарь печального образа во всех этих хищных компашках – сам Президент, Лидер нации. Тузы вокруг него – его порождение, и теперь ни одного из них тронуть не посмеет. Близок локоть, да не укусишь. У каждого из них за пазухой заблаговременно заготовленная бомба. А то и несколько бомб. Погладишь против шерсти – взорвет. Такая детонация пойдет – чертям тошно. И все разлетится в щепки. Все пойдет прахом, коту под хвост. Так что держи ухо востро и не рыпайся. Не то, такую бузу затеют, мало не покажется. Вся реформа – незначительные перестановки зарвавшихся тузов. И то с их милостивого согласия.

Апырай, а! Но ведь вечно длиться не может. Кто-то не выдержит, дрогнет, пустит бомбу в ход. Налево рванешь – арба сломается. Направо потянешь – бык околеет. Позади – ров, впереди – тупик.

Патовая ситуация.

О, Алла-ай! Енді қайттық?!

* * *

У нас ведь как? Все время что-то есть, а чего-то нет. «Бір кем дүние», – как говорит Шерхан.

Лидер нации... Лидер есть, нации нет.

Народ и земля... Народ есть, земли нет.

Казах и судьба... Казахи еще есть, но судьба их в руках кулагиных-терещенко, машкевичей-миталлов, никимов.

Нефть и труба... На них сидит китаец.

Так что осталось у казахстанцев? Голая независимость

* * *

Сижу на скамейке у подножья памятника Чокану и предаюсь невеселым раздумьям. На устах у всех ныне очередное письмо 138-ми в защиту казахского языка с выпадом против русского. От отчаяния радетели государственного языка допускают глупости на грани фола. Пишут в наивысшие инстанции коллективные письма. Обвиняют во всех грехах русский язык и русскую печать. Пытаются довольно бесцеремонно лишить русский язык официального статуса. Замахиваются на Конституцию страны. Требуют, чтобы Президент хрястнул кулаком об стол и рыкнул: «Все! Куатит! С завтрашнего утра, чтобы все говорили исключительно казакша. И никаких!»

Меня кое-кто упрекает в том, что я не подписал этого письма. Мои доводы никого не убеждают.

Боль и тревогу нацпатов понять и разделять можно. Форму протеста – никак.

Отчего мятутся народы?

Много обид накопилось.

И моя мальчишеская обида вот уже семь десятилетий не проходит. Я ведь знаю, что мои предки с 1764 года связав свою судьбу с Россией, служили ей верой и правдой, поднимали и развивали ее экономику, армию, хозяйство, науку, культуру. А чем кончилось? Черной неблагодарностью. Россия-мать в одночасье обернулась злой мачехой, отторгла, отвергла, выслала своих детей, подвергла их травле, гонениям, унижениям, национальному краху. Я ведь по рождению россиянин. Но семилетним меня из России вышибли. И приютил меня Казахстан.

Вышибли с треском, голым пустили в Африку, так сказать. И никто за это не в ответе.

И горячие немецкие головушки иногда требуют, чтобы российская власть за то злодеяние покаялась и просила у уцелевших и выживших всем чертям назло российских немцев прощение. Кто должен покаяться? Путин, что ли? Или Медведев? Их тогда и в

проекте не было. Смешно! А покаялись бы – мне легче будет? Как бы не так!

Будучи в многочисленных Домах творчества писателей еще в Советское время, я выслушивал длинные и заунывные жалобы своих коллег – мордвин (мокша и эрзя), удмуртов, марийцев, коми, чукчей, якутов и многих других: мол, катастрофически теряем родной язык, культуру, национальный менталитет. Беда! Дети и внуки уже бельмеса по своему не понимают, записываются русскими, говорят исключительно по-русски, национальных школ уже не осталось. О литературе и говорить нечего.

Знакомый казах-журналист на днях вот на этой же скамейке обрушил на меня три коржуна своих горестей. «Ну, в самом деле, как нам быть? Мы в тупике! Отступать дальше некуда. Половина казахского населения по-казахски не говорит. Верхушка во власти ни бэ, ни мэ. Мы независимое государство, в котором общаются на чужом языке. Не срам разве? Наши же русскоязычные братья сеют смуту и раздор. Русские газеты то и дело позволяют себе оскорбительные выпады. Казахский язык пинают и топчут кому ни лень. Даже в казахских школах дети говорят в основном по-русски. Аташки и апашки калякают со своими внуками на тарабарщине. «Моя твоя не понимай». Пройдет еще 20-30 лет и мы превратимся в тех же удмуртов, мордву, коми, марийцев, пермяков, чукчей, нгасаранов. Вот и почудилось горстке казахов, что виновата 7-ая статья Конституции. Померещилось: лишим русский язык статуса официального и все поневоле заговорят по-казахски. Всякие масимовы-кулебаевы за три месяца выучат государственный язык ради сохранения теплого местечка. Ну, конечно, Назарбаев на это не пойдет. Да и русские и казахи поднимут такой вселенский ор, что не только родной язык, мать родную забудешь. А что еще делать? Как быть? Поджать хвост, забиться в угол и вопить: «Ойбай, ойбай?!»

Так изливал свою душу знакомый журналист, давно бьющий в колокола тревоги.

Ей-ей, ума не приложу, что́ ему ответить.

Понятно, надо на корню пресечь всякие глумления над иноязычным. Русскоязычные газеты и Интернет нередко позволяют себе такой пакостный юмор («Магжан Пятницабаев»!). И он, естественно, вызывает ответную реакцию на шовинистическую провокацию.

И еще должны быть в языковых и национальных вопросах толерантность, деликатность, справедливость.

Мои казахские друзья возмущаются: мы здесь, в Казахстане, открываем национальные школы, центры, издаем газеты, создаем издательства, а в России проживает 1,5 миллиона казахов, а казахских школ, газет, издательств нет. Как это? В царской Думе сколько восседало казахов? А ныне? Хотя одного можете назвать? Русского невзначай заденешь – сразу же ор на всю степь. А казаха можно запросто обзывать и «Пятницабаевым» и бараном, и ханом Котэном, и националистом.

Что есть, то есть. Для русского и немец зачастую «немчура», «немец-перец, колбаса», «фриц», «ганс», «недобиток», «фашист», и татарин – «татарва», «шурум-бурум», и кавказцы – «князь», и еврей – «жид», и северный житель – «чукча».

Увы, этот стереотип весьма живуч и не всегда безобиден.

Так что, казахских нацпатов надо попытаться понять, а не осуждать.

Существует расхожее мнение: пока численность казахов в стране не достигнет 95 процентов, государственный язык в полную силу не войдет. Мысль утешительная, но не реальная.

а) к тому времени более-менее владеющие ныне родным языком от него заметно удалятся;

б) а те, кто на нем малость кумекают, будут его знать на примитивном уровне;

в) численность казахов в стране, боюсь, до 95% никогда не дойдет, ибо неминуемый китайский поток демографию размоет, разжижет.

Отсюда непреложный вывод: радетели казахского языка (а я и себя к ним убежденно отношу) вправе надеяться только на внутренние силы, на самосохранение, на намыс – честь и достоинство, на повседневное терпеливое и методическое сбережение себя. Видимо, это и есть искомая национальная идея. Спасут свою вековую святыню только сами казахи. И никто иной.

Для этого нужна самая малость: самодостаточность и востребованность.

А выстоять в исторических дрязгах удалось пока, кажется, только евреям.

Пойдут ли казахи по их стопам – покажет время.

Теперь по поводу национальных школ. Увы, они тоже не панацея от всех бед. Конечно, их должно быть много. Конечно, они должны быть перспективными и конкурентоспособными. Конечно, они должны быть подлинно национальными, а не показушными, как это ныне чаще всего происходит.

В России все еще проживает несколько сот этнических немцев. Но они все разбросаны по долинам и по взгорьям. Государственности нет. Распущенную в 1941 году автономную республику на Волге (где я родился), так и не восстановили. Кадров нет. Немецкая национальная школа в таком случае – нонсенс. Даже если, допустим, такая школа функционировала бы, кто в ней а) будет учиться; б) кто преподавать, в) где его выпускники будут востребованы?

Ответа нет.

Откроем, допустим, казахскую школу в Российской Федерации, и возникнут почти те же вопросы.

Прикинешь все – и задумаешься.

Вспоминаются слова мудрого Мориса Симашко – покойного еврейского собрата. Он говорил: «В Алматы проживает 20 тысяч евреев. Но ни одной еврейской школы нет. А откроют – никто туда учиться не пойдет. Но коли не открыли – будем о том время от времени шуметь».

Значит, что?

Значит, считаться нужно с конкретной реальностью.

Значит, от того, что русский язык лишат, скажем, статуса официального и уберут его из Конституции ровным счетом ничего не изменится.

Русский язык обрел такую силу, набрал такую инерцию, что в ближайшее столетие ему ничего страшного не грозит. Он будет востребован повсюду, понемногу уступая место английскому.

И это видно невооруженным глазом.

Значит...

Значит, стой насмерть, цепляйся до последнего за родной государственный, опирайся крепко на русский и посильно уповай на английский.

Другого пути просто нет.

И не возбуждайся напрасно сам и не мути без толку воду.

Себе же во вред.

* * *

У памятника Чокану старичье затеяло жаркий спор. Зачинщик спора – полуглухой 92-летний ветеран, бывший крупный партийный и советский работник, ясноголовый упрямец Александр Ильич, по прозвищу «Ильич-Третий». Он по-свойски дергает за рукав 82-летнего профессора, доктора наук, зоотехника Карпеке.

– Слушай, ты же умный человек. Скажи, только честно, что́ дает знание казахского языка? И зачем он вообще нужен? Что, если все заговорят по-казахски, жить люди лучше будут? Что это даст экономике, политике? Согласись, это же бред? Только общество будоражат.

– Ой, енеңді ұрайын... Этот көккөз опять заладил свою песню, – досадливо бормочет Карпеке и громко кричит собеседнику в ухо. – Ну, как же?! Страна казахов. Имеют же казахи право говорить на родном языке, сохранить свой язык. Чтобы молодежь свой материнский язык не потеряла.

– Да, – начинает заводиться ветеран. – Но ты объясни мне, что это конкретно дает? Хлеба больше будет? Мяса больше будет? В стране проживает 130 национальностей и что́, им русского мало?

– Уй, енеңді ұрайын... Мынаның қанына тартуын қарашы!.. – И опять кричит в ухо ветерану-глухарю. – Вот Бунаков 60 лет живет в Казахстане, а выучить 60 казахских слов не удостоился. Это как?

– Ну, надобности не было, значит. Русский язык оказался всех сильнее, он всех победил. Это происходит всюду, так зачем сопротивляться?! Мяса больше будет? Хлеба? Строить лучше будут?

– Неправильно рассуждаете, – еле сдерживаясь, говорит профессор. – Язык – не только мясо, молоко, хлеб. Язык – это душа народа. Без языка какой народ?!

– Не понимаю, – удрученно качает головой ветеран партии. – Какое значение имеет то, что не дает конкретных материальных благ? Ну, скажем, заговорил Бунаков по-казахски, что изменится?

– Во-первых, уважение к земле, к народу, а во-вторых, способствует сохранению языка.

– Не понимаю... Н-не понимаю, – голос старика дрожит, руки дрожат. – С тобой ясно! Ты меня не убедил. Хоть и профессор, а зачем нужен казахский язык – не объяснил.

Профессор от возмущения встает, опирается на суковатый посох. Он только что перенес операцию на глаза и старается не нервничать. Но языковой вопрос и мертвого возбуждает.

– Уй, енеңді ұрайын... Шаршатты ғой. Не наш это разговор! – кричит упрямцу в ухо.

– Ну, и не спорь тогда! Я же понять хочу. Вопрос теоретический, сложный. Понимаешь? Ну, будем все говорить по-казахски – что изменится?!

– Все это – наследие Советского Союза, – бросает мимоходом, удаляясь от спора, геолог.

Встрял в беседу самый сдержанный и молодой среди нас заслуженный дипломат, 75-летний Куат.

– Вы где живете?

– Как где?

– Живете где?

– Ну здесь, в Алма-Ате.

– А какая это страна?

– А-а?

– Страна какая, спрашиваю?

– Ну, Казахстан.

– Так что это значит?

– Ну, это... стан казахов.

– О чем тогда спор? У казахов разве нет своего языка?

– Ну, я никак не могу сообразить, что знание казахского языка дает?

– Тьфу! Мынау бір пәле шал болды! Вредина!

– Иә, бәлелі көтке бармағыңды тыкпа деген. Не сунь палец во вредную задницу.

Я-то понимаю: Александр Ильич – не злодей и никакой не вредина. Он просто русский человек и рассуждает обо всем с этой колокольни. Он всю жизнь честно служил в административно-командной системе, был секретарем обкома, крайкома, директором завода, заместителем министра, он привык к совсем другим понятиям, словам и ценностям. И характер упрямый, въедливый.

– Слушай, – дергает он теперь меня за рукав. – Что первично: экономика или политика?

– Культура, – говорю.

– Что-о-о?!

– Культура! Но не в смысле песни, пляски, мероприятия, шоу, а в самом широком толковании. Если культуры нет, то политика, экономика – пшик!

– Где это сказано? – вспыхивает Ильич-Третий. – У Маркса нет, у Ленина нет.

– Ну и что? Тоже мне нашли авторитеты! – раздражаюсь теперь я.

– А кто авторитет?

– Древние греки!

– Так у них ныне не культура, а дефолт!

Молчу. Спорить, конечно, можно б было, но надрываться больное сердце не позволяет.

Старик не унимается.

– А на втором месте по-вашему?

– Мне все равно – политика или экономика. Предпочтение отдаю экономике.

– А не политика всему голова? Она же дает направление, не так ли?

– Нет! Культура людей объединяет, политика разъединяет, стравливает.

– Ой, ли?!

– Да! Можно сказать и так: политика – срамная девка, проститутка. Культура – добрая, верная, любящая жена.

– А экономика?

– Рачительная, умная хозяйка.

Старый издатель, 85-летний Абеке, прислушивается к разговору, но молчит. Время от времени мудро произносит:

– Е-е-е... Не дейді?!

Он совсем глухой, даже при надрывном крике многое не слышит, потому предпочитает молчать. Знает: может ляпнуть что-то совсем невпопад.

– Ал, жігіттер. Мен кеттім. У меня намаз.

– Какой намаз?

– Послеполуденный.

Абеке у нас милый чудак. Когда-то работал инспектором ЦК КП К, потом – директором крупного издательства, директором Книжной палаты. Крупный знаток казахского языка, блистательный переводчик с русского, книгочей, очень тактичный, деликатный, порядочный, на склоне лет отпустил бороденку, усы, сделался благочестивым, благонравным мусульманином, почти святым. Соблюдает уразу. Но намаз из-за возраста и хворей читает не пятикратно, а двукратно: перед восходом солнца и после полудня. Искренне полагает, что Всевышний принимает его молитвы. Будто так договорились.

Как-то неожиданно выяснилось, что смышленый внук писателя-языкознатца по-казахски ни бум-бум. Дед с внуком общаются

исключительно на русском. Так получилось. Абеке это обстоятельство конфузит и в языковые споры поэтому не встревает. И сегодня он отделался многозначительно-двусмысленным, привычным: е-е-е... деген!».

Я долго, надрывая глотку и сердце, толкую упрямцу-старику про духовность, про культуру, про силу таланта, про значимость для народа родного языка. Ильич-Третий не сдается.

– Сложный вопрос! Сложный! Никто ответить мне не смог. Я понимаю: первична либо экономика, либо политика. А ты тут про культуру толкуешь. Культура – это тогда, когда политика поставлена и экономика решена.

– Без культуры ничего решаться не может. Есть культура строительства, культура руководства, культура земледелия, культура быта, культура людских отношений, культура врачевания, культура секса, наконец. У нас, в Казахстане, с этим швах.

– А религия – тоже культура? – с подковыркой спрашивает Ильич-Третий.

– Конечно, древнейшая!

– Гереке, бекерге шаршамаңыз, – говорит мой ровесник, профессор-экономист Султеке. – Не старайтесь напрасно. Лучше походим немного. Какой толк? Старик закусил удила.

Дипломат, геолог и животновод пошли побыстрее вперед, дабы избавиться от назойливого старца, а Александр Ильич довольно резво встал, зачикилял за мной и опять ухватился за мой рукав.

– Так ты мне внятно так и не ответил.

– На что не ответил?

Сердце мое колотилось. Упрямый старец меня достал.

– Считаешь, казахский язык нужен?

– Оставьте, пожалуйста! Не дразните гусей. Я о том долдоню уже 70 лет.

– Ну, хорошо. Ты вырос в ауле. Выучил язык с детства. И что это тебе дало?

– Хватит! Прошу вас! У меня уже сердце болит.

– Ах, сердце болит – тогда не спорь!

– А я не спорю, просто высказываю свое мнение. Дурак, что вообще ввязался в этот глупый разговор...

Чикиляем вдоль аллеи, постукивая бадиками.

– Да-а... Очень сложный вопрос. Никто мне так и не объяснил, что́ важнее. А казахским языком многие казахи не владеют.

– Это так, к сожалению. Но когда национальная гордость возьмет верх и идея овладеет массами, тогда казахский язык станет востребованным по всей стране.

– И когда это будет? Когда рак на горе свистнет? – язвит Ильич-Третий.

– Будет! Евреи даже мертвый свой язык оживили. А у казахов язык живой, богатый и сочный.

– Но что он дает?! – упирается старец-оппонент.

Молчу. Собеседники наши отдалились, ушли вперед, подальше от упрямца-старика.

Из Института металлургии выходит академик Боос и приветливо здоровается со всеми по-казахски. Боос – крупный человек. И в прямом смысле, по габаритам, и по научным заслугам. Ему нынче 80, но он действующий, мобильный академик-физик. Выслан был в десятилетнем возрасте из Крыма в Кызыл-ординскую область и в каком-то кишлаке окончил два класса казахской школы. Своими казахскими познаниями явно щеголяет.

– Поговорите с ним, – говорю Ильичу-Третьему. – Он академик. Все вам в миг растолкует.

– О чем спор? – весело спрашивает Боос.

– Да вот, не может решить, – начинает возбужденно Ильич. – Во-первых, для чего нужен казахский язык? А во-вторых, что́ первично: политика, экономика или культура?

– Ой, енеңді ұрайын? Шаршатты мынау шал? – раздражается Карпеке. – Кетейікші. Уйдем подальше. Уши вянут.

Я оставляю соплеменника-академика с упрямцем Ильичом и присоединяюсь к своим компаньонам по прогулке. Доносится вразумительный голос академика.

– Казахский язык нужен, чтобы главным образом казахи оставались казахами, как русские – русскими, а немцы – немцами.

– Ну, дальше! – настаивает упрямый кержак.

Мы уже отошли всей компанией на несколько шагов, и дальнейший ответ Бооса не слышан.

Минут через десять Александр Ильич догоняет нас и ловит меня за рукав.

– Слушай кто он такой?

– Я же сказал: академик.

– Да, но по какой части?

– Физик.

– О! Тогда это серьезно. Не политолог-болтун, значит. Он хитро так ответил: первичной, мол, должна быть культура, но у нас первенствует политика. Так и сказал.

– Он прав.

– Ну, как же так?! – опять вскидывается Ильич-Третий. – Ведь всему голова политика! А культура – что? Культура – нечто прикладное.

– Это для неандертальцев, – говорю в сердцах. – Ладно. Надоело.

– Ну, надо же! Спорили, спорили, а ни к чему не пришли, – всерьез удручен старик.

– Уй, енеңді ұрайын... – бормочет Карпеке и удаляется решительно вперед.

Остальные тоже расходятся – кто налево, кто направо.

Самый старый из нас все еще не угомонился.

– И все же я считаю, что казахский язык практически ничего не дает. Так, с боку припека. А первична все же политика. Она все определяет.

У меня сердце болит и давление скачет. Кажется, и сахар поднялся. Мне эти тары-бары противопоказаны.

Ильич-Третий, наконец, сворачивает направо.

– Ну поспорили маленько и ладно, – как бы про себя подытаживает старик. – Тоже полезно. До завтра!

22.09.11

* * *

Был такой плодовитый переводчик Семен Липкин. То, что он свершил в переводах, поражает. Представьте! Он перевел на русский язык капитальный киргизский эпос «Манас»; кабардинский эпос «Нарты»; индийский – «Махабхарата»; бурятский – «Гэсер»; татарский – «Идегей». Каково?! И еще «Шахнаме» Фирдоуси (для этого специально выучил фарси), поэмы Джами, Навои, Калидасы, калмыцкий эпос «Джангар», шумерское сказание о Гильгамеше.

Представили? Уму непостижимо!

Кроме того, он сам писал стихи. Проявлял принципиальность и мужество в своих деяниях. Первый собственный поэтический сборник он издал лишь в возрасте 56 лет. Почти полвека писал в стол. Вот пример для подражания.

* * *

Весь мир ныне сидит за компьютером. От пятилетнего мальца до девяностолетнего старца. И то, что я лично не в ладу с компьютером, говорит только о моей безнадежной отсталости и дремучего невежества. Спорить по этому поводу было бы глупо. Я и не спорю.

Однако...

С тех пор, как компьютер стал реальностью, уверяю вас, в издательствах пошли совершенно безграмотные корректоры и редакторы. Иные книги превратились ныне в набор фантастических ляпов. Редакторы и корректоры перестали вникать в текст, воспринимают слова исключительно через компьютер, механически тычат пальчиками туда-сюда, набирают на одной странице «Джангурусов», «Жансуругин», «Сугуржанов», «Джансугуров», «Джан-Сугураев», «Джан-Гурусаев», «Джан-Гура» и Бог весть еще как, когда речь идет о казахском классике Джансугурове. И я, автор рукописи, трижды вычитываю текст и терпеливо исправляю эти нелепости. Потом в типографии нагромождают их еще больше. В результате ляпов бродят по страницам книг столько, сколько, простите вшей в аульном тулупе военной поры.

Казалось бы, разве сложно набирать короткое имя «Абай»? Нет, умудряются делить-переносить «А-бай», «Аб-ай», «Аба-и», «Аа-иб», а то и вовсе набрать какие-то фантастические знаки. Недавно я с душевным содроганием вычитывал свой текст, где было изуродовано каждое слово. Каждое! Я, конечно, все выправил, но барышня-компьютерщица, вычитывала мои исправления так виртуозно, что Абай превращался то в Айни, то в Айбека, то в Аарона и даже в Айшу.

Я был в отчаянии. Ну, и какой толк, если за умным компьютером сидит абсолютно глухая, бестолковая, пардон, дуреха, которая не отличает, как говорится в казахской поговорке, обыкновенную палку от буквы «алиф». Она тычет пальчиком на клавиши, даже глазеет в монитор, а на уме у ней секс или что-то в этом роде. Беда!

Умный компьютер не панацея от глупости и невежества. Не потому ли издаются ныне книги, где на каждой странице ворох «очепяток»?

А что происходит в школе? Директор день-деньской сиднем сидит в своем кабинете, намертво уткнувшись в монитор компьютера. Она учащихся не видит, не всех завучей помнит в лицо. Она вся погрузилась в компьютер, часами лицезреет некую цифирь, сообщения, выкладки, доклады, донесения, циркуляры райОНО, горОНО, облОНО, Института усовершенствования учителей, разных ненужных чиновников ненужных учреждений, она как Ельцин, «работает с документами» в поте лица двигает педагогическую мысль. Живая жизнь проходит где-то мимо. Она и в коридор лишний раз не выйдет. Да пусть все горит синим пламенем, но отходить от компьютера для нее смерти подобно.

То же и с завучами. Их, кстати, в школе развелось косой десяток. Они тоже сидят, как пригвожденные, у компьютера. Что-то все высчитывают: сколько пятерок, четверок, троек, двоек по неделям, по кварталам, каков средний балл по сравнению с предыдущими годами, процент успеваемости, уровень посещаемости, показатель активности и т.д., но учащихся не видит, на уроках не бывают, что происходит вне учительской, не знают, на компьютере клином

сошелся весь белый свет. Между завучами, учителями и учащимися минимум контактов. Компьютер завладел сознанием полностью. Поработил педагогику. Он – злой властелин, подавивший всякую волю и инициативу.

Нечто подобное творится и в медицине. Увы, убедился на собственной шкуре. Да и собратья по хворям подтверждают. Врачи почти не контактируют с больными. Знакомый профессор, пролежавший десять дней в стационаре, только однажды увидел лечащего врача. Им занимались исключительно сестры. Врачи тоже день-деньской просиживают за компьютером и перебирают данные мыслимых и немыслимых анализов. Больной лежит в палате сам по себе, предоставленный хлопотуньям-сестрам, терпеливо сдает анализы, мечется по кабинетам, иногда на своих двоих, иногда на коляске, совершенно не представляя, что к чему. После восьми-десяти дней больничной лежки больного уже выписывают, а он все продолжает сдавать анализы по второму и третьему кругу по разным системам и методам. Конечно, эти данные имеют значения, вероятно, они способствуют правильному выбору лечения, однако у врача до живого больного руки не доходят. Он его воспринимает через компьютер и данных анализа. Он не может оторваться от монитора, он разными доступными ему способами подгоняет его под некий стандарт, совершенно не учитывая индивидуальность живого пациента. А ему хотелось бы с лечащим врачом побеседовать, поделиться своими тревогами, услышать советы, сочувствие. Ан нет, врачу пациент не интересен, он всецело во власти компьютера, от которого оторваться ему невмоготу. Сидя за компьютером, врач на больного и не взглядывает. Он всего-навсего тень, зыбко отраженная в мониторе. А вот сестры – те бегают, суетятся, шныряют, едва успевая со множеством процедур, на них валятся все шишки, они отдуваются за всех и за все.

Еще недавно бывали обходы врачей, и больной чувствовал себя в орбите внимания. Ныне он объект, которого воспринимают опосредованно, через компьютер.

И это прогресс?

Что и говорить, компьютер – это здорово. Но живого человека эта бездушная железка не заменит. Видно, компьютер – всего-навсего лишь инструмент в руках разумной личности. И только.

Вот такому выводу я и пришел, оглянувшись вокруг.

* * *

Считается, что в каждом государстве наравне с политическим лидером должен быть и лидер духовный. С политическим лидером у нас, в Казахстане, на сегодняшний день все ясно, очевидно и бесспорно.

А кто же у нас духовный лидер?

Господин Бум-Бум! По-казахски Тарс-Тұрс, Салдыр-гүлдір, Сатыр-сүтір, Сарт-сұрт мырза. По крайней мере, сам-то он видит себя убежденно духовным саруаром страны. Он возомнил себя пламенным комиссаром национал-патриотического направления и радетелем казахского Духа. И уже десятки лет мельтешит тамсям, размахивает руками, надувается, изрыгает жирные словеса, жмется к сапогам крупных личностей, гремит-громыхает, как пустая бочка, корчит из себя выдающегося деятеля, имея за плечами шесть классов захудалой аульной школы.

Это ужасный нонсенс. Уродство. Он сам не понимает, что тянет казахов в средневековье и своим неистовством вредит всему казахскому – языку, вере, ментальности, истории, культуре.

Господин Бум-Бум – выразитель и символ дремучего невежества. Он то и дело всплывает на гребне разных политических движений, пускает пыль в глаза, но ничего не доводит до конца, направляя весь свой дурной пар в свисток. По казахской поговорке, он пасет-погоняет пяток поносливых козочек, а свистит-кричит на всю степь.

Таков господин Бум-Бум. Далеко ли пойдет страна с таким духовным лидером? Амуниция его с гулькин нос, а амбиция – груз для дромадера.

Ой, Алла-ай!..

10.10.11

* * *

В любом суде незыблемым остаются два параграфа:

§ 1: «Бедняк всегда неправ».

§ 2: «Богач всегда прав».

Таковы судебные основы с древнейших времен.

* * *

По выщербленной серой дороге от улицы Кабанбая батыра до памятника Чокану Валиханову я ежедневно хожу-брожу вот уже в течение 35 лет. За эти годы многослойный асфальт весь искрошился, растрескался, весь в сплошных выбоинах, рытвинах, ямках, ухабах, будто по нему прошла танковая колонна. Ныне еще умудрились некие тати сковырнуть замшелые бордюры, обезобразив обочины дороги. Время от времени дорогу вроде как ремонтируют, там-сям снимают верхний слой для отвода глаз, накладывают малые и большие заплаты, засыпают битумом, по мере возможности, тяп-ляп утюживают катком. И смотреть на такую дорогу тошно, и ходишь – спотыкаешься.

Стыд и позорище!

Наверняка в каких-то городских отчетах доложили: проложили новый асфальт. А денежки – фьюить! – осели в чей-то карман.

Вот бреду я, постукивая костылем, по этой истерзанной, адовой дороге к задумчивому Чокану, а перед глазами стоят испещренные редактурой только что вышедшие из печати книги одного корифея отечественной литературы. Есть у него такая давняя страсть – вносить судорожные коррективы в свои изданные-переизданные тексты. Любит он вымаривать отдельные словечки, фразы, предложения и даже целые абзацы, накладывать заплаты на заплату, выявлять некие огрехи, заполнять очевидные рытвины словесной жижей, утрамбовывать редакторским катком. Его дело. Хозяин – барин. Когда терзают таким образом рукопись, кто бы спорил. Совершенству ведь нет предела. Ну, а если заплатами покрывают стародавний текст, до того изданный десятки раз, то это явно сма-

хивает на некую причуду. На видимость работы. Вот и померещилось мне нечто общее между заплатанной городской дорогой и испещренным книжным текстом корифея.

Но разве речь о прозе патриарха?

Дорога, ведущая к Чокану, напоминает мне и политику нашей страны.

Все у нас так. И в этом-то вся загвоздка.

Вся наша дорога в ухабах, рытвинах, выбоинах, промоинах, яминах, трещинах, траншеях, крошеве. Ее надо бы очистить до основания, до грунта, снять все стародавние, в тяжкой коросте слои, застлать заново, а не накладывать время от времени грубые и уродливые заплаты-рубища.

Бреду по дороге к Чокану и с тоской и стыдобушкой смотрю на черные, четырехугольные заплаты на разбитом сером асфальте, на траншеи по краям, из которых выковырнули для чьей-то надобности прежние бордюры.

Ай, что-то не так, ребята! На одних показушных заплатах далеко ли ускачешь?

* * *

Казахи еще когда предупреждали:

«Будучи бедным, былым богатством не хвались;

Будучи дряхлым, былым ухарством не кичись».

* * *

«Человека можно и так повернуть, и так...»

Фраза из «Одного дня Ивана Денисовича».

Верно: повернуть можно и так, и этак...

Но толку-то? Суть ведь остается.

Если человек, скажем, родом из города Вездесранска (по выражению великой насмешницы Фаины Раневской), то этого – увы! – никак не скроешь. Ни костюмом от Диора, ни троном Белой или Голубой Орды.

Мой давний знакомый, махаллинский политолог Шаке – большой мастак перетасовывать высших представителей нашей власти. Уже десятки лет он перетасовывает их, как замусоленную колоду карт. Правда, его предсказания и предположения сбываются очень редко, но в уме своем он передвигает политические пешки упоенно и неутомимо.

– Слышал? Слышал? Нет? Так вот слушай! В ближайшее время грядут большие перемены.

– Опять?!

– Да, да! Маскара! М. отправят Акимом в какую-нибудь область. К.М. передвинут, скорее всего, послом в Китай. А. посадят на место М. Сам понимаешь, больше некого. Мэром назначат Каки. На место Каки посадят, надо полагать, Саки. Да, да! Маскара! Значит, два высоких поста останутся вакантными. Вот и пораскинь мозгами: на кого падет выбор. На размышление даю три дня.

– Ладно...

Честно говоря, мне это до лампочки. Такие «рипормы» меня не колышут. Никого из этих азаматов оценивать не берусь. Не моя прерогатива. Но почему-то мне они все кажутся серыми пташками. Хоть куда их ставь, хоть кем назначь. А коли так, зачем мне мозги напрягать? Как ехали на раздрызганной арбе, так и дальше будем скрипеть немазаными колесами.

Soso-lala, – говорят немцы.

* * *

Казахстан экономически и духовно процветает не по дням, а по часам. Успехи прямо-таки грандиозные. Достаточно послушать «Хабар», «Каз. правду», «Нур-Отан».

Но вот вопрос: почему 28,5% опрошенных в 16 городах страны говорят об отъезде? Чемоданные настроения (см. «Экспресс К» от 25.X.11) присутствуют у каждого шестого казаха, каждого второго русского и у половины представителей других этносов, населяющих Казахстан?

И куда хотят уезжать? В Россию, в Западную Европу, в США, в Германию.

В чем дело? Почему бегут из казахстанского рая: Кто ответит?

Я лично и в дурном сне этого не представляю. Для меня вне Казахстана нет никакой жизни. Я только здесь чувствую себя востребованным. Возможно, я стар? Как-никак оседлал две семерки. А молодые думают иначе?

* * *

В перманентных языковых диспутах и митингах дело дошло до того, что одна часть казахов забрасывает другую часть тухлыми яйцами, а последние первых – какашками-говняшками. И таким образом хотят достичь национального единства и развития духовного самосознания?!

Смешно и горько!

Позор и стыдобушка!

Срам на весь мир!

Неужели горе-нацпаты не в состоянии уразуметь, что подобные побоища приведут к гибели, к самоуничтожению нации?!

Вот маскара-то, маскара!

Столько первостепенных проблем вокруг, а они эти агрессивные хунвейбины, зациклились на вопросах, далеких от реальности. Родной язык нуждается в защите? Несомненно! Вот ты его защищай, учи и пропагандируй. А не ищи врагов и оправдания своей бестолковости.

Честно говоря, аляуляй о языке, длящийся более 20 лет, абсолютно не корректен: за такое время не воздух сотрясать надо, а просто-напросто выучить язык.

Я «за» казахский язык, говорю и пишу на нем, и всю жизнь свою любовь конкретно доказываю, и никак не хочу, чтобы казахи, разделившись на два стана, друг в друга пуляли тухлыми яйцами и говняшками-какашками. Ой, Алла-ай, разве у казахов мало других бед?

Ну, хорошо: довольно жонглировать терминами, заниматься казуистикой, уберем «официальный» из Конституции, и что: – это спасет язык?

Как бы не так!

Пустое это, джигиты, пустое.

Утверждать себя не ором, не митингами и тухлыми яйцами.

* * *

Нет, это уже не смешно. Ей Богу!

Сидят человек двенадцать из высшего эшелона правителей за длинным овальным столом в ослепительном зале и обсуждают ход и метод борьбы с коррупцией в стране. Все серьезны, решительны, на лицах сосредоточенность и озабоченность, уткнулись в бумаги радетели народа и признанные борцы за справедливость.

Все знают друг о друге всю подноготную: кто сколько сумел в смутное время прихватизировать, какую сумму держит на закордонных счетах, с кем водит шахер-махер и дела-делишки, у кого в какой стране заведена недвижимость, у кого что припасено на черный день, кто сколько сумел надежно припрятать и записать на имя родственников, кто сколькими владеет домами, виллами, коттеджами, землей, объектами, банками, изданиями, кто какими миллионами или миллиардами втихаря ворочает, в какой степени у каждого рыльца в пушку, кто кого крышует, у кого какой бизнес, кто какими токалками себя ублажает, кто каких балашек завел на стороне.

Все-все им доподлинно известно. Да и народ каждого насквозь видит. Разве в наше время что-нибудь утаишь?

Однако высокие господа из высокой комиссии строго обсуждают коррупцию в государстве. А позорных фактов выявлено немало. В списке отъявленных взяточников некий директор средней школы, заведующая детским садом, главный врач районной больницы, начальник автопарка, директор гостиницы, управляющий аптекой, сотрудник из департамента культуры, ловкач из банка, жулик из

цирка, прохиндей из зоопарка, воришка из треста, сводница из микрорайона, гаишник, бухгалтер, замакима и прочие славные азаматы-патриоты.

Ату их, ату!

Идет беспощадная борьба с коррупционерами.

И пусть страна это знает!

Ну, не смешно разве? Смешно до слез.

Кто кому вешает лапшу на уши?

Эх, фарисеи!

* * *

В последние годы ее рассказы-новеллки все чаще стали появляться в казахской периодике. Они привлекли мое внимание своей лапидарностью, житейским колоритом, естественностью, доверительностью, бесхитростной повествовательной тональностью и живым, образным казахским слогом.

Современная казахская семья, сложные родственные отношения, поучительные истории из жизни, многотрудные коллизии между мужчиной и женщиной, бытовые конфликты, душевные терзания в поисках личного счастья, молодежные типажи и проблемы, осколки бытия – таков примерный круг тем, волнующий зрелого и опытного, но молодого по творческому стажу автора.

Мне нравится, что Айгуль нащупала свою стезю и уверенно идет по своей литературной тропинке. Она знает жизнь во всех ее проявлениях и рассказывает о ней умело, с подкупающей простотой.

Это и есть, полагаю, ее литературная судьба. В том и залог ее удач.

Она нашла свой жанр. И хочу, чтобы она поверила в себя.

Не стану пересказывать и анализировать ее сюжеты. Читатель сам убедится в их привлекательности и достоинствах.

Я знаю десяток талантливых писателей, журналистов и ученых с таким звучным именем – Айгуль.

В данном случае речь идет об Айгуль Асылбековой-Нукербаевой. Надеюсь ее тропинка не заглохнет в большой казахской литературе.

* * *

Некий отечественный спонсор-благодетель (конечно, казах. От немца или русского такой прыти не дождешься!) помог мне в издании моей книги «Қазақ дәптері» («Өлке», 2011), а потом еще выделил крупную сумму на разные мои нужды. Этих денег с лихвой хватило на издание еще двух моих рукописей. Как раз в этот момент одна журналистка меня спросила:

– Пословица гласит: разбогатеет узбек – он строит себе дом; разбогатеет казах – он берет еще одну жену. А, разбогатев, что делает немец?

– Он издает свои книги, – ответил я.

Со мной получилось именно так.

* * *

Дмитрий Федорович Снегин как-то рассказывал мне: несчастный, преследуемый Ахмет Байтурсынов, сидя в очереди к какому-то начальнику, сказал молодому Снегину: «Не дай вам бог, молодой человек, оказаться в роли просителя».

В этой фразе вся трагедия личности.

* * *

Как определить – политик настоящий или так себе? Очень просто. Если врет напропалую и по-крупному – значит, настоящий политик.

* * *

«Сегодня – ничего», – записал в дневнике какой-то Людовик (Четырнадцатый или Шестнадцатый). А между тем, это было 14 июля, когда в Париже взяли Бастилию.

* * *

Я как-то сказал А.Нурпеисову (02.05.2000): «Чаще всего перечитываю «Смерть Ивана Ильича» Л.Толстого. Он же по его признанию, – «Степь» Чехова. «Ты обязательно перечитай», – горячо посоветовал он.

* * *

И.А.Бунин: «...все-таки всякая сосна своему бору шумит».

Верно!

А где мой бор? Германия, родина предков? Россия, где я родился? Казахстан, где я вырос и пригодился?

Одно ясно: у каждой сосны должен быть свой бор.

* * *

«Нам лучше безмолвствовать красноречиво», – заметил Карамзин об Александре I.

С годами я понимаю: лучше всего безмолвствовать красноречиво. И, может, я зря плету свою «Чепуху»?

Со многими ныне нужно (или предпочтительно) держаться осторожно, чтобы не замарать полы чапана.

* * *

Солженицын сказал: «Я страдаю от того, что наше нынешнее государство основано на воровском фундаменте и воровской идеологии».

Он, видите ли, страдал, а я не страдаю, что ли? Или я живу в каких-то иных условиях? Как бы не так, Александр Исаевич!

* * *

В.В.Розанов («Опавшие листья», «Уединенное», «Мимолетное», «Последние страницы») определил жанр своих заметок как «исповедь обнаженной души обывателя».

В сущности мои «Плетения чепухи» в том же клочке – исповедь взбаламученной души гражданина.

* * *

Ференц Лист – великий венгерский композитор и пианист. Большую часть жизни он прожил во Франции и Германии и практически не говорил по-венгерски. Но образ Родины вдохновил его на создание знаменитых «Венгерских рапсодий».

К чему я это? А к тому, что национальную суть, душу можно сохранить и будучи отлученным от родного языка.

* * *

Вот типично абишевский набор: «Конъюнктура планетарной геополитической ситуации и система экономических отношений...»

Ближе к концу доклада возникает сугубо саруарская лексика: «Мы должны еще пристальнее всматриваться как в свое прошлое, так и в будущее, и **еще туже затянуть пояса перед лицом новых испытаний и вызовов»**.

«Мы здесь для того, чтобы подтвердить свою верность поколениям ушедшему и грядущему словами священной присяги: **«Курс наш тверд. Мы идем вперед и только вперед»**.

Вот насчет затягивания поясов курса и движения вперед – это саруар.

И призыв к покаянию всем народам в канун 10-летия Независимости – тоже саруар.

А высокопарные пассажи, духовные лексические вплески – другого автора. Доклад состряпан из лоскутков.

* * *

Слушаю пустозвонные выступления на всяких съездах-форумах-конференциях, бесконечные словеса и треп, аляуляй и халяуляй, от которых вянут уши, и прихожу в ужас: до чего же все подешевело, обесценилось. И вспомнились слова Ивана Бунина: «Слова за последнее время стали очень дешевы. И хорошие, и дурные слова произносятся теперь с удивительной легкостью и лживостью».

Это когда еще было сказано! Что о нашем-то времени говорить?

* * *

Звонит журналист.

– Можно у Вас взять интервью?

– Хм-м... На тему?

– На тему Независимости.

– Нет!

– По-че-му?

– Милый, я ведь не знаю, что это такое. О зависимости я могу кое-что сказать, ибо завишу:

– от власти, от домоуправления, от пенсии; от водо-газо-электро снабжения;

– от издательства, от редактора, от министерства печати;

– от жены, от погоды, от разных болезней и возраста;

– от мусорщика, лифтерши, дворника;

– от почты, от кассира, от аптеки;

– от транспорта, магазина, базара;

– от дурных снов, слабого аппетита, от настроения;

– а с недавних пор я еще и инсулинозависимый.

Так о какой независимости мы поведем речь?

– Ясно. Извините, пожалуйста.

* * *

В «Известиях-Казахстан» (29.11.11.) на первой полосе в левом углу крупный заголовок: «Президент уверен в победе «Нур Отана».

Подумалось: я совсем не президент, но в победе «Нур Отана» ничуть не сомневаюсь. Кто же еще?

* * *

В писателе, помимо творчества, всегда восхищает его общественная деятельность. В очерке «Антон Чехов» К.Чуковский пишет: «Когда он (Чехов – Г.Б.) умер, после него осталось не только двадцать томов всемирно прославленной прозы, но четыре деревенские школы, да шоссейная дорога на Лопасню, да библиотека

для целого города, да памятник Петру, да колокольня, да постоянный на пустоши лес, да два замечательных сада».

Перебираю в памяти казахских писателей – мертвых и живых, – кто может похвастаться подобными деяниями?

Правда, кажется, кто-то в ауле мечеть построил да книги в библиотеку сплавил...

* * *

Канун 20-летия Независимости. У всех на устах одна тема: Президента его верные сардары выдвигают на Кахармана, на Золотую Звезду и на «Отан». Одни по этому поводу ликуют, другие вроде как неловкость испытывают. Журналисты обращаются ко мне: прокомментируйте.

Комментирую: а что, собственно, происходит? Сколько славных азаматов Президент наградил и тем, и другим, и третьим?! Он что, хуже? Или за двадцать лет правления государством он этих званий не заслужил? И что в конце концов, он должен всем давать, а ему – ничего?

То-то же! Какой тут может быть дау-дамай?

Другой вопрос: нужно ли ему это? Если нужно – пожалуйста. Как говорится, базара нет.

Извините за нахальство, но и я, полагаю, кое-что заслуживаю. Ну, скажем, медальку «Ерен еңбегі үшін», или орденок «Құрмет», или «Дружба» второй степени.

Опять-таки другой вопрос: нужно ли мне это?

Не нужно! Уже... Так что и тут базара никакого.

Ясно?

Ну, и ладненько. Тема исчерпана.

* * *

Ничего не поделаешь: возрастное – то и дело возникают непрошенные мысли. И тогда утешает Эпикур: «Пока есть я – смерти нет. Когда придет смерть – не будет меня».

* * *

Информация к размышлению:

В годы Второй мировой войны в Белоруссии погиб каждый четвертый.

Из российских немцев-трудармейцев погиб каждый третий. В трудармии было загублено 400 тысяч российских немцев, практически столько, сколько было выслано из Республики немцев Поволжья.

Между тем через Белоруссию колесо войны прокатилось дважды, а трудармейцы находились в тысячи километрах от фронта.

Комментарии нужны?

* * *

Странно: у нас путают понятия – «Ғасыр ғұламасы» и «ауыл ғұламасы». В каждом ауле вполне может быть свой «ғұлама». Но «Ғасыр ғұламасы» не бывает даже в каждой стране.

* * *

Собрались пигмеи и выбрали из своей среды одного корифея. Обхохочешься!

* * *

Иртышбаев заявил: «Второго Назарбаева не будет!» Абсолютная правда! Второго Иртышбаева тоже не будет. Как, впрочем, и второго Бельгера и третьего Мырқымбая.

* * *

«Не знаю, что с этим делать!»

Это всклик известного критика Льва Александровича Аннинского. Кстати, я с ним знаком. Не однажды с ним встречался. Беседовал. И по ТВ выступали вместе. Переписывались. И еще: мы ровесники.

Фразу эту воспроизвел в своей статье также известный писатель и общественный деятель Альберт Лиханов (ЛГ, № 46-47 за 2011 год)

О чем речь?

Лев Аннинский с 10-летнего возраста ежедневно пишет дневники, т.е. старательно фиксирует свое личное и общественное бытие во времени и пространстве. И, как выясняется из статьи А.Лиханова, недавно издал их в 18 (!) томах, каждый в 500-600-700-800 страниц. Получалось более 10 тысяч страниц. А каков тираж? 33 экземпляра! Да, да. Тридцать три.

В своей статье об этом гигантском труде Альберт Лиханов употребляет такие ключевые выражения: «зафиксированная данность», «атмосфера времени», «дух семьи», «фон текста», «непреходящая боль», «ежедневный самоанализ», «срез времени», «керновые пробы».

Слова эти выражают суть дневниковых записей.

И, передавая эти громоздкие тома А.Лиханову, Лев Александрович и произнес эту сокрушительную фразу: «Не знаю, что с этим делать!»

Почему меня это взволновало?

Дело в том, что и я со второго класса веду дневники. В последние 50 лет – регулярно, ежедневно. И накопилось этих объемистых тетрадей-ежедневников, думаю, не менее двадцати пяти. И отражают они не только житие некоего Бельгера, а воздух времени, дух эпохи. И, следовательно, смею думать, имеют некую значимость.

Мафусаилов век, понятно, мне не уготовлен. И куда девать эти тетради потом? Сдать в Президентский архив, куда я сдаю с некоторых пор многое кое-что? Или в рукописный отдел Центральной библиотеки? Или кто-то их выкинет просто на свалку?

Вот и тревожит меня вопрос, как и Аннинского: «Не знаю, что с этим делать?»

Аннинский сподобился издать свои дневники тиражом в 33 экземпляра. Значит, можно определить их в какие-то архивы, со-

циологические центры, в ведущие библиотеки. Я же, по всему, не только в 33 экземплярах, но и в трех не издам.

И вопрос: «Что же с этим делать?» я задаю не кому-либо, а только самому себе. Как всклик озабоченной души.

* * *

Честно: если казахский язык унижен, то в этом прежде всего виноваты сами казахи. Надо иметь смелость сознаться в этом. Ни русский язык, ни русские люди не являются врагами казахского языка. Для некоторых крикунов казахский язык лишь козырь ради политической карьеры. Вот они им и размахивают, распаляя себя и других. Эти квази-радетели материнского языка зачастую и являются его подлинными врагами.

* * *

Испытываю белую зависть к своим казахским коллегам, которые смело и открыто рассуждают на темы: жузы, религия, ислам, шежире, тенгрианство и прочее. По причине инородства я себе это позволить не могу. Сразу последует удар из-за угла. Эй, дескать, куда лезешь? Тебя кто просил? Не суй нос не в свое дело! Без тебя разберемся!

И – помалкиваешь. Сказано: не в свои сани не садись.

Есть такое понятие: политкорректность.

* * *

Совет Макиавелли: «Чтобы укрепить свою власть, необходимо строить новые города и разрушать старые».

* * *

Читаю в газете «Central Asia Monitor» (№ 52/2011) содержательную беседу двух моих давних знакомцев-коллег Калихана Искакова и Адольфа Арцишевского.

«Калихан Искаков – ныне здравствующий классик казахской литературы», – с первой же строки заявляет Адольф.

Не возражаю. Знаю Калихана с 1963 года. Прекрасный стилист, художник; читать его всегда интересно; великолепный переводчик (перевел на казахский язык Бунина, Л.Толстого, Тургенева, Чехова, Куприна), признанный драматург. Человек высокого искусства.

Но... Что «но»? Не слишком ли много классиков в казахстанской литературе? Из ныне покойных, бесспорно, наберется десятка два. Живых классиков тоже, кажется, дюжина. Вспомним: Нурпеисов, например, классик, корифей и патриарх. Магауин, конечно же, первый среди первых, давно уже великий классик. Кекилбаев, Жумадилов – тоже классики. Классиком всерьез объявил себя Дукенбай Досжан. Сабит Досанов, я слышал, тоже классик. Есть еще классики, которых мне и упомянуть неловко.

Ничего против не имею. Чем больше классиков, тем – по логике – сильнее литература. Однако из беседы двух славных мужей вытекает непреложный вывод: «Настоящей современной прозы у нас нет».

Хм-м... что же получается? Классиков – живых и мертвых – пруд пруди, а настоящей казахской прозы нет?

Грустно. Очень!

Калихан суров и резок, но по гамбургскому счету, пожалуй, во многом прав.

Он сетует:

– молодежь не знает ни языка, ни своей национальной истории, ни уклада жизни;

– много подражательства: одни подражают Хемингуэю; вторые – японской литературе; третьи – латиноамериканской. «Все хотят быть американцами, японцами, колумбийцами – казахами быть не хотят».

– «современные литературные опыты и у нас, и в России смахивают на дешевые поделки для эстрады».

– то, что делает Дукенбай Досжан, это не литература. Есть молоко, есть обрат молока. Этим сказано все.

– Магауин скатился к вторичности. За его научный труд спасибо, но он не художник.

– Оралхана Бокеева погубила склонность к публицистике.

Калихану виднее. Спорить не стану.

Однако, его отношение к публицистике не полностью разделяю. Публицистика ведь тоже разная бывает. Есть сиюминутная, однодневная, газетно-журнальная, далекая от истинной прозы. И есть полнокровная, философски-масштабная, художественная, не привязанная к политической конъюнктуре.

Вспомните публицистику Монтеня, Л.Толстого, Ф.Достоевского, братьев Маннов, Стефана Цвейга, Германа Гесса, М.Горького, Л.Леонова, А.Солженицына, Кендзабуро Оэ и многих других. Она и поныне не потеряла своей актуальности и привлекательности. Все дело в качестве, в таланте, в мировидении и мироощущении.

Мне по душе строгий, критический пафос Калихана по отношению к современной казахской прозе. Мне, инородцу, не пристало высказываться столь категорично.

И все же, признаюсь, печально: столько классиков, а прозы-то, оказывается, и нет.

Ай, ай, жалко!

* * *

Одно из счастливых моих обретений – девятитомник И.А.Бунина с памятным предисловием А.Т.Твардовского, изданный в 1965-67 гг. Девять зачитанных заветных томов стоят у меня на парадной полке в застекленном шкафу. Знаю я с того времени книги, статьи, комментарии самого глубокого знатока Бунина – Олега Николаевича Михайлова. Изучению творчества Бунина он посвятил 55 (пятьдесят пять!) лет. Вот так надо обращаться с выдающимся наследием, а не срабатывать монографии и диссертации методом тяп-ляп, как это происходи у нас зачастую.

* * *

Нехлюдов, герой романа «Воскресенье» Льва Толстого, ошарашенный безобразиями вокруг, задается вопросом: «Я ли сумасшедший, что вижу то, чего другие не видят, или сумасшедшие те, которые производят то, что я вижу?»

Это один из «проклятых» вопросов, который Лев Николаевич постоянно задавал себе. Этот вопрос, полагаю, задает себе неизменно и нынешний порядочный и честный человек, взбулгаченный тем, что происходит вокруг. Вот и я, пенсионер, вынужденно отлученный от активной общественной жизни по причине возраста и разных недугов, часто задаю себе тот же вопрос: «Я ли сумасшедший, что вижу пакости бытия, или сумасшедшие те, что осознанно или неосознанно эти пакости творят?»

В данном случае я говорю о трагических событиях в Жанаозене. Журналисты теребят меня: прокомментируйте, выскажи свое гражданское отношение к этому горестному случаю.

А что я могу сказать? Полной картиной, ситуацией, признаться, не владею. Знаю только то, о чем пишут в газетах и показывают по телевидению.

А там избыток вранья. С разных колоколен. Ясно только:

– власть обращается с народом, как с быдлом;

– власть сама по себе, масс – сами по себе; разрыв между ними катастрофически углубляется;

– в безоружный народ стреляли; пролилась кровь. Есть убитые и раненные;

– стихийный мятеж без безумных разрушений не бывает;

– обвинять надо задним числом не тех, кого довели до отчаяния, а тех, кто довел народ до такого состояния;

– обвинения «умников-разумников», ловко присосавшихся к государственной кормушке, звучат бесстыдно и кощунственно;

– официальная ложь государственный позор не смоет, не смягчит.

Таковы очевидные, поверхностные выводы, которые оспаривать, мне кажется, глупо. И в этом заключается суть моей гражданской позиции.

В каких-то статьях, посвященных разбору этого социального взрыва, я встретил слово-диагноз: «ненависть». То есть, речь идет о ненависти низших слоев общества к властям, проявившим слепоту, равнодушие и допустившим произвол и насилие. Не берусь судить, имеет ли в самом деле место подобная ненависть, а если «да», то в какой степени. А вот презрение, на мой взгляд, имеет место быть. Вполне нормальное людское презрение к чинушам, к тем, кто вершит судьбами сограждан, к жирующей элите («ел иттері»), к тем, кто от воровства, от неправедных долларов потеряли разум, кто бесится от жиру, кто полагает, что независимость освобождает их от элементарных стыда, совести и нравственности, презрение к тем, кто поставил себя над народом.

Вот это презрение наблюдается, я бы сказал, невооруженным взглядом. И от этого презрения до ненависти в самом деле всего один шаг. А за этим шагом неминуем социальный взрыв. Несмотря на казахское – поистине женское – терпение. Взрыв дикий. Необузданный. Непредсказуемый. Беспощадный.

Значит, аляуляй о стабильности и единстве – скорее всего, миф, о чем в самых высоких сферах власти следует помнить, и, предвидя всевозможные последствия, посильно предотвращать (или хотя бы провидеть) все предполагаемые конфликты и взрывы, которые находятся отнюдь не за семью холмами, не за шестью перевалами.

Такие вот мыслята вытекают из кровавых событий Жанаозена.

И еще – настойчиво думается мне: пройдет некоторое время и жертвы этих событий, именуемые нынешними правителями «бунтовщиками», «хулиганами», «преступниками», будут объявлены национальными героями – борцами за подлинную свободу и независимость.

И еще: нет гарантии, что такое больше не случится. На тотальной лжи новое гражданское, свободное, независимое общество не построишь. Стремиться необходимо к одному: сверху донизу жить не по лжи. Словоблудием прорехи на ветхом чапане не прикроешь.

* * *

В «Воскресении» Л.Толстого наткнулся на фразу: некая грандама естественно говорила по-французски и неестественно по-русски. И я усмехнулся: многие казахи говорят со мной естественно по-русски и неестественно по-казахски. Таковы гримасы бытия. Многие мои российские соплеменники в Германии изо всех сил стараются говорить по-немецки, но тамошние немцы их упорно принимают за русских. Мне же всегда неприятно, когда воробей тщится вышагивать куропаткой.

* * *

Если о ком-то настойчиво говорят, что он умен, умен, умен, то он определенно дурак. Если везде и всюду назойливо подчеркивают чьи-то таланты, то он наверняка балда балдой. Товар, который рекламируют с пеной у рта, считай – брак. У хваленной девки на ягодицах прыщи. Так уж повелось.

* * *

Хочу поведать о казахском пленнике. Казахский пленник – это я. Добровольный. Правда, первоначально я очутился в казахском ауле на берегу Есиля отнюдь не по своей воле, а по державному указу о переселении немцев Поволжья осенью 41 года. Потом этот плен определил мою судьбу, смысл и содержание всей моей жизни и ее значимость, если таковая в ней есть. Я оказался в плену казахской речи, казахского менталитета, обычаев и нравов, казахских кюев, в стихии добродушных и простодушных степняков. И я чувствую себя вполне уютно в казахской ауре, в казахском плену.

Это серьезно.

Но есть еще и шутливая ее сторона. Когда дочери Абдижамила Нурпеисова были маленькими, они все допытывались у меня (я в этой семье неделями живал: переводил «Кровь и пот»), каким образом я, немец, попал в Казахстан. И я им увлеченно рассказывал байку, будто их отец в войну взял меня в плен. Дескать, лежали мы в окопах Курляндии, нацелив друг на друга автоматы. Я, мол, кричал: «Эй, киргиз, хенде хох!» А он, чуть-чуть высунув из-за бруствера голову, жестом приглашал к себе: «Эй, немыс, берi кел!» Мне послышалось: «Эй, Бельгер!» Страшно удивился: откуда этот киргиз знает мою фамилию?! Что есть такой народ – казахи – я тогда и слыхом не слыхивал. А отец ваш настойчиво зовет: «Берi кел! Берi кел!». Иди, дескать, сюда. И командир мой, унтербанфюрер, говорит: «Слышь, этот монгол не говорит: «Әрi кет!» (иди подальше!), а зовет: «Берi кел!». Сходи уж, спроси что он хочет. Может, казы получил из аула и поделиться желает». Я и крикнул: «Нихьт шизен!» Не стреляй, мол. И пополз к нему, хоть и страшно было. Говорю издалека: «Ассалаугалейкум!» А он отвечает: «Котен так!» «Ия, зачем звал?» «После войны, – отвечает плосколицый рыжеватый монгол, – я напишу большой роман «Кровь и пот». И мне нужен переводчик. Давай, возьму тебя в плен, увезу на Аральское море, в аул Куланды, буду кормить осетриной и поить шубатом. Договорились? По рукам?» – «А что начальник скажет?» – «Какой начальник?» – «Ну, этот... ефрейтор с усиками» – «Ай, – отвечает ваш папа. – Гитлер капут. Ты только ему не говори. А со Сталиным я договорюсь».

Я подумал-подумал и сказал: «Ну ладно. А сколько заплатишь за печатный лист?» Ваш папа замялся. Что такое печатный лист, он тогда не знал. Он только уверял меня, что писателем будет большим, а роман толстый, в три пальца, а, может, в четыре. «Э, – говорит, – твой труд оценю щедро. Дам дойную верблюди-

цу, два барана, мешок риса, ковер-алаша и кызымку в придачу». «Кызымка – вас ист дас?» – спрашиваю. «Кызымка, – отвечает ваш папа, – молоденькая киндермадам». Я опять подумал и согласился. «Бог с тобой, монгол. Бери меня в плен». – «Я не монгол, – говорит ваш папа. – Я казах». «Но, – осенило меня, – я ведь по-казахски нихьт ферштейн... ни бе, ни ме» «Ничего, в плену научишься». Вот так я и оказался в Казахстане. Выучил язык и перевожу, перевожу. А нет ни верблюдицы, ни баранов, ни кызымки...

Столько крови и пота пролил – ужас! Больше, чем на фронте. У девочек Абдижамила округлялись глаза: «Как интересно!» А автор «Крови и пота» и его жена, слушая эту байку, хохотали от души.

Так родилась легенда.

А вот еще одна версия. Советский комендант германского городка, будущий писатель Калмухан Исабаев, будто встретил меня на воскресной прогулке возле охотничьего домика на Кикельхане, на двери которого Гете начертил бессмертные строки «Ночной песни странника». Калмухан спросил: «Ты Гете знаешь?» – «Слышал» – «А Абая знаешь?» – «Нет», – растерялся я. – «Абай – казахский Гете. Мой земляк, – пояснил Калмухан. – Давай я возьму тебя в плен». – «Зачем?» – «Я буду о Гете писать, а ты об Абае».

С этим я очутился в Казахстане. Калмухан привел меня, «пленника», в Союз писателей Казахстана. Воины-писатели приняли меня хорошо. И за прошедшие с той поры годы хлопотами Калмухана в трех казахских городах – Алматы, Семипалатинске и Абае появились улицы Гете, а в Берлине, с недавних пор, – улица Абая. А я написал об Абае четыре книжки и шесть составил. Одна из них, не единожды переизданная, так и называется «Гете и Абай». Нет, нет, казахский «плен» для меня оказался благодатным.

Тетрадь семнадцатая

От автора

Напомню постоянным читателям «Дата», что 16-ую (и отчасти 17-ую) тетрадь моих «Плетений» я опубликовал в первых шестнадцати номерах популярного еженедельника «Время» за 2012 год. Уважаемой газете «Дат» предлагаю записи из 17-ой тетради. Пока что по мере возможности намерен работать в этом жанре и впредь.

Г.Б.

* * *

Стало своеобразной модой в последнее время в хвост и в гриву ругать казахскую интеллигенцию – так называемый «зиялы қауым». Иногда даже ставят вопрос ребром: «Есть ли у нас вообще

зиялы?» И приходят к заключению: «Нет. Выродилась. Вымерла». Потом вносят осторожную коррективу: «Оказывается, все же есть!»

В чем дело?

А в том, что просвещенную прослойку образованных, по-граждански настроенных, за народ радеющих истинных азаматов («сынов алаша») десятилетиями, на разных этапах истории сознательно гнобили, гноили, отчуждали, преследовали, истребляли, обезглавив темную массу. Так уж получилось. Знаем по истории – давней и недавней. А та интеллигенция (ученые, писатели, философы, просветители, художники, артисты), что уцелела, выжила, поневоле стала трусливой, оглядчивой, робкой, пугливой, смиренной, приспособленческой, попрошайнической, с абортированной душой, лишенной чести, достоинства и гордости.

Все на свете объяснимо. Еще Гегель сказал.

Ну, так вот в нынешних условиях, при наличии проснувшегося самосознания казахи крайне недовольны своим «зиялы қауым», нередко называя его в сердцах «зиянды қауым», («вредное сообщество», «вредная элита»). Со своей колокольни каждый, кому не лень, пинает-разоблачает-ругает-осуждает родную «интеллигенцию» за все грехи-изъяны, которых в обществе пруд пруди. Иногда и я осторожно щипаю-тереблю своих писателей-коллег. Но бóльшее себе не позволяю. Все же инородец. Не политкорректно. Пусть каждый народ сам чешет свою болячку.

Я просто подтверждаю сам факт. Ругают национальную интеллигенцию порой запальчиво, почем зря, размахивая дубинкой-шокпаром налево-направо («тисе терекке, тимесе – бұтаққа»), нещадно хлеща камчой-плетью.

Да, перехлест имеет место. Но в чем обвиняют «зиялы қауым»?

В газете «Туркестан» (№ 1/12) обратил внимание на острую, едкую, весьма аргументированную статью некоего Болата Толепбергенова – «Малахольная казахская интеллигенция» («Қазақтың қаукарсыз интеллигенциясы»). Автор отмечает следующие изъяны недуги:

1. индивидуализм, самоуверенность («өзімшілдік»)
2. карьеризм («біліккұмарлық»)
3. двуличие («екіжүздік»)
4. продажность («сатқындық»)
5. подхалимство («жағымпаздық»)
6. безынициативность, нерасторопность («икемсіздік»)
7. зависть («көре алмаушылық»)
8. хвастовство, бахвальство («бөспе»)

Я не оспариваю, я только констатирую. И говорю это не я, инородец, а казах. Говорит, понятно, с болью, задевая честь и самолюбие.

Могу только добавить, что подобные грешки свойственны не только казахской интеллигенции, но и русской, немецкой, еврейской, всякой. Может, потому пролетарский вождь и определил ее столь крепким, непотребным словом на букву «г»...

* * *

Уж сколько веков повторяют известное изречение Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже».

В казахском варианте у этой максимы несколько смещен акцент: «Да, истина дорога, но Мыркымбай мне друг, и брат, и сват»...

* * *

Точно знаю: льстецы – племя неистребимое. Ну, а азиатский льстец – всем льстецам льстец.

И я подумал: а в чем корни?

Ответил еще Демокрит: « Страх рождает лесть».

Ах, вон в чем дело! В душах азиатских племен страх угнездился крепко-накрепко едва ли не с доисторических времен. И он многолик. Выживать можно было только лестью. Отсюда и расцвет жанра.

А шикарную фразу приписывают Диогену: «Льстец – самое опасное из ручных животных».

О, это мы видим каждый день.

* * *

Должен сказать, что казахскоязычная печать в Казахстане в последние годы сделала резкий качественный скачок. Выросли отменные журналисты. Особенно приятно удивляет меня женский персонал – такие все глазастые, зубастые, дотошные, социально и политически хваткие молодки-келиншеки. Поверьте мне: я постоянно читаю «Қазақ», «Жас қазақ», «Түркістан», «Жас алаш», «Дат», «Халық сөзі», «Дала мен қала», «Алаш айнасы», «Айқын», «Қазақ әдебиеті» и др. (мне их любезно выписывают). И в них печатаются серьезные, глубокие, острые, актуальные, историко-социальные, проблемные статьи, задающие все грани нашей общественной жизни, и меня берет досада, что русские и русскоязычные газеты обо всем этом не ведают ни сном, ни духом. Ощущение такое, что в нашем государстве параллельно сосуществуют два государства, два слоя населения, которые «моя твоя не понимай». Порой кажется, что русские и русскоязычные обитают не в стране Казахии, а на некой другой планете. Большинство из них и представления не имеют, в каком обществе оно пребывает. Живут отстраненно, обособленно, едва ли не изолированно в темном закутке, как премудрый пескарь, не ведая, что происходит у них под носом. Будто самоотстранились от всего и вся и прозябают в ирреальном пространстве.

Ощущение это меня преследует и угнетает именно в так называемые годы независимости. Проблема серьезная, я ее вижу и чувствую до боли, она все углубляется, и мне невдомек, почему наши умные головы ее не затрагивают, не осмысливают. Время от времени те или иные русскоязычные газеты прибегают к обзорам казахских газет. Но какие это образы? Куцые, поверхностные, серые, малограмотные, тенденциозные, высокомерные, для отвода глаз.

Так не годится.

Надо сближать людей, укреплять, объединять общество, настраивать на взаимопонимание, а не рассматривать и искусственно противопоставлять. Все-таки надо знать, ЧЕМ и КАК живут по соседству...

* * *

Меня неизменно восхищают плодовитые писатели. В своих многолетних «Плетениях» я не однажды перечислял их – отечественных и зарубежных, выдавших «на гора» не одну сотню книг. Сомерсет Моэм утверждал: чтобы написать хорошо, нужно писать много. Постулат, понятно, спорный, но моей душе он мил.

Особенно восторгают меня плодотворные переводчики. В своей книге «Ода переводу» (2005, 2011) я называю профессора Н.А.Холодковского, создавшего 7 (!) вариантов перевода «Фауста» (трагедия состоит из 12111 стихотворных строк); венгерскую переводчицу Жужу Раб (она перевела с русского 180 томов прозы и 12 томов поэзии). Супруги Гюнтер и Трауте Швейн (Германия) перевели с русского на немецкий язык около 50 романов и книг; француженка Лили Дени перевела с русского полсотни книг (в т.ч., кстати, и трилогию «Кровь и пот» Абдижамила Нурпеисова) и регулярно пишет о театре и для театра. Подобных примеров уйма. И меня, писателя и переводчика, это умиляет. Дело в том, что с 1963 года и я усердно шкрябаю пером, загнал себя в строгий режим и строчу ежедневно. И что я нашкрябал за полвека? Бумаги и чернил извел немало. Худо-бедно перетолмачил 20-25 томов казахской прозы, составил два десятка книг, издал на сегодняшний день 63 книги и опубликовал около двух тысяч статей, рецензий, заметок. Это, так сказать, мои количественные показатели.

И вот читаю в ЛГ заметку о члене СП России, замечательной переводчице венгерской литературы на русский язык Татьяне Иосифовне Воронкиной, которой недавно исполнилось 80 лет. Строку о том, что на ее счету переводы СВЫШЕ 300 (трехсот!) книг венгерских авторов, я, не веря своим глазам, прочел раз десять. Перечисляются в заметке авторы и название книг, ею переведенных, перечисляются награды – ордена, медали, премии за столь титанический труд. Это понятно. Это я разумею.

Но... 300 книг! Представляете?! Будем считать, что Татьяна Иосифовна переводит, не покладая рук, не переводя дыхания, 60

лет. И то получится в среднем по пять книг в год. А ведь их надо читать, отбирать, осмысливать, перекласть на русский лад, подбирать соответствующую лексику, выражения, тональность, адекват.

Каково?!

Вот что значит трудиться на ниве словесности. Вот что значит труженик пера. Вот о чем следует задуматься нашим доморощенным «жазушылар».

Апырай, а?! Нет предела моему удивлению и восхищению.

* * *

Уже многие годы я с некоторым пристрастием вслушиваюсь в речи тех, кто пребывает на холме власти. Есть заметные сдвиги: иные наловчились говорить, ничего не сказав. Для политика это большое искусство. Высший пилотаж. Он говорит, говорит, говорит изо дня в день, долдонит одно и то же, ловко плетет словеса («киыннан киыстырар ер данасы»). И ты слушаешь, слушаешь, слушаешь, развесив уши, а потом спохватываешься: а что он, собственно, сказал? А ничего и не сказал (іліп алар тұк жок!). Просто мутовкой взбивал, вспенивал прокисший кумыс. Уметь надо!

* * *

Наткнулся на изречение Плутарха: «Есть три способа отвечать на вопросы: сказать необходимое, ответить с приветливостью и наговорить лишнего».

Надо бы вывесить это изречение на видном месте в нашем парламенте для, так сказать, руководства к действию так называемых народных избранников. А то, что получается? Там, где целесообразнее промолчать, болтают лишнее, то, что ни уму, ни сердцу. Там, где, казалось бы, просто необходимо что-то сказать по существу, с приветливостью, надуются, как индюки, и проглатывают языки. А там, где нужно сказать крайне необходимое, веское аталы сөз, заводят такой аляуляй, что уши вянут. Можно десятки раз обновлять парламент, а песня – одна и та же.

До чего же прозорлив оказался Плутарх! Апырай, а?!

* * *

Стыдно признаться, но на склоне лет я уже смирился с тем, что власть, политика – синонимы беспардонной лжи и совсем уж обнаглевшего вранья. Давно уже смекнул, что человечество без власти и политики никак уж не обойдутся, а это означает, что все мы обречены жить во лжи. Врем напропалую. Везде и всюду. Даже там, где в этом вроде и надобности особой нет. Раньше, помнится, врали, слегка краснея. Чуть заикаясь. Опуская глаза. Ныне стыд стал атавизмом. Енді өтірікті шындай қыламыз. Бетіміз шімірікпейді. Теперь вранье – норма поведения. Думал, бывало: власть врет, чтобы утвердить себя, чтобы охмурить быдло. Теперь вижу: власть врет самой себе. А что это значит? Кинорежиссер Владимир Бортко утверждает: «Это значит, что конец ее близок» («ЛГ», № 51/11)

Неужели? Откуда он взял? Ай, кайдам! Верится с трудом. Какая же это власть, если она не врет? И какой же это пипл, если он не верит вранью? На этом ведь мир стоит. Нечто тотальное. И знаешь, что вранье – и демократия, и свобода, и выборы, и годовые послания, и высокие саммиты, и форумы etc., а молчишь. Воспринимаешь за чистую монету. И еще Владимир Бортко размышляет: «Если ты серьезно занимаешься политикой, должен слушать и слышать то, что есть в действительности, а не то, что тебе хотелось бы услышать». (Ibidem).

Мне чуть легче, ибо политикой всерьез не занимаюсь. Так, слегка. Тиіп-кашып. В меру профессии литератора. Но я с малых лет пурхаюсь во лжи, как муха в патоке, и поневоле слушаю и слышу повседневно то, что совсем не хотелось бы услышать. И порой мне чудится, что как бы я ни старался, а понемножку тоже вру. В чем-то, как-то, где-то... Ужасно!

* * *

Принято ругать-изобличать советскую эпоху в хвост и гриву. Но вот перебираю в памяти своих сверстников-курдасов-замандасов – аульных и городских. 50-х годов прошлого века. Сплошь дети войны, сироты, беднота- бишаринцы, безотцовщина, голытьба. Ни

копья за душой. Выросшие на лепешке, айране-шалапе, на поджаренной пшенице, на курте-иримшике. И – представьте! – все както учились, в школах, техникумах, в вузах – Москвы, Ленинграда, Воронеже, Алма-Аты, Киеве, Баку, все обрели профессии, дипломы, научные степени, получали стипендии, выбились в люди, утвердили себя. Кто их опекал? Кто их поддержал? Не позволил пропасть? Советская власть!

У меня лично свои счеты к ней. Я не могу забыть, что меня в хрупком возрасте депортировали, репрессировали по национальному признаку, подчинили спецкомендатуре, социально ограничили, ставили разные преграды вплоть до 1956 года (не буду здесь вдаваться в подробности), однако и я окончил институт, аспирантуру, учительствовал, жил активно, утвердил себя в литературе. Кто из моих сверстников мог бы получить высшее образование при нынешних условиях? Никто! Ну, разве что профессорский сын Володя Маркович. Или будущий карьерный дипломат Салим Курмангужин, сын председателя колхоза. Или я, сын сельского фельдшера и санитарки. Больше никого и не припомню из сотни и тысячи замандасов. И когда напропалую ругают советскую власть, я всегда вспоминаю про этот очевидный факт. Забывать про это – ей-ей! – не след.

* * *

На исходе восьмого десятка я все чаще говорю «Нет». Такова привилегия моего возраста.

* * *

По-казахски правда – шындық, истина – ақиқат. Правду в состояние постигнуть многие, истину – редко кто. Правда может быть чистой, голой, простой, суровой, истина большей частью мудрой.

* * *

Нередко мысль, сформулированная на одном языке, при воспроизведении на языке другом, обретает комическую двусмыслен-

ность. Одна пожилая казахская актриса, выступая по-русски на одном большом совещании, выразилась так: «У каждой талантливой актрисы есть дырка, в которую режиссер должен точно попасть».

Публика загоготала.

Между тем актриса хотела выразить вот что: «У каждой актрисы есть «санлау» – сокровенная щель дара («изюминка»), которую опытный режиссер обязан нащупать точно.

Мысль абсолютно верная.

Моя мама устойчивые немецкие словосочетания часто переводила на русский буквально. Она говорила: «Девки на его спину сами прыгают».

Русскоязычные внучки хохотали. Им было невдомек, что означал этот фразеологизм: «Девки сами вешаются на его шею».

* * *

Из всех народов, которые я знаю и чувствую, самый терпеливый – казахи.

* * *

Утром, при рождении нового дня, я вижу вокруг много плюсов, а ночью, перед сном, они оборачиваются минусами.

* * *

Охаивать всего, что происходит вокруг, – занятие бесперспективное. Мудр тот, что восторгается всем, что его окружает. Может, отсюда и вытекает гегелевский постулат: «Все действительное разумно, а все разумное – действительно»?

Впрочем, мне эта максима всегда казалась сомнительной.

Эдак можно договориться черт знает до чего. И все на свете оправдать. Кредо моей мамы всегда было: «Все хорошо, Все прекрасно. Все к лучшему». Кредо отца: «Никогда нельзя быть довольным – ни собой, ни тем, что творится вокруг». Мое кредо: «Уповай на лучшее, а готовься к худшему».

* * *

Настоящему политику достаточно иметь в репертуаре всего лишь две песни, которые он должен исполнять исправно десятки лет: одна – аляуляй, другая – халяуляй. И народ будет хлопать в ладоши и в воздух борики бросать.

* * *

У нас назначают не только Акимов, но и виноватых.

* * *

У иных политиков жизнь коротка, зато длинна речь.

* * *

Один наш не в меру бойкий азамат, выступая во время выборной кампании по пять раз на дню, начинал свою речь устойчивым словосочетанием: «руководитель нашей партии, лидер нации, президент нашей страны Нурсултан Абишевич Назарбаев...» Этим же набором он и кончал свою пламенную речь. А в середине – труха, мякина. Народ внимает и безмолвствует.

* * *

Знатоки утверждают: если женщина говорит «нет», это чаще всего означает «да».

Не знаю.

Но я заметил: если высокий начальник говорит «все прекрасно, все прекрасно», это чаще всего означает «все хреново, хреново».

* * *

Бывает у самого маленького человека – самая большая власть. Плюгавенького мужичонка всегда тянет к внушительной бабе.

* * *

О, казахи мои!..

Многозначительное восклицание это принадлежит вообще-то Олжасу Сулейменову. Но я семидесятый год обитаю среди каза-

хов, вырос в ауле, окончил казахскую среднюю школу, вращаюсь в казахской литературе, в сильной степени оказахован и никак не меньше казах, чем Олжас, а потому имею право говорить высоко и торжественно: «О, казахи мои!». Даже замшелый национал-патриот, надеюсь, этого права меня не лишит. Так позвольте сказать несколько слов о казахской ментальности на мой взгляд, с моей колокольни.

Вот одно характерное свойство.

Казахи склонны к шумным, многолюдным тоям. По любому поводу казах затевает пиршество. Богатое или не очень – по обстоятельствам. Но непременно от души, щедро, с размахом. Иногда проводит той в кредит. И казах поелику возможно старается не пропустить ни одного тоя. Обязательно идет, куда приглашают. Иногда пойдет и без приглашения, ибо знает: никто не осудит. Той есть той. Разделить чью-либо радость никогда не помеха. Казах любому гостю рад. Не откажется казах и от сорокадневного тоя. О том красочно говорится в эпических дастанах. Казах на тое пирует от души: ест-пьет, поёт-веселится, говорит длинные витиеватые тосты, совершая экскурсы во времена не только батыров, беков, биев прошлых столетий, но добираясь до времен Адама и Евы, которых он воспринимает как дальних родичей. Сидеть за обильным дастарханом пять-семь часов для казаха и ныне норма. На той никакого времени не жалко. У казаха в запасе вечность. Не жалко и здоровья, хотя оно и у казахов не железное.

На той спешат все – и немощные старики, и несмышленые дети, и честолюбивые джигиты, и добропорядочные молодки-келиншеки. По казахской поговорке, и черепок на той катится.

«Хорошо это или плохо?» – задавался, бывало, я вопросом. – Достоинство или недостаток?» И пришел к однозначному выводу: хорошо! И, конечно, достоинство, заповеданное и освещенное предками.

Казах не любит одиночества. Одиночество свойственно лишь Творцу-Создателю. Казаху в беспредельной степи скучно. Он по натуре человек любопытный и компанейский. Любит общаться,

говорить, песни петь, на домбре и кобузе играть, радоваться, жен, детей любить, делиться всем с ближним. Он найдет способ, чтобы быть вместе. А вместе, – весело, интересно. И в этом заключается жизнелюбие и жизнестойкость казаха. Правда, из-за этого своеобычая он рискует отстать от кочевья времени. Ну и пусть! У времени в плену те, кто спешит, торопится. А спешить-то куда? Спешка – шайтаново дело. Для работы достаточно человеческого времени. Пусть немцы работают. У них о времени другое понятие. Казах вполне довольствуется божьим временем. И этим надо дорожить. Казах это инстинктивно сознает, и он прав! Ей-ей прав! И потому пусть тоев будет много-много! И пусть за тоем тянется той – самое благое пожелание. И на этом человеческом пиру казах вечен. Да будет так!

... И вот еще один штришок в тему. У поэта Аманхана день рождения. Звоню ему домой, чтобы поздравить. А он, оказывается, по такому поводу никакой радости не испытывает. Говорит: «Мне же не пятнадцать, не двадцать лет, а – представьте! – пятьдесят восемь». Человеку к смерти следует готовиться, а не радоваться по поводу того, что он к ней приблизился. Надо, чтобы с возрастом человек и не знал, и не ведал о своем дне рождения. Аллах знает – и ладно. Это его прерогатива. Человек – временный гость на земле. И ему вовсе не положено знать, когда родился, когда умрет. Не его это забота. Такую же мысль высказывал мне и ныне покойный литературовед Есенгельды. Это, мол, иностранцы: немцы, французы, англичане разные, а за ними и русские – придумали дни своего рождения отмечать. «Я, – говорил Есенгельды, – не то что день, а год рождения не знаю. И ничего». Казахи в старину о том головы не ломали и не расстраивались попусту. Такой традиции – отмечать, поздравлять и в помине не было. Говорили: родился, когда у подслеповатого Тайшика кобыла потерялась, когда у Альмиша дом сгорел, когда, поскользнувшись, Сеит-Ахмет ногу сломал, когда у колхозного баскармы младшая жена разродилась.

Моему старшему коллеге – писателю Абдижамилу Нурпеисову аульчане растолковали, что он родился, когда шел снег. Но было

это весной или осенью – никто не помнил. Уже после армии Абдижамил решил, что снег в Аральском регионе выпадает обычно в конце октября, и записал в документах: родился 22 октября. Правда, не совсем ясно: в 1923 или в 1924 году?

Зная полную независимость казахов от категории времени, я иногда думаю: может, друг мой поэт Аманхан совершенно прав?

* * *

Ну, что сказать про Мажилис?

Имею в виду так называемый новый, многопартийный состав.

Пристально вглядываюсь в список. Ба! В большинстве знакомые все лица. Некоторых я лично знаю по 10-15-20 (и даже больше!) лет. Многие просто-напросто перекочевали с пограничных кресел. Некоторые, цинично инициировав роспуск прежнего парламента, втихаря сподобились перебраться в новый (до чего же гибка совесть!) Иных (қызметі өсіп кеткендер) совсем уж некуда было девать, и их из жалости и по доброте душевной лидера нации пристроили в Мажилис, как в дом призрения или в люксовую больничную палату.

Как прошли выборы (в просторечии «сайлау-майлау») мы тоже знаем. Видели. Привыкли. Ничему не удивляемся.

Так, в чем новизна парламента?

А ни в чем. Парламент новый, дух старый.

Я прекрасно понимаю: не след парламент превращать в заурядную, оголтелую говорильню, в сборище крикунов, болтунов, көк езу-спорщиков. Это рискованно, неразумно. Я некогда сам сидел в парламенте. И знаю: должно быть крепкое, надежное ядро. Дабы не было кто в лес, кто по дрова. Дабы не уподобиться лебедю, раку и щуке. Но и без чудиков-чудаков, без инакомыслящих – возмутителей спокойствия, без строптивцев-керсигенов никак не обойтись. Иначе застой. Иначе – болото.

Боюсь, что мы пришли именно к этому. Не парламент – послушная, подручная тусовка.

Дай Бог, чтобы я был неправ.

Второе. Многопартийность парламента – миф. Самообман. Пыль в глаза.

И слепой видел, как эта мнимая многопартийность инсценирована и срежиссирована. Да, формально в Парламент допустили кое-кого из разных отар. А фактически они все – весьма условно перекрашенные – нуротановцы. При этом необходимо помнить, что не все нуротановцы – члены партии. Одни – попутчики, другие – всего-навсего члены определенной корпорации.

Ну, и какой вывод?

Вывод однозначен: и нынешний парламент совсем не тот, на который уповал народ. Большинство очень далеко от народа. Кто на что горазд – народ знает. Кто о чем будет глаголить – тоже. Значит, уповать особенно не на что. Старая раздрызганная арба, поскрипывая немазаными колесами, потащится, как встарь, по колдобинам-буеракам, по месиву-хлябям. А кончится тем, что и этот парламент придется распустить досрочно. Старый ворон не гаркнет даром.

Баска амал жоқ.

* * *

Когда я был молодой, время текло медленно-медленно, и неделя длилась долго-долго. А теперь что? Начинается понедельник, а на второй день уже пятница. Глядь-поглядь – промелькнула неделя. Туда-сюда – и года нет. Будто корова языком слизала.

* * *

В Алматы в настоящее время (2012-й год) проживают три Герольда и два Бельгера. Герольд – это я, генеральный консул посольства Германии господин Амелунг и трехлетний пацаненок Өтемұратов. А Бельгер – это я и годовалый братик казаха Герольда – Бельгер Өтемұратов.

Выходит, я не одинок. Тәуба. Шүкір.

* * *

Знаю одного велеречивого советника, многие годы промышляющего политикой у власти. Он за словом в карман не лезет, хотя и сказать ему нечего. Он текстовик, сочиняющий «аляуляй» на музыку шефа.

* * *

Когда президенты шлют послания народу – это хорошо. Плохо, когда они посылают народ по известному русскому адресу.

* * *

Когда я нуждаюсь в каких-либо советах, я предпочитаю обращаться к казахам, у которых за пазухой хранятся советы на все случаи жизни. По части бесплатных советов казах богат, как никто другой.

* * *

– Я ваш доброжелатель, – сказал хриплый старческий голос в трубку. – Мне нужно с вами поговорить.

– Пожалуйста. Я слушаю.

– Но... хм-м... это... не телефонный разговор.

– Вот как?! Тогда можно встретиться во время моей прогулки у Чокана.

– Болсын. Хорошо. Но вы же всегда в окружении людей. А разговор наш... э-э... конфиденциальный.

– Ну, так сядем рядком на скамеечке, да покалякаем ладком.

В назначенный день и час встретились. Познакомились. Обменялись традиционными фразами вежливости. Чувствую, мой доброжелатель настроен на долгий разговор. А моя прогулка строго рассчитана на час.

– Әлеке, – говорю, – давайте по существу. Видите: вон те двое тоже хотят поговорить. Еще вчера договорились. Один из Өскемена, другой – из Тараза.

Доброжелателю это не понравилось. Он насторожился, оглянулся, заозирался.

– Э-э... вы не боитесь?

– Чего?

– Ну, как же... В вашей «Чепухе» совсем нет чепухи. Пишите больно открыто. Ащы жазасыз, Я вас постоянно читаю.

Я понял, куда клонит собеседник. Стало скучно.

– А что? Лгу?

– Нет.

– Злорадствую? Злопыхательствую?

– Нет.

– Может, на что-то претендую? Кому-то угрожаю?

– Нет. Құдай сақтасын.

– Так в чем дело?

– Э-э... О позитиве мало говорите. Все негативное подмечаете. А это... знаете...

– Опасно?

– Конечно! Ведь позитив есть?

– Есть.

– Замечаете?

– Замечаю. Вижу.

– Но не пишите?

– Пишу. При случае. Но я при всей своей сердечной доброте все воспринимаю с критического расстояния. Понимаете? Так я создан. Позитив, согласитесь, от нас не уйдет. Он всегда с нами. А на негатив нужно заострить глаз. Иначе слепец и верблюда не увидит. В этом мой писательский долг, моя, так сказать, гражданская и общественная позиция. Если хотите, моя любовь к стране, к народу. Кому-то ведь нужно и авгиевы конюшни чистить. Солай емес пе?

– Солайы солай ғой. Так-то оно так... Но...

– Что «но»?

– Кому-то может и не понравится.

– Кому?

– У кого вожжи в руках. Кто у казана сидит.

– А я что, вожжи из чьих-то рук выбиваю. Или у кого-то поварешку отнимаю?

– Да нет... только, только

– Что? Не писать?

– Нет, нет... пишите. Только осторожнее. Не дразните гусей. Не наступайте на хвост спящей змеи. Вот о чем я хотел сказать.

– Спасибо, Әлеке! Я вас понял.

– Я ваш доброжелатель. Мое дело: вас предупредить. С огнем шутки плохи.

– Спасибо. Отныне опишу пять позитивов и один негатив. Крохотный. С мизинчик.

С соседней скамейки поднялись двое и двинулись ко мне. С рукописями и книгами в руках. Один из Өскемена, другой – из Тараза.

* * *

Газеты сообщают: Карл-Теодор фон и цу Гуттенберг, министр обороны ФРГ, ушел в отставку из-за обвинений в плагиате при написании диссертации.

– Апырай, – подумалось, – это надо же! Из-за какого-то плагиатика в диссертации и в отставку! Наши славные азаматы в таких случаях хоть бы хны!

Представьте: если бы у нас, в Казахстане, так? Скажем, все чиновники в высоких креслах, «остепенившиеся» запросто за последние двадцать лет (Назарбаев как-то называл это «профанацией», как всегда очень метко), ушли бы в одночасье в отставку за плагиатство и эксплуатацию нанятых «негров»... Вот был бы форс-мажор! Сотни и сотни элитных чиновников – докторов юридических, экономических, политических наук – и вдруг в отставку за какой-то плагиат?

Шутить изволите, батенька!

У нас ведь свой путь развития во всем...

* * *

Что омрачает жизнь, тяготит сердце? Ложь! Беспардонная. Наглая. Ее гнусная рожа лезет из всех щелей, из газет, радио, телевидения, с высоких трибун, властных каналов. Спасу нет! И мы настолько к ней привыкли, что воспринимаем ее не как возмутительную ложь, а как айналайн.

* * *

Замечаю: с годами все реже начинаешь говорить: «завтра». Прошлое становится длиннее и ярче, а будущее – короче и смутнее. Кто-то сказал: «Мне дорог нынешний мой день, покуда он не прожит». Бернс? Вийон? Или...

* * *

В декабре 2011 года ушла из жизни в возрасте 82-х лет замечательная немецкая писательница Криста Вольф. Она была очень популярна в ГДР и в СССР.

Будучи членом Социалистической единой партии Германии, членом Правления писателей ГДР, она очень критически относилась и к ГДР и к ФРГ, и к советской цензуре. Своевольная и строптивая была натура. Находясь постоянно под колпаком бдительных органов, под гнетом власти, она достойно пронесла свой писательский дар. Жизнь и творчество ее – пример служения народу и Истине.

* * *

Любопытно проанализировал последнее (шестнадцатое по счету) послание Президента журналист газеты «Алаш айнасы» (№ 14/12). Все подсчитал: послание продлилось 45 минут 46 секунд; за это время Елбасы один раз закашлялся, три раза прокашлялся; 62 раза депутаты хлопали в ладоши; семь раз вскакивали с мест (в подражании американским сенаторам). Слова «патриотизм», «таможенный союз» прозвучали лишь по разу; «терроризм» – ни разу; «инновация» – 10 раз, «қазақ» – три раза; «пенсия» – шесть раз, «экономика» – 19 раз, «независимость» – три раза.

И т.д.

Привел Президент одну пословицу. Цитат – никаких. Слово «культура» тоже ни разу (!) не слетало с уст Лидера нации.

Меня лично это озадачило и омрачило.

Такое случалось и раньше. Выходит, «культура» – совсем уж бросовое слово. И как это изволите понимать?

Лидер нации всегда говорит в общем-то очень правильно и убежденно. Даже неисправимому зануде придраться невозможно. Но мне почему-то кажется более резонным, если бы он каждый раз начал с перечисления того, что он раньше предлагал и что из того выполнено, а что прозвучало втуне. Это, думаю я, было бы логичнее, конкретнее и действеннее. А то «грандиозность», «историчность» послания незаметно ускользает из рук.

И еще. Книг ныне издается немало. Многие из них совсем уж бесполезны. Но если бы издали сборник всех шестнадцати посланий Президента за двадцать лет под одной обложкой – это было бы, полагаю, любопытно как динамика нашего движения, нашего неустанного роста. Это было бы важный документ эпохи. Или я ошибаюсь?

* * *

У наших доморощенных писателей остро ощущается нехватка тем. Вот и пишут сплошь о родовых ханах, беках, биях, баях прошлых столетий. Всех обсосали, общипали. Той, разбой, барымта, умыкание невест, скачки-байга, степной секс – ойдойт! А Ельбасы между тем совсем недавно подбросил нашим жазушылар блестящую тему, четко озаглавив ее – «Живчики и зайчики». Потомки славных батыров-номад ныне превратились в живчиках и зайчиках, перебирающих «за большие зарплаты» бумажки в корпорациях и холдингах. Вот о чем бы писать нашим «дарабозам».

* * *

Союз писателей Казахстана в этом году (2012) расщедрился совершенно по-глупому. Чтобы не обидеть, решили всем соискате-

лям дать премию «Алаш» (кстати, ее именуют международной). И сколько же получилось премий? Сорок две! Сам сосчитал в «Қазақ әдебиеті».

И что это за премия такая? Полнейшая дискредитация! Курам на смех! Эдак можно было бы одним махом присудить «Алаш» всем семистам членам Союза писателей Казахстана. (Ее и так имеют несколько десятков)

Ойбай, ойбай, что же это такое?! О каком развитии может быть тут речь? Каждый, кто шкрябает пером, – лауреат «Алаша». Посмешище! Уродство! Литературу превратили в балаган. Спрашивается: кому это нужно? Гордое слово «Алаш» обернулось позором. Возмущению моему нет предела...

* * *

Странные сближения происходят в моем сознании постоянно. Вспомнился вдруг аулчанин в послевоенные годы, украшавший свою более чем скудную казахскую речь русскими, как он твердо полагал, выражениями: «опшым каторый» и «кебене матыр». К этим загадочным выражениям он прибегал неизменно и часто, потому и прозвали его в ауле «Опшым каторый». Кстати, преподавал он в школе физкультуру и военное дело. Говорил он с жаром так: «Опшым каторый партия не айтса – заң» («Что партия говорит – то и закон»); «опшым каторый, кебене матыр үкіметтікі – прабылно»; «опшым каторый ұлы Сталин жасасын, кебене матыр!» Великий охотник был выступать на всех собраниях. Смысла никакого – одно сотрясение воздуха. Аулчане приходили в восторг: ай, наш Ес-ага, шпарит орысша – заслушаешься!

Вот приглядываюсь я ныне к нашим славным азаматам во власти. Конечно, среди них достойных немало. Но некоторые вообще не говорят («ауызын буған өгіздей»), их годами не слышно, другие неумело воспроизводят мысли-призывы шефа. Получается все «қойыртпақ» – «опшым каторый».

В таких случаях каждый раз на память приходит рассказ Франца Кафки «Одиннадцать сыновей». О старшем сыне там сказано:

«Его внутренний мир по-моему ограничен; он не глядит ни вправо, ни влево, ни вдаль; мысли его движутся по кругу, я бы даже сказал, они топчутся на месте».

В общем оправдывается старая истина: когда все думают одинаково, не думает никто. Все движутся по кругу. А движутся по кругу – значит, топчутся на месте. А топчутся на месте – значит, застой.

И что же получается? Получается то «опшым каторый», то «кебене матыр».

Е-е-е... что тут скажешь? Грустно...

* * *

Так и не уяснили, в чем суть национальной идеи.
Один говорит: государственный язык.
Другой уверяет: программа 2030.
Третий настаивает: тотальное воровство.
Четвертый убежден: хлеб насущный.

* * *

Так? Или я неправ?

Живя в Казахстане, преимущественно среди казахов с осени 1941 года, я вынес стойкое ощущение, что казахи той поры (военной и послевоенной) были добрее, сердечней, задушевней, искренней, щедродушней, более открытыми. Мне мерещится, они сильнее были привязаны к своей земле, к атамекену, краю предков и любили, обожали свой Казахстан трогательно, нежно и преданно, по-сыновьи. Словом, Казахстан, қазақ елі тогда означало нечто родное, кровное, неразъемное, неизбывное. Никак не могу подобрать более точного слова.

Теперь что? Теперь мне чудится, что той первозданной, природной, заповеданной предками любви нет. Истаяла. Испарилась. Чувство поблекло. Одолели некое равнодушие. Иные ценности взяли верх. Какая-то жадность, что ли? Расчетливость. Корысть. Индивидуалистский бақай-есеп. Жажда наживы. Погоня за благами (Опять не нахожу гвоздевого слова).

Вот смотрю я на элиту («ел иттері» толкуют зубоскалы), на тех малопочтенных азаматов, что взобрались-вскарабкались высоко и пасутся у кормушки власти. Ну, ой, алла-ай, никак не могут набить-насытить свои рогожные утробы, хотя и пихают в себя в три горла. Прямо беда вселенская! Хапают, воруют беззастенчиво, без разбора, без зазрения совести, аки волки, очумевшие от крови. Ворованные деньги мешками-коржунами сплавляют за рубеж, за дальний кордон, прячут по всем европейским и азиатским сусекам. Там же обретают недвижимость, которая никаким ханам не снилась, не то, что бекам-биям. Строят дворцы, покупают диковинные замки. Капиталы хранят в закромах-банках, не доверяя отечественным. Даже хвастливые той-свадьбы проводят в Турции или Эмиратах, швыряя шашý в золотых монетах, а не в кампит-сампит, курт-иримчик, как это делается в захудалых аулах. Ойдойт, байлық не істетпейді?! И чада учатся в загнивающих странах. К Казахстану относятся, как к дойной корове. Как к неиссякаемому источнику грабежа. Как к оккупированной зоне. Как к брошенной бабе-хатын. Как шалые мародёры. Святых чувств Казахстан не вызывает ни в одном глазу. Какой тут, к шайтану, патриотизм? Бұл не пәле тағы?! Казахстан превратился в полигон для бишаринского люда. Особенно это стало заметно в годы так называемой независимости.

Неужели я ошибаюсь? Дай-то Бог!

Я же полагаю: мудрость в том, чтобы любить Казахстан, **который есть**. Который как-то незаметно, исподволь, может, помимо воли унизили, осрамили, превратили в объект для тотального грабежа. Все же Казахстан – хочу верить – уготован иной жребий. Любить нужно Казахстан, который **может** (и должен) **быть**. Не тот, который декларируется в скользких речах болтливой власти, а тот, который взлелеян в душе порядочного, совестливого, не испаскуженного мамоной казаха или казахстанца.

Вот о чем мне все чаще думается на склоне лет, когда я с нынешней своей колокольни вглядываюсь в свои далекие казахстанские истоки.

Так? Или я неправ?

* * *

По моим давним наблюдениям, человеки искони бывают двух видов: а) человек, который сопротивляется и б) который подлаживается. По Далю: встрешник и потаковщик.

Первый сызмальства сопротивляется (неправедному обществу, лжи, демагогии, фальшивым канонам, болезням-хворям, пакостям-неудачам и т.д.), сопротивляется-ощетинивается-перечит, идет не в струю, строптивится, естественно, раньше времени надрывается и, обессилев, набив себе шишек, удаляется в мир иной. Даже на смертном одре, как Бетховен, кому-то кулаком угрожает. Кстати, именно неистовому Бетховену принадлежит фраза: «Правила запрещают, а я разрешаю». Потом, случается, таких встрешников вспоминают, славят, посмертно награждают, ставят в пример, даже памятники ставят. Как, скажем, казахскому национальному герою Бауыржану Момышулы. Но им, обитателям иных пределов, все эти запоздалые людские почести до лампочки. Барибир.

Другой – раб с рождения, у него – по-казахски говоря – такой ТЕК – генетический код, он зачат рабом, он так запрограммирован, он обречен приспосабливаться ко всему – к житейским лишениям, к подлости, низости, бездуховности и, как правило, живет-прозябает, как Мафусаил, как премудрый пескарь долго, испытывая довольство от своего рабства и ничтожества. Казахи называют таких коротким словом «тексіз» – слово жесткое, беспощадное, унизительное.

Первый тип в неизбывной мечте о свободе ломает себе хребет. Второй склонен плодиться, как мыши, как тараканы, как бака-шаян. Бывает, на каком-то историческом этапе, стечением обстоятельств страна объявляет себя свободной и независимой, а в ней – о, алла-ай! – преобладают рабы. Ну, почему так? Ведь предки веками бились-боролись за это, а свобода вожделенная досталась рабам. Почему? В чем тут кілтипон-закономерность?

Вот смотрю я на наших славных (и не очень) азаматов, мелькающих на экранах телеящиков и страницах газет. Герои и кахарманы, академики и доктора наук, лауреаты-дипломаты, аж согнулись

под тяжестью регалий, орденами-медалями увешаны до самого пупа (и даже ниже), сидят в высоких креслах, в президиумах, стоят на трибунах, а по всем поступкам и речам – раб презренный, самоупоенный, счастливый серый-пресерый потаковщик, «тэжэ» (табан жалаған, термин М.Шаханова), ему важнее всего у кого-нибудь что-нибудь лизать – хоть зад, хоть перед.

Ну, что тут поделаешь? Тьфу ему в подхалимскую рожу!

И еще: чем громче декларируются свобода, тем больше в обществе рабов. В чем тут дело? Диалектика, что ли, такая?

* * *

Как на духу: боготворю женщин, тихо восторгаюсь всем их загадочным существом. Люблю по мере сил, возможности и разумению. Да что там напрасно жалкие слова тратить? Женщины – неиссякаемый родник жизни, краса бытия, вершина человеческих чувств и все остальное в таком же духе.

Но есть среди них одна категория, которая вызывает у меня страх. Их я боюсь, их я трусливо избегаю. Это те, которые пишут (строчат, сочиняют, вымучивают) стихи-стишата. О, нет, нет, не все. Боже упаси! Встречаются отменные, признанные поэты-мастера и среди прекрасной половины человечества. И я их знаю – казашки, немки, еврейки, русские – всякие. Они меня как раз не донимают, ибо знают себе цену, имеют честь, гордость и достоинство. Их я сам ищу и нахожу.

Не о них веду здесь речь.

А о тех, которые этого не умеют, нанизывают на некий шампур какие-то строчки-словечки по наитию, коряво, тяп-ляп, без чувства соразмерности, без ритма-рифмы, без малейшего понятия о версификационной премудрости, как бог на душу положил. Они, эти восторженные дамы разных лет, почему-то табунами лезут ко мне, суют свои вымученные вирши, написанные от руки или набранные на компьютере, и просят, чтобы я их «на досуге» непременно прочитал, похвалил, повосторгался и – поелико возможно – куда-нибудь пристроил. А мне читать их в тягость, хвалить – не-

вмоготу, а куда-либо пристроить и вовсе не по силам. «Знаете, – говорю виновато, – я ведь в поэзии ни в зуб ногой, мой аул далек от изящных муз, я в стихах ничего не смыслю, с трудом отличаю ямб от хорея, одиннадцатисложник от гекзаметра. Извините, зачем вам мое мнение?!»

Ну, кое-кто снисходительно отходит, презрительно сжав губки. Другие, наоборот, хватают за глотку. И добивают тебя, как грешника. А промямлил невзначай доброе слово – увяз коготком, как пташка. Покритиковал же слегка – запишут в отъявленные враги. Ойбой! Испепелят. Проклянут. Затопчут. Взвоешь.

Замордовали меня мои соплеменницы, перебравшиеся в вожделенную Германию. Все вокруг принялись строчить стишки на свой салтык. Ну, и ладно, строчи себе на свое здоровье и издавай, насколько позволяет «социалка». Так нет, шлют мне бандероль за бандеролью. Пишут. Звонят. Напоминают. Однажды не выдержал. Разразился гневной статейкой – «Беда вселенская». Опубликовали «здесь» и «там». После чего поток схлынул. Но почувствовал себя хуже: подействовали отрицательные флюиды из-за кордона.

Постепенно и местные «акынки» пощадили меня.

А вот одна дама из России (кстати, немка-меннонитка) уже лет десять продолжает меня терроризировать. Письма пишет. Одну-единственную книжицу для семейного употребления присылает. Разными отзывами о ней меня попрекает. «Вы кому-то плохо отозвались о моих стихах? Это подло! Что, гордыня обуяла? Зазнались? О себе только думаете?! К барьеру! Вы трус или мужчина?»

Ну, как тут быть? Пәлеге қалдым.

Ей-ей, боюсь я этих поэток. При всем их женском обаянии и прочих достоинствах.

Вообще-то, поверьте мне, женщина, слагающая стихи, конечно, прежде всего, женщина, но и еще что-то. Просто я никак не могу достаточно ясно и определенно выразиться.

* * *

В «нулевые, как принято говорить, годы я всерьез задумался написать нечто эссеобразное под названием «Ящик Пандоры».

Времена стояли смутные, за горизонтом забрезжила свобода, воспетая тогда в казахском гимне («Біз қазақ ежелден бостандық аңсаған»), мои коллеги-писатели горячо мечтали о независимости страны, не совсем четко представляя, что это такое.

Зыбились в моей башке тревожные думы. Чувствовалось, что перемены предстоят крутые и неизбежные. И мерещилась лихая пора в образе ящика (ларца) Пандоры. Грезилось мне, что на Казахстан – тихий, уютный, зелененький, без очевидных тревог и катаклизмов – вот-вот обрушатся всякие напасти. Все человеческие горести рассыпятся из мифического ящика Пандоры и предстоят жестокие испытания.

А что, собственно, такое – «ящик Пандоры»? По мифу, Прометей похитил у богов огонь. Зевс разгневался и послал на землю красивую женщину по имени Пандора с ларцом, в котором были заперты всевозможные беды и несчастья. Пандора была не только красива, но и любопытна. Она не удержалась, вскрыла ларец и рассыпала разом все горести.

Мне чудилось, нечто подобное случится и с Казахстаном, как только он обретет вожделенную независимость. Это неминуемо, ибо подобный общественно-социальный переход немыслим без больших потрясений. Ведь жить по-старинке уже невозможно, и качественно новый прорыв связан – по крайней мере на первых порах – с немалыми лишениями.

Об этом я и намеревался сказать в философски-художественной форме. А главная идея заключалась в том, что – как я где-то вычитал – на дне ящика Пандоры лежала-таки Надежда. То есть, беды-напасти рано или поздно пройдут, а надежда останется («үміт-сіз шайтан»). Человечество выдюжит испытание. И Казахстан выстоит, стойко одолев все трудности.

Вот что я пытался тогда сказать.

Замысел, однако, не осуществился. Не хватило у меня ни сил, ни умения, ни фантазии. Да и вера была, полагаю, недостаточно крепкая. Разные сомнения брали верх.

Смутно я был – как теперь соображаю – на правильном пути. Беда бедой, но надо было неуклончиво помнить о Надежде (в

смысле Hoffnung, үміт), что лежала на самом донышке ящика Пандоры. Зевс оказался дальновиден. О людях на земле не забывал.

Для меня эта идея-символ оказалась неподъемной. Но меня удивляет, что никто из моих коллег так и не осмыслил этот древнегреческий миф применительно к Казахстану. Не оттого ли, что все мы, щелкоперы, все же мелко плаваем?

* * *

Я, конечно, никакой не сәуегей-провидец, однако убежден, что фильм «Келін» режиссера и писателя Ермека Турсынова – творение прочное, надолго. Фильм обладает крепким философским стержнем, художественно состоятелен по всем параметрам.

Новизна фильма во всех компонентах завораживает. Все в нем непривычно, нестандартно – и сюжет, и характеры, и фон, и художественный штандпункт, и этнографизм, и подбор и игра актеров, и древние тотемы, и тональность.

Силы фильма и залог его успеха я сразу же углядел в добротной литературной основе. Упругая, поджарая, мускулистая, живая, полнокровная, динамичная проза.

Сколько же чернил, бумаги, желчи и словес-қысыр сөз извели об этом уникальном эксперименте! Пыль столбом! Осуждали. Возмущались. Ярились. Оскорблялись. Изобличали. Всех шавок-пустолаек науськали. Узрели в фильме унижение казахского Духа. Слез лили по поводу целомудренной казахской келін, которая за короткое экранное время не тем отдавалась. Смешно и горько! И ведь совсем недавно прокатились по всей Казахи этот вой-хай, ой-бай-ойбай.

И я рад, что мой младший друг выстоял. С юмором воспринял неистовый колоброд ультра-патриотов и псевдо-духоборцев.

Выстоял и победил. Себя утвердил. Он был прав, сказав: «Вот ветер гонит пыль. Но ты не видишь ветра. Ты видишь пыль».

Те, которые видели лишь пыль, наконец, умолкли. Выдохлись. Иссякли. Как шаман после камлания. А сам художник-творец увидел ветер. Пыль разгоняющий. Очищенный. Озонирующий.

Я недавно воспроизвел в памяти фильм во всех деталях, прочитал его основу-притчу, киносценарий этно-фэнтэзи и окончательно убедился: мастерская работа, мощно сработана, до нюансов продумана, а потому «Келін» уготовлена долгая и красивая жизнь.

* * *

Пациент после приема по обыкновению благодарил терапевта. И она, обиженно сложив губки, неизменно отвечала:

– Спасибо на хлеб не намажешь. А у меня четверо детей.

Через двадцать лет она продолжала сидеть на том же месте. И на «спасибо» клиентов также с упреком отвечала:

– Спасибом сыт не будешь. А у меня шестеро внуков.

* * *

Целый месяц изо дня в день слушаю речи кандидатов в президенты России. Выступают убежденно, горячо, порой многословно, иного, случается, заносит, и все активно носятся-мечутся по долинам и по взгорьям. Но слушать их неинтересно. Речи тусклые, казенные. Ораторские приемы скудные. Надоедают на третий день. Ни одной живинки, ни одной изюминки, никаких литературных реминисценций, ни одного крылатого, запоминающегося выражения из творчества классиков, ни одной яркой словесной фигуры. Видно, эти славные мужи книг не читают и обитают на отшибе от аула литературы. Серьезный изъян. И Ленин, и Троцкий, и даже «сапожник» Сталин понимали силу художественного слова и умеючи использовали это оружие. А вот нынешним лидерам Бог этого качества не дал. Топорной речью кого убедишь? Скучно и примитивно. Нет, не шешены-златоусты...

* * *

Тот факт, что маститый театральный режиссер Болат Атабаев первый из казахстанцев удостоен медали Гете, вызывает у меня восторг и восхищение. Я знаю Болата давно как общественного деятеля, как гражданина, как неординарную личность, как уникального человека, как рыцаря искусства. Медаль Гете – это признание

его заслуг. Я рад за него. Рад и за казахов, обретших мировую славу. Вспоминаю в этом ряду космонавта Тохтара, режиссера Болата, пианистку Жанию, скрипачку Айман, певицу Майру, математика Аскара – славная когорта, которой вправе гордиться казахский народ. Надеюсь, за ними потянется со временем многие. Иншалла!..

* * *

Инициатива исходила от В.В.Путина. Он предложил: надо бы отобрать из русской классики сто произведений для обязательного чтения. Дескать, их должен читать каждый студент. Отменная идея для нынешней, нечитающей эпохи!

Довольно скоро такой список обнародовали. Я, давая кому-то интервью, высказался в том духе, что и у нас, в Казахстане, не мешало бы иметь подобную рекомендацию, обозначающую обязательный круг чтения. Отобрать, мол, необходимо именно такие произведения, не прочитав которых, казах не может – по Абаю – чувствовать себя полноценным казахом.

Должно быть, мысль эта пришла не только в мою голову. Она витала в воздухе. Прошло несколько недель, и в газете «Жас қазақ» (24.02.12) такой список появился. Похвальная оперативность, не так ли?! Знай наших! Чай и мы не лыком сшиты. Так и озаглавили: «100 произведений, рекомендуемые для обязательного чтения студентам».

Понятно, список начинается с Абая («Книга слов» и избранные стихотворения) и кончая романом Бексултана Нуржекеева «Одна досада, одна надежда».

В списке доминирует казахская классика (Ведь список ориентирован на казахов). Но присутствуют и русская (Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Чехов, Булгаков, Шолохов, Шукшин и т.д.), а также зарубежная (Гомер, Конфуций, Шекспир, Гете, Дефо, Шопенгауэр, Аристотель, Мор, Лондон, Уальд, Драйзер, Хемингуэй и многие другие).

Представили масштабы? То-то же! Я, разумеется, не всех упомянул.

А поскольку я в согласии (пока что!) с логикой и арифметикой, то не поленился, посчитал примерный объем «обязаловки» и прослезился над бедной участью казахских студентов. Сто названий составляют 130 увесистых томов (ибо упомянуты и диалоги, и трилогии, и тетралогии и прочие весьма пухлые сборники-фолианты). Вместе получается минимум 65 тысяч книжных страниц.

Вопрос: на каких студентов рассчитаны авторы этого списка? На филологов? На технарей? На медиков? На юристов? Экономистов? Историков? Аграриев? Им что, кроме художественной литературы читать больше нечего? Им не надо зубрить спецлитературу? Исхожу из того, что самый прилежный студент прочитает за день по 30 страниц художественного текста. Посчитайте: за год он прочтет 2200 страниц. То есть, чтобы прочесть весь этот список, ему понадобится 7 (!) лет. А ведь в списке стоят и Конфуций, и Гомер, и «Фауст» Гете, и Аристотель, И Шопенгауэр, и... (не стану всех перечислять), которых одним махом, одним наскоком никак не осилишь. Даже в одинокой камере.

Значит, список этот – явная профанация. Значит, он взят с потолка. Значит, он абсолютно не реален. Учтите, что читать надо не как гоголевский Петрушка, а с карандашом, делая отметки и выписки, осознанно и осмысленно.

Кого обманываем? Кому пускаем пыль в глаза?

Я лично большинство произведений из этого списка читал и наверняка раз в десять-двадцать больше. Но я ведь и читаю-то активно уже 70 (!) лет.

Для размышления приведу один пример.

Помню, когда я заканчивал учебу в институте (КазПи им. Абая, литфак, 1958), в казахской группе IV курса проводили опрос. И выяснилось, что «Войну и мир» не читал ни один (!) выпускник вуза и «Воскресенье» – ни один (!) и только отличник учебы, будущий доктор наук Арсен Ибатов одолел «Анну Каренину». Он ходил в героях. Поняли? А вы говорите!

А ведь тогда читали, можно сказать запоем. Не было ни телевидения, ни компьютера, ни Интернета.

Так что – повторяю – весь этот список, о чем идет речь, для обязательного чтения – чистой воды туфта.

И еще один пример в тему. Из всех моих знакомых писателей, критиков, интеллектуалов, общественных деятелей четырехтомную, философски, стилистически сложнейшую эпопею «Иосиф и его братья» Томаса Манна одолел лишь один уникум Аскар Сулейменов (1938-1992). Позже я узнал, что уже всемирно известный, многократно олауреаченный Чингиз Айтматов тоже, оказалось, прочитал эту махину. А здравствующий кинорежиссер Александр Головинский прочитал за свою жизнь это гигантское творение трижды. Прошлой зимой и я сподобился, наконец, внимательно, с карандашом, с выписками прочитать это шедевр. Три месяца читал.

Клоню опять-таки к тому, что список из ста произведений в таком виде, как он составлен, не под силу никакому студенту. Вся эта благая затея – ложь.

Так же – примерно – создана, составлена и школьная программа по литературе, исходящая не от реальных возможностей, а исключительно по наитию, по прихоти остепененных литературоведов и псевдо-методистов. Поверьте мне, педагогу по базовому образованию и методисту русского языка и литературы по аспирантуре.

Конечно, ориентир какой-то нужен во всем. Необходим лоцман в океане литературы. Но рекомендация должна вытекать из логики и здравого смысла, а не придуман абы как, тяп-ляп для отвода глаз.

Вот такой вывод напрашивается из простого перечня ста произведений казахской, русской и зарубежной классики, который якобы обязательно должен прочитать студент. Увы, он этого не осилит, будучи хоть семи пядей во лбу. Получилась не программа, а пшик.

* * *

Покойный драматург и острослов Калтай Мухамеджанов лет 12-15 назад выдал эффектный афоризм: «Көп жеген – ірі, аз жеген – ұры». Хлестко и верно. Адекватно перевести афоризм мне не удалось, а смысл такой: «Много слопал – крутой, мало стибрил – вор». Дело в том, что по-казахски слова «ірі» и «ұры» – созвучны. А без рифмы не тот смак.

И вот на днях в «Литературной газете» (№ 4/12) наткнулся на фразу Веселина Георгиева: «Украл крупно – крыша, украл мелко – крышка».

Вот это и есть искомый адекватный перевод калтаевской «хохмы».

* * *

Земных забот полон рот. А тут еще все заметнее языковые проблемы. Во всех уголках мира. Я это знаю, чувствую, ощущаю, с малых лет обитая в сфере трех языков – немецкого, русского, казахского. И везде – увы! – неблагополучно.

Интересно, сколько набатных статей написано о казахском языке за последние, скажем, тридцать лет? Тысячи и тысячи! Монблан! А толк – ей-ей! – невелик. Нет, я, конечно, замечаю сдвиги в лучшую сторону. Государственный язык за последние годы значительно ожил. Но тревога остается. Может, язык и развился вширь (но никак не вглубь), может, больше людей стали общаться на нем, однако совершенно очевидно, что качество языка сильно уступает идеалу. Ой, сильно! Что ни говори, а казахский язык лишился былой мощи и красоты. Обескровлен. Поверьте мне: я в нем живу семь десятков лет.

Изъян этот чувствую не только я. И не одна моя душа изболелась. Потому-то кое-кто, должно быть, в отчаянии предлагает внедрять в общественное сознание макаронический язык – помесь казахского с русским. Дескать, так удобнее будет выражать свои мысли. Понятнее. Доступнее. Ну, например, как выражаются сплошь и рядом: «Мен ойлаймын, что біздің народ коленнен тұрады деп»; «нағыз ұйқытайтын погода екен: то дождь, то қар»; «мен молчать етпеймін»; «мен подругамды встречайттадым»; «ойпырмай, дирижердің махайт еткені әртистишно»; «теренкурмен кішкене гуляйттап келеік».

Это ужасно, если докатимся до этого.

«Только такого койыртпака нам еще не хватало!» – в сердцах написала одна казахская газета. Если такой воляпюк войдет в норму общения, считай, язык погиб: и казахский, и русский. Так пример-

но коверкали язык российские немцы, безобразно мешая родной диалект с русским просторечием («стол – Tisch, рыба – Fisch, судомой – Pastbisch; стари баба – alte Frau, тшорни звинья – schwarze Sau»).

ЮНЕСКО утверждает: в опасной зоне исчезновения ныне находится половина из шести тысяч языков мира. А американский лингвист Дэвид Хариссон полагает, что каждые две недели в мире исчезает один живой язык. Исчезнут, якобы, 120 языков, на которых говорят в России (см. «ЛГ», № 6/2012).

Каково?

Многие языки дышат на ладан и дрожмя дрожат в предсмертной агонии.

Казахскому языку такая опасность не грозит ни сегодня, ни завтра. Знатоки считают, что если на том или ином языке общаются худо-бедно один миллион человек, то такой язык «протянет» еще не одно поколение.

Но русско-казахская мешанина, на которой говорят ныне и которую кое-кто даже намерен узаконить, у меня лично вызывает страх. Чистота языка – это то, что должно стоять во главе угла неизменно и постоянно. Не то мы очень скоро превратимся в таких дебилов, которых свет не видывал. Я ведь еще сужу и по языку моих российских соплеменников, которые изъясняются на столь причудливом каудервельш, на такой абракадабре, что туши свет. Не хочу, чтобы и казахов постигла такая участь.

...Лет десять назад на одной казахской свадьбе бойкий тамада внес предложение: тосты произносятся только на чистом казахском. Если выступающий вклинивает в свою речь русские словечки, будут платить штраф – по пять тенге за каждое иноземное словцо.

И что получилось?

Во-первых тосты звучали на редкость лапидарные, совсем не в казахском духе, бескровные, скучные («Аман-сау болайық», «Той құтты болсын», «Бақыт тілейміз». Во-вторых, две третьих гостей сразу онемели, напрочь лишились языка («ауызын буған өгіздей»).

И я ушел со свадьбы в сильно расстроенных чувствах. Оказалось, без русского языка, как без воды, «ни туды и ни сюды».

О да, качество казахской речи остро стоит на повестке дня.

* * *

Из газет читаю, по телевидению вижу, как у нас, в Казахстане, проходит борьба с коррупцией, или, точнее сказать, с тотальным воровством. Вообще-то это очень смешные потуги. Скорее, цирковой номер. Фокус для дураков. Деньги – столь мощное искушение, что никакого сладу с ними нет. Никак не устоять перед их соблазнами, хоть как наказывай, хоть как разоблачай, хоть в каталажку сажай, хоть на кол усади, хоть перед всем миром осрами. Сказано предками: «При виде злата и ангел с пути свернет». А что с человека брать? Он ведь слаб и от рождения грешен. Вот сила наживы, а?! Керемет! Ғажап!

Говорят, преступность, терроризм, проституция не имеют национальности. Ложь! Имеют. Очень даже определенную. Национальность не имеют только деньги. К ним особенно тянутся те, кто взобрался-вскарабкался на вершину власти. Формула Маркса: «Деньги-товар-деньги» ныне несколько изменилась. Более точная формулировка: «Деньги-власть-деньги» Наши пройдохи-алаяки доказывают именно эту истину. Деньги есть – власть купим; власть есть – деньги сделаем. У тех, кто копошится внизу, и денег-то нет, и власть не снится, а потому по этой части у них, как у дятла, голова не болит.

Любопытную мысль высказал польский писатель Болеслав Прус. Вот она в моем более четком изложении. Существуют только четыре национальности независимо от языка:

а) те, о которых знают, откуда у них деньги и на что они их тратят;

б) те, о которых знают, откуда они берут деньги, но не знают, на что они их тратят;

в) те, о которых не знают, откуда у них деньги, но знают, на что их расходуют;

г) те, о которых не знают, откуда деньги и на что тратят.

Разобрались? Теперь вспомните тех азаматов там, наверху, на самом пике власти, которые разоблачают и которых разоблачают, и распределите их по той классификации, которую выше изложил Болеслав Прус. Получается зримая картина, не так ли? Обхохочешься! И все знают точно, кто куда относится, в каком ауле обитает и откуда дровишки.

* * *

Все реже звучит ныне высокословная казахская речь. Ее огрубили, лишили красок, примитизировали, абортировали душу, довели до средства общения глухонемых. Она стала «кхазакхча-руссча». Тьфу! Высокохвальный казахский язык уходит в небытие.

* * *

Пишут в газетах, что русский психолингвист, уникум-политолог Дмитрий Петров считает, что казахский язык можно выучить за месяц.

Апырай, а! Надо же как просто!

Знакомый аульный казах в таком случае говаривал: «Ухам сомнение». Те же сомнения одолевают и меня. Я живу среди казахов 70 (!) лет, вырос в ауле, окончил казахскую школу, пишу по-казахски, перевожу с казахского, но никак не считаю, что полностью проникся духом казахского речестроя. Следовательно, то, что утверждает русский психолингвист – сущая профанация, то есть «ухам сомнения». Русский Виктор Храпунов, к примеру, за сорок лет выучил два слова-обращения («құрметті қауым»), а произносил так («кхурметти кхаум»), что казахский язык корчился в судорогах. Боюсь, что месячные курсы Дмитрия Петрова застряли на этом же уровне.

* * *

Внимательно следил за выборами в Президенты России. Пришел к выводу: либо было что, либо будет что. Второй вывод напрашивается: лидеры заметно мельчают. Во всем мире.

И еще: терпит брага долго, а через край пойдет – не уймешь.

* * *

Ах, какая шикарная фраза прозвучала в «ЛГ» еще двадцать лет назад: «И дурак может стать советником. У другого дурака».

* * *

Лицезрею московскую митинговую коловерть и диву даюсь: до чего же расплодились лихоимцы и враждолюбцы. Бесы бешенные сеют зло, жаждут смуты, крови. Отчего это? Не по человеческому закону людишки живут. И у нас, в доморощенном краю, то же: мечетей понастроили тьму, а они пустуют. И посетителей нет, и настоятелей нет. Всекозненный, вселукавый люд лишь на словах почитает всезижтеля.

* * *

Фраза в одном из писем Чехова: «В наш век лжет все». Что бы Антон Павлович сказал, живя в наше время, когда и телефонный столб врет?

* * *

Гоголевский титулярный советник Аксентий Иванович Поприщихин («Записки сумасшедшего») вынужден был признаться, что с недавнего времени он начинает иногда слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал.

Судя по выступлениям по официальным каналам доморощенного ТВ и тухлым верноподданническим газетам, нечто такое происходит и с нашими титулярными советниками. Такую иногда, прости господи, чушь несут, что хоть стой, хоть падай. Обнародувают то и дело такие успехи и достижения по всем параметрам инноваций, такую наводят тень на плетень в ясный день, такую цифирь обрушивают на одурманенные головы благонамеренных сограждан, что впору, как гоголевскому герою возомнить себя испанским королем – Фердинандом Восьмым.

Бедняга-сорлыбаюшка Поприщихин, как известно, сделал однажды такую запись: «Доставок нет – вот беда». Наши титулярные советники утверждают прямо противоположное: «Недостатков

нет – вот беда». В результате некой мудрой политики мы достигли таких умопомрачительных высот, что все вокруг о'кей, как некогда советский хоккей.

Отчего такое происходит?

Ответ нашел опять-таки у Поприщихина:

«И это все происходит, думаю, оттого, что люди воображают, будто человеческий мозг находится в голове; совсем нет; он приносится ветром со стороны Каспийского моря».

А? Қалай?

Может, и у нас все небывалые достижения приносятся ветром оттуда же, со стороны «КазМунайГаза»?

* * *

Смотрю налево, смотрю направо, смотрю вверх и вниз – и что я вижу? Тотальное невежество и холуйство! Именно этими двумя отнюдь не достойными качествами пронизано все наше бытие. Есть еще и третий кит – неуемная человеческая алчба. На том и держимся. Вот это и есть современная «коркутова могила» («Қорқыттың көрі»).

* * *

Я долгие годы жил в советскую эпоху, а уже два десятилетия живу в постсоветскую (или при диком капитализме). К политическому и идеологическому вранью советского периода я как-то привык. Приспособился. Смирился. Пребывал в густой лжи, как в тумане. Это стало как бы нормой повседневного бытования. А постсоветское вранье оказалось столь крутым и липким, что мой хилый организм аж корчится от боли и стыда.

Врет власть, врут лидеры партий и движений, врут чиновники, врут СМИ подневольные, само собой – статистика, метеорологи, социологи, демографы и юристы, ушаты лжи льет повседневно на наши головы ТВ.

Слегка утешает меня один герой Достоевского (Разумихин). Вот его откровение: вранье всегда простить можно; вранье – дело милое, потому что к правде ведет.

Дальше – больше. «Соврешь – до правды дойдешь. Потому я и человек, что вру. Ни до одной правды не добрались, не соврав наперед раз четырнадцать, а это почетно в своем роде, ну, а мы и соврать-то своим умом не умеем».

Выходит, главное вранье еще впереди? Коли своим умом и врать-то не научились?

Ну, и в чем спасение? Может, нужно вытравить из человеческого лексикона такие слова-понятия, как «правда», «истина»? Тогда, может, и жить легче будет? «Все говорят: нет правды на земле, но нет ее и выше». Помните?

Ну, а к чему ведет вселенская ложь – известно. Она ведет к массовому лицемерию. А что это означает, ответил Чингиз Айтматов еще 22 года назад (см. «ЛГ». 27.01.90): «Массовое лицемерие таит в себе огромную опасность, ибо постепенно ведет к деградации всего общества, к распаду личности».

Литература искони вскрывает язвы общества. Только кто ныне читает литературу и прислушивается к литераторам?

* * *

Звонит мне мой земляк, ровесник, академик, мудрец. Он читает все мои опусы и утвердился в мысли, что мною руководит некая личная обида. И он не один так считает. Странно... Ну, какая может быть у меня личная обида? На кого? На что? Так вот, уверяю вас, как на духу. Абсолютно никакой личной обиды. Даже оснований-поводов никаких. Никто меня не преследует, не гнобит, не унижает. Рот не зажимают. Пера не стреножит. В газетах-журналах обильно печатаюсь. Книги издают. В обществе в основном относятся сочувственно. Вполне обласкан. Побрякушками, регалиями не обделен. Вниманием также. Откровенных врагов нет. Завистников тоже. Так что в этом плане обижаться не на кого.

Другое дело: далеко не все по душе, что происходит вокруг, что я вижу и слышу как гражданин, как писатель, как мыслящий человек. Нетерпим к беспардонной лжи, цинизму, пошлости, фарисейству и даракианству-хвастовству. Об этом я и склонен говорить

и писать открыто, в меру своих способностей и разумения. Это моя правда, которую я чувствую и ощущаю. И она созвучна правде многих соотечественников. Сужу по откликам, отзывам, по звонкам, письмам. Вот, собственно, и все. И мне досадно, что я вынужден о том говорить. Объяснять все мои гражданские порывы, мои человеческие поступки и импульсы лишь некоторыми личными обидами, было бы слишком примитивно и пошло. Ей-ей, говоря это, я испытываю неловкость и смущение, но люблю абсолютную ясность и определенность во всем. Dixi!

* * *

Существует некая закономерность в человеческой судьбе. Она давно известна, философы, моралисты, писатели наверняка «обсосали» ее со всех сторон. Я же в том все больше убеждаюсь на склоне лет на своем, так сказать, личном опыте. Уразумел: все на свете кончается своей противоположностью: счастье – несчастьем, победа – поражением, любовь – ненавистью, радость – горем, слава – позором, триумф – трагедией и т.д. И – наоборот. Будто кто-то там, в небесной канцелярии, все дотошно подсчитывает то ли на счетах, то ли на компьютере, и каким-то образом все распределяет более-менее справедливо во времени и пространстве. Бывает, кому-то недодал, кого-то одарил с лихвой, но в конце все как-то выравнивает, к какому-то балансу подведет. Вполне возможно, что это некий всемирный нравственный закон. Спрошу – при случае – у мудреца Канта.

Давно смекнул: если сегодня (условно) мне сопутствует удача, то завтра непременно начнется полоса невезения, и ничего тут не поделаешь, хоть расшибись. Так вот и идет волнами: плата, переплата, недоплата, расплата.

Это неминуемо. С этим приходится мириться.

Вырвался на волю – где-то тебя подстережет капкан судьбы, рока, фатума.

Закон этот не могут отменить ни Дума, ни Рада, ни даже Мажилис. Ал, не істейсің:

* * *

Банальность: копить надо не бабло, а добро. Точнее: энергию добра, благородства, порядочности. Только эту энергию можно передать в наследство или оставлять людям. А бабло, само по себе, видимость, химера, туфта. Казахи говорят: «қолдың кірі». По-русски: «дерьмо». По-немецки: «шайзе». По Абаю: «бок көтерген боқтың қабы».

Увы, эта элементарная истина ныне, точно побитая собака, поджав хвост, отступила под напором наживы, крокодильей алчности. И я не знаю, насколько это продлится. Наверное, надолго. Пока изголодавшиеся веками люмпушки-пендешки-сорлыбаюшки не набьют свои рогожные утробы. Или – не приведи господи! – не грядет некая катастрофа-возмездие, дабы обратить людскую жадность и войти в русло разума и тауба.

Понятно, я лично ни в чьих карманах не шарился, но доводится читать там-сям про отъявленных рыцарей большого хапка, что, взобравшись на высокие-высокие кресла, по уши уткнувшись в кормушку власти, заглотили-захапали-урвали столько всякого-разного, что вот-вот лопнут, как пиявки, как клещи-кровососы, и обзавелись во всех уголках света дворцами, виллами, молодками-токалками, банками, ресторанами и прочей диковинной недвижимостью, наворотили горы бабла, которые не разгребать, не расхлебать ни детям, ни внукам, ни даже шөбере-немене. О, это очень известные азаматы, не скажешь, что олухи-обалдуи, они себе на уме, образованные, бывалые, тёртые, а – надо же! – уразуметь не в силах, что все это рано или поздно выйдет боком. Ай! Ах!..

Сколько же миллиардов нагребли всякие саддамы, каддафи и прочие фюреры нации, ну и где они – эти миллиарды их и их владельцы? Чем все кончилось? И детки-внуки отнюдь не благоденствуют. Умные казахи давно заметили: все неправедно нажитое достанется рыжей собаке. Или: «Аяғы дүниенің ырың-жырың».

Е-е... бог лишил людишек разума. Сатана хохочет, правил бал в дремучих душах прохиндеев-алаяков.

Вспоминается фраза мудрого Вэя из романа Ермека Турысынова: «Редкий царь избегает плахи».

Так было. Так есть. Так будет.

Впору и опомниться, не так ли?

* * *

Ох, говорун! Ай, болтун! Бөспебай! Красно баит. На все приветы у него заготовлены ответы. Ничего не скажешь, словом скор, да в делах не спор. Видели, убедились неоднократно. Но трепливый язык, видно, кому-то понадобился. Как же: любой бочке затычка. Кукарекает раньше всех. И бежит впереди паровоза. Язык – что помело. Он им лижет, и пашет, и молотит, и колотит. Доит шибко, да молоко жидко. Знаю я его. Да и все знают. Как говорится, знают Фоку и сзади, и сбоку.

* * *

По пятницам-субботам я пластаюсь под обвалами газет – русских, казахских, немецких. Обалдеваю вконец. Временами выхожу на балкон, обозреваю двор. На старом карагаче и тополе сидят, нахохлившись, три вороны. Задумчиво молчат. Тоже, видно, чем-то ошарашены, хотя, полагаю, газет не читают. Стынь. Сырь. Кружат снежинки.

Откуда ни возьмись прилетела сорока. Уселась на макушку тополя, оглянулась налево-направо, хвостом дернула, зрак выпучила.

– Вррремя пррриидет! – заголосила дурниной. – Вррремя пр-ррр-идет!

– Карр! Ну и что?! – хрипло откликнулась ворона.

– Говорррю: вррремя пррр-идет – и час пррробъет! Пррр-объет!

– Дурра! Тебе-то что? – проворчала вторая ворона.

– Вррремя пррридет – слезы утрррет! Утрррет!

– Каррр! А дальше? – поддержала товарок третья.

– Всему свое вррремя! – пуще распалилась сорока. – Всему свой черррред!

– Вот заладила воровка! Карр!

– Да, да, да! Врррремя прррридет! – зловеще проверещала напоследок сорока и, дернув хвостом, упорхнула прочь по своим сорочьим делам.

Вороны вновь погрузились в задумчивость. Неужели трещотка-вещунья что-то прочуяла-прознала? Я прикрыл балконную дверь и вернулся к газетам.

* * *

После двух инфарктов и одного инсульта явился ко мне однажды Голос.

– Пока ты шкрябаешь пером – не трону. Перестанешь – заберу.

С того времени и строчу усердно. Впопад – невпопад – вопрос другой.

А одна пожилая казашка, встретив меня, удрученного, растерянного, у памятника Чокану, убежденно утешила:

– Не бойся. Дух казахов тебя поддержит, спасет.

Я поверил. На аруах немецкий и русский не сильно-то уповаю, а казахский – надеюсь – ко мне благоволит.

* * *

А на днях звонит мне уникальный Дюсенбек Накипов и говорит искренне, проникновенно:

– Гер-аға, ағатай, пожалуйста, поживи еще!

Меня это так расторгало, что я мимовольно откликнулся:

– Ладно. Постараюсь. Поживу.

* * *

Не скажу, что родители мои бедствовали, но жили всегда весьма скромно. Протягивали ножки по одежке. Сколько себя помню, трудились, как батраки. Никогда не сидели, сложа руки. Копейку берегли. Все держалось на жестком, строго регламентированном, экономном немецком порядке.

Отец вообще был родом из бедных, из тех, чей двор крыт светом, а обнесен ветром. Богатых не жаловал. Роскошества не терпел.

Мать по нынешним меркам относилась, пожалуй, к среднему классу. Старшая дочь сельского вольнодумствующего капельмейстера. Но работы не чуралась никакой. Все умела по крестьянской части.

К «кулакам» отец жалости не испытывал. Все более тянулся к голытьбе. Мать жалела мало-мальски зажиточных, мол, настоящие труженики, не лоботрясы, которые только и умели, что играть «Интернационал» на мандолине. Она всю жизнь считала, что советская власть с дельными людьми поступила непорядочно.

На этом фоне между родителями случались классовые стычки. Потешные, конечно, ибо родители друг друга любили и прожили более 60-ти лет в душеном согласии.

Так что я вырос в классовом сознании. Достаток, нажитый честным трудом, почитаю; богатство, обретенное воровством, презираю. Сочувствую тем, кто исповедует простые истины:

– был бы горшок, да было бы в горшке, а покрышка найдется;

– в богатстве сыто брюхо, голодна душа;

– довольство – лучшее богатство;

– лучше страдать брюхом, нежели духом.

Ну, и в таком же духе. Подобных выражений уйма как у русских, так и у немцев, и у казахов, и у разных шуршутов.

Бедность ощутить я в состоянии; что́ есть богатство в материальном смысле – доселе не уразумел.

* * *

Кое-кто из моих немецких друзей, живущих уже 20 лет в Германии, чувствуется, не совсем довольны своей судьбой. Должно быть, червячок сомнения порой грызет душу. «Зато дети получили немецкое образование», – пишет мне один из них. Это его главный козырь, он этим явно кичится. А, может, себя утешает – не знаю.

У каждого своя гордость. Я, например, получил не немецкое, а казахско-русское образование. И горжусь тем, что окончил казахскую аульную школу. Хорошая, скажу, была школа. И педагоги толковые. А аул и вовсе был для меня подлинным университетом

жизни. Десятки раз говорю о том, что человеком я стал благодаря родителям, аулу и книгам.

* * *

Сильно смутился я, лицезрея по телеящику встречу саруара с дамами, приятными во всех отношениях. Было это в канун 8-марта. Мне неясно, в какой степени эти дамы близки к Кларе Цеткин и Розе Люксембург, но выглядели они хорошо: опрятные, ухоженные, прибранные, прилично упакованные. Особенно бросались в глаза две дамы: ох, кокетничали, ах, жеманничали, ух, рассыпались в комплиментах, от которых даже многоопытный Елбасы, кажется, несколько подрастерялся. Я подумал: против не в меру льстивых мужиков существует эффективный прием – дать пинком под зад. А как быть с льстивыми вумен? Не мешало бы им время от времени показать пальчик и сказать: «Цыц!» Иначе ведь не уймутся. Бедный саруар: чего ему только не приходится выслушивать и терпеть?.. Осы ғой енді...

* * *

– Что, чепухой занимаешься? – с ехидцей спрашивает каждый раз мой давний друг Шота Валиханов.

– А что делать, когда вокруг творится одна чепуха? – неизменно отвечаю я. – Еще Гоголь писал: «Совершеннейшая чепуха творится на белом свете».

В самом деле, лет пятнадцать между делом плету чепуху. У Давида Самойлова есть строчка: «Плетенье чепухи люблю». И я люблю. Наплел изрядно. «Чепушки» мои публикуются в «Дате» (ныне «Общественная позиция»), в «Казахе», «Евразии», «Ниве», «Просторе», «Тоболе», во «Времени», в двух-трех сборниках, где-то еще. Любопытно, что этот непритязательный жанр привлек внимание читателей. Мне звонят, пишут. Одобряют. Иногда спорят.

– И сколько наплел? – спрашивают.

– Семнадцать тетрадей. Каждый по 100 страниц. Вот и считай.

– А книгой издавать не думаешь?

– На то воля спонсора. На немцев не уповаю. На русских – тем более. А щедрые казахи помалкивают. И я ни к кому не стучусь.

– И сколько намерен еще плести?

– Как получится.

– Ну, удачи вам! Продолжайте. Только... э-э... подстрахуйте себя. А то ведь кто-то может вашу чепуху слишком всерьез принять.

– Ладно. Учту.

* * *

Вышла в издательстве «Иман» шикарная по оформлению, по дизайну книга-махина (килограмма на два тянет!) под звучным и гордым названием «Дарабоз». Совершенно уникальное издание! Книгу держать и листать приятно. Биографические очерки о выдающихся личностях Казахстана (Правда, о некоторых я никогда ничего не слыхивал, что, понятно, еще ни о чем не говорит). Текст иллюстрирован цветными фотографиями персон и их семей. Сплошные дарабозы – непревзойденные, единственные в своем роде призовые скакуны. Все дарабозы – казахи. «Ығай» и «сығай». И среди них затесался один немец, которым при ближайшем рассмотрении оказался я.

Ай да дарабоз!

* * *

Вы видели когда-нибудь павлина, во всем блеске распустившего свой яркий хвост? О, какая осанка, какая гордость и спесь! «Я самый лучший, самый важный! – говорит каждое его перо. – Красивее и милей на всем свете нет!» Есть банановые республики, распустившие павлиний хвост.

* * *

Вообще-то по мере сил и возможностей я слежу за современной казахской литературой. С некоторых пор привлекли мое внимание короткие рассказы-зарисовки Айгуль Асылбековой-Нукербаевой. Чем они меня «зацепили»? Простотой, жизненностью, доверитель-

ной тональностью, безыскусственностью, живым повествовательным слогом. Автор выбирает вроде бы неброские факты, знакомые житейские ситуации, сплошь и рядом случающиеся в семьях, между родственниками, близкими людьми, коллизии, отражающие современный быт, отягощенный рыночными отношениями, случаи, с которыми мы все сталкиваемся, но не всегда удостаиваем внимания. Чаще всего это даже не рассказы в сугубо жанровом смысле, а просто наброски, зарисовки с психологической, образной, речевой характеристикой. И в этом их прелесть, их внутренний драматизм, бытийный конфликт, Это новеллки-зарисовки, этюды заставляют задуматься, оглянуться, вникнуть в течение многоликой жизни.

Айгуль нашла свою тему, свою тропинку, что меня, собственно, и радует. Рассказики ее я встретил на страницах «Жас алаш», «Қазақ әдебиеті», «Ана тілі», «Ақиқат», «Жұлдыз», а недавно она издала книжку под названием «Бақытты болатын өмір» (Алматы, 2011, 136 страниц).

Я еще раз прочитал все 24 рассказа этого сборника и убедился в их скромном обаянии и привлекательности.

* * *

Профессор Қарпык К. (83 года) делится своей печалью. Отец и брат его покоятся в родной земле в Карагандинской области. На погосте между ними есть место и для него. В роковой час могут туда отвезти.

Но как быть с женой?

Ее родители лежат в Алматинской земле. И, понятно, после кончины она хочет быть поближе к ним.

«Как быть?» – вздыхает профессор. – Проблема!»

Мне приходят на ум пушкинские строки:

– И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

Для меня «ближе» – это где? Поволжье? Исключено! Аул в северном Казахстане? Исключено. Ташкент, где покоятся родители и сестры? Исключено.

Так где мне почивать? На окраине Алматы? Врозь с женой?

Мы с профессором Қарпыком молчим, каждый думая о своем. Выходит, «равно повсюду истлевать»?

«Но не будем о грустном», – говорил в таких случаях мой сосед по больничной палате геодезист Фоменко. Набредет невзначай на подобные темы и спохватывается: «Не будем о грустном».

А мой друг Шот-Аман Валиханов по такому поводу однажды сказал: «Не думать о том никак нельзя». Он даже написал стихотворение, посвященное его предку Чокану Валиханову: «Келдім сенің қасыңа». То есть, он завещает упокоить его рядом со славным предком в земле Алтын-Эмель.

Отсюда вывод: нет, не совсем все равно, где истлевать.

Ай, ладно... Не будем о грустном...

* * *

«Ассамблея народов Казахстана» прозвучала лет двадцать назад в устах Елбасы неожиданно, свежо и весомо. Помню: сама идея такой организации меня взволновала. А слово какое яркое и красивое – Ас-сам-бле-я! Многонациональность Казахстана для меня всегда была привлекательной. Отец мой неизменно восхищался многонациональностью казахстанского застолья. И нас, детей и внуков своих, воспитывал в этом ключе.

Я же в то памятное время вместе с младшим коллегой Константином Эрлихом возглавлял Немецкий культурный центр в Алматы, и, понятно, охотно стал членом Совета Ассамблеи народов Казахстана. Я был убежден, что суть этой уникальной организации заключается в развитии сугубо национальных проблем – языка, истории, культуры, традиций, этнографии. И, конечно, полагал я, от аула разухабистой политики необходимо держаться как можно дальше, на солидной дистанции.

Увы, очень скоро обнаружился крен: Ассамблея заметно превратилась в политический инструмент власти, в некую идеологическую дубинку. Она стала служить не столько своей диаспоре, не народу Казахстана, а исключительно, послушно, даже угодливо исполняя волю правящей верхушки. Лидеры диаспор произносили с разных трибун ложно пафосные, лозунговые, банальные речи, давали налево-направо постные, назидательные интервью в духе передовиц официозных газет, организовывали показушные шоу в псевдонациональных костюмах, украшали лубочными действиями политические тои, изображая не то, что есть в реальности, а то, что по мнению руководства, должно было иллюстрировать мертворожденную идею. Смотреть на все эти фольклорные потуги становилось тягостно.

Покойный писатель Морис Симашко в шутку называл Ассамблею – «Я сам блею». Вообще-то ничего предосудительного нет, если каждая диаспора «блеет» на свой салтык, но на деле выходило, что все «блеяли» одинаково, так, как того требовали пастухи-пастыри-поводыри.

Со временем я охладел к Ассамблее, и меня за пассивность вскоре отчислили из рядов Совета.

Что же еще стало для меня неприемлемым в этой организации?

Ее декоративность, декларативность, послушность, граничащая с пресмыкательством. Сдержанно отнесся я и к тому, что кое-кого из ее излишне рьяных, откровенно прогибающихся лидеров стали назначать в Мажлис, явно не по чину-заслугам, а по неким другим, отнюдь не достойным качествам.

А самое главное – Ассамблея оказалась чуждой казахским проблемам, казахской национальной боли, неизбывной казахской тревоге. Она поставила себя особняком, вне казахской ауры, отмахнулась от негативных явлений в обществе, избегая любые конфликтные ситуации, не отвечая на сугубо казахские вопросы, делая вид, что ее ничего не касается, что ее дело сторона, что она должна делать только то, что угодно власти, озвучивать лишь ее волю и интересы. Странно: казахские струны совершенно не задевают душу

Ассамблеи. Более того, она держится так, будто обитает в стране, где вообще нет казахов, где живут только некие диаспоры.

Вот это-то, на мой взгляд, очень серьезный изъян, который сильно подрывает ее значимость, ее общественную роль, задуманную во благо изначально.

Не знаю, кого как, но меня, казахстанского этнического немца, это обескураживает, огорчает.

* * *

Ныне все политики – всезнайки. Всех подряд учат жить. Нашего Елбасы я знаю, вижу, слушаю, уважаю уже четверть века. И за это время я ни разу не слышал из его уст: «Мен білмеймін» – «Я не знаю». Он знает все, на все случаи жизни у него есть готовый ответ. Может, так положено. Как-никак лидер нации. Но ведь на него глядя, и другие разные мини-саруарчики тоже никогда не скажут: «Я не знаю». Это древние философы говорили: «Я только знаю, что ничего не знаю». Наши доморощенные сарбазы знают все.

Ой, алла-ай!..

* * *

Ну, вот и просочилось нечто более-менее конкретное в печати: «карабчионеров», которые стырили у любимого ата-мекена, Казахстана по 50-100 миллионов баксов и дали деру за кордон, оказалось 1600 (одна тысяча шестьсот).

Это надо полагать, часть айсберга. А сколько их, рыцарей большого хапка, на самом деле – Аллах весть. Жируют где-то джигиты и кызымки на райских лазурных берегах и показывают нам, благонамеренным казахстанцам-бишаринцам, свои причинные места: «Мә, саған!» – «Вот тебе! Что ты мне, сорлыбай, сделаешь? Положил я на всех вас!»

Некоторые из них наша власть грозится взять за шкирки и доставить назад в страну. Атаңның басы! Черта с два!

А сколько тысяч юркачей, набив мешки-корджуны под завязку, притаились, чтобы при первом же удобном случае сигануть за пре-

делы любимой независимой страны! О, тьма-тьмущая! И народ их в основном-то знает.

Возникает вопрос: что это за страна такая, которую запросто грабит-насилует каждый прохожий прохиндей? И что это за власть такая, которая средь бела дня позволяет такой разбой?

Ау! Кто ответит?

Доколе?!

* * *

Лежу в больнице. Приглядываюсь к сестричкам-медбике и санитаркам-уборщицам. Вступаю в беседу. Расспрашиваю о житье-бытье. Сплошь милые, симпатичные казашки. Молодые. Старательные. Исполнительные. Умелые. Увы, благополучных среди них почти нет.

Понаехали из глубинок в поисках работы и удачи. Слоняются по временным углам-квартирам. На окраине города или вообще в пригородах-поселках-выселках, где подешевле. Одни замужем, другие – нет. У одной двое детей-подростки. Муж погиб в аварии. Работает на двух местах. Тянет лямку из последних сил. Учит детей. Другая ждет первенца, а муж безработный, попивает. Третья ночами дежурит, а днем обслуживает большую семью мужа – свекра, свекровь, деверей, золовок. Кого ни расспрашивай – сплошная нескладуха. Родители прозябают где-то в захудалых аулах. От них помощи никакой, и им помочь нечем. Начинают рассказывать – хоть пиши книгу скорби. А рассказывают мне охотно: как-никак писатель. Читать, правда, не доводилось, некогда, но по телевизору не однажды видели.

Лежу под капельницей, прислушиваюсь к больному сердцу и думаю горькие свои думы.

* * *

Пожалуй, напрашиваются два принципиальных замечания. Я многие годы печатаю свою «Чепуху» в «Дате», а ныне еще во «Времени» (до того в десятке других изданий). Отсюда кое-кто

склонен сделать вывод: уж не оппозиционер ли Бельгер? Нет. Совсем не так. Если я в определенном смысле и оппозиционер, то – подчеркиваю – нравственный. Это значит, что по нравственным принципам не приемлю многое, что происходит во власти и в обществе. Имею на то право. Более того, это мой гражданский и писательский долг. И у меня не должно быть запретных тем. И совесть моя чиста.

Но никак не оппозиционер политический. Я ведь за власть не борюсь, никого не подсиживаю, ни на какие кресла не претендую, ни в какой партии не состою. Мне это не нужно. Абсолютно. Хочу, чтобы мой читатель уяснил это четко и точно.

И второе. Почему-то считается, что «Дат», «Свобода слова», «Время», «Жас алаш» и кое-какие другие издания – оппозиционные. Это заблуждение. Я так не считаю. Это просто честные, открытые, правдивые газеты, ратующие за истину и народ. А кого я отношу к оппозиционной прессе? «Казахстанскую правду», «Егемен Қазақстан», «Литер» и другие подобные издания. Они в оппозиции к народу, к элементарной правде, к очевидной реальности. Они размахивают главным образом дубинкой власти. Они пишут о том, чего нет, напропалую искажают действительность, пропагандируют ложные идеи, вешают на уши лапшу в угоду горстке временщиков-правителей. Их народ не читает, их навязывают. Они кривое зеркало. Самое смешное – эти издания сами знают, что врут. Что они сплошь замятины и заглажины (старшее поколение, может, еще помнит этих персонажей КПСС). Для меня печататься в таких газетах – нонсенс. Ибо они «страшно далеки от народа».

Читатель это и без меня знает. Просто я посчитал нужным это четче обозначить.

* * *

Время от времени прокатывается по стране компания борьбы с коррупцией. Так выбивают-выколачивают пыль из залежавшейся в юрте кошмы. Я это всякий раз воспринимаю с тяжелым сердцем. Не знаю, что́ и как чувствует себя при этом верхушка власти, а мне

чудится: катастрофа, тупик. Воровство, взяточничество пронизали все сферы нашего общества сверху донизу, по горизонтали и вертикали. Взяточничество, коррупция стали тотальной нормой поведения. Второе поколение воспитывается в этом порочном духе. Не подмажешь – с места не сдвинешься. Ребенка в детский сад не устроишь. Поганую справочку не раздобудешь. Мои знакомые старики не в состоянии определить без определенной мзды своих внуков в желанную школу. На днях узнал, что в знакомую школу навострила лыжи некая комиссия из Института усовершенствования учителей департамента народного образования, и директор школы срочно обязала всех учителей собрать по две тысячи тенге, чтобы подсунуть комиссии традиционный пакет. Иначе могут быть неприятности. Так положено. Так повсеместно принято. Школа собирает дань с родителей. Учитель грабит учителя. Это, так сказать, низовой уровень. А что творится наверху? Там запросто заглатывают лошадь с поклажей, верблюда с шерстью. Там совсем иные масштабы. Там крутят миллионы-миллиарды. И всем все известно. Уже и секретов нет. И сладу с этой заразой никакого. Президент уже бессилен обуздать эту напасть. И кажется мне, что огромный Казахстан во власти оккупантов и мародеров. И кое-кто это воспринимает за независимость. Боюсь, никому уже не одолеть эту стоглавую гидру.

* * *

По поводу разнузданной коррупции в нашей стране я постоянно думаю уже многие годы. Конечно, впустую, бесплодно. От моих тревожных дум никому ни жарко, ни холодно. Меня удивляет, что коррупция обрела небывалый расцвет именно в последние двадцать лет. Какой-то непостижимый парадокс: нет более принципиального борца с коррупцией, чем нашего Елбасы, но именно при нем она обрела неуправляемую мощь. И в чем тут дело – ума не приложу. Чем отчаянней размахивает шашкой признанный лидер нации, тем больше голов вырастает на этой аждахе.

Кое-кто уверяет меня, что коррупция – по большому счету – двигатель прогресса. То есть, коррупция, мол, активизирует и мобилизует человеческие деяния. Не знаю, не знаю. Может, на определенных этапах. При сколачивании первичного капитала. А потом – тупик, расплата, кара-зауал. Содом и Гоморра.

Беседую на эту тему со знакомыми на прогулке у Чокана. Приходим к единому выводу: неминуем Нюрнбергский процесс. На скамью подсудимых нужно посадить очень известных сто или двести отъявленных юркачей-прохиндеев самого высокого ранга. Наказать по всей строгости. Кое-кого повесить. Кого-то расстрелять. Еще кого-то сослать в далекие края, где на собаках ездят. Потрясти весь клан. Может, тогда остальные прижмут хвосты, умерят аппетиты. Скажете: было. Верно! А какой выход? О да... понимаю, все это бред, фантазия, пустое, ложный посыл. Кровавая коловерть. Власть на это не пойдет. Не может же она сама себя усадить на скамью подсудимых. Но в качестве возмездия такой расклад хотя бы в возмущенных душах допускать можно. Зло должно быть наказано не только в сказках.

* * *

На холуях можно построить только холуйскую политику. Вчерашний холуй очень легко превращается в мстителя, предателя, реваншиста, злопыхателя. Мы это знаем. Мы это видим сплошь и рядом.

* * *

Читаю записки, отрывки Ивана Щеголихина, опубликованные в «Просторе» (№ 3 за 2012 г.) под названием «Между прошлым и будущим». Это извлечения из компьютера Ивана Павловича, сделанные его внуком уже после кончины деда. Так мне объяснила вдова И.П. – Иветта Николаевна.

Я читал записки дважды, с карандашом. Знавал я Ивана Павловича сорок семь лет. Я любил его – прекрасного человека, писателя и общественного деятеля. И ко мне он всегда относился внима-

тельно, поддерживал, поощрял, рекомендовал меня в члены Союза писателей в далеком семидесятом году прошлого века.

Будучи депутатами Верховного Совета Казахстана XIII-го созыва (1994-1995 г.г.), мы работали в одном Комитете и ежедневно, подолгу общались. Взгляды наши по части политики и идеологии не всегда совпадали, но мы оба тактично и деликатно обходили острые углы. «Ну, да... – говорил И.П., мудро улыбаясь, – вы человек передовой, продвинутый, а я – консерватор. К тому же старше на семь лет...»

Потом, когда он вернулся из Астаны (после многолетней работы в Мажлисе и Сенате Парламента), мы регулярно общались по телефону: говорили о творчестве, обменивались книгами, рассуждали об издательских планах, о литературных делах, о языковых проблемах, о подспудных течениях в текущей политике, о распространении журнальной и книжной продукции, об упадке тиражей и престиже писателя, об интригах в Комиссиях по государственной премии, где оба долгие годы состояли, и так далее. Говорил И.П. всегда спокойно, веско, размеренно, убежденно, внятно, с отменной дикцией, интонируя отдельные слова и фразы. Беседы эти всегда были интересны и содержательны. Вот и сейчас, читая его проникновенные записи-монологи, я живу слышу его голос, знакомые речевые обороты, выразительную аргументацию. Вот некоторые его сентенции, не потерявшие актуальность, хотя и высказанные лет двадцать-десять-пять лет назад.

«Все – в меру. Язык – для жизни. Но не жизнь для языка. Добро можно творить без слов»

«Я решительно не разделяю мнения, что политика – грязное дело. Какой человек, такое у него и дело»

«...выглядеть националистом сейчас престижно»

«Интересы коллектива выше интересов отдельной личности, интересы государства выше интересов отдельной нации – это азбука демократии, азбука интернационального воспитания»

«Можно радоваться появлению массового читателя, но ничего, кроме уныния, не вызывает появление массового писателя»

«Надо читателя, а его нет, и не только у нас, но и по всему миру. По данным журнала «Книголюб», около 50 процентов взрослого населения Казахстана книг в руки не берут годами, а в США по статистике почти двадцать процентов выпускников школ читают по складам»

«Раньше я писал в стол – не пропускала цензура. Сегодня цензуры нет, но, как и прежде, я пишу в стол – не пропускает рыночная экономика»

«Государство есть намордник на звериную сущность человека. Сказано грубо и точно. Государственная пресса нужна обязательно. Честная, прямая, правдивая. Благие намерения сделать всю прессу коммерческой обернутся дорогой по кругам зла. Ибо пресса коммерческая не может защищать государство, не станет и не захочет»

«...без страдания человек не действителен – он не действует, не подвергается противодействию, и потому его нет в действительности»

«Мне тяжела правда, что русский (язык) действительно задавил казахский»

«Свет очей моих!» – ласково говорят казахи внучатам, а ребятишки не слышат их самых нежных, самых проникновенных слов, питающих детскую душу, не слышат. Обрывается связь поколений, духовная преемственность, традиция, этническая память – и виной тому наш без вины виноватый русский...»

«Пора уже видеть и слышать прежде всего свой народ!»

«Чем больше контролеров – тем больше взяточников»

«Сказано уже, и не раз: хвалить правителя при его жизни – лакейство, хулить его после смерти – хамство»

«Уедут свои – а приедут чужие»

«Со временем убедился – трудно говорить правду при любом строе. При диктатуре правда злит верхи, при демократии злит низы. Но говорить надо»

Таковы ключевые стержневые мысли публициста, прозаика и гражданина Ивана Павловича Щеголихина.

В год его 85-летия я посчитал нужным их крупно выделить. Он постоянно задумывался о судьбе казахстанской литературы, о роли и месте русских, русской культуры и языка в казахстанском многонациональном государстве, горячо отстаивал общечеловеческие ценности ратовал за все казахское как литератор, как переводчик, честно и высоко служил трудно, сложно складывающемуся гражданскому обществу. Он держался официально «правильной» линии, был близок к властям, старался не дразнить гусей, осторожно приглядывался к новым, демократическим веяниям, имел немало оппонентов и среди «чужих», и среди «своих», мог резко высказывать откровенно консервативные, сомнительные максимы, убежденно ввязывался в спор, отстаивал свои политические и художнические принципы. Был он и внешне представителен, колоритен. Что-то аристократическое просматривалось в этом крестьянском сыне. Красивый человеческий экземпляр» Горжусь тем, что близко знавал его.

* * *

С чего начинается Родина? У каждого по-разному. У кого-то «с картинки в букваре», у кого-то с затерявшегося в степи чабанского стойбища, у кого-то «с хороших и верных товарищей», с березового колка на краю аула, с тальникового бережка тихой речки.

А у меня – с депортации в 1941 году с Волги в северный Казахстан. Мне было почти семь лет, и я уже кое-что понимал и чувствовал. Сладость чувства родины с горьким привкусом...

* * *

Время от времени некие люди пугают нас экономическим кризисом в Казахстане. Вот и лидер нации заявил (27.04.12) новом витке глобального экономического кризиса.

Меня это ввергает в скорбные раздумья.

Ну, не стыдно ли у нас, в Казахстане, в открытую говорить об этом? О каком же экономическом кризисе идет речь? Казахстан занимает по площади 9-ое место в мире. Богатство его – подземное

и наземное – не меряно. А население в общем-то – пшик! Всего 16 миллионов. То есть, на один квадратный километр приходится менее 6-ти человек. Такой показатель ни с одной страной сравнить невозможно. Так, о каком кризисе морочат нам голову? Позорно, что в независимой стране такого масштаба, как Казахстан, вообще могут быть какие-то экономические проблемы. Курам на смех! Кризис, вероятно, есть, но это кризис политический, духовный, в смысле кризис от бестолковости и даракианства, хвастовства и лжи, холуйства и беспредела.

Имейте же совесть, господа! И не страшите доверчивый, наивный люд неким кризисом. Хотите оправдать свой позор?! Тьфу! Кризис в голове правителей, а не в стране. Я так понимаю.

* * *

Подходит ко мне незнакомец, светлолицый, поджарый казах (как потом выяснилось, преподаватель вуза), и заговорил без обиняков:

– Гареке, в последнем номере «Времени» Ваших плетений нет. В чем дело? Вы пишете жестко. Вам что, заткнули рот?

– С какой стати? Просто кончилась «16-ая тетрадь».

– Подсказываю идею: нужен закон, по которому пенсия должна составить 20% от депутатской зарплаты.

Я задумался.

– Ладно. При случае озвучу Вашу идею.

* * *

Об этой книге стоит немного поговорить.

Название ее длинное – «10 причин, почему важно знать и говорить на казахском языке». Автор – не знакомый мне молодой человек **Шыңғыс Мұқан** (именно так, в казахской транскрипции – принципиально и убедительно – дано его имя). Книга вышла в издательстве «Мереке» (Алматы, 2012) тиражом 1000 экземпляров в объеме 32 печатных листов.

В данном названии сразу бросается в глаза небольшой изъян против русской грамматики: глаголы «знать» и «говорить» нужда-

ются в разном управлении. Знать что? Казахский язык. Говорить на чем? На казахском языке. Такая вот тонкость. Но не это суть важно. Это так, nebenbei, промежду прочим.

А пафос книги понятен и благороден. Автор горячо и убежденно ратует за знание государственного языка в независимом Казахстане и находит десять причин, почему это важно (кстати, почему десять, а не двадцать-тридцать?), и для аргументации своего искреннего убеждения мобилизует все свои немалые познания в истории, литературе, культуре, этнографии, общем языкознании, политике, журналистике, национальной ментальности. Все пошло в ход, все сферы и грани духовного бытия ради утверждения своей высокой миссии – пропаганды любви к родному речестрою и страстного желания во имя овладевания государственным языком всеми соотечественниками и согражданами. По молодости автор так щедро растрачивает свой завидный интеллект, что поневоле ловишь себя на мыли: о чем же будет писать мой коллега в будущем, не извел ли он все свои снаряды в первой же книге?

Конечно, автор иногда немного заносит, он без конца варьирует свою излюбленную мысль, настойчиво проводит свой штандпункт, бросает в огонь много словесного хворосту, повторяется и, случается, договаривается до банальностей, до очевидной истины о том, что казахский язык позарез важно знать всеми, кто связал свою судьбу со страной Казахией. Ну, кто с этим спорит? Я лично полностью поддерживаю автора и уже семьдесят лет (с сентября 1941 года, как очутился в казахстанском ауле) разделяю этот благородный пафос. (Должно быть, и меня, старого воробья, в этом вопросе нет-нет да и заносит, ибо «казахский вопрос» вошел в мою плоть и кровь).

Суть своей книги Шыңғыс Мұкан выразил так:

«Казахским языком нужно владеть не из-за того, что казахский язык является государственным и не из-за того, что это один из перспективных критериев государственной идентичности, а просто от неизбежной сущей необходимости. Только знание казахского языка может гарантировать интеграцию в казахское общество и

комфортные условия. Невозможно все время жить «полужизнью» или с чемоданным настроением, так как несмотря ни на что, позиция государственного языка год от года только будет укрепляться и укрепляться, для этого есть все предпосылки, попутный ветер сильнее, чем встречный. Жить полноценной жизнью, т.е. владеть государственным языком – привилегия не только казахскоязычных, а право всех граждан Казахстана независимо от национальности» (стр. 155)

Сказано емко и верно.

Этой стержневой мысли подчинены все десять глав объемной книги. «Будущее языка – это мое будущее», – утверждает автор. И убедительно раскрывает-подчеркивает этот тезис на каждой странице своего труда. «Я ничего не открыл нового», – внушает мне автор. Но это не так. Точнее, совсем не так. Я всю жизнь варюсь в казане этих насущных проблем, исписал кипы бумаг, извел уйму чернил, но открыл для себя в этой книге много интересных, любопытных фактов и сведений, свежих наблюдений, за что весьма благодарен молодому коллеге.

«Эту книгу я ограничил 10 причинами, которые, по моему мнению, должны стать основными мотивами для желающих открыть мир казахского языка», – заявил в предисловии автор.

«Мир казахского языка» – звучит объемно и лапидарно. (Ловлю себя на мысли: я бы так эту книгу и назвал).

Какие эти мотивы? И что за десять причин, которыми автор ограничил свой труд? Вот как он их сформулировал:

– Государственный язык нужен всем. Это самая пространная глава, и в ней затрагиваются такие грани неохватной проблемы: как справляется наш государственный язык с современными глобальными вызовами; народ Казахстана и казахский язык; народ и язык, причины незнания; народ и язык, что делать?; казахская нация);

– Конкурентоспособное образование начинается с языка;

– Чтобы не исчезнуть как этнос;

– Мы в долгу перед историей;

– Будущее – за казахским языком;
– Роль демографии в развитии государственного языка;
– За дружбу!
– Знаешь один язык – понимаешь другие;
– Чтобы вас правильно называли;
– Читать Абая в оригинале.

Согласитесь, горизонт авторского видения широк, каждая тема значительна, и автор рассуждает о них во всех находя монблан аргументов, приводя редкие примеры, выверенные факты, сравнительные таблицы, оперируя родственными языками.

В желании убедить читателя в необходимости и неизбежности активного знания казахского языка автор старается порой объять необъятное, охватить все сферы бытия, излагает подробно, основательно то, что мне, к примеру, давным-давно известно по разным источникам. Ощущение такое, что он вогнал тебя в угол, схватил за глотку и внушает избитые истины, против которых искушенный читатель ничего не имеет. Правда, я понимаю, что Шыңғыс эту книгу не для меня (и мне подобных) написал, а для русских и русскоязычных, для которых, к сожалению, очень многое terra inkognita. Он руководствуется целью открыть глаза благонамеренной, но неискушенной, сомневающейся, подозрительной публике. И тогда понятно, почему он так широко размахнулся и ломится в открытую дверь. Арсенал его аргументов богат и многообразен.

Очень по душе пришлась мне главка «Послесловие. Способы изучения языка». Это нечто конкретное и исключительно познавательное. Автор предлагает варианты, о которых я лично недостаточно задумывался. Дело в том, что моя судьба в овладении духом и языком казахов отнюдь не типична. В этом вопросе мне лично способствовал «отец народов» Иосиф Сталин. Он депортировал меня в семилетнем возрасте в «чисто» казахский аул на берегу Есиля, погрузил меня в сугубо казахскую стихию, и язык казахов таким образом вошел в мою плоть сызмальства. Кстати, такое погружение – идеальный способ познания языка. Но ныне вопрос стоит ведь иначе. И о том заинтересованно, с юношеским максимализмом размышляет мой молодой коллега.

Книгу свою Шыңғыс Мұқан заканчивает так: «Казахский язык стучит в дверь вашего дома. Пустите и примите его. Откройте сердца сегодня, прямо сейчас!

Приятного усвоения в вашем осознанном начинании.

Қазақ тілі әлеміне қош келдіңіз!»

Я охотно подписываюсь под этими словами. Они исходят также из сердца этнического немца.

А вообще-то я пишу не рецензию на книгу Шыңғыса, я ее читал несколько дней (я имею обыкновение читать пять-шесть книг одновременно на разных языках: это плодотворнее) с карандашом и пишу краткий, беглый отзыв о книге, которую считаю бесспорно интересной, полезной, умной и весьма актуальной. Хотел бы, чтобы ею искренне заинтересовался казахстанский многоязычный читатель.

* * *

Поаплодируем автору: он сотворил значительный труд – с убедительной концепцией, выверенной конкретикой, гражданским пафосом и четкой учебной направленностью.

Он написал свою книгу (пока первый том) для русскоязычных людей. Но она шире обозначенной автором цели. Назвал он ее немного по-ученому: **«Ситуативный казахский»**. Таким названием он явно сузил ее горизонт, сузив его до лингвистическо-методологической рамки. Я бы назвал этот труд: «Мир казахов», ибо казахский язык, казахский образный строй, мировоззрение и духоустройство раскрываются в историческом плане на фоне казахской языковой стихии и ментальности в адекватной передаче на русском языке.

Автор – Канат Тасибеков. Книга вышла в Алматы, в 2012 году в объеме более 16 печатных листов тиражом в 1000 экземпляров (По мне, у этой книги должно быть миллион читателей).

По сути эта книга – малая энциклопедия казахской ментальности. Автор свободно, я бы сказал, грациозно плавает в океане казахского речестроя. Генетическая память услужливо подсказывает

ему убедительные и красочные казахские выражения, пословицы и поговорки, которые он нередко блистательно, сохраняя смысл и форму, переводит на русский язык. Каждый, кто хочет знать казахов как народ с древнейшей языковой культурой, обязан знать эту книгу. Ее надобно читать медленно, с карандашом, с частыми урывками, делая для себя пометки, то и дело задумываясь, пробуя каждое народное, меткое, образное выражение на вкус, на зуб, вникая в его глубинный, сокровенный смысл.

Суть своего труда автор определил следующим образом: «Так какой же казахи народ, каков казахский характер, ментальность, что́ для казаха имеет особую ценность, чем отличается казахское отношение к окружающему миру от неказахского, какими нормами и правилами казахи руководствуются в повседневной жизни? Ну, вот, скажет благонамеренный читатель, начали с изучения языка, а кончили за упокой. Однако очевидно, что освоение языка, невозможно без познания культурных, ценностных ориентиров, а также гибкой ментальности носителей этого языка. И наоборот – ход рассуждений человека, принимаемые им мысленно выводы и озвученные решения детерминированы языком, на котором он эти решения обдумывает и уж затем озвучивает» (стр. 51-52).

Соответственно этой задаче и выстроена композиционно данная книга. Автор говорит не только о мощи и образности казахского языка, он раскрывает **мир** казахов, охватывая все грани его самобытной сущности. Все, о чем говорится в этой книге, мне хорошо знакомо с аульного детства. Но заслуга автора в том, что все эти безграничные явления и факты привел в строгую систему и проиллюстрировал богатейшим языковым материалом. Именно в этом – в убедительной конкретике – заключаются значимость и ценность книги. Я читал ее долго, задумываясь после каждой страницы, каждого абзаца, сопрягая прочитанное со своим личным – переводческим и писательским – опытом, мысленно подбирая русские и немецкие аналоги к сугубо казахским словесным конструкциям – устойчивым выражениям, фразеологизмам, пословицам и поговоркам. Сотни и тысячи примеры казахского речестроя, выра-

жающие суть национальной ментальности, активизируют мысль, расширяют этнические и этические представления.

В 14 главе книги в яркой, увлекательной форме (с иллюстрациями двух остроумных типажей) приводятся специфические факты истории, фольклорные понятия, особенности национального характера, своеобразия речевого поведения в разных жизненных ситуациях. В аннотации подчеркнуто, что «книга адресована, в первую очередь, русскоговорящим казахам, а также всей широкой русскоязычной аудитории казахстанских читателей, всем, кто хочет красиво и правильно говорить на казахском языке».

Какие грани казахского бытия охватывает автор? Начинает он издалека, с самих основ, с глубин – с ТЕКа, с происхождения. ТЕК для казахов – одно из ключевых нравственных понятий. Происхождение свое нужно знать, им следует гордиться, ибо «тексіздің тегі – құл» – «незнающий своей родословной – раб».

Непременно необходимо знать свои **жеті ата** – семь предков, ибо «тамырына қарай бұтағы, тегіне қарай ұрпағы» – «по корням и ветки, по предкам и детки».

Далее раскрываются **Ата тегі** – свой род, приводится схема родоплеменной структуры казахского народа (первоначальной союз «Алаш» – три жуза, их роды и тайпы). Из схемы следует, что к Старшему жузу относится 11 родов, в Среднем жузе – 6, а в Младшем – 3 тайпа, которые насчитывают 25 родов. Автор напоминает известную пословицу, характеризующую три жуза:

– выходцу из Старшего жуза дай бадью и отправь поить скот;

– выходцу из Среднего жуза дай перо и отправь на судебную тяжбу;

– выходцу из Младшего жуза дай копье и отправь на битву.

(По-казахски эти три сентенции эффектно рифмуются).

Специальная главка определена семье (**үй іші**) – основе бытия. Здесь речь идет о дедушке-бабушке (**ата-әже**), отце-матери (**әке-шеше**), супругах (**ерлі-зайыпты**), детях (**ұл-қыз**), о всевозможных родственниках, прямых и косвенных, ближних и дальних, по отцовской и материнской линиям, по жене, по мужу. О,

это целая наука, полная незыблемых ритуалов! И все эти понятия иллюстрируются не одной сотней поговорок и пословиц, которые преподносятся также в русском переводе. Мне, сильно оказахованному немцу, все это в большинстве своем известно, однако в этот бездонный и безмерный этно-лингвистический океан я погрузился с охотой. Подбор казахских пословиц к каждому из этих понятий просто поражает. Это, действительно, удивительный и красочный мир номадов. Автор напоминает: «Кроме трех ветвей родственных связей, есть еще и родственники родственников или дальние родственники: **туысқан**, **ілік**, **жамағайын**, **жекжат**; неродственные связи: **құрдас**, **тату дос**, **жора жолдас тамыр**, **таныс**, **ауылдас**, **жерлес**.

Ойдойт! Попробуй растолкуй все эти мудрости русским или европейцам. Как говорится, черт ногу сломит.

IV глава книги посвящена характеру (**мінез**) казахов. На фоне убедительно подобранных пословиц (их опять-таки сотни и сотни), автор подчеркивает такие грани казахского характера, как своенравный (**жылқы мінез**), добродушный (**аққөңіл**), гостеприимный (**қонақжай**), суеверный (**ырымшыл**), знающий (**білімді**), многосторонний (**сегіз қырлы**). Казах обязан быть, кроме всего прочего, уважительным, воспитанным, доброжелательным, бесхитростным, милосердным, приветливым, авторитетным, достойным, почтенным, честным, справедливым, чистым, патриотичным – и все это отражено в назидательных, предками заповеданных пословицах.

Наследие (**мұра**) – самостоятельная тема. Что остановили предки казахов в наследство? Автор отвечает:

– тіл – язык, на котором мы говорим;

– жер – землю, на которой мы живем;

– бірлік – единство и согласие всех людей, живущих на этой земле.

И эти постулаты щедро проиллюстрированы мудрыми пословицами и народными сентенциями.

В течении веков у казахов выработалось устойчивое мировоззрение. Оно четко и образно выражено в пословицах, в раздумьях степных философов и жырау-сказителей, в стихах поэтов. Автор книги «Ситуативный казахский» их обильно цитирует.

Какие грани национального мировоззрения рассматривает Канат Тасибеков? Вот они: фатализм (**жазған**), отношение к религии (**дін**), отношение к богатству (**мал**), отношение к власти (**билік**). Каждая из этих граней эффектно раскрыта в пословицах и кредо златоустых мудрецов. Примеров – сотни. Приведу здесь один:

Не имеющих доверия народа хан – сирота;

Имеющий неразумного хана народ – сирота;

Если неразумен аким – сирота;

Без друзей джигит – сирота;

Без учеников наставник – сирота.

Отдельная глава в книге посвящена казахскому этикету. О, это удивительный, познавательный мир! Речь всесторонне идет об обычаях и традициях народа. Каковы они? Автор описывает: сүйінші, қалжа, шілдехана, көрімдік, қырқынан шығару, тұсау кесер, сүндет тойы, соғым, ерулік беру, тоқым қағар, үйден дәм татқызу, үй көрсету, есік ашар, ат тергеу, құдайы, көңіл айту, ауыз ашар, ораза айт, құрбан айт, ішек беру, наурыз – привожу здесь сплошь казахские названия, ибо этих традиций и обычаев нет ни у русских, ни у немцев. Их приходится только словесно описывать и проиллюстрировать народными пословицам. Учтивость – одна из основ казахского этикета. И о том говориться в книге обстоятельно.

В отдельных главах рассмотрены такие стороны национального бытования, как женитьба (сватовство, проводы невесты, свадьба, визиты сватов), похороны (оповещение, подготовка к похоронам, отпевание, захоронение, поминки), пожелания (благословение, пожелание), пословицы (прямые, смысловые, переводные).

Мне, переводчику казахской прозы, особенно заинтересовали примеры из раздела «Фразеологизмы». Казахские фразеологизмы – поразительное богатство и один из камней преткновения для переводчика. Я об этом много говорил и писал в своих перевод-

ческих книгах-исследованиях. Конечно, почти ко всем казахским фразеологизмам можно подобрать аналоги, видно, в любом языке, но это довольно сложно, Любопытно такое наблюдение автора: «... идет сближение фразеологии, вернее, идет процесс приближения казахской фразеологии к русской и уже некоторые из переводных фразеологизмов можно с полной убедительностью отнести к казахским».

Автор разделил фразеологизмы на три группы: прямые, смысловые и предлагаемые им казахские аналоги устойчивых выражений русского языка.

Вот фразеологизмы прямые:

алыпкел, шауып кел – подай-принеси;

аза бойы қаза болу – помертветь от страха;

аузын ашса жүрегі көрінеді – душа нараспашку;

бірі ұрымға, бірі қырымға – кто в лес, кто по дрова;

мизам шуақ – бабье лето.

Примеры смысловых фразеологизмов:

– арамдық адамның ажарын бұзады – дословно: подлость человека портит его лицо. Русский аналог: Бог шельму метит.

– Екі иғына екі кісі мінгендей – дословно: как будто на каждом плече по человеку сидит. Русский аналог: косая сажень в плечах.

– мың оңның бір солы – букв.: из тысячи правых один левый. Русский аналог: исключение из правил.

А вот русские фразы и их казахские эквиваленты:

– Гол как сокол – тақыр кедей.

– Держись подальше – пәлеге жолама.

– Не ищи приключений – сау басыңа сақина тілеме.

– Ну, это ты чересчур – қатты кеттің ғой.

– Что с дурака возьмешь – құдай ұрғанға не амал.

В книге по главе отведено наиболее распространенным казахским именам, их этимологии и поговоркам о родах. Они тоже способствуют глубокому погружению в казахский языковой мир.

Словом, Канат Тасибеков написал весьма полезную и интересную книгу для тех, кому небезразлично казахское мировидение и

мироощущение. Проштудировав эту книгу, обогатишься знанием, облагородишь душу, просветлишь ум.

Рекомендую всем! А сам с нетерпением жду второй том этого труда, над которым в настоящее время работает автор.

* * *

Подхалимство, лесть, приспособленчество, котлячество в нашем обществе за период независимости расцвели пышным цветом. Серьезные, казалось бы, азаматы, иногда отнюдь не бесталанные, извиваются перед власть имущими и денежными мешками, как дождевые черви. Смотреть на это тошно. Господи, чего им не хватает?! Какая нужда заставляет их так раболепствовать? В своем презрении к этим типам я однажды употребил грубое слово «жополизы». Конечно, не совсем корректно. И я решил отныне назвать их учтиво, на казахский лад почтительно. Джопеке! Ай, ай, Джопеке, удачи тебе и благополучия!

* * *

Он участник Великой отечественной войны. Был крупным партийным и советским работником. По базовому образованию историк. Возраст ныне – без малого 90. Бодр, энергичен, хотя видит и слышит плохо. Ежедневно ходит пешком по 4-5 часов. Знакомых – тьма. Память лошадиная: все помнит. Говорит, как златоуст – заслушаешься. Написал несколько книг.

Так вот, к нему во время пеших прогулок по парку панфиловцев и по алее Чокана то и дело подходят отовсюду, учтиво здороваться, расспрашивают амандык-саулык, желают долгих лет жизни.

– Доживите, Саке, до возраста Джамбула.

– До ста лет – минимум.

– Бог даст и столетие перешагните.

Он всерьез отвечает:

– Е-е, нет! Не надо. Толк-то какой? Кому какая польза оттого, что проживу еще пяток лет? Я теперь динозавр. Музейный экспонат. Глаза не видят, уши не слышат. Ну, и к чему небо коптить?

Заберет меня смертушка сегодня – и не пикну, пальцем не пошевелю. Я готов. Ал, сендер аман болыңыздар...

И говорит он это так серьезно, так убедительно, что мы, его 77-80-85-летние компаньоны по прогулкам, переглянувшись, помалкиваем, не смея возразить банальностями. Мощный старец! Здраво рассуждает.

* * *

Ощущение такое, что вот-вот обрушится беда. Но потом я себя успокаиваю: нечего беспокоиться – «низы» пока терпят.

* * *

Сколько же в фольклоре разных дразнилок на национальной основе! Какие-то, конечно, злобные, какие-то – ради красного словца, безобидные, для шутки.

У знакомой татарки муж – хохол. Чтобы уязвить жену, он говорит: «Не нужна овчарка, коли жена татарка». Жена за словом в карман не лезет. Отвечает сходу: «Не надо и козла, коль вышла за хохла».

Обо от души похохотали. Счет ничейный: один – один.

* * *

Зная, что с 4-х до 5-ти часов дня я, как правило, прогуливаюсь по аллее у памятника Чокану, меня там поджидают-подстерегают разные собеседники, журналисты, издатели, писатели, читатели и просто праздный люд. Я выхожу на прогулку, как на работу.

Сегодня (10.05.12) подошел ко мне пожилой мужчина, судя по облику изрядно потрепанный, измочаленный жизнью. Представился. Пожаловался на бесчисленные недуги. Выяснилось, что читает постоянно мое «Плетение чепухи». Поведал свою судьбу.

Предки из астраханских казахов. О них он знает только по воспоминаниям близких. Отца раскулачили. И десять казахских семей из одного аула были высланы в Россию на Север. Сам он (мой собеседник) родился в Салихарде. Горестей и бед изведал с лихвой.

Все раскулаченные казахи были лояльны к советской власти. Работали молча, не щадя живота. Не роптали. Потом мужчин забрали на фронт. Большинство не вернулось. В документах казахские имена искажались до неузнаваемости, записаны на русский лад. Так мой собеседник стал Анатолием Ишановичем.

Одна обида гложет его всю жизнь. То, что о раскулаченных пишут мало, а если пишут о кулаках, то только негативно, мол, живодер, шкурник, крохобор, злой, кровопивец, хапуга, рвач и все в этом роде. Но это не так, совсем не так, уверяет Толя-казах, те кулаки, высланные из казахского аула, были трудолюбивыми, порядочными, глубоко моральными, безобидными людьми. И в чем заключалось их богатство? Пять-десять овец, пять-шесть лошадей, пара дойных верблюдиц, шесть-семь коров. Все! А кто раскулачивал? Свои же аулчане, сородичи, лоботрясы, лодыри, крикуны из комитета бедноты. Им, чтобы не подыхали с голоду, выделяли ежегодно пять-шесть овец, лошадку или коровку, а они, вскорости слопав все, преследовали «мироедов». Когда, многие годы спустя, некогда раскулаченные вернулись на родину, они застали тех же бедняков еще более нищими – злобными и завистливыми. И «оралманы», как ни в чем не бывало, привечали своих обидчиков-гонителей, усаживали за дастархан, угощали, верные завету предков: «таспен атқанды аспен ат».

Да-а... е-е, Аллах, разве они были кулаками? Настоящие кулаки-живоглоты, обжоры-каскыри пошли теперь. Косяками! Вот кого надо бы раскулачивать и отправить в Сибирь, туда, где на собаках ездят.

Так изливал свою печаль казах Анатолий Ишанович Айгараев. Несправедливо получилось. Надо бы сказать правду перед детьми, перед внуками-правнуками, перед потомками невинно раскулаченных, чьи судьбы были безжалостно растоптаны.

– Вы не напишите об этом? – робко вопрошает мой собеседник. – Я читаю вас, ваши мысли мне созвучны. Если не вы, то найдите человека, который внятно изложил бы мои воспоминания. Сам я не напишу. И способностей нет, и зрение катастрофически ухуд-

шается, и память с каждым годом слабеет. А? Что скажете? Что посоветуете? Меня всю жизнь коробит от одного слова «кулак», «кулачье отродье».

Я задумался. Он прав, подбитый казах по имени Толя. И мало ли таких неприкаянных казахов на белом свете?

* * *

Вообще-то, думая на склоне лет о неминуемой кончине, здравый, нравственный человек обязан размышлять об уходе чисто, светло, честно, открыто признав все грехи, раскаявшись в слабостях-пендешілік, в причиненных кому-то обидах. То есть, уходить желательно, максимально очистив душу, не утаив никаких житейских пакостей.

Так ушел Лев Толстой.

Так ушел, сказывают, Бауржан Момышулы.

А я вспоминаю близких аксакалов-коллег. Знаю одного, который всю жизнь плел интриги, стравливал людей, жил мелко, гадко, мерзостей наделал уйму, что-то все хапал, изворачивался, занимался рэкэтом, судился по всякому поводу, испоганил жизнь и честь семьи и все никак не угомонится. Не боится ни Бога, ни Судного дня. Даже сходя в могилу, наверняка проведет какую-нибудь торгашескую акцию в шкурных интересах.

Нет, что ни говори, это ужасно!..

* * *

Узнал из «ЛГ»: в 2012 году звание Всемирной книжной столицы принадлежит Еревану. А Вильнюс намерен получить статус книжной столицы в 2014 году. Мэрия уже направила заявку в ЮНЕСКО.

И я подумал: апырай, почему наша амбициозная Астана заявки не подает? Она ведь проводит столько саммитов и форумов. Или она не книжная столица? Что за упущение? Как это они вдруг отстала от такой престижной акции?

Не порядок, братцы! Надо что-то предпринять. Чем это мы не книжная столица?!

СОДЕРЖАНИЕ

Ермек Турсунов. Предисловие 5

Тетрадь тринадцатая 13

Тетрадь четырнадцатая 85

Тетрадь пятнадцатая 145

Тетрадь шестнадцатая 221

Тетрадь семнадцатая 297

Герольд Бельгер

Плетенье чепухи

ТОМ
1

Выражаем благодарность
Есенгали Канатбаевичу Байменову

Координатор проекта
Канат Торебай

Тех. редактор
Саят Акылов

Корректор
Жазира Нургожина

ISBN 978-601-06-4566-0

9 786010 645660

ИП «Спанова А.Б.»

Подписано в печать 18.09.2017 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 23,0. Тираж 5000 экз.
Заказ № 2891.

Отпечатано с файлов заказчика
в ТОО «Полиграфкомбинат»
Республики Казахстан,
050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.